Не
жалея
жизни

Не жалея жизни

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН»
АЛМА—АТА · 1977

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Не жалея жизни. Алма-Ата, «Казахстан», 1977.
Н 38 268 с.
На обороте тит. л.— сост.: **Н. И. Милованов.**

Сборник «Не жалея жизни» посвящен чекистам-казахстанцам, надежно обеспечивающим государственную безопасность страны. В книге публикуется краткий очерк истории создания и деятельности органов ЧК — КГБ Казахстана. Другие произведения сборника, основанные также на обширных документальных материалах, повествуют об операциях чекистов против внешних и внутренних врагов Советского государства.

9 Каз 2

Под общей редакцией генерал-майора А. ТЛЕУЛИЕВА

Составитель — подполковник Н. И. МИЛОВАНОВ

Специальный редактор — подполковник А. С. ИВАНОВ

Н $\frac{10604—217}{401(07)—77}$ 245—77

© Издательство «Казахстан», 1977.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Сборник посвящается предстоящему шестидесятилетию органов ВЧК — КГБ. Открывается историческим очерком о деятельности органов государственной безопасности республики за минувшие шестьдесят лет. Ярко и убедительно показывается партийное руководство работой органов госбезопасности. Затем следуют событийные очерки о чекистских операциях по своевременному разоблачению и пресечению подрывной деятельности виутренней контрреволюции, шпионажа и других враждебных Советскому государству происков разведок капиталистических государств.

Даются докумеитальные фотографии. Киига художественио оформлена, адресуется массовому читателю.

В очерках сохранены почти все имеиа и фамилии чекистов и других действующих лиц.

Коллектив авторов выражает благодарность работиикам Института истории партии при ЦК Компартии Казахстана, Государственного архива Казахской ССР и Комитета государственной безопасности при Совете Министров Казахской ССР, оказавшим помощь в розыске, сборе и проверке докумеитальных материалов.

А. ТЛЕУЛИЕВ

ОТВЕТНЫЙ УДАР

(Краткий очерк истории ЧК — КГБ Казахстана)

...История ВЧК—ГПУ — это концентрированная история всей нашей революции. Все, что было высокого, победного, крепкого в нашей революции, все это было в наших ЧК и ГПУ...

С. М. КИРОВ

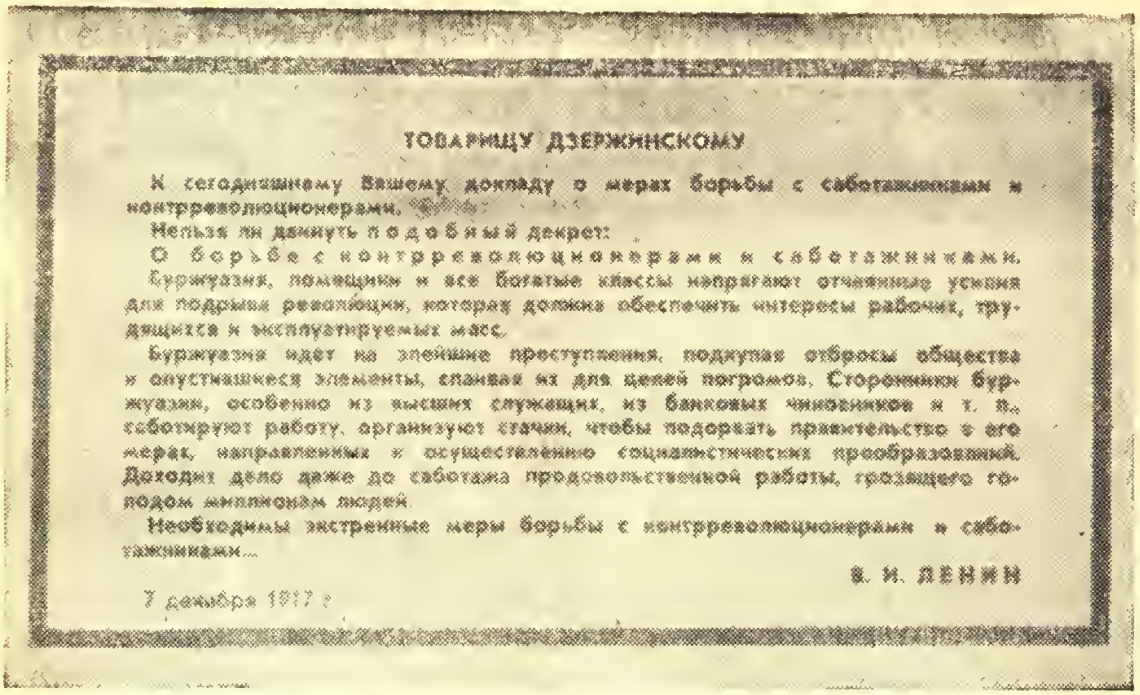
Великая Октябрьская социалистическая революция в России открыла новую эпоху всемирной истории — эпоху перехода от капитализма к социализму. Победа Октября явилась главным событием XX века, коренным образом изменившим ход развития человечества.

Революционный переход от капитализма к социализму в России был осуществлен в острейшей борьбе с остатками свергнутых эксплуататорских классов, с капиталистическими элементами города и деревни, мелкобуржуазными течениями — эсерами, меньшевиками, анархистами, буржуазными националистами, а также с оппортунистами внутри Коммунистической партии Советского Союза — троцкистами и прочими антиленинскими группами, пытавшимися столкнуть советский народ с правильного ленинского пути.

«Ожесточенному вооруженному, политическому и идеологическому сопротивлению реакции, дезорганизации экономики и контрреволюционному саботажу, кровавому буржуазному террору рабочий класс противопоставил высочайшую организованность и сознательную дисциплину, сплоченность вокруг Коммунистической партии, революционную бдительность. Весь ход борьбы с внутренней контрреволюцией и иностранными интервентами показал, что революция может закрепить свою победу только в том случае, если она умеет защищаться»[1].

В первые же дни после свержения Октябрьским вооруженным восстанием Временного правительства силы контрреволюции стали предприни-

[1] «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года». М., Политиздат, 1977, стр. 5.



ТОВАРИЩУ ДЗЕРЖИНСКОМУ

К сегодняшнему Вашему докладу о мерах борьбы с саботажниками и контрреволюционерами.

Нельзя ли издать подобный декрет:

О борьбе с контрреволюционерами и саботажниками.

Буржуазия, помещики и все богатые классы направляют отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс.

Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов. Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковых чиновников и т. п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований. Доходит дело даже до саботажа продовольственной работы, грозящего голодом миллионам людей.

Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками.

В. И. ЛЕНИН

7 декабря 1917 г.

Фотокопия письма В. И. Ленина Ф. Э. Дзержинскому
от 7. XII. 1917 г.

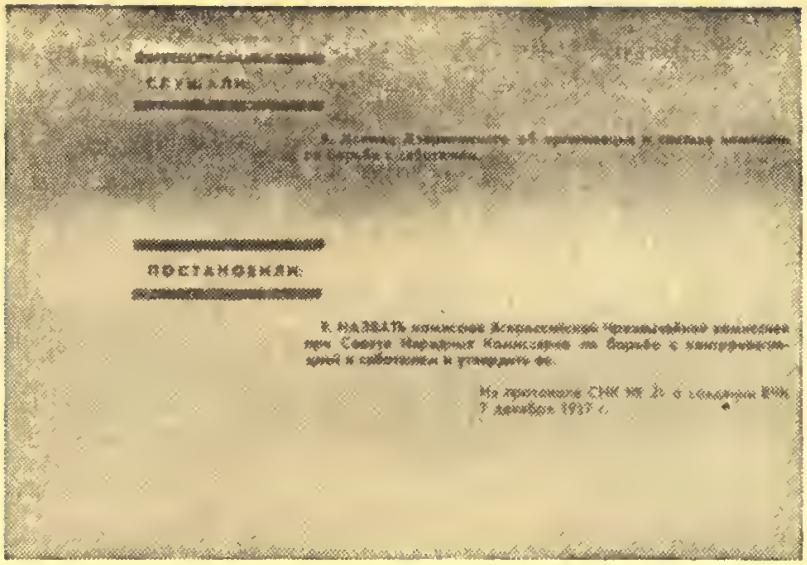
мать отчаянные попытки сокрушить Советскую власть и восстановить свое былое господство. С этой целью они организовали поход контрреволюционных войск во главе с Керенским и Красновым на Петроград, где к этому времени кадетско-эсеровский «Комитет спасения Родины и революции» поднял мятеж юнкеров. Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, под непосредственным руководством В. И. Ленина, решительными действиями в один день — 29 октября подавил это выступление, а 31 октября было покончено и с походом Керенского — Краснова.

Потерпев поражение в первых схватках с революционной властью, эксплуататорские классы не смирились с этим. Вдохновляемые и субсидируемые империалистами Европы и Америки, они перенесли борьбу в основном на окраины России. На Дону был поднят мятеж генералом Калединым, на Украине выступила буржуазно-националистическая Центральная рада, в Белоруссии был организован мятеж польского корпуса, возглавлявшегося генералом Довбур-Мусницким, в оренбургских и казахских степях вооруженную борьбу начал агент английского империализма атаман Дутов, в Средней Азии гражданскую войну разжигали американская и английская разведки и их агентура.

Размах и острота классовой борьбы обусловили необходимость немедленного создания в стране специальных, оперативно и согласованно действующих боевых органов диктатуры пролетариата.

7 (20) декабря 1917 года по инициативе В. И. Ленина постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР была образована Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем[1].

[1] См.: «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917—1921 гг. Сборник документов». М., Госполитиздат, 1958, стр. 84.



Фотокопия выдержки из протокола СНК от 7. XII. 1917 г.

«Когда речь зашла о руководителе ВЧК, Ленин сказал: «Здесь нужен хороший пролетарский якобинец». На этот пост передовой линии борьбы с контрреволюцией партия выдвинула члена ЦК РСДРП(б) Дзержинского, стойкого ленинца, кристально чистого большевика, за бесстрашие и беззаветную преданность делу рабочего класса названного товарищами по партии «рыцарем революции»... В распоряжение комиссии был направлен... отряд из 300 красногвардейцев. Он положил начало войскам ВЧК»[1].

Решение об организации ВЧК, а также ее адрес и часы приема были объявлены в прессе для сведения всех трудящихся, активную помощь которых партия считала источником силы советского карательного органа. Имело огромное доверие и постоянная поддержка рабочих и крестьян новой России сделали ВЧК прочной защитой Страны Советов.

Этот шаг был продиктован лишь необходимостью защиты завоеваний пролетариата.

«После революции 25 октября (7 ноября) 1917 года,— писал В. И. Ленин в статье «Ответ на вопросы американского журналиста»,— мы не закрыли даже буржуазных газет и о терроре не было и речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова. Лишь после того, как эксплуататоры, т. е. капиталисты, стали развертывать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора»[2].

В ответ на злодейское покушение эсеров на жизнь В. И. Ленина, его тяжелое ранение, а также на убийство видных большевиков В. Володарского и председателя Петроградской ЧК М. Урицкого трудящиеся массы еще теснее сплотились вокруг ленинской партии, усилили бдительность, подняли организованность.

«2 сентября 1918 года Советская республика была объявлена единым военным лагерем. В ответ на террор контрреволюции Советская власть ввела красный террор. Расстрелу подлежали лица, принадлежавшие к бе-

---

[1] «История Коммунистической партии Советского Союза». В шести томах, т. 3, книга первая. М., Политиздат, 1967, стр. 453—454.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 113—114.

Первый руководитель ВЧК, стойкий ленинец
Феликс Эдмундович Дзержинский.

Коллегия ВЧК (1919 год). Слева направо: Уралов, Дзержинский, Волобуев (на переднем плане), Васильев-Южин, Савинов, Ксенофонтов, Мороз.

логвардейским организациям, участники заговоров и мятежей. В эти дни ВЧК, руководимая Ф. Э. Дзержинским, наиесла ряд сокрушительных ударов по агеитуре имепериалистов. Был, в частиости, ликвидироваи заговор Локкарта»[1].

Очевидно, что бороться с контрреволюцией по всей стране ВЧК могла только при широкой поддержке трудящихся и при наличии местиых органов. И поэтому уже 15 (28) декабря 1917 года она обратилась через газету «Известия ВЦИК» со статьей «Ко всем Советам на местах» с призывом немедленно приступить к организации у себя таких же чрезвычайных комиссий. «Общими, объединенными усилиямн,— говорилось в призыве,— скорее и легче будет сломнть сопротивление врагов революцни».

18 марта 1918 года ВЧК приняла постановленне о создании местных чрезвычайных комиссий. Одновременно специальным письмом к местным Советам рабочих, крестьянских и солдатскнх депутатов коллегия ВЧК предложила, наряду с организацией чрезвычайных комиссий, формировать при них вооруженные отряды[2].

Между тем обстановка в стране продолжала обостряться. Усилилась угроза военной интервенцин нмпериалистов стран Антанты, разгоралось пламя гражданской войны на окраинах Россин. Кулаки использовали острый продовольственный кризис для безудержной спекуляции, саботировали сдачу хлеба государству, пытаясь поставнть на колени рабочнх города и бедноту деревни.

Своевременной организации органов ЧК в Казахстане помешали вооруженные выступлення контрреволюционной части русской буржуазии и казахских буржуазных нацноналистов. Мятеж казачьего войска на Южном Урале, во главе которого стоял ярый монархист Дутов, начался сразу же после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. В ноябре 1917 года в городе Верном (Алма-Ата) буржуазные элементы Семиреченского казачьего войска подняли контрреволюционный мятеж н образовали областное «войсковое правнтельство», проводнвшее жестокий террор против большевиков. В июле 1917 года казахские буржуазные националисты объеднились в партию Алаш, а в декабре образовали правительство Алаш-Орды н приняли решение о создании своих вооруженных сил — так называемой «народной мнлиции»[3].

Весной 1918 года эсеры, меньшевнки, духовенство и буржуазные нацноналнсты, связанные с англнйской разведкой, эмнссары которой проннкли на территорию Сырдарьинской области через Хиву и Коканд, подняли кулацкий мятеж в селе Дмитриевском[4].

Во второй половине марта 1918 года контрреволюцня в Кустанае пыталась поднять антисоветский мятеж, а в Уральске совершила переворот. В ночь со 2 на 3 марта 1918 года в г. Верном рабочне, солдаты-фронтовнки, русская и казахская беднота под руководством большевиков свергли «войсковое правительство», разоружили юнкеров и алаш-ордынскую милицию. Однако офицерско-кулацкая верхушка в союзе с белоказачеством и буржуазными иацноиалистами, возглавляемыми местным отделением Алаш-Орды, подняли мятеж против новой, рабочей власти. Мятеж был подавлен отрядами Красной гвардии и регулярными войсками

[1] «История Коммунистнческой партии Советского Союза», изд. 5-е, доп. М., Полнтиздат, 1977, стр. 262—263.

[2] «История органов войск государственной безопасности СССР». Часть первая. М., 1958, стр. 131.

[3] «История Казахской ССР. Эпоха социализма». Алма-Ата, «Наука», 1967, стр. 28.

[4] См.: *С. Кенжебаев.* Коммунистическая партия — организатор установления и упрочення Советской власти в Казахстане. Алма-Ата, Казгосиздат, 1957, стр. 39.

Красной Армии. Но затем вспыхнули очаги контрреволюции в Семипалатинской и Акмолинской областях.

В марте — апреле 1918 года на заборах и домах в Семипалатинске появились листовки, призывавшие к свержению Советской власти. Одновременно объявились различные группы, называвшиеся «черной точкой», «черной сотней», «союзом 505» и т. д. На базарах, в театрах и других местах скопления людей то и дело выступали самозваные черносотенные ораторы. В середине мая группой контрреволюционеров было брошено несколько бомб на базарную площадь и из Казачьей станицы открыт огонь из винтовок. Благодаря стойкости и оперативным действиям большевиков мятеж был подавлен. Затем вспыхнули контрреволюционные мятежи в Павлодаре, Усть-Каменогорске. Второго июня 1918 года контрреволюция свергла Советскую власть в Кокчетаве, а 10 июня с помощью интервентов захватила Петропавловск, где были расстреляны 22 коммуниста, в их числе руководитель Петропавловского совдепа большевик И. Дубынин.

В декабре 1918 года левые эсеры подняли мятеж в селе Беловодском (Семиречье), но он был подавлен[1].

Повсюду инициаторами и организаторами борьбы с контрреволюционными вылазками были коммунистические организации. Хотя они еще не были объединены в единую республиканскую партийную организацию, но, выполняя решения ЦК РКП(б) и Советского правительства, совместно с Советами сумели поднять широкие массы трудящихся на вооруженную борьбу против внешних и внутренних врагов Советской власти в Казахстане. Благодаря активной революционной деятельности этих парторганизаций, Советов и созданных при них судебно-следственных комиссий, особо следственных комиссий и действовавших при некоторых Советах следственных органов под другими названиями (например, отделы борьбы с контрреволюцией, особые отделы при военно-революционных комитетах и т. д.), враги были разгромлены.

Руководствуясь программой социалистических преобразований в России, изложенной в гениальных работах В. И. Ленина «Государство и революция», «Очередные задачи Советской власти» и других, большевики-казахстанцы развернули борьбу за упрочение социалистического уклада в народном хозяйстве. Укреплялось руководство национализированными предприятиями, принимались меры против саботажа старых чиновников, делалось многое другое по налаживанию производства, всенародного учета и контроля, распределения продуктов, что в условиях голода имело очень важное значение. Например, Успенский, Риддерский и другие рудники уже в первой половине 1918 года увеличили добычу промышленной продукции. Была налажена работа предприятий кожевенных и других заводов, суконно-ткацких фабрик, предприятий кустарной промышленности в Семиречье, Северном и Восточном Казахстане, продукцией которых снабжались вооруженные силы, население.

Огромное мобилизующее значение имела ленинская «Декларация прав народов России» (ноябрь 1917 года), в которой излагались основные принципы национальной политики Советской власти. В Декларации провозглашались равенство и суверенность всех народов страны, их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена всяческих национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

---

[1] См.: *П. М. Пахмурный, Н. Митропольская.* Александр Шавров. Алма-Ата, «Казахстан», 1966, стр. 96.

Советское правительство объявило свободными и неприкосновенными национальные и культурные учреждения, обычаи и верования мусульман. Все это законодательно было закреплено в первой Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, разработанной под руководством и с непосредственным участием В. И. Ленина, и отвечало вековым чаяниям и кровным интересам коренного населения национальных окраин, в том числе трудящихся обширного казахского края, и сплачивало их вокруг Советов.

Однако внешние и внутренние враги Советского государства вынудили прервать начавшееся мирное социалистическое строительство и развязали гражданскую войну. Республика оказалась в очень тяжелом положении. Интервенты и белогвардейцы заняли огромную часть края, установили в захваченных районах жестокий террор.

К исходу июня 1918 года весь Северный, Восточный, большая часть Центрального Казахстана и северное Семиречье были захвачены интервентами и белогвардейцами.

Все силы Советского государства партия мобилизовала на разгром иностранной интервенции и внутренней контрреволюции.

В этих условиях форсированное создание чрезвычайных комиссий имело исключительное значение, и ВЧК неоднократно обращалась к местным Советам за помощью. Большую организационную роль в создании периферийных ЧК сыграла Первая Всероссийская конференция работников чрезвычайных комиссий, состоявшаяся 11—14 июня 1918 года в Москве. На ней было внесено предложение о создании органов ЧК на железнодорожном транспорте, а также пограничных войск, о формировании корпуса войск ВЧК, необходимых для подавления вооруженных выступлений контрреволюции.

В августе 1918 года ВЧК издала Положение о чрезвычайных комиссиях на местах, определившее местные ЧК как органы Советов, отчитывающиеся перед ними в своей деятельности, подчиненные ВЧК[1]. Руководство работой местных ЧК осуществлял иногородний отдел ВЧК через организованную при нем инструкторскую часть.

Территория Казахстана к этому времени оставалась разобщенной. Часть ее по-прежнему называлась Степным краем и управлялась из Челябинска, Омска, Новосибирска, Оренбурга, Уральска, Семипалатинска, а вторая часть — Семиречье, юг Казахстана — относилась к Туркестанскому краю. По этой причине в 1918 году органы ЧК были образованы только в четырех губерниях: в апреле — в Кустанайской (под председательством И. Т. Эльбе)[2], в мае — в Семипалатинской (во главе с Феттером и Федоровым), Уральской с центром в городе Покровске — ближайшем тылу Уральского фронта[3]. В июне отдел по борьбе с контрреволюцией при Оренбургском военно-революционном комитете был реорганизован в Оренбургскую губЧК под председательством И. Ф. Лобова (затем ее возглавил П. Р. Бояршинов).

В 1919 году были организованы: губернские ЧК в январе — Семиреченская (председатель Д. А. Григорьев)[4], в марте — Тургайская (предсе-

---

[1] «Образование и деятельность местных чрезвычайных комиссий. Сборник документов». М., РИО ВШ, 1961, стр. 79—84.

[2] «Борьба за власть Советов в кустанайских степях». Кустанай, 1959, стр. 36.

[3] *А. С. Велидов.* Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК. М., 1967, стр. 9.

[4] ЦГА КазССР, ф. 772, оп. 1, д. 2, л. 18.

Семен Митрофанович Штыб (1894—1922 гг.) — член партии с 1913 г. До 1917 г. работал в подпольных организациях партии, подвергался репрессиям в Таганроге и Ростове в 1915 г. С 1917 г. красногвардеец, красноармеец, с 1918 г. председатель Уральской губЧК, член Уральского областного комитета партии, делегат VII съезда Советов и 8-й Всероссийской конференции РКП(б).

Абдрахман Айтиевич Айтиев (1886—1936 гг.), член партии с 1918 г., активно боролся за установление Советской власти в Казахстане, с 1918 г. заместитель председателя Уральского облисполкома, в 1919 г. член национальной коллегии Уральского облревкома.
С 1920 г. член Казахского военно-революционного комитета и облбюро РКП(б). С октября 1920 г. председатель КирЦИК при Сибревкоме, с апреля 1921 г. председатель Акмолинского губревкома, в 1921—1925 гг. нарком внутренних дел Казахской АССР.

датель Качковский)[1], 22 августа была организована Актюбинская губЧК[2]. 1 ноября была создана Петропавловская ЧК под председательством П. Я. Путруха. В связи с оккупацией колчаковцами Омска она временно выполняла функции и губернской ЧК до освобождения Омска и образования там в ноябре 1919 года Сибирской ЧК. В ноябре была организована и Кокчетавская ЧК, со временем реорганизованная в губЧК[3].

19 марта 1920 года решением пленума Революционного Комитета по управлению Киргизским (Казахским) краем была создана краевая Киргизская (Казахская) ЧК. Пленум обязал товарища С. М. Штыба (он в то время был председателем Уральской ЧК) совместно с членом ревкома А. Айтиевым приступить к организации краевой ЧК.

---

[1] ЦГА КазССР, ф. 19, оп. 1, д. 14, л. 8 и д. 15, л. 12.

[2] Госархив Актюбинской обл., ф. 3, оп. 4, д. 2, л. 55.

[3] *А. С. Елагин.* Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны. 1918—1920 гг. Алма-Ата, «Наука», 1966, стр. 99.

Советская власть открыла перед трудящимися Средней Азии, Казахстана, Кавказа и других национальных окраин путь к созданию советской национальной государственности.

26 августа 1920 года В. И. Лениным и М. И. Калининым был подписан Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании Автономной Киргизской (Казахской) Социалистической Советской Республики» как части РСФСР, в составе Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской, Уральской областей и частей уездов территории Закаспийской области, а также Астраханской губернии, населенных казахами.

В сентябре 1920 года согласно постановлению ВЦИК Оренбург стал первой столицей республики.

В соответствии с циркуляром ВЦИК и ЦК РКП(б) от 17 марта 1921 года при губЧК были созданы госинформтройки, в состав которых входили начальники информации и представители губкомов партии и губисполкомов. Их важнейшей задачей являлось информирование центра о настроениях во всех группах населения, в Красной Армии и Военно-Морском Флоте, об активных проявлениях контрреволюции, ее партиях и группировках, о степени проведения местными органами политики Советского государства.

Образование уездных ЧК на территории Казахстана развернулось лишь в 1919 году. В первой половине января создана Токмакская[1], в мае — Темирская[2], в июне — в большинстве городов и уездов Сырдарьинской области, к началу сентября действовали Гавриловская, Пржевальская[3] и с 3 сентября Джаркентская (первым председателем ее был С. Н. Жмутский)[4], октябре — Орская и Кустанайская[5]. В Оренбургской губернии образование уездных ЧК было завершено в 1920 году.

Часть местных ЧК в мелких городах и там, где оперативная обстановка не требовала этого, на основании постановления ВЦИК от 24 января 1919 года была ликвидирована. Ответственность за поддержание порядка в таких уездах и городах была возложена на губЧК, которые оперативное обслуживание вели через командируемых уполномоченных.

В уездах со сложной оперативной обстановкой УЧК были сохранены.

Одиннадцатого января 1920 года по решению коллегии ВЧК чекистская работа в уездах была возложена на начальников милиции, а 16 января этого же года президиум ВЧК принял решение о создании при уездных органах милиции политотделов, получивших затем название политбюро. Они создавались специальными комиссиями, состоявшими из членов губкомов партии, представителей губисполкомов, председателей губЧК и начальников уездных органов милиции.

Руководство работой политбюро возлагалось на начальника милиции, которым, согласно указанию В. И. Ленина, мог быть только коммунист с партстажем не менее двух лет[6], т. е. с подпольным.

Практически создание политбюро началось с весны 1920 года. Например, политбюро Петропавловской милиции было образовано в июне 1920 года, начальником милиции был назначен бывший председатель

---

[1] Алма-Атинский партархив, ф. 666, оп. 1, д. 10, л. 3.

[2] Госархив Актюбинской обл., ф. 329, оп. 1, д. 1, л. 14.

[3] *Р. Арипов, Н. Мильштейн.* Из истории органов госбезопасности Узбекистана. Ташкент, 1967, стр. 34—35.

[4] Панфиловский филиал Талды-Курганского облгосархива, ф. 12, оп. 4, д. 64, 65, л. 6.

[5] Оренбургский партархив, ф. 1, оп. 1, д. 10, л. 8; «Борьба за власть Советов в кустанайских степях», стр. 149.

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 535.

Омской губЧК И. В. Ельпединский, член партии с 1911 года. Атбасарское политбюро, образованное в июле 1920 года, возглавил бывший уполномоченный Омской губЧК В. В. Бокша. Джаркентская уездная ЧК преобразована в политбюро 17 марта 1920 года и Актюбинская — в августе 1921 года.

Процесс образования политбюро, которых было создано 24, по числу уездов, закончился в 1922 году.

23 апреля 1921 года Президиум ЦИК республики утвердил Положение о ЧК Киргизской (Казахской) АССР и ее коллегию в составе товарищей Мороза, И. Бабикова и С. Арганчеева.

В положении указывалось, что Киргизская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности подчиняется во всех отношениях ВЧК. В район ее деятельности входит вся территория КАССР, и ей подчинены Оренбургская, Актюбинская, Кустанайская, Уральская, Букеевская, Семипалатинская и Акмолинская ЧК.

Во главе Киргизской Чрезвычайной Комиссии стоит полномочный представитель ВЧК по Киррespублике, назначаемый ВЧК по согласованию с Кирсовнаркомом, и коллегия из двух членов, назначаемых ВЧК по согласованию с Кирсовнаркомом.

В августе 1921 года полномочным представителем ВЧК в республике был назначен И. К. Даниловский, вместо Мороза, убывшего в распоряжение ЦК РКП(б).

Партийное руководство органами госбезопасности в республике особенно усилилось после создания Казахстанской организации РКП(б). 11—18 июня 1921 года в Оренбурге состоялись Первая Казахстанская партийная конференция. Она избрала областной комитет (Киробком), в состав которого вошли А. Д. Авдеев, А. М. Асылбеков, А. Т. Джангильдин, Г. А. Коростелев, М. М. Костеловская, С. М. Мендешев, М. М. Мурзагалиев, В. А. Радус-Зенькович и другие[1].

Полномочное представительство ВЧК, затем ОГПУ под руководством и с помощью партийных органов проделало большую работу по укреплению чекистских органов в Казахстане. На службу в органы было направлено большое число коммунистов. Например, Акмолинская партийная организация мобилизовала для работы в ЧК по 6—7 коммунистов от каждой партийной организации. Уральский губком партии только в 1921 году направил в ЧК 40 коммунистов.

18 сентября 1921 года в подчинение Казахской ЧК были переданы Акмолинская и Семипалатинская ЧК, а позднее органы политбюро ряда областей. Таким образом, лишь к концу 1922 года завершилось образование органов госбезопасности Казахстана.

Одновременно, несмотря на трудности, благодаря повседневному вниманию партийных и советских органов в республике были сформированы части войск при органах ЧК. В частности, к началу сентября 1921 года — батальоны в Алма-Ате, Семипалатинске, Уральске, Петропавловске, Гурьеве, два железнодорожных батальона в Оренбурге, отдельные кавэскадроны — в Актюбинске и в Кустанае, киркавполк — в поселке Надеждинский Акмолинской губернии. К началу 1922 года в войсках ВЧК насчитывалось 1793 казаха.

Начальником управления войск ВЧК в Казахстане был назначен С. И. Воротков, член РКП(б) с 1920 года, комиссаром — бывший военком командных курсов М. А. Башилов, член РКП(б) с 1914 года.

---

[1] См.: «Под знаменем ленинских идей». Алма-Ата, «Казахстан», 1973, стр. 287.

Периферийные органы ЧК в Казахстане, созданные местными партийными органами и Советами совместно с Омской, Челябинской, Свердловской, Оренбургской, Уральской, Туркестанской и Сырдарьинской ЧК, действовали в исключительно сложной обстановке, в условиях интервенции и гражданской войны. Велась борьба с белогвардейскими армиями и бандами, охватившими огненным кольцом фронтов территорию республики и пытавшимися задушить большевизм, власть Советов и здесь, в казахской степи. Войска Колчака наступали на севере и северо-востоке, а также на территории центральных уездов Степного края; армии Дутова, Бакича и Толстова — на северо-западе, Анненкова — на востоке и в северном Семиречье. С юга большевистским Советам Семиречья и Сырдарьинской области угрожало Кокандское «автономное» нацноналистическое правительство, связанное с турецкими и английскими империалистами и принявшее предложение Дутова о вступлении в «юго-восточный союз» в борьбе против Советской России. Отторжение от нее Средней Азии и превращение ее в колонию английского империализма было целью этого «правительства».

В тесном союзе с этими силами контрреволюции активно действовали казахские буржуазные националисты и их воинские части — так называемая «народная милиция».

Белогвардейцы и алашордынцы, опираясь на всестороннюю помощь иностранного капитала, организовывали массовый саботаж, заговоры, мятежи, вели активную подрывную шпионскую работу и антисоветскую пропаганду. Особым зверством отличались действия их карательных отрядов. Они уничтожили многих партийно-советских работников, варварски казнили военного комиссара — героя казахского народа Амангельды Иманова, командира партизанского отряда, председателя Кустанайского Совета Л. И. Тарана, а также крестьян аула № 8 и села Таловки Уральской области, выступивших против местных баев и чинимого ими произвола; жестоко подавили ряд антиколчаковских восстаний, в том числе Марнинское в Атбасарском уезде и т. д.

Вместе с молодыми вооруженными силами Советской власти — отрядами красногвардейцев, а затем частями Красной Армии чекистские органы республики, войска ВЧК вели настойчивую, самоотверженную, порой незримую, а часто и открытую вооруженную борьбу с врагами социалистической революции в казахских степях.

Немалый вклад в дело разгрома дутовщины в 1917—1919 годах внесли чекисты особых отделов частей Красной Армии. Широкую известность приобрели операции Семиреченской ЧК в 1919—1920 годах по ликвидации верненского мятежа, по разложению войск Анненкова, Дутова, проводившиеся под руководством Д. А. Фурманова[1], с участием Ураза Джандосова и многих других коммунистов, а также операции по уничтожению в крепости Суйдун Синьцзянской провинции Китая атамана Дутова[2], по ликвидации повстанческого подполья Бойко и вооруженных отрядов этой организации в казачьих станицах Верненского и Джаркентского уездов, готовивших контрреволюционное выступление[3]. В том же 1920 году Семипалатинская губЧК предотвратила готовившийся мятеж в Семипалатин-

---

[1] *Д. Фурманов.* Мятеж. Л., «Художественная литература», 1967, стр. 127—139.

[2] *Д. Л. Голинков.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925 гг.). М., Политиздат, 1975, стр. 523—526.

[3] «Незримый фронт». Алма-Ата, «Казахстан», 1967, очерки Н. Милованова «Касымхан Чанышев», «Председатель Верненской ЧК».

Чекисты-казахстанцы, активно участвовавшие в борьбе с врагами Советской власти.

С. У. Анисько.

Ж. Исабеков.

Л. Н. Дульский.

В. И. Соленик.

ске[1], а затем разыскала и передала в руки советского правосудия 22 участника зверской расправы над 28 коммуиарами, организовавшими по совету В. И. Ленина две коммуны в Восточном Казахстане. Опираясь на помощь советских людей, чекисты успешно провели операции по предотвращению и ликвидации мятежей в Акмолинской губернии, Павлодарском и Усть-Каменогорском уездах Семипалатинской губернии.

Особенно крупным был мятеж в Приишимье, охвативший северные уезды Казахстана. Мятежники — эсеры и буржуазные элементы напали на Петропавловск, Кокчетав, Каркаралинск и многие другие уездиые и волостные центры, зверски замучили сотни партийных, советских и комсомольских работников, руководителей и члеиов первых коммуи и сельхозартелей.

Органы ОГПУ совместно с частями особого назначения (ЧОН) и частями Красной Армии успешно ликвидировали и этот контрреволюционный мятеж.

Одновременно было обеспечено выполнение задания В. И. Ленина по заготовке и вывозке хлеба из северных уездов республики и отправке его в Москву и другие крупные промышленные центры страны, чему противодействовали мятежники. В этой борьбе за хлеб, проходившей под непосредственным руководством Ф. Э. Дзержинского, приезжавшего с этой целью в феврале 1922 года в Омск («маршалом хлебного корпуса» назовет позже Дзержинского в своих воспоминаниях Г. М. Кржижановский), чекисты проявили массовый героизм[2]. Многие из них, коммунисты и комсомольцы, пали на полях сражений или были убиты бандитами из-за угла. Среди них заместитель председателя Петропавловского Совета Владимир Гозак, свыше 70 руководящих партийных и советских работников Каркаралинского уезда, в том числе секретарь укома партии Иван Малашкии, член исполкома Совета Абжан Медеубаев, секретарь укома комсомола Нина Иванова. Зверски были убиты чекисты Лука Дульский, Георгий Пирогов, Василий Соленик и многие другие.

Блистательно были задуманы ОГПУ СССР и выполнены с участием на заключительном этапе чекистов-казахстанцев мероприятия по выводу из Маньчжурской провинции Китая в Советской Союз и преданию советскому суду атамана Анненкова и начальника его штаба генерала Денисова, одновременно возглавлявшего разведку[3]. По решению суда, проходившего в Семипалатинске, оба они были расстреляны.

Выполняя указания Киробкома партии, органы ЧК — ГПУ, войска ВЧК совместно с частями ЧОН и Красной Армии внесли свой решающий вклад также в дело ликвидации политического бандитизма, вдохновляемого империалистическими государствами.

Имея конечной целью свержение Советской власти и реставрацию буржуазно-помещичьих порядков, англо-франко-американские империалисты и внутренняя контрреволюция в качестве ближайшей цели стремились максимально помешать переходу Советской России к мирному социалистическому строительству, скомпрометировать Советскую власть в глазах рабочего класса Запада, как якобы неспособную преодолеть послевоенные трудности и вызывающую «недовольство» народа; расшатать и сокрушить

---

[1] «Чекисты Казахстана». Алма-Ата, «Казахстан», 1971, очерк С. Косубаева «Заговор обреченных».

[2] «Мы из ЧК». Алма-Ата, «Казахстан», 1974, очерк В. Григорьева «Испытание».

[3] «Чекисты Казахстана», очерк В. Григорьева «Операция «Атаман».

единство Коммунистической партии — руководящей силы диктатуры пролетариата.

Во имя достижения этих целей империалисты формировали в пограничных государствах — Иране, Афганистане, Турции, Китае бандитские отряды и перебрасывали их в нашу страну для организации контрреволюционных мятежей и срыва хозяйственных мероприятий.

Особенно трудной, жестокой и затяжной была борьба с басмачеством в междуречье Сырдарьи и Амударьи, в южных и северо-западных районах республики (ныне Чимкентская, Кзыл-Ординская и Гурьевская области). Здесь действовали десятки крупных банд, вооруженных английским и японским оружием. Во главе многих из них стояли видные буржуазно-националистические деятели — такие, как Энвер-паша, Салим-паша, Ибрагим-бек и другие. Ряды банд пополнялись остатками разгромленных Красной Армией белогвардейских частей, не желавших прекращения борьбы с Советской властью, а также кулаками, анархистами и уголовно-деклассированными элементами.

С целью привлечения на свою сторону недовольного продразверсткой колеблющегося крестьянства банды нередко прикрывались демократическими названиями и лозунгами[1]. Такой, например, была банда Серова, действовавшая в 1921—1922 годах под кличкой «армия народной воли» на территории Западного Казахстана и прилегающих районов Самарской и Саратовской губерний РСФСР.

Захватив 14 марта 1922 года обоз с продовольствием и фуражом южнее Илецка, который сопровождали чекисты во главе с начальником отдела ГПУ КАССР Клейменовым (всего 8 человек), главарь банды Серов лично учинил над чекистами зверские пытки, а затем расстрелял их. В этот же день серовцы ворвались в коммуну «Сознание», изнасиловали там многих женщин, убили двух членов коммуны и надругались над их телами, затем разграбили весь скот, семенное и продовольственное зерно и уничтожили все имущество коммуны[2].

О размахе и упорстве борьбы банд с Советской властью свидетельствуют многие факты. Так, только с февраля по октябрь 1922 года пограничными войсками Казахского округа в боях было убито и взято в плен 4755 бандитов[3]. Это объясняется бегством сюда огромного количества антисоветских элементов, не уничтоженных в центре страны. Здесь, например, были добиты остатки украинских банд Махно, банд Бакулина, Попова, Носаева и других, бежавших из Саратовской губернии, банды Охранюка из Самарской губернии и т. д.

Немало банд проникло в Казахстан из западного Китая, где укрывались остатки разбитых армий Дутова, Анненкова, Бакича, Щербакова. Вместе с ними выступали местные синьцзянские милитаристы. Только в Зайсанском уезде действовало около 1000 китайских бандитов, «опернровавших» вдоль границы на 700 с лишком километров и на 40 километров в глубь советской территории[4]. Они совершали массовые убийства ни в чем не повинных людей, громили учреждения, предприятия, подвергали разграблению личное имущество граждан.

Повсеместно бандитизм вызывал гнев и возмущение трудящихся Ка-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 356—357.

[2] «Мы из ЧК», очерк Ю. Кисловского «В огне», где излагается и история ликвидации банды Серова.

[3] «На страже восточных рубежей Родины». Алма-Ата, «Казахстан», 1969, стр. 24.

[4] ЦГА КазССР, ф. 66, оп. 1, д. 40, л. 42.

захстана. На собраниях, партийных конференциях принимались резолюции с требованием строгого наказания бандитов.

Борьбу с бандитизмом в Казахстане возглавляла первоначально Особая комиссия, членами которой являлись А. Айтиев от НКВД, Григорьев — от Киркрайвоенкомата, С. И. Воротков — командующий войсками ВЧК — ОГПУ. В местах наибольшего распространения бандитизма губревкомы создавали революционные комитеты и совещания в составе секретаря губкома партии, председателя губисполкома и председателя губЧК. В апреле 1921 года Киробком принял решение и поручил полномочному представителю ВЧК в Казахстане И. К. Даниловскому разработать план и сформировать добровольные казахские отряды для борьбы с бандитизмом. В ноябре 1921 года для координации действий по борьбе с бандитизмом, а также для руководства совещаниями в губерниях создано военное совещание при Совете труда и обороны Кирреспублики, состоявшее из представителей Совнаркома, Киркрайвоенкомата, КирЧК и ЧОН.

В 1922 году в связи с тем, что бандитизм в Казахстане продолжал наносить колоссальный ущерб государству и населению, в центре и губерниях были созданы Революционные совещания, наделенные широкими полномочиями, им были подчинены в оперативном отношении все воинские части, которые вели борьбу с бандитизмом.

Органы и войска ВЧК — ОГПУ, части Красной Армии и ЧОН показали многочисленные образцы мужества, упорства, преданности делу социализма. Вместе с тем в этой многолетней борьбе чекисты многое сделали не путем кровопролития, а умелой агитационно-разъяснительной работой.

Решающее значение в деле ликвидации политического бандитизма сыграл переход от политики военного коммунизма к новой экономической политике (нэпу), в результате которого укрепился союз рабочего класса с крестьянством, сузилась социальная база бандитизма, так как подавляющее большинство крестьян после введения продналога решительно отмежевалось от врагов Советской власти и само стало поддерживать борьбу Советов с бандитизмом.

Центральный Комитет партии и Советское правительство, создавая органы государственной безопасности, осуществляя руководство ими, всегда рассматривали их как подотчетные партии и Советам. Руководство Коммунистической партии, связь с массами, пролетарский интернационализм, социалистическая законность и политическая бдительность были и остаются основными принципами организации и деятельности органов государственной безопасности. Партия и Советское правительство не жалели и не жалеют сил, средств и времени для укрепления их высокоидейными, честными, преданными делу Ленина, партии и Советской власти кадрами, подбор, подготовка и расстановка которых осуществлялись в течение всей гражданской войны и в последующие годы на основе ленинских указаний о комплектовании органов госбезопасности коммунистами — выходцами из рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции.

«Нигде, ни в одном учреждении нет такого процента рабочих-коммунистов, как у нас,— говорил Феликс Эдмундович Дзержинский.— И потому вся тяжесть борьбы при новых условиях должна лечь на нас, как на выразителей воли диктатуры рабочего класса»[1].

Вместе с тем на работе в органах госбезопасности, особенно в первые годы Советской власти, использовались и беспартийные сотрудники, на деле доказавшие готовность бороться против врагов революции.

---

[1] «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии», стр. 361.

Чекисты-казвхстанцы, активно участвовавшие в борьбе с врвгами Советской власти.

М. Ф. Рыбак.

И. С. Порфирьев.

Н. Г. Шабров.

А. Х. Чигович.

Партия и Советское правительство не раз принимали решения по вопросам укомплектования органов кадрами и работы с ними. В то же время местные партийные органы и партийные организации в системе госбезопасности проводили огромную работу по воспитанию у чекистов высокой бдительности, любви к социалистической Родине, кристальной личной честности, высокого морального духа.

Чекисты и бойцы войск ВЧК были активными участниками всех политических кампаний, проводимых партийными и советскими органами. Их отличали политическая зрелость и стойкость в борьбе с врагами, в преодолении временных трудностей.

Любопытно, что, когда империалисты потребовали в 1922 году участия В. И. Ленина в составе советской делегации на Генуэзской конференции, красноармейцы 43-го кавднвизнона войск ГПУ в Кустанае, подобно многим другим производственным и воинскнм коллективам, приняли следующую резолюцию:

«На международную конференцию В. И. Ленина не посылать, потому что международной буржуазии нет доверия, даже если международная буржуазия предложит своих заложников, как Пуанкаре и прочих...»

Всенародной поддержкой пользовались органы и войска ВЧК — ОГПУ. Рабочие, крестьяне, красноармейцы видели в них защитников своих жизненных интересов и охотно помогали им в борьбе с контрреволюцией.

Чекисты, командиры и бойцы войск ВЧК — ОГПУ в Казахстане много сделали для облегчения тяжелого материального положення трудящихся, особенно в голодные годы. Они регулярно выделяли в фонд помощи голодающим детям, инвалидам войны часть причитающегося им довольно скромного пайка, помня о словах Ф. Э. Дзержинского: «...Поставив на должную высоту дело обеспечения и снабжения детей, Советская власть приобретает в каждой рабочей и крестьянской семье своих сторонников, защитников».

Например, коллектив Семиреченской облЧК отчислял в фонд помощи голодающим детям 30 процентов общего жалованья и взял под свою опеку сто детей, находившихся в Ташкенте. Работники Акмолинской губЧК зимой 1921 года организовали детдом и содержали детей на свои пайки. Номерной дивнзион войск ГПУ КАССР отчислял ежемесячно паек и однодневный заработок голодающнм детям.

За декабрь 1921 года и январь 1922 года сотрудники органов и войск госбезопасности Казахстана передали в фонд помощи голодающим детям 185 миллионов рублей, 72 пуда хлеба, 79 пудов картофеля.

В итоге большой работы, проделанной КирЧК под руководством и с повседневной помощью партийных органов и Советов, удалось сократить, а вскоре и вовсе покончнть с беспризорностью детей.

По мере налаживания работы просветительных и других организаций, призванных заниматься обеспечением и воспитанием детей, органы ВЧК — ОГПУ освобождались от выполнения этой важной задачи.

Характеризуя чекнстов периода военной интервенции и гражданской войны, член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комнтета государственной безопасности при Совете Министров СССР Ю. В. Андропов в докладе о 50-летии Советских органов государственной безопасности говорил: «В борьбе с врагами Советской власти выросли и закалились замечательные кадры чекистов, воодушевленные идеалами Октября. Именно с деятельностью этнх людей связан живущий в народе образ чекиста — страстного революционера, человека кристальной честности и огромного личного мужества, непримиримого в борьбе с врагами, сурового во имя долга и

гуманного, готового к самопожертвованию ради народного дела, которому посвятил свою жизнь»[1].

* * *

Когда наконец было покончено с интервенцией, гражданской войной и массовым политическим бандитизмом, расстановка классовых снл изменилась. Многомиллионное крестьянство решительно повернулось к Советской власти. В. И. Ленин, партия и правительство сочли целесообразным перестроить работу органов ВЧК в соответствин с новыми задачами Советской власти по восстановленню разрушенного войнами народного хозяйста.

Касаясь роли ВЧК в новых условиях, подчеркивая все ее заслуги перед революцией, то, что без этого органа власть трудящихся существовать не может, а также мотивируя необходимость реорганизации ВЧК в ОГПУ, В. И. Ленин говорил на IX съезде Советов:

«...Чем больше мы входнм в условия, которые являются условнями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитне гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвннуть твердый лозунг осуществления большей революцнонной законности, и тем у́же становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков...»[2]

Декретом ВЦИК от 6 февраля 1922 года ВЧК и ее местные органы были упразднены. Подавление открытых контрреволюцнонных выступлений, остатков политнческого банднтизма, борьба со шпионажем н контрабандой, охрана границ, водных и железнодорожных путей сообщения и выполнение специальных поручений Советского правительства по охране революционного порядка в стране были возложены на Народный Комиссариат внутреннних дел, при котором для осуществления указанных функцнй было образовано Государственное Политическое Управление (ГПУ), на местах, при ЦИК автономных республик и облнсполкомах — полнтические отделы.

В связи с упраздненнем чрезвычайных комиссий в уездах были ликвидированы политические бюро. Их обязанностн перешли к уполномоченным областных отделов ГПУ.

Событием громадного исторического значения стало образование в декабре 1922 года Союза Советскнх Социалистическнх Республик. Добровольное объединение равноправных народов явилось блестящей победой национальной политнки партии. В результате этого стали также совершенствоваться и укрепляться государственные органы властн и управления.

Договором об образованни Союза Советских Соцналистнческих Республнк (1922 г.) и последовавшим 2 ноября 1923 года постановленнем Президнума ЦИК СССР Государственное Политическое Управление было преобразовано в Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР. К концу 1923 года перестройка органов государственной безопасности была закончена.

Годы построения социализма в республике для чекистов-казахстанцев были не менее трудными, чем пернод гражданской войны. Внутренняя контрреволюция и ее зарубежные вдохновители в эти годы продолжалн активную тайную войну против Советской власти, хотя упрочившееся

---

[1] «Правда», 1967, 21 декабря.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 329.

международное положение Советского государства и повело к установлению с ним в 1924 году дипломатических отношений Англией, Италией, Австрией, Норвегией, Грецией, Швецией, Данией, Мексикой, Францией, Китаем, а в 1925 году Японией.

Партия, руководствуясь ленинским планом построения социализма в СССР, решительно взяла курс на социалистическую индустриализацию страны и на коллективизацию сельского хозяйства. Осуществление этих эпохальных по объему и сложности задач проходило в Казахстане в обстановке огромных трудностей и нового обострения классовой борьбы с кулачеством и феодально-байскими элементами.

В укреплении и успешном развитии СССР империалисты всех стран видели угрозу своему существованию, и они всеми мерами стремились сорвать или затормозить индустриализацию СССР, экономически изолировать его, угрожали вооруженной интервенцией. Агентура империалистических разведок и внутренняя контрреволюция усилили свою подрывную деятельность. Был совершен целый ряд диверсионных и террористических актов.

В этих условиях Советское правительство обратилось в 1928 году к рабочему классу с призывом охранять заводы, фабрики, склады, станции и предложило ОГПУ принять решительные меры против шпионов, поджигателей и убийц[1].

В ответ на призыв партии и Советского правительства органы полномочного представительства ОГПУ в Казахстане усилили свою бдительность. Они раскрыли многие шпионско-вредительские, диверсионные и другого характера контрреволюционные организации; решительно подавили ряд восстаний, ликвидировали немало политических банд бывших кулаков и баев, главари которых нередко засылались из-за кордона; предотвратили многие террористические акты, направлявшиеся в основном против партийно-советских работников и актива аулсоветов, сельсоветов и колхозов.

В числе чекистских операций этого периода — разоблачение сотрудниками Джетысуйского отдела ОГПУ инспираторов из гоминдановской разведки, которые, в целях компрометации в глазах китайских трудящихся-мусульман первой в мире социалистической республики, организовали в 1923 году в дунганской мечети города Алма-Аты драку, а затем резню между местными дунганами и дунганами — подданными Китая. Китайская разведка, не без участия английской, во имя политических целей пренебрегла чувствами верующих мусульман, для которых драка — несмываемый грех. Позже ряд дипломатов консульства, причастных к этим событиям, среди них и непосредственного исполнителя провокационного замысла — повара консульства, выдворили из Советского Союза.

В другой алма-атинской мечети, прихожанами которой были уйгуры, выходцы из Кашгарии, подвизался в роли имама шейх Хафизов, в прошлом активный член контрреволюционного правительства, возглавлявшего «Кокандскую автономию» в 1918 году. Бежав в Кашгарию, шейх в 1921 году нелегально вернулся в Джетысу и занялся здесь и в Туркестане распространением панисламистской и пантюркистской литературы, сбором шпионской информации.

Весьма сложной и исключительно напряженной была чекистская операция по пресечению антисоветской деятельности оппозиционеров —

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК», изд. 8-е, т. 4. М., Политиздат, 1970, стр. 84—85.

Комотряд по борьбе с политическим бандитизмом, действовавший в 1930—1932 гг. на территории Талды-Курганского, Саркандского и Аксуского районов, ныне Талды-Курганской области Казахской ССР.

Троцкого, Зиновьева и ряда их сподвнжников, а также участников группы Сапронова, после XV съезда партнн высланных в Казахстан.

Был проведен также ряд операцнй по пресечению контрреволюцнонной деятельности эсеров, отбывавшнх в Казахстане ссылку за преступления, совершеиные в РСФСР.

Конфнскация хозяйств крупных баев-полуфеодалов и кулаков, выселение их в другие районы вызвали бешеное сопротивление классовых врагов, в ряде мест перешедших к активиым антисоветским действням. Например, в ночь на 1 сентября 1929 года вреднтелями были сожжеиы только что выстроенные обогатительная фабрика н надшахтиые здаиня в Риддере. Кулаки и баи ие останавлнвались перед убийствами людей, уннчтоженнем скота, его угоиом и насильствеиным уводом местного иаселения за границу, в частности, в Синьцзянскую провннцню Китая.

В этих условиях ожнвилась деятельность правых оппортунистов и буржуазных нацноналистов. Продолжали коитрреволюционную работу и бывшие лидеры партин Алаш, в частностн, братья Адилевы — Днмухамед и Байсеит, Миржакуп Дулатов и другне. Они сплачивали вокруг себя бандитские элемеиты Сары-Суйского района (ныие — в Джамбулской области) с целью оказать вооруженное сопротивление конфискации имущества у баев. Заговорщнки были разоблачеиы и осуждены.

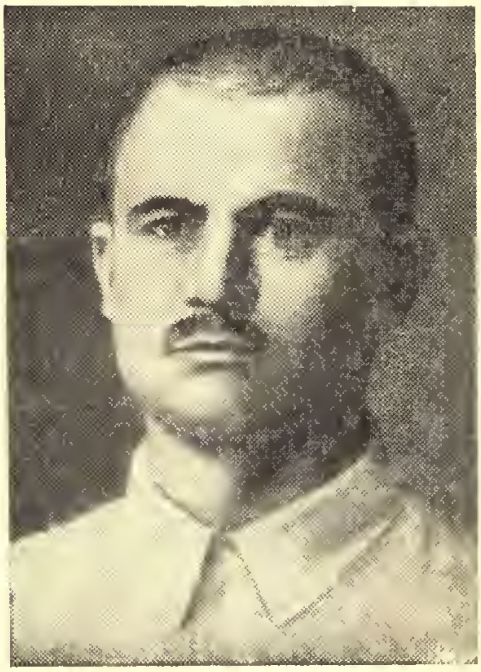
В ожесточенной классовой борьбе, в боях с контрреволюциоинымн выступленнями врагов Советской властн чекнстскне органы республики потеряли многнх своих бесстрашных работников. В их числе помощник уполномоченного Сырдарьинского ОГПУ Джашпар Тныштыкбаев, зверски убитый банднтамн Султанбека. В борьбе с этой же бандой, опернровавшей н на территорнн Сары-Суйского н Чаяновского районов, погнбли бойцы коммунистического отряда Ф. В. Клоков, А. Г. Григоренко,

Чекисты-казахстанцы, активно участвовавшие в борьбе с врагами Советской власти.

Н. П. Тяжев.

М. Ф. Перепорʻов.

К. Н. Фаизов.



А. И. Фетисов.

А. И. Ауезен, С. Ф. Леонтьев, И. И. Тригубов, Е. А. Захаров. Славу героя снискал своими отважными боевыми действиями начальник Гурьевского городского отдела ОГПУ Александр Ильич Фетисов, погибший при ликвидации так называемого Адаевского антисоветского восстания в бою с бандитами в местности Бусага. В ожесточенных вооруженных схватках с врагами погибли чекисты К. Н. Фаизов, М. Ф. Перепоров, Н. П. Тяжев и другие.

Активное участие в этих операциях принимали ныне находящиеся в отставке К. П. Грязнов, А. З. Абузаров, И. А. Шумилов, В. И. Попов, В. М. Ришт, Ф. А. Иванов и уже ушедшие от нас В. Исмамбетов, И. И. Иванов, С. А. Коновалов и многие другие.

* * *

В годы первых двух пятилеток трудящиеся Казахстана достигли огромных успехов в социалистической индустриализации, в республике выросли десятки крупных промышленных предприятий. Благодаря переводу крестьян-кочевников на оседлость и массовой коллективизации сельского хозяйства были ликвидированы... остатки реакционных патриархально-феодальных отношений в ауле. Величайшим завоеванием явились ликвидация неграмотности подавляющей части населения республики и введение всеобщего обязательного обучения. Казахстан стал одной из передовых индустриально-аграрных республик на востоке страны, здесь развернулось гигантское промышленное строительство. Завершился начатый Октябрем процесс консолидации казахского народа в социалистическую нацию, сложилось и окрепло социально-политическое и идейное единство народа, укрепились сотрудничество и взаимопомощь между социалистическими нациями, и, наконец, Казахская АССР преобразовалась в союзную республику, была принята новая Конституция Казахской ССР.

Между тем международная обстановка продолжала осложняться. Экономический кризис в странах капитала в начале тридцатых годов перешел в длительную депрессию. В 1932 году Япония вторглась в Маньчжурскую провинцию и стала готовить захват других земель Китая. В 1933 году фашисты захватили власть в Германии, разгромили рабочие организации и уничтожили остатки буржуазно-демократических свобод. В октябре 1935 года фашистская Италия по-разбойничьи напала на Абиссинию (Эфиопию) и захватила ее. Летом 1936 года подготовленный с помощью Германии и Италии мятеж генерала Франко был использован фашистами для интервенции Германии и Италии против Испанской республики. В 1936 году фашисты официально оформили ось Берлин — Рим, а спустя месяц между Германией и Японией был подписан так называемый антикоминтерновский пакт, к которому вскоре присоединилась Италия. Фашисты повели усиленную подготовку к войне.

В 1937 году Япония вторглась в центральный, а затем и южный Китай. В 1938 году фашистская Германия захватила Австрию. В том же году Япония вторглась на территорию СССР близ Владивостока, в районе озера Хасан, но уже в августе самураи были изгнаны Красной Армией с Советской земли.

В сложной международной обстановке 10—21 марта 1939 года состоялся XVIII съезд ВКП(б). В день открытия съезда «Правда» опубликовала пламенную песнь народного акына Казахстана Джамбула «Съезд победителей». В песне есть и такие слова, звавшие советский народ к повышению бдительности, к готовности дать отпор:

Чекисты-квзахстанцы, активно участвовавшие в борьбе с врагами Советской власти.

М. Я. Клюкин.

С. Г. Джакупов.

И. Г. Понамарев.

Н. А. Новиков.

Враги окружают нас черным кольцом,
Глазами кровавыми смотрят кругом
И тянут костлявые руки свои
К горячему золоту нашей земли.

Чтоб голову вражью ударом снести,
Чтоб нечисть фашистскую всюду смести,
Во всеоружьи, готовый в поход,
Будь начеку, мой великий народ [1].

И органы НКВД Казахстана продолжали свою труднейшую незримую борьбу с врагами Советской власти.

В обстановке известных нарушений ленинских норм партийной и государственной жизни, вызванных культом личности Сталина, карьеристы, пробравшиеся в органы государственной безопасности, допускали извращения социалистической законности. Многие чекисты боролись с такого рода преступлениями. Одним из таких бесстрашных борцов был начальник отделения НКВД КазССР Серикгалий Джакупов, член партии с 1918 года, активный участник установления Советской власти в Казахстане. От рук врагов партии и народа, пробравшихся в органы госбезопасности, погибли член партии с 1926 года начальник Жарминского райотдела НКВД Зейнагий Марекенов и ряд других чекистов.

Изгоняя из своих рядов карьеристов и примазавшихся, злостно нарушавших социалистическую законность, чекисты Казахстана продолжали совершенствовать свою деятельность. Их главные усилия сосредоточивались на разоблачении агентуры империалистических государств и в первую очередь — шпионов германской фашистской разведки и милитаристской Японии. Разведывательные подразделения этих стран, в результате агрессивных действий Германии в Европе, а Японии в Китае, вышли к границам СССР и в связи с этим значительно активизировали заброску своей агентуры в Советский Союз.

Чекисты Казахстана раскрыли и обезвредили немало резидентур германской и японской разведок.

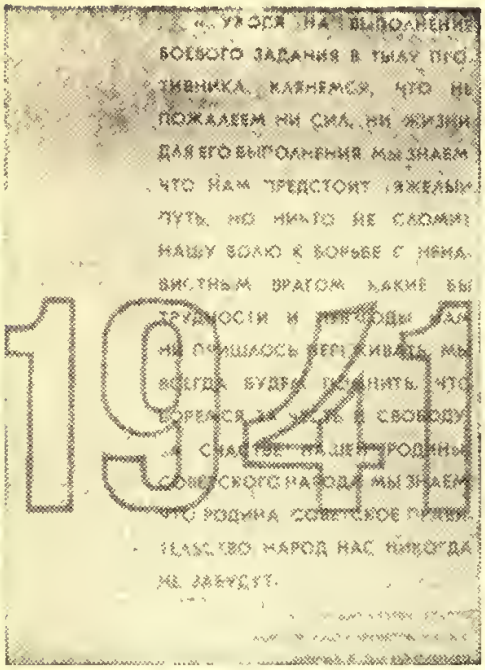
Они нанесли ряд чувствительных ударов по щупальцам империалистических разведок в предвоенные годы, обезвредили резидентуру Ницше и других шпионов германской, а также японской и других разведок[2].

В период Великой Отечественной войны борьба чекистов-казахстанцев носила особенно обостренный характер и изобиловала многочисленными и разнообразными операциями. Многие чекисты пали смертью храбрых на полях сражений и при выполнении специальных заданий. В их числе Герои Советского Союза Федор Федорович Озмитель, Григорий Михайлович Кравцов[3]. Старший оперуполномоченный Наркомата госбезопасности Казахской ССР Гали Истаев — человек исключительной выдержки и большой силы воли,— геройски погиб 25 апреля 1944 года при выполнении специального задания Родины. Пал в боях за город Ростов-на-Дону член КПСС с 1927 года начальник особого отдела НКВД 10-й гвардейской механизированной бригады майор А. У. Дыканбаев. Не вернулись с полей незримого и зримого фронтов борьбы с фашизмом казахстанцы-чекисты Г. Акашев, С. А. Лукьянов, Ш. М. Арсланов, П. И. Бочкарев, Т. А. Гор-

[1] «Правда», 1939, 10 марта.

[2] Сборники: «Незримый фронт», «Чекисты Казахстана», «Мы из ЧК»; см. также очерк «Отпрыск философа» в настоящем сборнике.

[3] «Чекисты Казахстана», очерк Н. Мельникова «Сын отчизны».



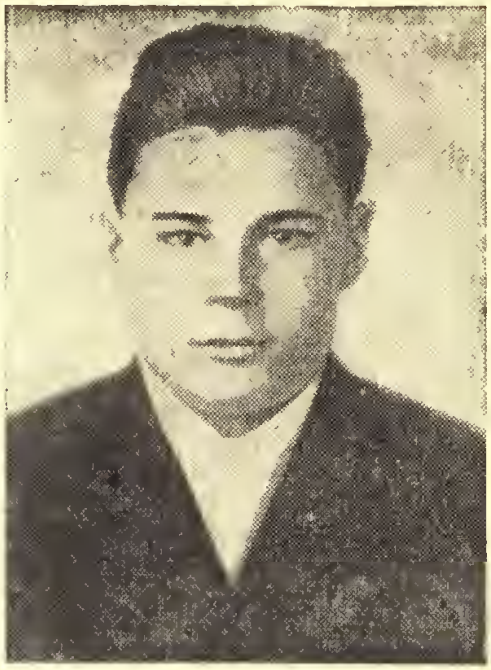
Фотокопия боевой присяги чекистов.

Герой Советского Союза Ф. Ф. Озмитель.

Гали Истаев.

Т. Н. Саваровская.

А. Д. Джумагалиев.



И. И. Бортник.

лов, Н. М. Карабалин, А. Мирсадыков, Н. А. Новиков, У. Омарбеков, К. Шукенов, Д. М. Сладков, И. М. Зыков и многие другие.

Подавляющее большинство чекистов-казахстанцев, действовавших в годы войны в тылу врага и возвратившихся в родную республику по демобилизации из Вооруженных Сил, продолжали борьбу с врагами Родины еще долгие годы. Среди них Р. Насыпбаев, И. Д. Худяков, А. Д. Джумагалиев, Ф. А. Иванов, И. И. Бортник, Т. Н. Саваровская, В. П. Костылев и другие, ныне находящиеся на заслуженном отдыхе.

В годы Великой Отечественной войны особенно остервенело действовала германская военная разведка — абвер. Пытаясь наверстать упущенное в предвоенное время, абвер после нападения на Советский Союз принялся настойчиво вербовать для целей разведки советских военнопленных и после подготовки в специально созданных школах, а часто ввиду нехватки кадров, минуя эту ступень, перебрасывал завербованных в тыл Красной Армии для диверсий, террора, лживой пропаганды и сбора шпионской информации.

Западные области Казахстана в период битвы на Волге были прифронтовыми, и над ними, в частности, в пределах территории Уральской области, происходило немало сражений советских летчиков с фашистскими стервятниками, совершавшими в целях дезорганизации воинских перевозок налеты на поезда, а также железнодорожные сооружения. С этой же целью гитлеровская военная разведка забрасывала на территорию этой области своих агентов-диверсантов. Для пресечения подрывной деятельности вражеской агентуры были сформированы истребительные батальоны. Особо активно они действовали в Урдинском и Джамбейтинском районах, подвергавшихся в то время наиболее частым налетам фашистской авиации. Первую группу агентов-диверсантов бойцы истребительного батальона захватили в Урдинском районе. Изменники имели при себе все

необходимое для проведения диверсий на железнодорожном транспорте. Позже был захвачен ряд других групп парашютистов. В ряде случаев диверсанты сами являлись с повинной в органы НКВД и в работавшие с ними в тесном оперативном контакте подразделения органов контрразведки «Смерш».

Урок, преподанный фашистам на территории Западного Казахстана, в междуречье Волга — Урал, не был последним. Потерпели провал также и другие операции гитлеровской разведки, в задумывании и осуществлении которых не последнюю роль играл мастер интриг и провокаций Рейнгард Гелен, после капитуляции фашистской Германии не только не осужденный за свои черные дела, но долгие годы возглавлявший разведку ФРГ.

В частности, в ночь на 3 июня 1943 года на территорию Уральской области абверовцы выбросили группу диверсантов в составе пятн агентов во главе с Кусаналиевым, но она была ликвидирована опергруппой УНКГБ. 3 мая 1944 года в Гурьевскую область была заброшена вторая группа, уже в составе 14 агентов во главе с обер-лейтенантом немецкой армии Алиханом Агаевым. Исключительно высокий патриотизм проявил бригадир колхоза имени С. М. Кирова Уялинского аулсовета Байжан Атагузиев, своевременно предупредивший чекистов о появлении в степи вражеских парашютистов. Благодаря этому двое из агентов были вскоре схвачены опергруппой начальника отдела УНКГБ майора Шармая. Затем Байжан завел остальных диверсантов в непроходимые пески. Агаев расстрелял его, но поредевший отряд диверсантов был окружен. В бою Агаев и несколько агентов были убиты, остальные сдались в плен. Оставшиеся в живых показали, что их забросили в этот глубокий район с заданием поднять антисоветское восстание в Казахстане. Следствием было установлено также, что под именем Агаева скрывался Амирхан Тлеумагамбетов, еще в начале 30-х годов работавший агрономом в Жилокосинском райземотделе.

12 июня 1944 года фашисты забросили в район реки Сагыз еще трех парашютистов, которые были тотчас же задержаны чекистами.

Было разыскано и обезврежено много других агентов гитлеровской военной разведки. Все они понесли заслуженное наказание.

В первые послевоенные годы органы МГБ продолжали розыск изменников Родины, активно сотрудничавших с фашистами и скрывавшихся от справедливого возмездия.

Одной из этих операций, имевшей исключительное политическое значение, явился розыск и арест большой группы участников созданных германскими разведорганами «национальных комитетов», во главе которых стояли белоэмигранты Мустафа Чокаев, Вали Каюмов (Вали Каюм-хан) и Карис Канатбаев. Арестованные на территории Казахстана и некоторых республик Средней Азии Хаким Тныбеков и другие, всего 49 человек, участвовали в формировании из числа изменников Родины «туркестанского легиона», а затем в боях против частей Красной Армии, в карательных операциях против партизан; они одновременно являлись агентами разведорганов, занимались обучением и организацией заброски в тыл Советской Армии десантов. В целях широкой пропаганды идеи создания так называемого «самостоятельного туркестанского государства» они организовали и возглавляли издававшиеся ТНК — ТНС газеты и журналы, а также радиовещание «Винето». Многие из них участвовали в работе так называемого «туркестанского конгресса», проходившего в городе Вене в июле 1944 года, выступали там с докладами, вошли в состав образованного конгрессом «национального собрания», а после разгрома фашистской

Германии перешли на службу к английской и американской разведкам.

Органы госбезопасности разыскали, а затем передали в руки советского правосудия и ряд других изменников Родины, служивших в составе сформированных немцами частей, участвовавших в карательных операциях против советских партизан.

В их числе: участник «туркестанского легиона» и агент английской разведки Касымов Бата, агент германской разведки Соколенко Виктор, изменник Родины и агент американской разведки Абаев Амангельды, служивший в «туркестанском легионе», затем в отделе пропаганды «туркестанского национального комитета», агент германской разведки Гуляев Ахмет; скрывавшийся долгие годы под чужими именами и фамилиями с поддельным дипломом об окончании института главный инженер одного из заводов в городе Алма-Ате Кариаухов — Баталов и многие другие.

* * *

Закончилась вторая мировая война. Отгремели залпы салютов в честь победы Советского Союза над германским фашизмом, милитаристской Японией и их сателлитами.

«Эта война,— указывается в тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина»,— явилась и тягчайшим испытанием и школой мужества. Она закончилась великой победой, потому что социализм обеспечил несокрушимое единство всего советского общества, мощь и невиданную мобильность его экономики, высокое развитие военной науки, воспитал замечательных воинов и военачальников. Разгром ударных сил мирового империализма — германского фашизма и японского милитаризма, осуществление Советской Армией своей освободительной миссии в решающей степени способствовали успеху народно-демократических революций в ряде стран Европы и Азии»[1].

Наступил долгожданный мир. Демобилизовались воины из Советской Армии и вернулись к своим очагам, к мирному труду, но корпус чекистов, неусыпный страж завоеваний Великого Октября, не вложил свой меч в ножны. Борьба советской контрразведки с коварными замыслами и происками империалистических разведслужб не приостановилась. Наоборот, она обрела еще более многообразные формы. Задолго до конца второй мировой войны органы госбезопасности стали обнаруживать следы шпионажа и подрывной деятельности агентуры тогдашних союзников СССР. В марте 1946 года в Фултоне выступил с антисоветской речью премьер-министр Великобритании У. Черчилль. Он сделал этот шаг с одобрения и в присутствии президента США Г. Трумэна. Это был сигнал к началу «холодной войны» против СССР и всех стран социалистического лагеря.

В 1949 году империалистами шестнадцати капиталистических стран был создан Североатлантический блок — НАТО, сразу же превратившийся в базу концентрации сил международного антикоммунизма.

В основном с целью активизации подрывной деятельности против Советского Союза, всех стран социалистического лагеря США в 1947 году создали Центральное разведывательное управление — ЦРУ, орудие политики антикоммунизма, во главе которого вскоре был поставлен небезызвестный реакционный деятель А. Даллес. Поучая своих подчиненных и касаясь задач этого органа, А. Даллес говорил тогда, что одной из глав-

[1] «Об идеологической работе КПСС. Сборник документов». М., Политиздат, 1977, стр. 263.

ных целей ЦРУ является вербовка шпионов из числа советских граждан, имеющих доступ к важиым государственным и военным секретам.

Ближайший помощник А. Даллеса, профессор политических иаук Браунского университета Лимаи Киркпатрик-младший и после ухода в отставку с поста исполнительного директора ЦРУ выступал в печати в 1968 году за дальиейшее укрепление ЦРУ и самое широкое осуществление политических акций и разведывательных операций в различных районах земного шара. Называя США лидером мира, он утверждал, что Соединеиные Штаты могут осуществлять эту роль самостоятельно, с помощью собственных методов, не считаясь с тем, нравится это остальному миру или нет. Одной из наглых шпионских операций ЦРУ явился полет Фрэнсиса Гэри Пауэрса над территорией Советского Союза на самолете «Локхид У-2», сбитом 1 мая 1960 года в районе Свердловска силами противовоздушной обороны СССР.

По делу изменника Родины Пеньковского и английского «бизнесмена» Винна было документально установлено, что многие английские и американские дипломаты, аккредитованные в СССР, занимались здесь активной шпионской деятельностью. В этой связи, по представлению Военной коллегии Верховного Суда СССР, Министерство иностранных дел СССР потребовало выдворить из Советского Союза дипломатов-шпионов — сотрудников американского посольства Джонса, Монтгомери, Дэвисона, Карлсона, сотрудника английского посольства Кауэлла и ряда других.

Разведывательной деятельностью в СССР занимались многие сотрудники и других посольств капиталистических стран в Москве.

Разведчики-дипломаты во время поездок по Советской страие прибегали к различного рода уловкам при сборе необходимой им информации. Часто они, стремясь притупить бдительность советских людей и выудить интересующие разведку сведеиия, выдавали себя за туристов или студентов из стран народной демократии.

Чекистами Казахстаиа за годы «холодной войны» также были разоблачены многие такие агенты капиталистических разведок.

Об этом свидетельствует, в частиости, дело Н. С. Кришталя, который, будучи настроенным враждебно к Советской власти, в 1922 году выехал в Маньчжурию, где установил связь с японскими агентами, а затем с американским разведчиком, которым и был перевербован, и затем по его заданию возвратился в СССР как реэмиграит. Кришталь был разоблачен в Павлодаре, где ои жил после возвращения в Советский Союз[1].

В 1951 году органами КГБ Казахстана был разыскан и арестован Саранцев, который в годы Великой Отечествеиной войны изменил Родине и добровольно вступил во власовскую армию. После войны Саранцев оказался среди перемещенных лиц, был завербоваи американскими разведчиками для шпионской работы против СССР и после обучения сброшен на парашюте на территорию Советского Союза[2].

В 1962 году были разоблачены проживающие в Южиом Казахстане Химониди и Пападопулос, которые по задаиию греческой разведки собирали шпионские сведения и снабжали греческое посольство в СССР клеветнической иифомацией[3].

В августе 1966 года в Алма-Ате разоблачена и арестоваиа агент запад-

---

[1] «Чекисты Казахстана», очерк Ю. Лузянина «Пароль утратил силу», стр. 310—332.

[2] «Мы из ЧК», очерк А. Минаичева «Один в двух лицах», стр. 202—227.

[3] «Чекисты Казахстана», очерк К. Бишимбаева «Вояж Пападопулоса», стр. 355—371.

ногерманской разведки Мартина Кишке, которая, прикрываясь «любовью к туризму» и выдавая себя за прогрессивно настроенного человека, посетила Алма-Ату несколько раз, пока не была поймана с поличным при сборе шпионских сведений о военных объектах республики[1].

Наряду с заброской в Советский Союз кадровых шпионов вражеские разведчики не прекращают попыток сбора информации через сотрудников своих посольств, различных представительств и миссий, аккредитованных в Советской стране, а также используют многие другие легальные каналы пребывания своих граждан в СССР. Эти люди прибегают к скупке в книжных магазинах Алма-Аты, других городов, поселков и сел Казахстана большого количества разнообразной, преимущественно справочной литературы, оставляют в общественных местах «по забывчивости», а то и прямо предлагают советским людям специально подобранные книги, журналы, брошюры антисоветской направленности. Так, профессор Джеймс Стил, возглавлявший группу ученых-ветеринаров, после официального приема в одном из институтов Алма-Аты предложил директору института упакованную в коробку литературу, назвав ее своими трудами. В действительности это была пропагандистская литература, которой американские ученые были снабжены в посольстве США в Москве.

Второй секретарь израильского посольства в Москве Я. Зимрат пытался использовать свое пребывание в Алма-Ате в сентябре 1964 года для распространения среди местного еврейского населения пропагандистской литературы, враждебной нашей стране.

Нередки случаи, когда «туристы» и наши «гости» проявляют повышенный интерес к промышленным объектам, ошибочно принимаемым за предприятия военного назначения. Для получения хотя бы косвенных данных прибегают к сбору листьев с деревьев и цветов с газонов, берут пробы сточной воды, фотографируются на фоне заводов и фабрик, предпринимают попытки хищения материалов, используемых предприятиями, как это сделал иностранный химик Видо. Будучи на машиностроительном заводе, он пытался похитить кусок специальной стали, но был пойман рабочими с поличным. В составе обслуживающего персонала проходившей в 1962 году в Алма-Ате выставки «Графика США» находились специально подготовленные агенты, завязывавшие контакты с посетителями и пытавшиеся с помощью всевозможных уловок получить шпионские сведения.

Туристы из ФРГ Горинг и Кремер в беседах с советскими гражданами стремились выяснить их отношение к советско-китайским разногласиям, данные о возможной дислокации советских войск на границе с КНР и другие вопросы, представляющие интерес для иностранных разведок.

Советское государство по своей природе и духу — самое миролюбивое на земле. Уже в обращении ВРК «К гражданам России», написанном В. И. Лениным, вслед за сообщением о свержении Временного правительства и о переходе власти в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Советское государство заявило свою непреклонную волю к немедленному прекращению войны и установлению справедливого, демократического мира. Тогда же, 25 октября 1917 года это заявление было узаконено Декретом о мире, также написанным В. И. Лениным и принятым II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. Основу Декрета о мире составляет ленинская идея о возможности сосуществования двух социальных политических систем — социалистической и капиталистической. За претворение в жизнь

[1] «Чекисты Казахстана», очерк К. Баймуканова «Прозрение», стр. 332—354.

этой ленинской идеи Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство ведут неустанную борьбу.

Следуя заветам В. И. Ленина, КПСС выступила на своем XXIV съезде с Программой мира, которая «указала реальный путь к ликвидации «холодной войны», поставила четкие задачи в борьбе за переход от опасности войи к мирному сотрудничеству»[1].

Реализацией этой программы был достигнут прогресс в деле политической разрядки. XXV съезд КПСС еще раз с предельной убедительностью показал стремление Советского Союза к миру, к всеобщему и полному разоружению и принял Программу дальнейшей борьбы за мир, международное сотрудничество, за свободу и независимость всех народов Земли.

Однако происшедшие со времени XXIV съезда КПСС изменения в соотношении сил в пользу дела мира, демократии, национального освобождения, независнмости и социализма вызывают бешеную ярость реакции, ее стремление вернуть утраченное влиянне. Это выражается в нападках правых снл ФРГ, стоящих на реваншистских позициях, на полнтику нормализацин отношений с социалистическнми странами; разнузданном поведении в ряде западных стран средств массовой информации, раздувающих недоверие и враждебность к социалистическнм странам, изображающих в превратном свете их политику, пытающихся выхолостить и извратить суть Заключительного акта, подписанного в августе 1975 года в Хельсинки главамн 33 государств.

Этим нечнстоплотным козням противников разрядки протнвостоят силы мира и прогресса, все решительнее выступающне за прекращение гонки вооружений, за разоружение и мирное сосуществование государств с различным общественным строем. Выступая за достижение этих благородных целей, силы мира не забывают о реакционной сущности империализма, берегут свои завоевания и укрепляют бднтельность.

Касаясь в этой связи деятельности органов Комитета государственной безопасности, товарищ Л. И. Брежнев сказал в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии:

«Надежно ограждают советское общество от подрывных действий разведок империалнстических государств, разного рода зарубежных антисоветских центров и иных враждебных элементов *органы государственной безопасности*. Их деятельность строится в соответствии с требованиями, вытекающими из международной обстановки и развития советского общества. Наши чекисты берегут и развивают традицни, заложенные рыцарем революции Феликсом Дзержинскнм»[2].

Чекисты Казахстана, однн из передовых отрядов Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР, с чувством глубокой благодарности воспринимают эту высокую оценку Коммунистической партии и Советского правительства. Они будут н впредь своей неустаннсй бдительностью укреплять государственную безопасность Родины Великого Октября, зорко охранять ее от агрессивных замыслов и происков империализма.

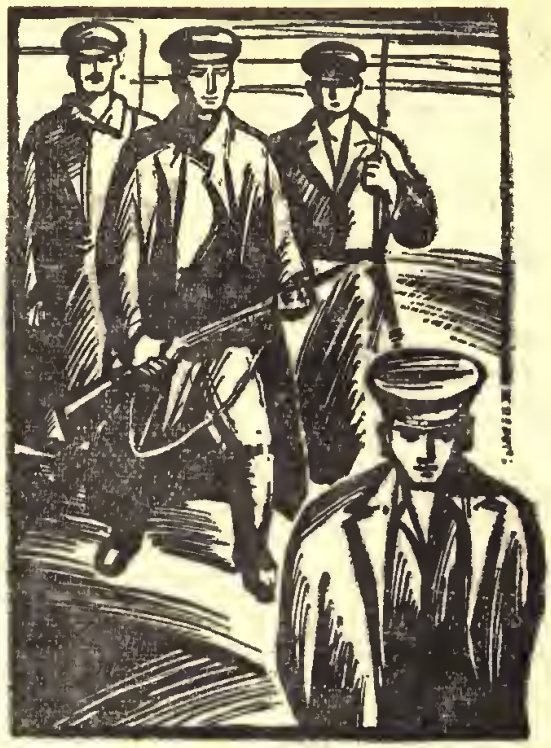
---

[1] XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. 1. М., Политиздат, 1972, стр. 46—55.

[2] «Материалы XXV съезда КПСС». М., Политиздат, 1976, стр. 82.

С. ШАКИБАЕВ

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ[1]



1

В Кустанае после Февральской революции 1917 года власть в Совете захватили эсеры и меньшевики. Они враждебно встретили продотряд Василия Чекмарева, прибывший из Петрограда с мандатом В. И. Ленина в конце ноября 1917 года. «Хлеба большевикам не дадим!» — заявили их главари в один голос. Тогда большевики с помощью отряда Чекмарева арестовали всех городских управителей, объявили о создании ревкома, роспуске эсеро-меньшевистского совета и контрреволюционной думы.

Ревком решил наладить отправку хлеба в Питер, организовать Красную гвардию, разоружить контрреволюционные элементы, готовить созыв первого уездного съезда Советов.

«На всю жизнь,— пишет В. М. Чекмарев в своих воспоминаниях,— мне запомнился день, когда был отправлен первый эшелон с хлебом для Петрограда под охраной матросов и солдат... Своему близкому другу И. Грушину я дал персональное поручение: явиться к Владимиру Ильичу Ленину и рассказать ему подробно о создании временного революционного комитета и получить установку о дальнейшей работе»[2].

Грушин так и сделал. Доложил В. И. Ленину о прибытии хлебного эшелона и положении в Кустанае.

Ильич, тепло прощаясь с Грушиным, просил передать Чекмареву и матросам большое спасибо.

---

[1] Отрывок из документальной повести, подготавливаемой к выпуску в издательстве «Жалын».

[2] «Они встречались с Лениным». Алма-Ата, «Казахстан», 1968, стр. 118; *В. М. Чекмарев.* По заданию В. И. Ленина.

Контрреволюционные элементы не смирились с властью ревкома, повели борьбу с ним, организовали покушение на жизнь Чекмарева.

«В канун съезда,— пишет Чекмарев,— затянулось заседание ревкома до позднего вечера. В половине двенадцатого я вышел из ревкома, направляясь в гостиницу «Мориец». В тени от собора встретились двое в солдатских шинелях, которые почти в упор выстрелили в меня. Я схватился за наган и открыл стрельбу. Прибежал патруль, но злодеи успели скрыться. Рука моя была прострелена навылет»[1].

Ревком пытался установить личности террористов, но безуспешно. Чекмарев же с очередным хлебным эшелоном, в сопровождении двадцати пяти солдат и матросов, выехал в Петроград. В их отсутствие кустанайская буржуазия добилась созыва городского совещания, на котором выбрала своего представителя штабс-капитана Алекрицкого в состав ревкома.

15—16 января 1918 года в Кустанае состоялся первый уездный съезд Советов. «Эсеры, меньшевики и баи пытались повести съезд за собой, выдвинуть в президиум ,а затем и в уисполком только своих людей»[2], но благодаря усилиям большевистски настроенных делегатов этого допущено не было. Председателем уисполкома был избран Л. И. Тараи. Но состав исполкома был разношерстный, наряду с бедняками в его состав проникли и кулаки, баи. Поэтому внутри исполкома с первых же дней возникли трения. Эсеры и меньшевики старались тянуть исполком на соглашательство с буржуазией.

Между тем политическая обстановка в Кустанае осложнялась, накапливались враждебные силы. В земской управе, продолжавшей еще существовать, нашлись авантюристы, которые установили связь с местными и бежавшими с фронта белыми офицерами и готовили вооруженное восстание. 18 марта 1918 года они спровоцировали контрреволюционный мятеж. Мятежники осадили здание уисполкома. Собранные по тревоге железнодорожники-красногвардейцы пытались выручить членов уисполкома, но были встречены сильным огнем и вынуждены были отступить. Мятежники захватили железнодорожную станцию и телеграф. Члены уисполкома скрылись и перешли на нелегальное положение. Возглавлявший мятеж поручик Мартынюк пытался вызвать белоказаков из станицы Усть-Уйской. Однако наступление на Кустанай красногвардейских частей из уральских рабочих под командой Толмачева решило судьбу мятежа. Он был подавлен, его организаторы скрылись.

Обстановка требовала принятия решительных мер. Как нельзя кстати было опубликованное «Известиями ВЦИК» постановление ВЧК от 18 марта 1918 года о создании местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

3 апреля 1918 года закончил свою работу Тургайский областной съезд Советов, который также дал указание возможно скорее организовать следственные комиссии[3]. Одновременно в Кустанае открылся второй уездный съезд крестьянских, солдатских и киргизских депутатов. Ему надлежало обновить состав первого, январского, созыва исполкома, засоренного чуждыми Советской власти элементами, показавшими свое истинное лицо во время контрреволюционного мятежа.

---

[1] «Они встречались с Ленинным», стр. 118—119.

[2] «Борьба за власть Советов в кустанайских степях», стр. 18.

[3] «Тургайский областной съезд Советов». Казахское краевое издательство, 1936, стр. 56.

Съезд заслушал отчетный доклад уисполкома, по которому после множества выступлений была вынесена резолюция «О неудовлетворительной работе и неправильной политической линии»[1]. Был переизбран исполнительный комитет. Председателем его вновь стал Тараи. Однако в состав уисполкома снова пробрались чуждые люди. Среди них особо выделялся Луб, вожак кустанайских эсеров.

На съезде вопрос о создании следственной комиссии не рассматривался, очевидно, потому, что указания Тургайского съезда в то время еще не дошли до Кустаная. Однако вскоре в Кустанае произошли острые политические события.

Как-то члены уисполкома разъехались в свои поселки, чтобы отметить «святую пасху». Это переполнило чашу терпения коммунистов, которые тут же созвали собрание и постановили распустить уисполком и организовать ревком в составе коммунистов Панова, Георгиева и Тронова, прибывших с Урала. Узнав об этом, члены уисполкома возвратились в Кустанай. В отрядах Красной гвардии состоялись собрания. Подразделение, которым командовал Куценко, решило стать на сторону ревкома. Другое подразделение, возглавляемое Виенко, поддержало уисполком. Образовалось своего рода двоевластие.

«На другой день в Народный дом были созваны все члены уисполкома и ревкома... После ряда выступлений собрание единогласно постановило влить в состав уездного исполкома весь состав ревкома и вести работу совместно, а из Екатеринбурга вызвать комиссию для разбора дела. Таким образом, в состав уисполкома вошли коммунисты. Панов был избран заместителем председателя уисполкома. После этого уисполком значительно перестроил свою работу»[2].

Именно в тот острый момент и была образована в Кустанае уездная чрезвычайная следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией под руководством И. Эльбе[3].

Кто же такой Эльбе? Сведений о нем в известной книге «Борьба за власть Советов в кустанайских степях» нет. Пришлось провести немалую поисковую работу. Кое-что было найдено на месте, в Кустанайском госархиве. В частности, в списках личного состава отделов исполкома по состоянию на 1920 год значился Эльбе Иоган Денисович, 31 год, коммунист с 1905 года.

В номере кустанайской областной газеты «Ленинский путь» от 26 сентября 1968 года я прочитал статью А. И. Щербы, участника событий тех лет. Узнав в редакции его адрес, списался с ним, просил сообщить, что он знает об Эльбе. Щерба ответил, что «в Кустанае была группа латышей, в том числе Эльбе, Сея и другие, о которых говорили, что это были посланцы В. И. Ленина из Петербурга. Эти люди отличались высокой идейностью и преданностью Коммунистической партии и Советской власти».

Это письмо дало основание запросить Центральный государственный исторический архив в Ленинграде. Оттуда сообщили, что в печатном справочнике «Ведомость справок о судимости», издаваемом Министерством юстиции, за 1911 год значится: «Эльбе Иоганес-Адольф Денисович, 25 лет, из крестьян Лифляндской губ., Юрьевского у., Форбусской вол., родившийся в г. Юрьеве. 1 февраля 1911 г. Петербургской судебной палатой приговорен по ст.ст. 51, 53 и 1 п. 1, ч. 129 Уголовного уложения к заклю-

---

[1] «Борьба за власть Советов в кустанайских степях», стр. 35—36.
[2] Там же, стр. 35—36.
[3] Там же.

чению в крепости на 3 года, с зачетом 6-месячного предварительного тюремного заключения».

Можно было предположить, что Эльбе по национальности либо латыш, либо эстонец, и я обратился в госархивы Латвийской и Эстонской ССР.

Архивное управление при Совете Министров Латвийской ССР сообщило, что Эльбе Иоган Тенисович (а не Денисович) за участие в нелегальном собрании в г. Юрьеве 1 сентября 1907 года был арестован и заключен в юрьевскую уездную тюрьму, где находился еще в январе 1908 года[1].

По данным партархива Института истории партии при ЦК КП Эстонии значилось, что Эльбе Иоханес-Адольф Тынисович, по национальности эстонец, действительно в 1905 году состоял членом социал-демократической организации в Тарту.

Уже в 1906 году его фамилия и имя встречаются в алфавите настольного реестра юрьевского городского полицейского управления.

В 1907—1908 годах Эльбе за революционную деятельность был подвергнут тюремному заключению.

В 1908—1909 годах был в Таллине редактором легальной профсоюзной газеты «Тээ» («Труд») и входил в состав Таллинского комитета РСДРП.

В 1911—1912 годах за революционную деятельность вторично был подвергнут заключению.

В 1913 году работал в Нарве в редакции легальной большевистской газеты «Кийф» («Луч»). Потом царские власти отправляют его в ссылку. Так в конце 1916 года он оказался в Кустанае[2].

О политссыльных в Кустанае, в том числе об Эльбе, находим некоторые сведения в литературе, изданной в последние годы в Казахстане.

«Только в Кустанае в 1916 году проживало свыше 100 политических ссыльных различных партий. В их числе были видные эстонские большевики И. Кэсперт и Эльбе. Здесь они создали нелегальную библиотеку, организовали кружки, в которых изучалась марксистская литература... Ссыльные большевики поддерживали связь с партийными организациями Петрограда, Поволжья и Урала, получали нелегальную литературу»[3].

Таковы были отзывы о ссыльных.

В 1918 году Эльбе, за плечами которого к тому времени было уже тринадцать лет революционной работы, назначается председателем Кустанайской следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией. В 1919—1920 годах являлся заведующим отдела труда уездного исполкома и председателем чека-тифа. Известно, что борьбу с тифом по всей стране возглавлял Ф. Э. Дзержинский. Увы, 12 мая 1920 года Эльбе сам был сражен этой коварной болезнью, косившей недоедавших, переутомленных людей...

Казалось бы, биография Эльбе восстановлена. Многое о нем теперь уже известно. Но мне хотелось найти кое-кого из его родных и главное — его фотографию. Решить задачу помогли органы ЗАГСа. Республиканское бюро актов гражданского состояния ЭССР уточнило отчество Эльбе (Тынисович) и сообщило, что у него было два брата и сестра. Я решил на всякий случай поискать их. К удивлению, несмотря на давность лет, нашлись сестра и племянник Эльбе. Написал им. Откликнулись оба. Племянник Артур, как и следовало предполагать, почти ничего не знал об Иоханнесе. Но зато сестра Эмилие-Минна-Марие Тынисовна Эльбе-Ермакова, которая

---

[1] ЦГИА ЛатвССР, ф. 3, оп. 8, ед. хр. 808; ф. 4568, оп. 8, ед. хр. 78.

[2] Партархив Института истории партии при ЦК КП Эстонии, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 97, л. 2; ф. 25, оп. 2, ед. хр. 355, лл. 2—3, 7; ф. 24, оп. 2, ед. хр. 84, лл. 1—3.

[3] «Под знаменем ленинских идей». Алма-Ата, «Казахстан», 1973, стр. 100.

тогда шел 85-й год, сообщила интересные сведения о брате. Привожу выдержки из письма:

«Иоханнес был очень талантливый человек, много читал и имел, учитывая его тогдашний возраст, большую библиотеку. Всю эту библиотеку пришлось нам ликвидировать (сжечь), когда Иоханнеса лишили свободы. Уже с молодых лет его заинтересовала политика. Но основное его желание было стать писателем. Между прочим, едва перейдя границу юношества, он перевел с русского на эстонский «На дне» М. Горького. По своим политическим воззрениям его можно бы считать социал-демократом. Во всяком случае, он имел знакомство с местными подпольными кружками, вел активную политическую работу, имел связь с местной политической типографией, распространял политическую литературу, листовки и т. п., в чем помогала брату и я — разносила эту литературу, будучи девочкой».

Первый председатель Кустанайской чрезвычайной следственной комиссии И. Т. Эльбе.

Сестра прислала фотокарточку революционера — будущего первого чекиста на Кустанайщине. Читатели могут воочию представить себе благородный облик этого замечательного человека.

2

В ходе поиска судьба свела меня с одним из ветеранов революции, бывшим начальником особого кавалерийского отряда Красной гвардии Ф. Э. Мирошниченко, проживающим в Кустанае. Он первый и рассказал мне об обстоятельствах раскрытия в Кустанае в том же 1918 году шпионского заговора барона Шиллинга...

В Кустанае создавался особый кавалерийский отряд. Когда были решены основные задачи по его подбору, размещению и снаряжению, Мирошниченко пришел к военному комиссару Н. С. Фролову, а затем вместе с ним к председателю уисполкома Л. И. Тарану с просьбой подыскать помощника, который занимался бы строевой подготовкой бойцов.

— У нас есть такой человек! — сказал Таран.

— Кто?

— Барон Шиллинг!

Оказывается, этот барон уже был здесь — просил работу, причем только по кавалерийской части.

Когда в назначенное время Мирошниченко пришел в исполком, в приемной находился молодой человек, лет за тридцать, среднего роста, в кителе без погон, с начищенными до блеска пуговицами, в хромовых сапогах, офицерской фуражке защитного цвета без кокарды. Курил папиросу. От дыма пахло духами. При появлении Мирошниченко молодой человек вскочил.

— Вот я и заместитель ваш! — представился он, поднося руку к козырьку. И стал рассказывать о том, что служил в кавалерии, знает строевую часть и постарается помочь иачальиику в иеобходимых делах.

Мирошниченко с Шиллиигом вышли из уисполкома.

— Ну, пойдем, посмотрим иаше помещение! — предложил Мирошниченко.

— Что? Пешком? — удивился Шиллинг.— И ординарца у вас нет?

— Нет. Незачем мие ординарца иметь,— отрезал Мирошниченко, раздражаясь улыбке бароиа.

Одиако Фролов чуть позже предупредил Мирошниченко:

— Ты смотри, следи за бароном, чтобы он не иатворил чего!

Как-то дежуриый по части доложил Мирошиичеико, что у Шиллинга бывает иезнакомый мужчина, похожий по выправке иа офицера. Помня слова Фролова, Мирошиичеико иаказал:

— Следи за иими и, если иадо,— докладывай.

Н. С. Фролов еще в 1917 году в г. Баку состоял члеиом комиссии по борьбе с коитрреволюцией, и какое-то иитуитивиое подсознание подсказывало ему, что иадо быть осторожнее с бароном.

Одиажды перед обедом явился тот самый мужчина и оставил дежуриому для Шиллинга бутылку молока и хлеб, завернутый в бумагу. Бутылка была как бутылка, заткиутая бумажиой пробкой. Молоко — тоже как молоко. Но что-то иасторожило бойца. Он вынул затычку, осторожио развернул бумагу и обнаружил запись: «Дайте мне то, что я у вас просил!» Дежуриый передал бутылку Шиллиигу и тут же об этом конфиденциальио известил начальиика отряда. Мирошничеико отругал его за то, что он предварительно ие показал ему этого послаиия.

— Стой на месте и доложи мие, что будет дальше! — сказал ои бойцу.

Через полчаса красиогвардеец доложил, что барои передал пустую бутылку, чтобы вернуть тому мужчиие. Пробка в ией была не та, другая. Развернули листок и ахнули: в нем сообщалось о количестве бойцов в отряде, их моральиом состоянии, наличии винтовок и боеприпасов.

Мирошииченко срочно выехал в город и доложил Фролову о подозрительиых действиях бароиа. Тот внимательно выслушал, молча вышел из кабииета — надо полагать, чтобы переговорить с председателем ЧК Эльбе. Вернувшись через иекоторое время, дал указание задержать иеизвестиого, когда он придет за бутылкой, и доставить его к иему. Только сделать все это без шума, секретно, чтобы иикто, тем более Шиллииг, не заметил.

Вскоре в расположеиии части появился тот, кого ждали. И тут бойцы его задержали и доставили Фролову... Потом Мирошниченко слышал, что при обыске в доме, где жил этот шпион, обнаружили списки бойцов и командиров Красиой гвардии, даниые о количестве оружия, боеприпасов, дислокации частей, материалы о составе уисполкома, о проводимой Советом работе и другие сведения. Сличение почерков показало, что сведения эти иаписаиы рукою бароиа. В тот же день, к вечеру, Мирошииченко получил указание задержать Шиллиига.

Кто и как с ним дальше разбирался, Мирошниченко, к сожалению, ие знает.

Примерно дней через десять Мирошииченко был вызваи к Фролову. Здесь же иаходились командир полка Перцев, ротиые Виенко, Куценко.

— Следствие по делу барона Шиллинга закончено,— объявил Фролов.— Мое мнение: надо судить и уничтожить как шпиона, заброшениого белоками в наши ряды. Как вы смотрите, товарищ Мирошниченко?

— А как же! — воскликнул Мирошниченко.— Ведь пойман с полнчным!

Фролов посмотрел на других командиров.

— Если мы будем щадить шпионов, миловать их, то нам здесь делать нечего,— заявил Куценко.

Фролов попросил секретаря, чтобы зашел председатель ревтрибунала Дощанов, и проинформировал того о мнении по поводу решения судьбы Шиллинга.

Дощанов начал свой ответ издалека:

— Меня осудили на 25 лет ссылки лишь за то, что заступился за батрачку. А тут нас предают. Судить и уничтожить. И конец разговору.

Решили предать барона Шиллинга суду.

Через несколько дней состоялся судебный процесс революционного трибунала под председательством Омара Дощанова. Мирошниченко на нем не был, но слышал, что ревтрибунал приговорил Шиллинга к расстрелу. После суда ему пришлось выделить двух бойцов для приведения приговора в исполнение. Расстрелом руководил Куценко. Рассказывали потом, что барон перед казнью падал на колени перед Куценко, умолял его, чтобы ему сохранили жизнь. Он говорил: «Пусть все думают, что меня расстреляли, а я буду выполнять ваши задания, узнавать все, что делается у белых и докладывать вам». Но Куценко был непреклонен, приговор привел в исполнение.

К сожалению, Мирошниченко о действиях ЧК ничего не знал. Но я разыскал дополнительные данные о раскрытии заговора барона Шиллинга именно чрезвычайной следственной комиссией.

В Кустанайском госархиве хранится уголовное дело на Луба, где имеется протокол допроса свидетеля Кубанцева от 15 августа 1921 года. Он показал: «В 1918 году... я был комиссаром юстиции и, будучи верховной властью в этой отрасли, я был посвящен Чека в методы борьбы с контрреволюцией того времени... Перед падением Кустаная был раскрыт заговор, главарем коего являлся барон Шиллинг и его секретарь, фамилию не запомнил, которые по постановлению военного суда, членом коего был и я, были расстреляны. Причастность Луба к заговору Шиллинга достаточно подтверждалась материалами, поступившими в тогдашнее время в ЧК...»[1]

В приговоре объединенного губернского революционного трибунала от 24 декабря 1921 года по делу Луба, в частности, отмечается: «Луб имел связь с бароном Шиллингом, возглавлявшим в 1918 году контрреволюционную организацию, целью которой было свержение Советской власти»[2].

В рукописях бывшего уездного комиссара юстиции С. С. Ужгина, хранящихся в Кустанайском историко-краеведческом музее, читаем: «Незадолго до падения Советской власти в гор. Кустанае, в первых числах нюня Следственной комиссией были получены сведения об офицерском заговоре... был арестован барон Шиллинг...».

Пусть архивно-уголовное дело на группу Шиллинга пока не найдено и не все детали дела нам известны, но живые люди и документы донесли до нас, что в то бурное и трудное время Кустанайской чрезвычайной следственной комиссии во главе с ее председателем Эльбе, с помощью командиров и бойцов Красной гвардии удалось раскрыть и разоблачить

---

[1] Кустанайский областной государственный архив (сокращенно — КОГА), Ф. Р.— 109, оп. 1, д.14, св. 1, стр. 80, 239.

[2] КОГА, Ф. Р.— 109, оп. 3, д. 14, л. 242.

преступные происки контрразведки белых. Раскрытие шпионской деятельности барона Шиллинга — одна из интересных страниц истории Кустанайской ЧК.

3

Рассказ Мирошниченко о раскрытии заговора барона Шиллинга обратил мое внимание на личность Омара Дощанова. Ведь это он как председатель ревтрибунала оказался на высоте, показал пример, как надо быть беспощадным к врагам Советской власти. Я начал разыскивать и читать все, что было опубликовано в печати о Дощанове. Оказалось, что жизнь и деятельность этого замечательного человека изучена далеко не достаточно, в печати часто пересказывалось напечатанное ранее, притом без ссылки на конкретные источники. Самым значительным из того, что написано о нем, является роман в стихах Тогузакова «Омар Сибирский». Но это художественное произведение. Оно не воссоздает полную документальную биографию Дощанова... Словом, я включился в исследование его жизни, надеясь при этом что-то узнать и о деятельности ЧК в 1918 году, поскольку дела ЧК должны были проходить через ревтрибунал.

Омар Дощанов родился, как пишут до сих пор, в 1857 году во втором ауле Дамбарской волости Кустанайского уезда (ныне Тарановский район, второе отделение Аманкарагайского совхоза). Я же нашел в Центральном госархиве Казахской ССР рапорт, поданный 18 марта 1911 года кустанайским уездным начальником на имя тургайского губернатора, в котором указывается, что Дощанову «от роду теперь 52 года...»[1]. Рапорт написан на основе материалов следствия. Очевидно, если тогда Дощанову было столько лет, значит он родился в 1859 году. Конечно, здесь нет большой разницы. Но чтобы правильно вести дальнейший поиск, считал бы необходимым придерживаться этой даты.

Поэт Касым Тогузаков в предисловии к роману «Омар Сибирский» пишет, что Дощанов в 1866 году, в возрасте девяти лет, поступил учиться в Троицк, учился там шесть лет. Мне удалось раздобыть в Ташкентском госархиве копию свидетельства об окончании им Троицкой киргизской школы, заверенную печатью и подписью инспектора татарских, башкирских и киргизских школ. Согласно этому свидетельству, Дощанов поступил в Троицкую школу в январе 1875 года, а окончил ее в сентябре 1878 года, причем с отличными оценками.

При наличии такого документа еще больше веришь тому, что Дощанов, по словам Касыма Тогузакова, наизусть знал «Евгения Онегина» Пушкина, читал произведения Некрасова, Добролюбова, Чернышевского и свободно цитировал их по памяти[2].

В опубликованных в печати материалах говорится о том, что Дощанов после окончания Троицкой школы поехал работать в другие области. Одни пишут, что он поехал в Восточный Казахстан, другие указывают — в Ташкент, третьи называют Южный Казахстан. Все по-разному. Но я располагаю фактическими документами о работе Дощанова в Аулиеатинском уезде (ныне г. Джамбул). В свидетельстве за № 5290, подписанном исполняющим должность начальника этого уезда, указывается, что «Дощанов, состоя при Аулиеатинском уездном управлении письменным переводчиком с 22-го числа ноября 1879 года, возложенные на него обязанности исполнял усердно и с пользой для службы и поведения безукоризненного».

---

[1] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 357, л. 6 об.

[2] *К. Тогузаков.* Сибир Омары. Алма-Ата, Казгослитиздат, 1959, стр. 7.

Было большой радостью, когда я заполучил из Ташкентского госархива образец почерка Дощанова. Почерк очень красивый, грамотный, ласкающий глаз и вызывающий уважение к его исполнителю. В собственноручном прошении на имя императора Дощанов просил принять и зачислить его на службу по военно-народному управлению. К прошению прилагал свидетельства Троицкой киргизской школы и начальника Аулиеатинского уезда от 28 августа 1881 года. На основании этих документов военный губернатор Сырдарьинской олбасти 9 октября 1881 года написал рапорт на имя генерал-губернатора Туркестанского края с ходатайством об определении Дощанова на службу в управление. На рапорте резолюция (очевидно) упомянутого губернатора: «Зачислить Дощанова на службу (подпись) 10 ноября. Затем был оформлен приказ за № 322 от 25 ноября 1881 года о том, что «киргиз Тургайской области Дощанов, согласно прошения, определяется на службу по военно-народному управлению туркестанского генерал-губернатора, с прикомандированием для письменных занятий по Аулиеатинскому управлению».

Анализируя эти документы, можно сделать вывод, что Дощанов получил определенное повышение по службе, но продолжал оставаться в том же Аулиеатинском уезде.

В ранее опубликованных материалах указывалось о том, что Дощанов в 1875 году, в 17-летнем возрасте, вступился за молодую женщину, которую муж — известный бай заставлял вскармливать щенка своей грудью. Это было поводом для расправы с Омаром. Он был оклеветан и осужден царским судом к 25 годам ссылки в Сибирь.

Да, Дощанов был судим царским судом. Это бесспорно. Но в 1875 году, как говорилось выше, он только поступил в Троицкую школу и до конца ноября 1881 года находился на службе. Видимо, несчастье с Дощановым случилось где-то после нового его назначения. Об этом свидетельствует и упомянутый выше рапорт кустанайского уездного начальника от 1911 года, где указывается, что Дощанов был сослан в Сибирь «в восьмидесятых годах».

Возникает вопрос, где же конкретно Дощанов находился в ссылке в Сибири? Сибирь — широкое понятие, огромное пространство. Если установить название местности, где Дощанов отбывал ссылку, можно было бы выяснить, кто из революционеров там бывал в этот период и общался с Омаром, его занятия, эволюцию мировоззрения и т. д.

Я послал запросы во все архивы республики, областей и округов, расположенных в этой части страны. Однако ни в одном из архивов Сибири Дощанов не значился, хотя трудно в это поверить. Где-то хоть какое-то упоминание о Дощанове должно быть.

Как-то возвращаясь в Кустанай из командировки, я остановился в райцентре Федоровка и познакомился с аксакалом Уали Еркебаевым, которому тогда было 88 лет. Узнав круг моих интересов, он рассказал, что в совхозе «Петропавловский» Челябинской области проживает старик Мынайдар Калдаманов, у которого родственник Нуржан Койлыбаев в дореволюционное время отбывал наказание в Сибири и якобы встречался с Омаром Дощановым. «Если найдете Мынайдара, найдете и Нуржана, а у него узнаете, где конкретно он встречался с Дощановым»,— закончил старик свой рассказ.

Задал мне аксакал задачу! Установив, в какой район входит Петропавловский совхоз, написал и отправил письмо на имя Калдаманова с уведомлением. Через некоторое время вернулось мое уведомление. Смотрю: письмо вручено лично адресату. Обрадовался, что нашелся человек. Вскоре пришел и ответ. С жадностью читаю письмо. В конце Калдаманов

пишет: «... в то время я был еще мальчиком, не помню, что рассказывал Нуржаи...»

В ходе поиска бывают и такие неудачи. Но как говорят, «кто ищет, тот найдет». Все-таки я кое-что нашел. Из рассказов старожилов выяснилось, что Злиха, старшая дочь Дощанова, родилась в Сибири. Я подумал: если выяснить, где родилась Злиха, можно утверждать, что там был в ссылке и сам Дощанов. Так? Но Злиха умерла в 1964 году, и ее паспорт, сданный в ЗАГС, по истечении определенного времени оказался уничтожением, согласно существующему положению. Нигде никаких следов о месте ее рождения не оставалось. Опять огорчение! Но поиск продолжался. Мой сослуживец Галихан Маулетов нашел учителя Сафу Салмухамедова, брата мужа Злихи, который в свое время слышал от нее, что она родилась в Иркутской области. Это уже что-то определенное. Поиск можно продолжать в более узких границах.

В рапорте кустанайского уездного начальника от 16 марта 1911 года сказано, что Дощанов «по отбытии срока ссылки принят обратно в среду киргиз Дамбарской волости, где, после ссылки, проживает уже более 10 лет в своем ауле...» Если оттолкнуться от даты рапорта, похоже, что Дощанов вернулся из ссылки в 1900 году.

Теперь о деятельности Дощанова после возвращения из ссылки.

Племянник Б. Ещанов в своем воспоминании «Борец за счастье народа» пишет: «Вернулся Омар с каторги измученный, постаревший, но политически более зрелый — сказалось влияние ссыльных революционеров. Теперь он имел представление о классовой борьбе, знал жизнь других народов и с глубоким уважением говорил о русских революционерах. Бедняки Ахмет Дощанов, Айтпай Утепбергенов, Тасмагамбет Естинов, Ескендер Бермухаметов и многие другие о большевиках, о Ленине, о революции впервые услышали от Омара Дощанова...»[1]

Как видно из рапорта кустанайского уездного начальника, Дощанов 16 марта 1911 года арестован и привлечен в качестве обвиняемого по ст. 129 Уголовного уложения. Кстати, И. Т. Эльбе тоже обвинялся по этой статье. Основанием к возбуждению уголовного дела против Дощанова послужили заявления баев о его противоправительственной пропаганде.

При аресте Дощанов отрицал показания баев, выставил своих свидетелей. Уездный начальник пишет в том же рапорте, что «на основании показаний свидетелей, допрошенных по просьбе обвиняемого Дощанова, есть основание предполагать, что обвинение основано на вражде, происходящей теперь в Дамбарской волости на почве выборов должностных лиц киргизского общественного управления. Видимо, это мнение уездного начальника имело решающее значение. Дощанов был освобожден из-под стражи.

Как-то в Кустанайском историко-краеведческом музее я ознакомился с воспоминаниями старого коммуниста В. С. Редько. Он пишет: «...В бытность мою в г. Кустанае в 1966 г. мне был вручен от коллектива музея сборник «Борьба за власть Советов в кустанайских степях», где на странице 36 указывается, что вместо Дощанова председателем трибунала назначили Давыденко. Утверждаю, что товарищ Дощанов был председателем Кустанайского революционного трибунала до падения Советской власти, а я был его заместителем. Давыденко ни одного дня не был пред-

---

[1] В кн. «Казахстан в огне гражданской войны». Алма-Ата, Казгосиздат, 1960, стр. 306, *Б. Ещанов.* Борец за счастье народа.

седателем». Обрадовался я, что нашел человека, работавшего вместе с Дощановым в трибунале, но когда кинулся искать, Редько уже не было в живых. Так постепенно уходят наши ветераны, унося с собой бесценные сведения. Досадно было, что работники музея, знакомясь с воспоминаниями, не уточнили в свое время у него, какие конкретные дела он рассматривал, будучи заместителем председателя ревтрибунала...

Очевидно, строка о смещении Дощанова с должности председателя ревтрибунала попала в книгу «Борьба за власть Советов в кустанайских степях» на основании записей С. Ужгина, хранящихся в этом музее. Как видно из них, Ужгин действительно в то время вел борьбу против Дощанова, добивался его смещения. Как раз он и указывает, что вместо Дощанова был назначен Давыденко. Но, как утверждает Редько, Дощанов оставался до конца на своем посту.

Председатель Кустанайского революционного трибунала Омар Дощанов.

Главным обвинением Ужгина против Дощанова было то, что якобы он «все свое внимание, всю энергию товарищей по работе направлял на брачные и калымные споры между казахами, разрешая их на основании шариата и казахского быта. Контрреволюция, поднимавшая голову, очутилась вне поля зрения ревтрибунала...»[1]. Однако приведенные нами факты показывают, что Ужгин был не вполне объективен в этом вопросе. Как относился Дощанов к контрреволюции, видно на примере дела бароиа Шиллинга.

Летом 1918 года взбунтовавшиеся белочехи и дутовцы, разгромив Совет в Челябинске, двинулись к Троицку. Кустанайская Красная гвардия, направленная навстречу, отступила под давлением превосходящих сил противника. Командование решило распустить бойцов, а командному составу приказало уйти в подполье. Советская власть в Кустанае пала. Двадцать третьего июня 1918 года город был беспрепятственно занят белыми.

В день занятия Кустаная белыми от имени «Комитета народной власти» было опубликовано в газете заявление, в котором предлагалось всем советским работникам явиться в Кустанай для сдачи дел. Некоторые товарищи (Таран, Романов, Кугаевский и другие) приняли это «приглашение» и попали в тюрьму[2].

Вскоре атаман Дутов издал и разослал приказ об объявлении Тургайской области на военном положении, образовании во всех уездах военно-следственных комиссий и о ведении ими дел на всех лиц, причастных к большевизму. В Кустанае незамедлительно создали следственную

[1] Кустанайский историко-краеведческий музей, рукописный фонд, д. 150, стр. 84.

[2] «Борьба за власть Советов в кустанайских степях», стр. 49.

комиссию, товарищем (заместителем) председателя которой назначили Мартыиюка, только что освобожденного из тюрьмы.

— Теперь власть в наших руках! Теперь мы будем омывать руки в большевистской крови,— говорил Мартыиюк, радуясь при освобождении из тюрьмы.— Я ие остаиовлюсь, пока собственноручно ие расстреляю сто большевиков.

Однажды, получив даиные, что в пос. Калиновском скрывается бывший член уездного исполкома Остапенко, Мартыиюк выслал туда группу под комаидой Черникова. За нею последовал и сам. Он думал, что напал иа след работиика ЧК Оспенникова. Но перепутал фамилии.

— Нет! Не он! — заявил Мартыиюк, когда увидел арестованного Остапенко. Но все-таки предложил конвоирам всыпать ему. Конвоиры избили Остапенко прикладами и доставили его в кустанайскую тюрьму.

Мартынюк радовался, когда был арестован в Семиозерной волости Василий Кузьмич Моисеев, член Кустанайского ревтрибуиала.

Через несколько дией Моисеева вызвали на допрос. За столом сидели трое: следователь, председатель следственной комиссии Федорович и его заместитель — Мартынюк.

— Пиши! — сказал Мартынюк следователю, встав с места.— Теперь даю показания я: сидящий здесь арестоваиный Моисеев являлся оргаиизатором Красиой гвардии...

— Неправда! — прервал его Моисеев.

— Правда. Это было объявлено в газете красной банды. А еще скажу, что сидящий оргаиизатор Красной гвардии выносил постановлеиие об освобождении меия из тюрьмы под залог в десять тысяч рублей.

— Неправда! — опять заявил Моисеев.— Покажите это постановление, если оио было.

Мартынюк вскочил со стула, хотел что-то сказать, ио его остаиовил Федорович:

— Довольно, голубчик, довольно вам сводить личные счеты!

— Какие еще счеты! — вспыхиул Мартынюк.— Пусть ответит, кто расстрелял барона Шиллинга.

— Не знаю,— бросил Моисеев.

— Ух, кровопийцы! — злился Мартынюк. Неизвестно, что было бы дальше, если бы его Федорович не увел...

Довольно быстро расправился Мартынюк и с Перцевым, который допрашивал его в апреле, после ареста за контрреволюциоиный мятеж. Положеиия их переменились. Перцев тоже явился добровольно для сдачи дел и тут же был арестован. Но Мартынюк возиться с ним не хотел. «Расстрелян при попытке к бегству» написал он на деле и отправил Перцева под конвоем на расстрел. На самом деле Перцев никуда ие бежал. Под вечер двое верховых, вооруженных шашками, конвоировали Перцева по улице (ныне Гоголя) в сторону вокзала. Руки у иего были связаны за спиной. Прохожие обратили внимаиие на это шествие. Любопытные пошли следом за ними. Перцев шел твердой походкой, с подиятой вверх головой, ничем не проявлял своего беспокойства. Он и не думал бежать. Пройдя улицу Актюбинскую, белогвардейцы выстрелили один за другим в арестованного. Перцев упал. Один из конвоиров спрыгнул с коня, торопливо снял сапоги с трупа, затем оба быстрым галопом поскакали к цеитру города.

Месяца два спустя к Мартынюку обратился офицер алашордынской милиции Акжолов, сообщив, что он знает, где скрывается председатель ревтрибунала Дощанов.

— Где?! — обрадовался Мартынюк.

— В своем ауле...

Был срочно собран отряд карателей и в сопровождении Акжолова отправлен для поимки и ареста Дощанова. В этот день тот действительно находился в своем ауле. Каратели арестовали его, повезли в Кустанай. Но у Акжолова зудели ладони: он помнил приказ главаря алашордынцев Букейханова: «Коммунистов-казахов не щадить!..» Спровоцировав белогвардейцев будто следом на выручку Дощанову идет погоня из аула, он организовал зверское убийство Дощанова между логом Конай и Ортанбайсай (ныне земли Краснопартизанского совхоза), в 17 километрах от Кустаная.

... И, корча из себя
Гоица аллаха
Или еще какого божества,
Держа в руках косматую папаху,
Акжолов стал выкрикивать слова:
— Ты большевик!
Большевики немало
В аулах наших натворили зла!
Сейчас, как председатель трибунала,
Ты нам ответишь за свои дела!
Никто не вправе
В этом славном мире
Лишать хозяев пастбищ и воды!
Пока Колчак господствует в Сибири,
Несокрушима мощь алаш-орды!
И в землю вы не будете зарыты!..
Головорез с ладонью свел ладонь
И, грозно глянув на своих джигитов,
Решительно скомандовал:
— Огонь!
Сам отошел в сторонку на два шага,
Туда,
Где кони грызли удила...
Легли на дно глубокого оврага
Пронизанные пулями тела... [1]

В стихотворном романе «Омар Сибирский», в воспоминаниях, статьях встречается фамилия Акжолова как предателя и убийцы Дощанова. Однако никто не называет его имени и не дает каких-либо сведений о нем. Я предположил, что если он был реальной личностью, то не мог уйти из поля зрения ЧК. Решил организовать поиск материалов об Акжолове. И нашел. Подробности розыска будут изложены в книге.

Начал я эту работу с организации встречи с еще одной дочерью Дощанова — Алимой, жившей на станции Тобол в 90 километрах от Кустаная. Когда ехал к ней, на семнадцатом километре сошел с машины. На месте гибели Омара Дощанова высится памятник. На нем написано:

Здесь
в августе 1918 года
зверски убит
алашордынцами и
белогвардейцами
первый председатель
Кустанайского трибунала
ОМАР ДОЩАНОВ
1857—1918 гг.

[1] *К. Тогузаков.* Омар Сибирский. Роман в стихах. Алма-Ата, «Жазушы», 1969, стр. 169—170.

Молча постоял на этом месте иесколько минут, мыслению представил себе трагедию, разыгравшуюся тут около шестидесяти лет иазад...

4

С весны 1919 года в Кустанайском уезде иазревало восстание против Колчака. Готовили его местные большевики во главе с талантливым организатором Михаилом Георгиевичем Летуновым.

Большевики рассматривали подготовку восстания как часть всенародного восстания на Южном Урале и в Сибири. Вопреки общему плану подпольных большевистских организаций, представитель эсеровских боевых дружин А. Жиляев в последних числах марта организовал преждевременное нападение на колчаковскую милицию в поселке Долбушинском, а оттуда со своей малочисленной группой (8 человек) и присоединившейся частью крестьян поселка направился в Боровое, где также разоружил и рассеял незначительный отряд колчаковской милиции[1].

Из-за поспешности Жиляева восстание началось явно ранее намеченного срока. Несмотря на зто М. Г. Летунов поддержал его, дал указание всем группам и боевым дружинам немедленно прибыть в Боровое на помощь восставшим. Однако Жиляев обвинил его в том, что прибыл он в Боровое «на другой день утром, когда с колчаковской властью было все покончено»[2]. На этом основании претендовал на положение главнокомандующего повстанческой армией и предложил действительному организатору восстания роль адъютанта. Летунов, стремясь сохранить единство действий, согласился, лишь бы не погубить дела[3]. Начальником штаба был избран Н. И. Миляев.

5 апреля партизаны освободили город Кустанай. Первым делом из тюрьмы были выпущены политические заключенные. Не расходясь домой, они сразу же примкнули к повстанцам. Вечером собрание актива красных партизан избрало революционный совет. В него вошли: Л. И. Таран, М. А. Виенко, И. А. Грушин, К. М. Иноземцев, М. Г. Летунов, Н. И. Миляев, В. С. Редько и другие. Всего тридцать человек[4]. Реввоенсовет решил поручить Грушину, Селезневу и Журавлевой организовать чрезвычайную следственную комиссию и разобраться с арестованными белогвардейцами. Председателем ее стал член реввоенсовета Грушин.

Велико было значение Кустанайского восстания. Оно расшатывало белогвардейский тыл. Из всех крупнейших крестьянских движений оно было ближе всего к Восточному фронту, поднялось в период опасного наступления колчаковских войск[5], которое началось 4 марта 1919 года, против 5-й армии, занимавшей позиции на центральной части фронта. Снятие с фронта ряда частей, направленных к Кустанаю, и вызванная зтим же отсрочка посылки подкреплений в известной мере помешали Колчаку развернуть боевые операции, а следовательно, усилили фронт красных[6].

Кустанайским восстанием интересовался В. И. Ленин. В телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта он писал: «Узиал про восстание в Ку-

---

[1] *П. М. Пахмурный.* Коммуннстнческая партия — организатор партизанского двнження в Казахстане. Алма-Ата, «Казахстан», 1965, стр. 207—208.

[2] «Красные партизаны Кустаная». М.—Алма-Ата, 1934, стр. 77.

[3] «Борьба за власть Советов в кустанайских степях», стр. 90.

[4] Партархив Казфнлиала ИМЛ, ф. 181, об. 6, ед. хр. 58, л. 6.

[5] *И. Ф. Плотников.* Геронческое подполье. М., «Мысль», 1968, стр. 234.

[6] «Борьба за власть Советов в кустанайскнх степях», стр. 139.

станае... Надо напрячь все силы на соединение. Что предпрнннмаете? Посылаете ли к ним аэроплан? Телеграфируйте мне подробно»[1].

Кустанайское восстанне подробно описано в кнпгах «На переломе жизни», «Красные партизаны Кустаная», «Борьба за власть Советов в кустанайских степях», монографическом труде П. Пахмурного «Коммунистическая партия — организатор партизанского движенпя в Казахстане». Но ни в одной из нпх не прнводнтся данных о деятельности чекистов повстанческой армин. Только в кнпге П. Пахмурного вскользь сказано, что они занимались «расследованием деятельности захваченных колчаковцев, а также вылавливанием нх агентуры». Тем не менее этот факт свидетельствует о том, что без такого органа нельзя было вести нормальную работу по организации краснопартизанской армии, которая «за первые четыре дня после освобождения города увеличилась в 10 раз, с 2,5 тысячн до 25 тысяч»[2].

Председатель Кустанайской чрезвычайной следственной комиссии в 1919 г. И. А. Грушин.

Немалая заслуга в этом Ивана Алексеевича Грушина. Это он в ноябре 1917 года прнехал в Кустанай в составе продотряда Чекмарева, был активным участником установления Советской властн в городе. Он доставил первый эшелон кустанайского хлеба в голодный Пнтер н в связи с этим побывал на приеме у В. И. Ленина. Вернувшись в Кустанай, участвовал в работе первого уездного съезда Советов... Безусловно, заслуженный человек! Его имя мелькает в литературе часто, но более нлн менее полной биографии нет. Скупые бнографнческие сведенпя, имеющпеся в кустанайской областной библнотеке именн Л. Н. Толстого, меня не удовлетворнлн. Обнаруженные мной в партархнве Инстнтута нстории партнн прн ЦК КП Казахстана воспоминания Грушнна заканчиваются 1919 годом. Дальнейшая его жизнь ннгде не освещалась.

Заведующнй общим отделом Кустанайского обкома КП Казахстана, один из членов редколлегнн кнпги «Борьба за власть Советов в кустанайских степях» К. М. Волочаев подсказал мне, что в Москве жнвет жена Грушина — Кислова Людмнла Николаевна. Мне удалось спнсаться с ней. Она сообщнла, что Иван Алексеевич являлся персональным пенсионером союзного значенпя, состоял на учете Дзержинского райсовета Москвы. Перед уходом на пенсню работал в редакции Большой Советской Энциклопедин заведующнм пронзводством.

Людмила Николаевна прнслала мне несколько фотокарточек Грушина. Комиссня по установленню персональных пенсий прн Совете Мнннстров СССР прнслала копию автобиографнн Грушина и копин характери-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 354—355.

[2] *П. М. Пахмурный.* Коммунистическая партия — организатор партизанского движенпя в Казахстане, стр. 220.

стик — отзывов о нем коммуннстов П. С. Гречко, Н. С. Фролова и В. Заводевского.

Во время этих моих поисков в кустанайской областной газете «Ленинский путь» от 7 января 1969 года появилась статья Д. Дорофеевой, члена КПСС с 1919 года, персональной пенсионерки республнкаиского значеиия, почетной гражданки г. Кустаная. Из статьи стало ясно, что Дорофеева зиает Грушииа с конца 1917 года, с момента его прибытия в Кустанай в составе продотряда. Я решил побеседовать с ней лично.

Дора Павловиа оказалась очень приветливой и ннтересной собеседницей. Оиа охотно рассказала известные ей интересиые момеиты из жизнн Грушнна и, главиое, подсказала, где еще нскать о нем материалы. После этого я запросил архивы Ленинграда о Грушине и получил много материалов, внесших ясность во все интересующие меня вопросы.

Иван Алексеевич Грушин родился 25 марта 1897 года в деревне Лютивля Вышневолоцкой волости Тверской губернии (иыне Калининской области) в семье бедиых крестьян. Учился в Спировском техническом училище. В 1914 году сгорела деревня, в которой жилн родители, и им пришлось взять сына домой, так как нечем было платить за учение. До призыва в армию он работал приемщиком иа фабрике Рябушинского. 1 октября 1916 года Грушина отправили в Петроград во 2-й Балтнйский флотский экипаж, где он служил до Февральской революции. После иее был избран в ротный комитет. В апреле 1917 года перевели в Кронштадт в школу гальванеров. Обучаясь там, писал заметкн в большевистскую газету «Голос правды». Участвовал в июльской демоистрации. Был арестован и сидел сначала в Петропавловской крепости, а затем в «Крестах».

24 октября 1917 года кронштадтский отряд матросов, где служил Грушин, разоружил Ораниенбаумскую офицерскую школу и Петергофскую школу прапорщиков. Ораниенбаум стал советским. Грушии был иазначен помощником коменданта города. В одном из документов он указывает, что, будучи иа этой должности, неоднократио выполнял задания И. В. Сталина.

15 ноября 1917 года Грушии в составе продотряда был командирован в Снбирь за хлебом для Питера. «Мне достался Кустаиайский район»,— пишет Грушин в воспомиианнях. Когда он появился в Кустанае, ему было всего двадцать лет.

О своей встрече с В. И. Лениным в декабре 1917 года Грушнн пишет так: «...Приехав в Петроград, я сразу же отправился в Смольный. Зашел в секретариат. Доложил секретарю, что я приехал из Сибири с эшелоиом хлеба и с пнсьмом лично для Владимира Ильича. Отдал письмо секретарю, и оиа ушла с ним к Ленину.

Секретарь быстро вернулась и попросила меня пройти в кабинет Владимнра Ильича. Вошел в кабннет, поклонился. Вид у меня, очевидно, был растерянный, я ие думал, что так скоро буду принят, Владимир Ильнч, видя мое смущение, встал со стула, поздоровался со мной, усадил на стул и, обращаясь к присутствующим, сказал: «— Этот матрос из Кронштадта. Ои привез из Сибири эшелон хлеба. Мы попросим его рассказать, как там дела».

Оказывается, у Ильича шло совещание по продовольствию. Я коротко рассказал. Ильнч задавал вопросы: сильны ли в Кустанае эсеры, как мы разогнали меньшевистский совет, много ли у крестьян хлеба. Я ответил. Когда я сказал, что успеху разгона соглашательского Совета матросами содействовало праздноваиие эсеро-меиьшевистскнми деятелями «рождества Христова», то присутствующие очеиь весело и долго смеялись. Смеялся и Владимир Ильич.

Тов. Ленин внимательно слушал меня. Прочитав письмо т. Чекмарева, он, обращаясь к тов. Шлихтеру, сказал: «Молодцы матросы! Куда пошли — везде толк! Надо организовать больше матросских отрядов и посылать их на места. Вы, тов. Шлихтер, назначьте товарища комиссаром продовольствия по Оренбургско-Тургайскому району...»[1]

Во время этой поездки Грушин побывал в Кронштадте и оформил свое вступление в партию большевиков. Вернулся Грушин в Кустанай как комиссар по продовольствию Оренбургско-Тургайского уезда. Он пишет, что за время его работы с ноября 1917 года по 15 мая 1918 года из Кустанайского района было отправлено 5 миллионов пудов хлеба для голодающих губерний, что подтверждается рядом документов. В характеристике, данной Н. С. Фроловым, указывается, что «в результате совместных усилий нам удалось отправить в Питер более 6 миллионов пудов хлеба. Отправка хлеба,— итожит Грушин,— только часть работы. Кроме того, мы, матросы, устанавливали Советскую власть там, где находились».

Грушин вернулся в Кустанай накануне первого уездного съезда и был избран членом уисполкома.

В мае 1918 года части чехословацкого корпуса, сформированного из военнопленных, и белогвардейцы свергли власть Советов в Челябинске. Грушин, как и другие кустанайские красногвардейцы, с оружием в руках пошел на фронт. Н. С. Фролов пишет, что Иван Алексеевич в июне «доставил из Свердловска и передал мне как военному комиссару оружие: винтовки, патроны, револьверы и бомбы для борьбы с белыми. Весь июнь 1918 года Грушин был на фронте...».

После захвата Кустаная белыми он был арестован в одном из поселков и доставлен в организовавшийся комитет «народной власти», который и отправил его в тюрьму, где бывший матрос просидел около десяти месяцев. Здесь, в застенке, заболел сыпным тифом. Был приговорен к расстрелу. Внезапное восстание красных партизан принесло ему свободу.

Освободившись из тюрьмы, Грушин сразу же включился в дела повстанцев, был избран членом реввоенсовета и председателем чрезвычайной следственной комиссии. Но его и других партизан ждала трагедия. Командующий краснопартизанской армией авантюрист Жиляев не подчинился решению реввоенсовета послать одну группу на Орск на соединение с Красной Армией, а другой группой наступать на Троицк. Он развел демагогию, упустил время и оставался в городе, обещая «на месте дать отпор врагу и преследовать его до Троицка». Он мечтал о создании «трудовой республики»[2] с центром в Кустанае.

Тем временем Колчак направил на подавление восстания отборные силы. О значении, которое он придавал данной карательной операции, можно судить по тому, что руководство ею было возложено на полковника Сахарова, будущего генерала и военного министра Колчака.

Восьмого апреля белогвардейцы после сильного артиллерийского обстрела пошли в атаку. Кустанайцы мужественно дрались с колчаковцами, геройски обороняли город три дня. Однако Жиляев самоустранился от руководства обороной, все эти дни отсутствовал в штабе и появился лишь накануне отступления партизан из Кустаная.

Под нажимом членов Совета он вынужден был отправить отряд в 400 человек под командованием Тарана на поселок Семиозерный для очистки пути от белых.

---

[1] «Борьба за власть Советов в кустанайских степях», стр. 13.

[2] «Трудовая республика» — по понятиям Жиляева — своего рода кулацкая «автономия» от центральных властей.

С отрядом уехал и Грушин. Превосходящие силы противника вечером 10 апреля вошли в город Кустанай и учинили кровавую расправу. Через несколько дней в Шолаксае отряд Тарана догнал Жиляев с остатками партизан. Встал вопрос, куда держать путь. «Таран предлагал идти на Тургай, где сохранилась Советская власть, и через него пробраться на Туркестанский фронт для соединения с Красной Армией»[1]. Но в пути Жиляев с отрядом повернул обратно, в поселке Сундуки разгромил сотню карательного отряда, помчался на Боровское, в родные места; но через несколько дней его атаковали превосходящие силы врага, и он вынужден был в беспорядке покинуть Боровское и направиться на соединение с отрядом Тарана[2]. Между тем отряд Тарана, оставленный Жиляевым без продовольствия, испытав тяжелые лишения, подходил к Тургаю, не зная, что там уже произошел контрреволюционный переворот. Алашордынцам удалось арестовать Тарана, обманным путем разоружить его отряд и повести под конвоем в г. Атбасар, чтобы выдать партизан белым — на верную гибель.

Но в пути, узнав о приближении к Тургаю второго партизанского отряда, алашордынцы бросили партизан и убежали к своим. «Дальше,— пишет Грушин в своем докладе президиуму Челябинского губернского комитета РКП(б),— мы решили разойтись по разным направлениям. Я пошел на поселок Савинский, где был арестован и под конвоем доставлен в Атбасар. Имея поддельный документ на имя Смирнова, беженца-солдата, отпущенного на 6 месяцев, я кое-как отмотался. Еще даже получил из комитета беженцев пособие 8 рублей, уехал из Атбасара в деревню Притычная, откуда пробрался до Кокчетава, а потом на Петропавловск, где прожил неделю. В это время Красной Армией было взято Мишкино, и я решил во что бы то ни стало пробраться туда через фронт, до Кургана. Как раз кто-то разоружил чешский караул, заподозрили подводчиков и меня, арестовали, всыпали 25 и, не найдя улик, отпустили на другой день. Приехав в поселок Сычевский, я отдал лошадь, а сам, чтобы еще не влетело, отправился в село Покровское, где и скрывался у крестьян до прихода товарищей. Затем явился в штаб дивизии. Дал честное слово работать до тех пор, пока вся белогвардейская сволочь не будет уничтожена...»[3]

Несколько забегая вперед, следует сказать, что Грушин после работы в ЧК посвятил себя журналистике, был редактором ряда газет («Советское строительство» в Кустанае, «Степная правда» в Оренбурге, «Полярная магистраль» и журнала «Красная деревня» в Ленинграде, «Полесская правда» в Гомеле, «Красный Дагестан» в Махачкале). Им написано много статей, выпущено несколько брошюр на общеполитические темы. Еще в 1922 году, работая редактором оренбургской газеты «Степная правда», он издал брошюру «История жиляевского восстания», посвященную третьей годовщине этого события. Он писал тогда, что «Летунов и Миляев были душой восстания, но Жиляев, воспользовавшись тем, что они не претендовали на роль «главкомов», объявил себя главнокомандующим и так упрочил за собой это название»... К сожалению, Грушин допустил ряд неточностей и искажений. Впоследствии Грушин учел замечания, сделанные в 1927 году в докладе о партизанском движении в Кустанайском уезде

---

[1] «Борьба за власть Советов в кустанайскнх степях», стр. 121.

[2] Жиляев в августе 1919 г. был осужден к расстрелу как изменнпк Родины и враг трудового народа.

[3] Партархив Инстнтута нстории партнн прн ЦК КП Казахстана, ф. 811, оп. 6, ед. хр. 22, стр. 12.

одним из его руководителей А. Н. Ильментьевым, и соответствующим образом отредактировал книги «Красные партизаны Кустаная» и «Борьба за власть Советов в кустанайских степях»...

Несколько слов о Селезневе и Журавлевой, работавших вместе с Грушным в ЧК краснопартизанской армии. Известно, что Селезнев в прошлом учился в Петербургском политехническом институте, имел звание прапорщика. Журавлева Юлия Яковлевна происходила из бедной семьи, окончила гимназию, затем с 1914 года учительствовала в Кустанае. Здесь познакомилась с революционно настроенными Селезневым, Миляевым и другими. В 1918 году принимала участие в работе первого и второго уездного съезда Советов. После захвата Кустаная белогвардейцами ушла в подполье...[1]

В период существования краснопартизанской армии оба они являлись членами ЧК, а Селезнев, кроме того, в отряде Жиляева был председателем военно-революционного трибунала[2]. Оба они зверски убиты белобандитами в 1919 году.

6

В один из приездов А. Джангильдина в Москву его пригласили зайти к Ленину для беседы.

В. И. Ленин, как всегда, встретил его приветливо, расспросил о делах, интересовался работой в Казахстане. Он говорил, что «Казахстану должно быть предоставлено право на самоопределение. Советская власть должна оказывать всяческое содействие народам Востока, стать для них родной властью»[3].

Вскоре было принято важное решение об организации Киргизского (Казахского) Революционного Комитета.

В начале августа 1919 года Киррevком в полном составе прибыл в Оренбург, чтобы помочь фронту. Из Оренбурга Джангильдин выехал на Восточный фронт, а оттуда с 30-й дивизией 5-й армии двинулся на Троицк.

Девятнадцатого августа 1919 года 322-й полк 35-й дивизии 5-й армии после ожесточенных боев освободил город Кустанай. Однако уезд еще не был полностью освобожден — белые, отступая, захватили Семиозерное и отрезали Кустанай от Троицка.

Большевистская группа Кустаная, совместно с представителями 311-го стрелкового полка, сразу же после освобождения города от колчаковцев на организационном собрании 21 августа создала временный военно-революционный комитет под председательством комиссара 3-го батальона П. С. Мамыкина[4]. А спустя десять дней в связи с освобождением ряда волостей был образован уже уездный ревком, членов которого потом избрали заведующими отделами местного управления. Председателем комитета стал В. Дружицкий, представитель Военно-революционного Совета 5-й армии, член партии с 1918 года, бывший учитель из Бузулука. Среди населения он пользовался большим авторитетом.

В начале сентября 1919 года в Кустанай прибыл А. Джангильдин и провел собрание коммунистов города. На нем организовали временный комитет РКП города[5]. Челябинское губернское организационное бюро

---

[1] «Борьба за власть Советов в кустанайских степях», стр. 160—161.

[2] «*А. Джангильдин.* Документы и материалы». Алма-Ата, Казгосиздат, 1961, стр. 67.

[3] *П. М. Пахмурный.* Коммунистическая партия — организатор партизанского движения в Казахстане, стр. 236.

[4] «Борьба за власть Советов в кустанайских степях», стр. 114.

[5] Там же, стр. 116.

РКП(б) своим постановлением от 27 октября 1919 года утвердило его в составе Аболтина, Грушина, Дружицкого, Миллера, Джангильдина, Усачева и Щербак[1].

В дальнейшем Джангильдин приступил к организации казахского кавалерийского полка, принимал участие в создании отделов местного управления: совета народного хозяйства, продовольственного отряда, уездного военного комиссариата, отдела милиции и т. д. Эта его деятельность описана в ряде книг.

На очередном заседании Военно-революционного комитета, которое состоялось 22 сентября 1919 года, обсуждался вопрос об организации Чрезвычайной комиссии. На заседании присутствовали А. Джангильдин, В. Дружицкий, П. С. Мамыкин и другие члены ревкома, а также командированный штабом 5-й армии для организации ЧК И. М. Кошелев. Ревком постановил: поручить т. Кошелеву организовать Чрезвычайную комиссию, взяв в президиум комиссии выбранных на партийном собрании тт. Эльбе, Джансарина, Дырко, Пешкова[2]. Этот день — 22 сентября 1919 года — надо считать днем организации уездной ЧК в Кустанае. С тех пор ЧК существует постоянно, поныне, лишь преобразовываясь на разных этапах строительства социализма в органы ГПУ, НКВД, МГБ, КГБ.

В книге «Борьба за власть Советов в кустанайских степях» на стр. 149 без ссылки на конкретный источник сказано, что «для борьбы с контрреволюционными элементами военно-революционный комитет 25 октября 1919 года образовал уездную чрезвычайную комиссию (Чека)». Видимо, допущена неточность. В Кустанайском областном госархиве мной найден список личного состава и служащих кустанайской чрезвычайной комиссии по состоянию на 5 октября 1919 года, что свидетельствует о том, что к этому времени ЧК уже существовала. Уездная ЧК размещалась на улице Большая, неподалеку от Тобола.

Политическую обстановку в Кустанае в период создания ЧК можно представить себе из сообщения председателя Кустанайского ревкома В. Дружицкого на губернском съезде представителей, состоявшемся в Челябинске 1 октября 1919 года.

«Работа Кустанайского уезда протекает в боевой обстановке. Разбитые казаки под Орском и Актюбинском, разбежавшиеся по степям, начинают концентрировать свои силы. Хотя их штабы далеко, в 18—25 верстах от города Кустаная, но налеты бывают часто. Каждый советский работник и коммунист после окончания своей работы, кое-как пообедав, берет в руки винтовку и с 4 часов дня до 10 часов утра идет за город в окопы.

Настроение населения Кустаная и его уезда в высшей степени революционное.

После занятия города на митинг явилось все население...

Оружия в городе не хватало, а вооружаться желали все способные носить оружие. Крестьяне приходят в Ревком и просят им выдать разрешение — бумажку на право отыскания оружия самим. И, действительно, три человека раздобыли столько оружия, что смогли вооружить целый отряд.

Население заявляет, что оно готово немедленно отправить все свои излишки хлеба Центру...»[3]

---

[1] Партархив Челябинского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 7, с. 8.

[2] КОГА, ф. 389, оп. 1, св. 1, ед. хр. 65, л. 12.

[3] Партархив Челябинского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 166, св. 9, лл. 745—746.

* * *

Председателем Кустанайской чрезвычайной комиссии в 1919 году являлся И. М. Кошелев. Но где найти подробные сведения о нем? Обратился для начала в Кустанайский областной госархив. И мне повезло. Не сразу, конечно. Пришлось «перелопатить» немало запыленных дел. Обнаружил уже упоминавшийся список личного состава и служащих Кустанайской чрезвычайной комиссии по состоянию на 5 октября 1919 года. Под порядковым номером 1 значился: Кошелев Иван Михайлович, 20 лет, председатель ЧК.

Председатель Кустанайской чрезвычайной комиссии в 1919 г. И. М. Кошелев.

Очень скоро я разыскал в Омске архивное дело на Кошелева. В нем имелась биография — вплоть до 1945 года. Мне подумалось: жив, жив он! Материалы личного дела подсказывали, что его скорее всего надо искать в Москве, где он работал многие годы. Обратился в адресное бюро столицы. Получаю, к радости, ответ, что Кошелев живет в Москве, по такому-то адресу. Пишу письмо ему. Иван Михайлович быстро ответил: «...Вы напали на верный след. Первым организатором и председателем Кустанайской уездной ЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем в 1919 году был я...»

Между нами завязалась оживленная переписка. Постепенно многое прояснилось. В одном из писем Кошелев по моей просьбе прислал свою фотографию 1919 года. Теперь я не только читаю его письма, но и вижу его. Я радуюсь, что раскрыл биографию еще одного замечательного человека.

Иван Михайлович Кошелев родился в Москве в 1899 году. В 1905 году его отец был уволен со службы, как рассказывала мать, за связь с политическими, а через год умер. Ване тогда было всего семь лет.

Мать, Устинья Герасимовна, вынуждена была вернуться с ним в родную деревню Чирки Бибкеево Тетюшского уезда Казанской губернии. Жили у бабушки. Тут мальчик окончил трехклассную церковно-приходскую школу. Был он рослый, смышленый. В 14 лет мать отправила его в Москву, на самостоятельный заработок. В деревне ведь на одном земельном наделе, да еще безлошадным, делать нечего. Родственник устроил его поначалу посыльным в частную фирму, а потом к присяжному поверенному А. А. Смирнову. Выполняя мелкие канцелярские работы, Ваня имел возможность немного учиться. Через некоторое время по протекции Смирнова стал переписчиком в нотариальной конторе, одновременно окончил курс машинописи и печатал бумаги.

В 1916 году сдал экзамены на аттестат зрелости в объеме курса реального училища и осенью был зачислен вольнослушателем на юридический

факультет Московского государственного университета. Все это время жил у Смирнова, который, будучи старым холостяком, принял большое участие в судьбе Кошелева, оказывал ему материальную и нравственную поддержку. После зачисления в университет Смирнов как юрист помогал юноше овладеть юридической наукой и знакомил с политической литературой.

Кошелев начал посещать студенческие собрания, кружки, писать и распространять прокламации. В ноябре 1916 года у него в комнате произвели обыск и обнаружили заготовленные к распространению листовки. Кошелев был брошен в тюрьму, но через месяц освобожден под надзор полиции, исключен из университета и уволен со службы.

Во время Февральской революции Кошелев принимал участие в демонстрации. А в марте 1917 года заболел и уехал к матери в деревню, где пробыл до сентября. Потом вернулся в Москву и поселился за Пресненской заставой в районе бывших прохоровских фабрик. Среди местных рабочих и на заводе Гужона у него вскоре появились товарищи.

Октябрьская революция застала его в этой среде. Вместе с рабочими завода он принимал участие в Октябрьской революции. В одной из перестрелок с юнкерами в бою за Кремль был ранен в ногу. Пролежал беспомощным несколько часов на снегу и схватил воспаление легких. Чуть поправившись, снова уехал в деревню, где после выздоровления уездный Совдеп направил его в апреле 1918 года на работу в Тетюшинскую уездную следственную комиссию.

В июле 1918 года чехословацкий корпус занял Самару (ныне Куйбышев). Вооружив красногвардейский отряд и эвакуировав из города все возможное, уездный Совдеп, а вместе с ним и Кошелев отступили к Казани. Там Кошелев служил в 5-й армии, сформированной на ст. Свияжск, рядовым бойцом. Потом его направили в Чебоксары, в Чрезвычайную комиссию той же армии на чехословацком фронте, в распоряжение М. Я. Лациса[1], который назначил Кошелева комиссаром ЧК и использовал для выполнения ответственных заданий. После занятия Казани Кошелев работал во вновь созданной губчека, затем был командирован в Москву, где в сентябре 1918 года оформил вступление в партию большевиков, рекомендовали его рабочие прохоровской фабрики. По возвращении в Казань был направлен в г. Тетюши, где стал председателем уездной ЧК. Проработав некоторое время на этом посту, был вызван в ВЧК. Оттуда направлен в распоряжение Политотдела штаба 5-й армии, а там включен в формируемые передовые отряды по организации органов Советской власти в освобожденных от Колчака районах. Попал в один из таких небольших отрядов, предназначенных для г. Кустаная. Его рекомендовали на пост председателя Кустанайской ЧК, как имевшего уже определенный опыт в организации этой службы и борьбе с контрреволюцией.

Перед отъездом из Челябинска отряд собрали у командующего 5-й армией М. Н. Тухачевского на инструктивное совещание. Выступил командующий. Он говорил о тяжелой обстановке на фронте, о задачах, стоящих перед отрядом: прибыв к месту назначения, отряд должен связаться с местными товарищами, особенно с теми, кто находился в подполье, и с их помощью и участием сформировать местные органы власти. Действовать по обстановке, решать вопросы коллективно. Поскольку телеграфная связь действовала с перебоями, работать самостоятельно. В конце выступления Тухачевский предупреждал, что в Троицке наши воинские части уже имеются, а в Кустанае их может и не быть, так как передовые полки, вы-

[1] Мартин Янович Лацис — один из соратников Ф. Э. Дзержинского, член коллегии ВЧК.

бив колчаковцев из города, выдвинулись вперед. На всякий случай, сказал он, группе придаётся отряд красногвардейцев с тремя пулеметами...

В конце августа 1919 года, ночью, в трех теплушках, отряд прибыл на ст. Кустанай. Дружицкий предъявил председателю временного военно-революционного комитета П. С. Мамыкину выданный Реввоенсоветом 5-й армии мандат за № 222 от 21 августа 1919 года о назначении его председателем Военно-революционного комитета Кустаная. Уже первого сентября вышел приказ Реввоенсовета о передаче всей полноты гражданской власти военно-революционному комитету во главе с председателем т. Дружицким.

Вскоре в Кустанай прибыл отряд Джангильдина. Кошелев вспоминает, что им пришлось встречаться неоднократно: лично и на рабочих совещаниях, до и после общего собрания коммунистов города, которое состоялось 7 сентября. А 22 сентября на заседании Военно-революционного комитета, на котором участвовали Джангильдин, Кошелев и другие и где рассматривался очередной вопрос «Об организации Чрезвычайной комиссии», председательствовавший Дружицкий объяснил, что из особого отдела прибыл представитель т. Кошелев, который назначен Политотделом 5-й армии в г. Кустанай для организации Чрезвычайной комиссни.

В своих воспоминаниях, написанных специально по моей просьбе, Кошелев рассказывает об одной из запомнившнхся встреч с Джангильдиным в Кустанайской ЧК. «Как-то уже поздно вечером,— пишет он,— возвращаясь из уезда, Джангильдин завернул к нам в ЧК «на огонек». ЧК занимала большой дом (б. хозяина мельницы) на берегу Тобола, и свет его был виден издалека. Джангильдин промерз, и мы решили отогреть его чайком. За чаем разговорились о наших делах. Он интересовался, как мы работаем среди казахского населения. Мы признались, что опыта работы среди кочевого казахского населения у нас нет, не знаем, с чего начать. Тогда Джангильдин рассказал нам, что главная реакционная часть — это баи. Байское влиянне очень сильно в среде казахов, оно подчиняет себе казахскую бедноту. Говорил о родовых связях, сильных пережитках и боязливости бедноты. Подсказал, на кого мы должны опираться, кто может быть нашими верными людьми, назвал несколько имен, на кого мы можем рассчитывать в своей работе. Обещал подобрать казаха в аппарат ЧК, так как у нас из казахов никого не было (я называю сейчас «казах», а тогда называли «киргиз»). Для нас советы Джангильдина были новыми, и если я в своей работе чего-то не сделал в Кустанае, то впоследствии они мне очень пригодились в работе и в Семипалатинске, а особенно в Джетысуйской области, в Пишпеке, где байская прослойка была и более могущественной, и многочисленной.

Это, конечно, сравнительно мелкий эпизод. Но он и та обстановка, в какой происходила эта дружеская беседа, живо помнятся мне. Джангильдин был очень тактичен и не удивлялся тому, чего мы не понимаем и не разбираемся в национальных отношениях, старался нас просветить и убедить».

Здесь я не останавливаюсь на кознях контрреволюции, раскрытых Кустанайской ЧК в период работы Кошелева. Это заслуживает отдельного очерки. Добавлю лишь, что он проработал в Кустанае до 18 ноября 1919 года, более двух с половиной месяцев. Потом отряд, куда входил он, был отозван в Омск, в Политотдел 5-й армии. С ним отбыл и Дружицкий, который вместе с Кошелевым получил направление в Ново-Николаевск (ныне Новосибнрск) с теми же задачами, какие были поставлены перед ними и при поездке в Кустанай.

«На следующий день была сформирована и приступила к работе Ново-

Николаевская губчека, председателем которой был назначен я еще в Омске,— пишет далее Иван Михайлович.— Передо мной была поставлена первейшая задача — борьба с тифом. Нужно было карантировать всех военнопленных в военном городке, организовать их охрану и лечение оставшимся медперсоналом с тем, чтобы тиф не расползался по городу. Выполнив эту задачу, ЧК приступила к своей основной работе, так как в городе осталось очень много колчаковских «хвостов». В начале января 1920 года из Москвы для руководства нами прибыл член коллегии ВЧК, одновременно заместитель председателя Чека-тифа тов. М. С. Кедров.

По выполнении задач, возложенных на наш отряд, из г. Ново-Николаевска мы были отозваны в Политотдел 5-й армии уже в г. Красноярске. К тому времени армия Колчака была разгромлена, и наш отряд был расформирован. Я был назначен начальником Особого отдела 59-й дивизии 5-й армии, дислоцировавшейся в Семипалатинске, и в марте 1920 года мы приступили к ликвидации остатков армии Анненкова, фильтрации капитулировавшего офицерского состава во главе с начальником штаба. По окончании этой работы Семипалатинская группа войск была расформирована и 59-я дивизня передана в подчиненне Туркестанского фронта с дислоцированием ее в Верном (ныне Алма-Ата). Передовые части дивизии приняли участие в наведении порядка в городе после ликвидации мятежа, описанного Фурмановым в одноименной книге.

В период передислокации меня вызвали в ВЧК на доклад. Очень скоро меня там принял Ф. Э. Дзержинский. У него в кабинете было три-четыре человека, в том числе М. Я. Лацис, которого я уже знал. Ф. Э. Дзержинский назвал мою фамилию и сообщил, что я принимал непосредственное участие в ликвидации анненковщины. Состояние мое было необычным, так как мне впервые приходилось держать ответ перед самим Дзержинским.

— Давайте послушаем товарища Кошелева,— сказал Феликс Эдмундович,— о том, как все это происходило. Только вы, пожалуйста, расскажите кратко и главное.

Я доложил, но, видимо, не так кратко и не все главное.

— А как был использован материал, полученный в результате фильтрации офицерства? Какие установлены связи? Куда материал передан? — сыпались вопросы в конце моего доклада.

Видимо, мой ответ удовлетворил руководство. Замечаний не было. В заключение приема Ф. Э. Дзержинский сказал мне, что я должен отправиться в свою дивизию, но представиться начальнику Особого отдела Туркфронта Г. И. Бокию в Ташкенте, получить от него указания о дальнейшей работе в соответствии с обстановкой на месте.

Когда полностью стабилизировалось положение в Джетысуйской области, части 59-й дивизии Туркфронта были направлены на ликвидацию басмачества в Фергане. Особый отдел 59-й дивизии был расформирован, а работники Особого отдела переданы в Семиреченскую губчека. Меня назначили заместителем председателя губчека.

В январе 1921 года я был переведен в г. Пишпек (ныне г. Фрунзе) на должность заведующего политбюро Южно-Киргизского сектора ОГПУ. Мой предшественник т. Слуцкий, уезжая из Пишпека, познакомил меня с Михаилом Васильевичем Фрунзе и его семьей: матерью — Маврой Ефимовной, сестрой — Лндией и зятем — Алексеем Надеждиным. Это была очень дружная, гостеприимная семья. Алексей был геологом, а Лидия — преподавателем. Жилн они тогда на окраине Пишпека в своем доме. Я бывал частым гостем в этой семье, во-первых, потому, что у них можно было спокойно поговорить и отдохнуть, а Мавра Ефимовна к тому же была приятной собеседницей, всегда радушно принимавшая гостей, а, во-

вторых, мы, чекисты, всегда оберегали покой этой семьи... Связь с семьей Фрунзе у меня была весьма продолжительной и после отъезда из Пишпека...

В мае 1921 года я был отозваи в Ташкеит и назначеи заведующим политсектором Туркестанской Чрезвычайной комиссии. Но работал там недолго. Через четыре месяца ЦК направил меня в г. Оренбург на должность заведующего адмииистративным отделом НКВД Киргизской (Казахской) республики. В конце октября 1921 года заболел брюшным тифом, лечился, а потом по состоянию здоровья ушел из органов ЧК иа работу в народное хозяйство.

В октябре 1927 года отозван в Полномочное Представительство ОГПУ Средней Азии, работал в спецотделе, а летом 1931 года направлен начальником группы полиомочного представительства ОГПУ Средней Азии в г. Куляб Таджикской ССР для ликвидации басмачества. После разгрома банд Ибрагим-бека вернулся в Ташкент. Средазбюро ЦК ВКП(б) направило меня в Москву иа учебу в Академию соцземледелия, после работал в народном хозяйстве.

Началась Отечественная война. В июне 1941 года как чекист запаса был призван и иаправлен в Особый отдел «Смерш». До конца войны служил в Особых отделах 19-й и 22-й армий Западного, Северо-Западного и 2-го Белорусского фронтов. Последнее воинское звание — майор. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, медалями «За отвагу» и другими.

В середине апреля 1945 года откомандирован в распоряжение наркома мясной и молочной промышленности СССР с передачей в запас Красной Армии. С тех пор до 1957 года, когда ушел на заслуженный отдых, трудился в этом наркомате, затем министерстве в должности заместителя начальника главного управления мясной промышленности Российской Федерации. С 1967 года — персональный пенсионер союзного значения».

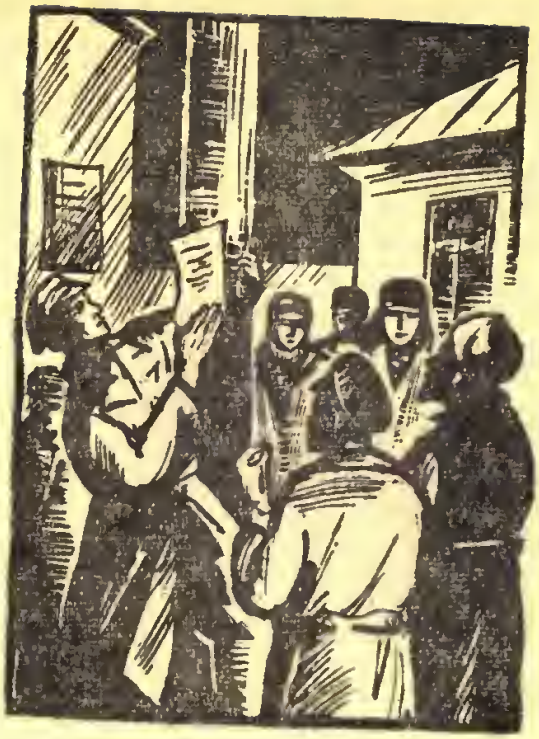
Таков жизненный и трудовой путь Ивана Михайловича Кошелева.

Переписку с Кошелевым я установил с февраля 1970 года. Последнее письмо от него получил в конце апреля 1971 года, он поздравил меня с праздником Первого мая. В 1972 году я ему выслал заказную бандероль с книгой, которую он хотел иметь, но бандероль моя вернулась с пометкой: «Адресат умер 15 ноября 1972 года».

В одном из писем в конце 1970 года Иван Михайлович писал мне: «Будете в Москве, прошу навестить нас, будем рады, как хорошему куиаку. Пишите, чем еще могу помочь Вам». У меня были некоторые вопросы, требующие уточнения. Они так и остались иевыясненными. От нас ушел замечательный человек, коммунист, чекист.

В. ГРИГОРЬЕВ

ТРУДНЫЙ УЗЕЛ



Телеграмму Аверину принесли утром. Заместитель начальника губчека Самохин требовал срочно прибыть в Семипалатинск. Как всегда, Андрей подобный вызов связывал с очередным переездом. Прошло уже десять месяцев, как его отозвали из Павлодара, и с тех пор он здесь, в Зайсане, постоянно был «на острие ножа». Вел борьбу с остатками белых банд Бакича.

Нагима вопросительно глянула на мужа и ласково, почти по-волжски, растягивая слова, спросила:

— Что, Андрюша, надо собираться?

— Да, пожалуй. Поедешь со мной, видимо, сюда не вернемся.

Аверин осторожно привлек к себе жену, легкими прикосновениями пальцев поправил выбившиеся из-под косынки жгучие черные волосы.

Передача дел преемнику заняла полчаса. Зато в оперативную обстановку его вводить пришлось долго, так как он открыто признался: «Чекистский стаж — всего три месяца».

Характеризуя силы белогвардейской эмиграции в приграничных с нами районах, откуда непрерывно забрасывались мелкие банды, Андрей особо подробно остановился на тех фактах, над которыми следовало продолжать работу. Особенно настойчиво — по обнаруженным связям антисоветского подполья внутри страны, которые осуществлялись через агентов-связников, шедших к атаману Анненкову, его начальнику штаба Денисову и генералу Бакичу...

В Семипалатинске пробыли ночь. Объясняя срочность перемещения, Самохин сказал:

— Прииято решеиие вернуть тебя, Аидрей Григорьевич, обратно в Павлодар. Крайие беспокоит нас, что не удалось в прошлом году до конца вскрыть эсеровское подполье, да и баида Найды не унимается. Бед натворят много, если объединят свои силы, а Найда еще в партизанах симпатизировал эсерам. Да и почва для иих есть — в казачьих стаиицах сторонники аваитюриста Шишкина сохранились, в переселенческих зажиточных селах недавно нашли листовки эсеровского «крестьянского союза». Есть сведения, что в наши края держат путь разъездные инструкторы ЦК эсеров, их главари Чернов и Зензинов дали инструкторам прямые указания готовить мятежи. Ты там работал, да и руководство укома партии не раз просило нас вериуть тебя.

И еще. Восстановите контакт с алтайскими чекистами. Их «подопечные» не признают границ республики и вкупе с «нашими» ведут интенсивный обмеи кадрами, деньгами и информацией. Выходит, прямой резои сделать крюк, заехать в Славгород.

Аверин молча выслушал наставления начальника и в знак согласия чуть наклонил голову.

По дороге в Славгород обоз, с которым ехал Андрей, обстреляли. Десятка два верховых с гиком ринулись было к центру обоза, но, услышав встречные гулкие очереди ручного пулемета «Шоша», моментально отвернули назад к бору.

— Федор Федорович, поди, решил размяться,— сказал возница, взглядом проводив конников.

— Кто это? — сразу же поинтересовался Аверин.

— Известно, Ударов. Лихой мужик. Как его Чека и коммунары ни ловили, ан нет, дудки, кишка тонка.

— Тебя, дед, послушать, так вроде Федор Федорович мужикам добро делает? — нарочито полубезразлично заметил Андрей.

— Да нет, добра я от него ие видел, но и худого тоже. А вот привычка уважать осталась. Раньше-то, в германскую, он крепко разбогател. Большие караваны гонял в паях с другими в Китай, Урянхайский край[1], Ново-Николаевск[2]. Однако потом, как красных свергли, он с Колчаком не поладил, партизанить стал. А уже после того как опять Советы власть взяли, он вскоре к Шишкину подался. Вот с тех пор и гоияются за ним. Сиачала мужики Федор Федоровича поддерживали крепко, а ионе почти все отошли.

— Что так?

— Нэп теперича. Резону нету.

— А раньше резон был?

— Немного имелось.

— Немного? — и Андрей, не выдержав, громко рассмеялся. Захихикал и возница, довольный своими уклончивыми, обтекаемыми ответами.

В лесном бору все разговоры в обозе прекратились. Сопровождающая охрана и часть возниц с оружием в руках настороженно всматривались в подступающую к дороге чащобу. Но, видимо, банда сочла, что ее могут ждать немалые потери.

В Славгороде этот случай стал предметом обстоятельиого разговора. Договорились об обмеие ииформацией, о засылке своих разведчиков к Ударову и Найде, о мерах по блокированию ряда участков лесного бора, о выявлении агеитуры иелегального эсеровского «сибирского крестьяиско-

---

[1] Дореволюциоиное иазваиие Тувиискоя АССР.

[2] Вскоре после революции — Новосибирск.

го союза». Аверин был доволен: с одним соседом устаиовлеиа прочная, «локтевая» связь, оставалось наладить такую же с акмолинцами.

Сотрудники уездиой ЧК тепло встретили своего начальиика. Уже после того, как Аверин уединился для беседы со своим заместителем Константиием Толстиковым, они еще продолжали вспоминать, как ликвидировали под руководством Андрея Григорьевича эсеровские заговоры в Иртышске, Лебяжьей, Железинской и других станицах.

Разговор с Толстиковым затянулся надолго. Константин довольио подробио обрисовал уже известные группировки вражеских сил; рассказал, как погибло несколько верных сторонников Советской власти от рук бандитов Найды. Затем пояснил, почему в ряде волостей сильно тормозилось проведение в жизиь нэпа.

— Но самое неприятное,— заключил Толстиков,— это то, что почти все иаши операции по ликвидации банды Найды проваливались в самом начале.

Толстиков с минуту помолчал и, горько улыбаясь, добавил:

— Когда я партизанил с Леоитием Найдой, он никогда не задумывался иад анализом происходящего, теперь же действия свои рассчитывает подобно первоклассиому шахматисту. Тут что-то явио не клеится.

— Слушай, Коистантин, а что же те наши двое, Кунавин и Баракпаев? Ведь мы с тобой их еще в прошлом году весной пристроили к Зайчикову? Найда-то от него командоваиие принял. Оии что — не удержались?

Толстиков как-то нехотя встал, прошел к своему рабочему столу, достал несколько успевших слегка пожелтеть снимков и протянул Аверину.

За годы революции и граждаиской войны Аидрей привык ко миогому, но при взгляде иа первый сиимок виутренне похолодел. Возле старого пия лежало несколько кусков того, что раньше иазывалось человеческим телом: руки, ноги, размозженная голова с видиеющимся во рту обрубком языка. За этими остатками как-то страино и почти чудовищно естествеино выглядел куст буйио цветущей черемухи. Возвращая Толстикову фото, Андрей вопросительно глянул иа иего.

— Кунавин,— поясиил тот.— С помощью жеиы и матери опозиали.

На втором снимке рядом с обрубками лежал казахский малахай, и Аверин, преодолевая виезапио связавшую рот сухость, спросил:

— Баракпаев?

— Он,— коротко ответил Толстиков.

Несколько миут сидели молча. Возобновил беседу Толстиков.

— Знаешь, я думаю, они ие провалились. Тут что-то не так. Мы потом у той черемухи странное расположение стреляных гильз заметили. Оии как бы два полукольца образовали. Ребята, наверное, друг к другу спиной сидели и отстреливались. Да и ноги у обоих ие только порублены, ио и имеют пулевые ранеиия. В других же местах тел следов пуль не нашли, только в области сердца,— видимо, сами последиий патрон оставили себе. А потом, по слухам, этот подлец Иоиии — прввая рука Найды — шашкой их рубил, иад мертвыми глумился. Полагаю — готовясь к налету на Кемпер, баида по чьему-то совету переоделась в красноармейскую форму, не иначе, как для выявления иаших связей, и пошла в полном составе на эту крупиую инсцеиировку. Наши пврни, судя по всему, захотели выручить этих латышей Родштейив и Зириуса — ты их, наверное, помиишь?

Аверин молча кивиул головой.

— Причем заметь: бандиты направлялись к цели под красным зивмеем. Зачем такое усложиеиие? По-моему, одиа цель: спровоцировать иаших людей на защиту коммунистов. Возможно, Куиавин и Баракпаев полагали, что на Кемпере много людей. Но до Кемпера бандиты ие доехали.

Для меня, Андрей, подобное никак не укладывается в рамки. Еще раз могу сказать: Леонтий Найда до такого додуматься не мог. Обзавелся он каким-то крупным спецом, умеющим мыслить и узлы нам завязывать.

— Тугие узлы, тугие,— сказал Аверин, тяжело вздохнув.— Ладно, Константин. Я тут кое с кем из коммунистов поговорю, с документами ознакомлюсь, а ты в старых делах покопайся, поищи, какие были сообщения от Баракпаева и Кунавина, других наших, о выходах на связи к банде. Потом еще раз все обсудим. Запросим ЧК и милицию Акмолинска и Славгорода — может, они хоть крохи материала имеют. Присмотримся к анархистам, эсерам.

Разошлись, крепко пожав на прощание руки.

* * *

Трое суток на большей части уезда, не утихая, бушевала метель. В городе на расчистку заносов вышли стар и млад. Часть коммунистов и комсомольцев по решению укома была мобилизована на восстановление линий телеграфной и телефонной связи — поднимали столбы, натягивали вместо порванных новые провода.

Посыльный от дежурного уездной ЧК нашел Аверина у здания телеграфа — с группой милиционеров тот укреплял новый столб.

— Андрей Григорьевич, вас зовут, дело срочное.

— Эх, Букин, Букин. Ну что же. Пошли.

По пути Букин начал разговор о последней лекции, что читал приезжий пропагандист из Омска. (Хотя уезд был уже в составе Казахстана, секретарь укома, пользуясь старыми знакомствами, изредка «добывал» в Омске «интересных людей».)

Лектор со знанием дела рассказывал о ставке белоэмиграции и контрреволюционного подполья на развертывание кое-где эсерами «зеленого движения», то есть действия кулацких банд. Верхушка эсеров, подчеркнул выступавший, в своем обращении к рядовым членам организации лживо называет кулаков трудящимися. По совету лидера кадетов Милюкова, добавил лектор, контрреволюция все еще делает ставку на «Советы без коммунистов», на передачу Советов под контроль эсеров, чтобы потом с их помощью постепенно уничтожить Советы.

Дежурный при появлении Аверина сразу же протянул ему бланки двух шифровок. Из Петропавловска и Акмолинска сообщалось, что оттуда в прииртышские станицы проследовал опытный организатор нелегальной работы, разъездной инструктор ЦК эсеров, которому удалось в обоих городах воссоздать подпольные группы правоэсеровского толка и, больше того, вывести их из поля зрения местных ЧК, физически уничтожив тех колеблющихся, которые порой информировали органы ЧК. Его предполагаемые клички «Роман», «Ключ»; «Учитель». Он якобы учительствует в Ставропольском уезде Самарской губернии, хорошо знает многих старых эсеров, так как в этой организации с 1903 года. Не исключено, что этот инструктор попытается встретиться с живущими в Павлодаре не только нынешними, но и бывшими эсерами.

Наибольшие подробности такого рода содержались в петропавловской шифровке, и Аверин мысленно поблагодарил тамошнего руководителя Викентия Бокшу за обстоятельную информацию.

Затем дежурный доложил о налете банды на хлебный обоз в районе села Галкино и о захвате бандитами секретаря волкома.

— Вызовите ко мне Толстикова. Крапивина и командира ЧОН Суконцева,— распорядился Аверин и пошел к себе в кабинет. Переговорил по

телефоиу о случившемся с секретарем укома, а час спустя в Галкино выехал отряд чоиовцев.

Отдав распоряжеиия о подборе иеобходимых материалов по эсерам, Аверин направился на заседание уисполкома.

* * *

Повестка дня оказалась пространиой, и, хотя Андрей порядочно запоздал, уже через полтора часа ои почувствовал, что засыпает. Усилием воли преодолел иаступавшую соиливость и далее с интересом слушал доклад заведующего статистическим бюро Мюллера.

Василий Павлович Мюллер ему был давно знаком. К тем из «бывших», кто входил теперь в категорню буржуазных специалистов, призванных на работу Советской властью и в обиходе называемых «спецами», Андрей относился без предубеждения, считая основным правилом ценнть людей по деловым качествам. Коиечно, он не забывал, кем был ранее такой «спец». Вот н сейчас по привычке стал вспоминать все, что помнил о Мюллере. Оказалось — мало, только отдельные факты биографии: 32 года, женат, в Павлодаре с августа 1918 года, беспартийный, образование высшее, при Колчаке вел себя спокойно, от «политики» держался в стороне.

«Ну что ж, такнми нейтральными являлось большинство «спецов», работавших в советских учреждениях. Пожалуй, он нам неинтересен»,— заключил Аидрей.

Дали слово завфинотделом. Ему помогал отвечать на вопросы члеиов исполкома юрист Алексей Епифаиов, которого в местной ЧК хорошо зиали. Весной 1920 года Епифанов начал работать в Семипалатинской губчека, но через два месяца его разоблачили как бывшего активиста эсеров, к тому же служившего в армии Дутова, и уволили. Перебравшись в Павлодар, ои не замкиулся в кругу иовых сослуживцев, а нередко навещал чекистов и дома и порой на работе, явно стараясь подружиться с ними.

«Вообще-то,— подумал Аверин,— тех, кто не чурается нас, следует иметь в виду, но об этом надо обязательно посоветоваться с руководством».

За работу типографин отчитывался военнопленный, бывший заместитель министра труда Самарско-Симбирского эсеро-меиьшевистского правительства Степан Белов. По иатуре немиогословный, иесколько желчный, он и здесь иа исполкоме говорил мало, отвечал кратко, с заметиой долей иронии. Аверин вспомииал: «В плен к красиым попал в Челябинске. Политотдел 26-й дивизии взял его работать наборщиком, и с частями дивизии ои пришел в Павлодар. Затем тиф и, после выздоровления, работа в местиой типографии...»

* * *

С заседания разошлись к вечеру. По пути домой Андрей с наслаждением вдыхал свежий, чистый вечерний морозный воздух, с удовольствием думал о том, как вместе с женой выпьют чашечку крепкого чая. Сегодня ферганскне родственники Нагимы передали с попутчиками небольшую посылочку, и Аверины могли теперь пить настоящий чай с изюмом.

— Андрюша, да ты совсем замерз. Проходи быстрее сюда к печке, я сейчас придвину стол, и будем ужинать.

Нагима буквально порхала по комнате, успевая сделать массу домашних мелочей. Спустя полчаса, маленькими глотками попивая душистый

чай, она рассказывала мужу новости прошедшего дня. Слушая веселый говор жены, Андрей одновременно любовался ею. Крутой разлет бровей, прямой точеный нос, чистое лицо, слегка полноватые щеки. От чая и тепла они заметно порозовели. Когда Нагима порой вставала и подходила к плите, было видно, что на ее стройную фигуру, крепкие ноги беременность нока не повлияла.

После ужина, сидя на диване, они долго говорили о разных вещах. Собственно, Андрею приходилось здесь уступать инициативу, он чаще поддакивал и одной рукой ласково прижимал к себе жену, другой ворошил ее густые волосы, волнами спадавшие по плечам. Это был один из крайне редких для него и оттого втройне дорогой момент. Андрей как бы позволял себе небольшой отдых перед тяжелой и трудной дорогой.

* * *

А утром колесо служебных, неотложно срочных дел завертелось с такой скоростью, что весь вчерашний вечер показался неправдоподобным сном. В телефонограммах из ряда волостей сообщалось о появлении большого количества листовок, в которых «сибирский крестьянский союз» призывал население бороться с коммунистами. В Северной Бузослани кем-то зверски уничтожена семья Белявских, имущество разграблено. У Леонидовки банда обстреляла милицейский конвой, сопровождавший осужденных уголовников-рецидивистов в губернскую тюрьму. Часть этапируемых, воспользовавшись перестрелкой, бежала. И, наконец, самое неприятное — на многих зданиях города утром обнаружены листовки с наглым призывом к восстанию против большевиков.

Секретарь укома Заремба, вызвав к себе Аверина и перечисляя эти уже известные тому факты, с трудом сдерживал себя.

— Вы скажите, какая еще помощь нужна от нас? Мобилизовать сельских коммунистов? Может быть, запросить губернию, республику, чтобы прислали побольше работников? Или просить расквартировать в уезде кавалерийскую бригаду?

Взвинченность секретаря была понятна, и Андрей не стал полемизировать с ним, а по своей привычке говорить спокойно, как бы в раздумье, ответил:

— Необходимую помощь от коммунистов села мы получаем через подразделения ЧОН. Большего от них и ждать нельзя. Что же касается губернии и республики, то сейчас везде столько работы, что как бы они сами от нас людей не затребовали. Бригаду нам не дадут — армия сокращается. Хотя мои слова, возможно, и не убедят тебя, но я прошу понять: на территории уезда сформировалась антисоветская организация эсеровского направления, имеющая связь с бандой Найды и другими уголовными группами в соседних уездах. Судя по всему, в руководстве организации тон задают лица, умеющие вести нелегальную работу. Все внимание уездной чека мы переключили на розыск и разгром эсеровских нелегалов и банды. Увы, это дело не одного дня и даже недели. Привлечь сейчас людей со стороны — значит дать понять разыскиваемым, что их замысел понят.

— А кстати, как вы себе представляете их замысел? В общих чертах, конечно.

— Попытаться сорвать проведение нэпа, прежде всего сбор продналога; вызвать недовольство как можно более широких слоев деревни, а уж затем поднимать восстание.

— А кадры, кадры у них для этого есть?

— Устаиовка заграиичиого ЦК эсеров требует сплотить под знамена нелегальных «крестьянских союзов» представителей различных политических партий и групп, то есть эсеров как левых, так и правых, «народных социалистов», анархистов, максималистов и даже тех, кто ушел в сектантство и толстовство. Люди всех этих оттенков имеются как в городе, так и на селе. Но не думаю, что даже половина из них захочет вновь ринуться в политическую борьбу. У многих раны еще кровоточат, а им надо зарубцеваться, как говорит наш медик.

Какое-то время они помолчали, затем секретарь укома более спокойным тоном произнес:

— Должеи ты меня понять, Андрей Григорьевич, все происшедшее кровоточит, и тут никакие рубцевания не утешат. Торопить, конечно, не будем. Но ты со своими людьми поспешай.

— Понятно, товарищ Зарембо, будем трудиться.

На последовавшем у себя коротком оперативном совещании Аверин поставил каждому из сотрудников дополнительно к имеющимся новые задания.

Крапивину — отработать и проверить версии по листовкам, Боброву — выявить наиболее подозрительных из числа тех, кто в последние две иедели приезжали в город. Мусарину досталась командировка в аулы Тулебай, Чекой, Билембай; Латиф Садыков получил задание проверить купцов (он при этом непонимающе развел руками — какой, мол, из меня, малограмотного, ревизор?); себе Аверин выбрал поездку в Леонидовку. Ои решил там, на месте, детально изучить подступы к банде, выходы на ее связи.

Зимний путь на санях долог. И хотя вместе с Рамазаном возок подготовили основательно, натрамбовали сена, положили два тулупа, к ночи оба сильно продрогли. Ветер дул с юго-востока, порой чудилось, что он нес запахи горно-алтайских лесов.

После ночевки на постоялом дворе и скудного завтрака спозаранку снова отправились в дорогу. Пара лошадей бойко тащила легкую кошеву. Рамазан ни разу не достал кнута.

И в сельсовете, и в разговорах с членами партячейки и комсомольцами Аверин ощущал настороженность и скованиость людей. Порой казалось, что они почти немые: «Ты, мол, уедешь, а нам тут жить, обещанные тобою чекисты и чоновцы приедут и уедут, а банда после них тут рассчитается с нами». Как это ни было горько, но отыскать подхода к банде Андрей не смог. Пустым с точки зрения результатов оказался и опрос свидетелей налета Найды на арестантский этап.

Несколько удачливее оказался Рамазан. В промежутках между пиалками забеленного молоком кипятка он сумел узнать у своих старых и новых знакомых все местные иовости по традиционной системе «узункулак». Оказывается, один из людей Найды дружит с людьми Билембая, в ауле которого несколько раз видели какую-то женщину по имени «Варбара», в сопровождении заместителя Найды Яшки Ионова и его помощника Исы. Они, по слухам, привозили много добра, а уезжали с пустыми руками, но веселые и всегда в полночь.

Услышав такое, Андрей вопросительно поднял брови, но Рамазаи спокойно продолжал рассказ, чуть-чуть интонацией выделив слова о прошлых торговых связях Билембая с одним из городских купцов. Недавно этот купец-татарин опять побывал в ауле. О чем он говорил с баем — неведомо.

«Если это не плотва — насадка,— подумал Аверин,— можем сказать, что нам везет. Конечно, байское влияние штука серьезная. Ах, Рамазан,

Рамазан, умница! Отсеять такое в многочасовой беседе с разными людьми по силам лишь немногим. В нем, несомненно, прирожденный оперативный талант. Как только закончим это дело, добьюсь отправки его на учебу».

На обратном пути Аверин частенько подумывал, что, видно, кто-то сильно восстановил большинство жителей села против Советской власти. Ночевки не делали, только на постоялом дворе поменяли лошадей, быстренько попили чай. Аверин торопился.

По возвращении, при изучении докладов сотрудников постепенно выяснилось: ничего существенного не обнаружено. Враждебное подполье своевременно и умело прятало концы. К такому же выводу пришел и Толстнкова, чья поездка в Галкино оказалась безрезультатной. «Одни протоколы показаний запутавшихся свидетелей привез,— с горечью промолвил Константин.— Правда, мне один комсомолец, париишка, намекнул: якобы Найда несколько раз приезжал в село по ночам, а кто-то из жителей Галкино, по слухам, держит для банды в соседнем ауле у бая небольшой табун запасных лошадей. Где тут правда, а где домысел, проверить не мешает».

Шли дни. Сквозь шелуху мелких или просто пустых сообщеиий редко проглядывало крохотное зернышко надежды иа успех. А ведь приходилось заниматься и другими ждущими своего решения вопросами. Однако Аверин продолжал настойчивую работу по этому делу. Он составил новый план, в котором главное внимание отводилось вопросам, связанным с внедрением своих людей в логово врага.

* * *

В начале марта в уездном кооперативе появился новый работник. Ровный в обращеиии с сослуживцами, достаточно образованный, ои с усердием, тщательио выполнял свои обязанности. Постепенно многие стали, сначала со ссылками на начальство, а потом и без таковых, перепоручать иовичку свою работу. Он безропотно принимал дополнительные нагрузки. Как-то иезаметно все привыкли к Василию Николаевичу. А Лидия Петровна, претендовавшая, по мнению кооперативных кумушек, на роль примадоины их конторы, несколько раз одарила этого симпатичного (хотя, по мнению женщин, излишне застенчивого) мужчину многозначительной улыбкой и однажды в обеденный перерыв собственноручно принесла ему к рабочему месту стаканчик морковиого чая.

Постепенно многие узнали, что Василий Николаевич ранее жил в Симбирске. С ним — волгарем — сблизился фармацевт Вячеслав Зябкин. Была ли здесь виной общая привязанность к Волге (все знали — Зябкин из Самары) или иные интересы — точно никто сказать не мог. Но однажды земляки действительно повели наедине подробный разговор о родных городах, о событиях, прошумевших там в 1918 году. Первым начал Зябкин.

— Зиаете,— сказал он,— мне до сих пор наша «Самарская республика» памятна. Так много было интересного, перед российской демократией открывались такие просторы, каких страна не знала даже весной и летом семнадцатого.

— В вас говорит любовь к родным местам,— улыбаясь, ответил Василий.

— Нет, я серьезно.

Вячеслав иастороженно и испытующе посмотрел на собеседника. Но тот оставался спокойио сосредоточеиным.

— А если так, то надо сказать, мы были слишком розовыми мечтателями, хотели сидеть на двух стульях.

— Вы полагаете, наши верхи мало нажимали на власть?

— Именно. Сами утонули в говорильне и дело утопили.

— Но позвольте, основным атрибутом демократии...— Зябкин, готовясь к длинной тираде, вдохнул слишком много воздуха и закашлялся. Василий не стал поддерживать долгий разговор и, как отрубив, заявил:

— Прохлопали-с и у нас на Волге, и здесь, и вообще.

* * *

Вечером того же дня Зябкин принимал гостя у себя в жилой половине здания аптеки на Интернациональной. Не спеша покуривая, гость — мужчина в старом офицерском френче — задавал уточняющие вопросы о Василии Тимофееве, его манере вести разговор, интонациях, жестах и тому подобных мелочах, на которые Зябкин, как выяснилось, внимания не обратил.

— Ошибочно тебе кличку «Орел» дали, лучше было бы зябликом или кротом назвать,— с ехидством произнес гость,— ведь ты провалил задание. Что я скажу «Казанцу»? Это же надо умудриться—не найти тему для разговора о Волге и ее людях. Ладно, для первого раза прощу. Мы тут твоего симбирца под пристальное внимание возьмем, капитально его надо проверить.

— Послушайте, Кирилл, да наш он, наш, чую я. Жалею только — мы, видимо, разной партийности, он далековат от лагеря демократии.

— Вот, вот, далек. Таким-то и может быть чекист. Смотри у меня,— не спускай с него глаз, а главное — своих сплетниц на это мобилизуй, они ни одной детали не упустят.

Так неожиданно для себя Зябкин стал осваивать новую роль в подпольной работе — роль, которую он в душе считал позорной,— шпика за своим земляком. Но таков приказ Кирилла по уполномочию самого «Казанца». И Зябкин несколько дней исправно, как хвост, таскался всюду за Тимофеевым, вплоть до уборной. И на очередной встрече доложил Кириллу о выполнении задания.

— Так говоришь, чист он? — заняв свое излюбленное зеленое кресло с подлокотниками, не спеша покуривая папиросу, спросил Кирилл.

— Не встречался ни с чекистами, ни с милицией. Да и женщины проверяли: я им слух пустил, будто Тимофеев с родственницей Толстикова встречается. Высмеяли меня. После работы он из дома ни на шаг. Читает старые газеты, которые у его хозяйки за несколько лет накопились.

— Может быть, «Орел», ты и прав. Ладно, посмотрим. Попробуй-ка еще раз поговорить и продолжить эту тему. Определи его партийные взгляды. Только осторожно.

Зябкин не врал Кириллу. Тимофеев действительно не встречался с чекистами. Лично, во всяком случае. Ему это и не требовалось. Аверин и Толстиков позаботились о специальном связнике со своим боевым товарищем, которого им позаимствовали сибиряки в обмен на одного из семипалатинцев, посланного с такой же миссией в Забайкалье. Курьером Тимофеева, по рекомендации Рамазана, стал комсомолец Макаш, рассыльный уездного правления кооперации. Из коротеньких записочек, приносимых Макашем, узнали: проверка будет основательная.

— Шут с ними, пусть проверяют,— сказал Толстиков.— Главное, мы вышли на след, все остальное размотаем.

— Да, зацепочка серьезная,— промолвил Аверин.— Подбери-ка, Костя, пару человек, чтобы все связи фармацевта проверили. Его личная аптека — слишком удобное прикрытие для нелегалов, скорее всего, они оборудовали там свою явочную квартиру, и кто-то из наших врагов совершил крупную ошибку, поручив именно Зябкину проверку Тимофеева.

Через день Макаш принес от Тимофеева не только записку, но и старую газету «Сибирская речь» за июль 1917 года. Хорошо информированный рупор кадетов Сибири сообщал читателям не только о новостях страны и края, но и о положении дел в местных организациях партии «народная свобода». В разделе хроники говорилось, что среди павлодарской группы кадетов большую работу ведет Геннадий Кириллович Мочалин, владелец литейного завода, а в Тюмени активную пропаганду взглядов партии на будущее Сибири проводит Василий Павлович Мюллер. «Ай, да тихоня — статистик»,— подумал Аверин.

* * *

В начале марта природа властно напомнила о приближении весны. На обращенных к югу скатах крыш во многих местах стаял снег. Кое-где появились небольшие лужи. К полудню на прогретые лучами солнца завалинки собирались старики и старухи. Разговоры вращались вокруг трудностей и капризов завершающейся зимы, предстоящей посевной.

С приближением весны антисоветское подполье усилило свои выпады. Все чаще на стенах домов, столбах, заборах появлялись листовки, написанные от руки или отпечатанные на машинке. Изумленные горожане читали призывы к борьбе с Советской властью, большевистской партией. Как правило, призывы исходили от «союза крестьян и казаков» или «сибирского крестьянского союза».

Чекисты больше всего опасались, как бы Найда и эсеровское подполье объединенными силами не нанесли удар по местам хранения хлеба, поступившего от крестьян в счет продналога. Появившиеся тоненькие ниточки выходов на подполье и банду пока не удавалось укрепить.

Обуреваемый тревогами, Андрей как-то решил отвлечься от дел на день-два и съездить с Рамазаном в Экибастуз: подшефные горняки давно хотели услышать его рассказ о годах революционной работы в подполье.

* * *

Из-за мелких хлопот в дорогу отправились поздно, и в Экибастуз добрались почти под утро. Аверин не решился будить знакомых, и коротать остаток ночи пришлось на постоялом дворе. Спустя полчаса на их скамейку уселись еще двое путников. Один из них тут же уронил голову на плечо соседа и уснул. Другой пытался какое-то время бороться со сном, но затем прислонился к стене и, слегка запрокинув голову, тоже начал потихоньку храпеть. Его заостренное в полусумрачном свете избы лицо показалось Андрею знакомым. В памяти всплывали один за другим этапы жизненного пути: Забайкалье, Амурский край, Омск, Семипалатинск, Горный Алтай, Константиноград, Кременчуг, Усолье, Иркутск...

«Стоп, конечно, Иркутск. 1908 год, декабрь, пересыльный пункт. Прибыл новый этап, и в камере вспыхнула драка — среди анархистов и эсеров оказались уголовники. И как же этого человека тогда избили! Ему повредили, по словам тюремного врача, одно из сухожилий шеи. Точно, точно. Впервые увидел я его тогда. Потом весной с неделю снова побыли

вместе в Александровском централе. Кто же у меня в тот раз был напарником по нарам — Краковецкий? Нет, этот эсеровский военспец попозже появился, к осени. А тогда? Никак, сам господин Гоц?[1] Пожалуй, именно он. О, перед Гоцем сей путник готов был в лепешку разбиться, чуть ли не в рот ему глядел».

Даже теперь, вспоминая моменты пребывания в страшном Александровском централе, Андрей испытывал необъяснимое уважение к тем, кто прошел сквозь ужасы царской тюрьмы. Но... неисповедимы путн людские... Волей обстоятельств тогдашние временные попутчикн в борьбе с самодержавием стали непримиримыми врагами теперь.

Прервав нарастающий бег памяти, Андрей толкнул в плечо задремавшего Рамазана, кивком головы показал на выход. На улнце кратко объяснил Рамазану суть дела, наказав ему нн при каких обстоятельствах не упускать из внду этого человека. Добавил, что сам он сейчас срочно попросит милицию провести проверку документов обитателей постоялого двора и временно задержать парочку каких-нибудь подозрительных лиц.

— Ты постарайся в момент проверки быть рядом с ним. Следует знать офицнальную версию его маршрута. На всякий случай запомни его предполагаемые клички «Роман», «Ключ», «Учитель». Когда-то у него была фамилия Алякринский. Главное, не потеряй его из виду. Мне придется срочно вернуться в Павлодар. Рассказ о юности, о революцни вновь переносится. А сейчас бегу к рудничному начальству просить машину.

...Через три часа Авернн снова был в городе и вскоре беседовал в уездной конторе связи с Манашем. Собственно беседа длилась две минуты. Договорились о том, что Манаш приведет к концу дня в кинематограф Василия Николаевича.

В кино крутили очередную мелодраму. Зал был полон.

Минут через пятнадцать после начала, когда большинство сндевших в зале внимательно следило за происходящим на экране, где герои неистовствовали в бурном танце, и местный тапер, подлаживаясь под них, буквально выдавливал из старенького пианино звуки аргентинского танго, Аверн и Тимофеев потихоньку выскользнули на улнцу. Разговор пришлось вести в маленькой сторожке заброшенного магазнна.

Андрей, вкратце обрисовав свою неожиданную встречу с Алякринским, предложнл Тимофееву проанализировать возможные варианты поведения на случай его повторной беседы с Зябкиным. Сошлись на том, что следует, якобы после непродолжительных колебаний, дать согласие включиться в деятельность подполья. Причем, если разговор пойдет легко, то неплохо, вроде бы случайно, упомянуть о людях, с которыми жизнь сталкивала в прошлом,— они, мол, действительно, умеют н могут кое-что делать для настоящей организации. Почудилось, вроде бы, что внделл здесь «Романа», и т. д.

— Главной, мне кажется, во всем этом должна быть нажнвка с «Романом»,— произнес Аверин.— При нынешней-то их скудости с кадрами этот намек непременно станет известен руководству подполья. Оно обязательно посоветуется с высоким гостем.

— А гость возьмет и задаст стрекача. Он ведь, по твонм же словам, стреляный воробей. Как будем тогда?

— Думаю, пока Алякринскому бояться нечего. Он считает себя нерасшифрованным, а кличку «Роман» могли нметь многне. И насколько я знаю людей его склада, они слегка тщеславны. Конечно, с точки зренння большевистского подполья предложенный мною шаг не очень надежен.

---

[1] А. Р. Гоц — один из лидеров правых эсеров.

— Так почему ты мне его рекомендуешь?

— Видишь ли, эсеры, заимствовав у революционеров-народников идеологию, не сумели перенять искусство политической организации подполья, соответствующих правил конспирации и т. д. Не случайно в свое время царская охранка буквально нафаршировала эсеровские комитеты, кружки и группы своей агентурой. Мой расчет отчасти построен на известном неумении эсеров строго соблюдать правила конспирации. Это видно даже из того, что прощупывать тебя поручили содержателю явочной квартиры. Значит, у них очень худо с кадрами, прежде всего с опытными. Им пока везет — мы тоже не имеем столько подготовленных людей, сколько хотели бы. Ты должен прозрачно намекнуть тому, кто пытается тебя завербовать, о своих сомнениях в успехе задуманного здешним подпольем дела. Если все же эсеры будут уговаривать, настаивать — иди, но передай Зябкину, что у тебя есть ряд предложений по работе, которыми ты хочешь поделиться с одним из тех, кто пользуется правом оценки и решения. В дальнейшем, если не возникнет осложнений, то осторожно, как бы мимоходом, говори о встречах с редактором бывшего самарского издания эсеров «Земля и воля» Иваном Ивановичем Девятовым. Довелось, мол, также видеть Вольского, Брушвита, Гоца.

Меня крайне интересует головка подполья. Их лидер, наверное. даже не эсер, хотя и называет себя таковым. Ну, гадать не буду, в дальнейшем все равно узнаем. Есть вопросы ко мне?

— Есть, конечно. Прежде всего, о предложениях. Допустим, они меня приняли, выслушали, а дальше?

— Суть предложений такова: организации следовало бы активно искать и вовлекать в свои ряды участников петропавловского мятежа и кокчетавских событий прошлого года. Такое приемлемо и их подполью, и нам: быстрее разыщем укрывшихся от правосудия преступников. Затем посоветуешь использовать связи байской верхушки аула. У них есть и то и другое, но ты покажешь умение анализировать расстановку сил. И еще одно очень важное: руководству подполья приватно посоветуй не допускать Зябкина к вербовке новых членов — жалко, мол, такого прикрытия.

— Хорошо, Андрей Григорьевич, понял тебя, буду стараться.

— Давай действуй.

Новая беседа Тимофеева с Зябкиным состоялась раньше, чем предполагалось. Буквально на следующий день, когда Василий направлялся домой, его догнал запыхавшийся Вячеслав. Несколько сбивчиво он пояснил, что хочет пройтись вместе и поговорить. Расценив молчание как согласие, Зябкин сразу же перешел к главной теме. Он с восторгом отозвался о решительности авторов листовок, призывавших к борьбе за возвращение страны на дооктябрьский путь «свободы и демократии». Ему якобы непонятно, как можно оставаться в стороне от этого «патриотического дела». В ответ на реплику Тимофеева, что прежде, чем браться за серьезное, надо знать, не угодишь ли в западню, Вячеслав спросил:

— Как понимать эти слова? Как недоверие или отказ?

Тимофеев пояснил ему кратко:

— Мне в жизни уже приходилось, и не раз, ставить на карту свое будущее. Это дает право на многое, в том числе и на сомнения. Прежде чем решиться, я должен знать, кому доверяюсь, насколько это серьезно, есть ли хоть маленький шанс на успех.

Такого ответа Зябкин, видимо, не ждал и сконфуженно пробормотал о необходимости подумать. Спустя несколько дней Вячеслав пригласил Василия на прогулку, в ходе которой к ним неожиданно присоединился мужчина на вид лет тридцати двух, в новом добротном полушубке, сапо-

гах и меховой шапке. Он был похож на обычного горожанина из бывших мещан, и его резковатый говор, четкость изложения мысли, сухость и лаконичность предложений никак не увязывались с внешним обликом. Василий решил про себя, что новый знакомый по имени Кирилл — бывший офицер, скорее всего из штабных. Кивком головы Кирилл отослал Зябкина и начал расспрашивать Тимофеева. Василий отвечал коротко, в стиле собеседника. Вскоре разговор перешел на прошлое. Рассказывая о «своем» самарско-симбирском периоде, Тимофеев упомянул, что якобы случайно встречался с лидером партии эсеров Виктором Черновым, вспомнил восторженно-хвалебные отзывы самарских обывателей по адресу бывшего министра земледелия.

— Кретин он, этот ваш министр,— Кирилл заговорил быстро, но фразы по-прежнему были резки,— мне сослуживцы по полку говорили, что Чернов просо от пшеницы не отличит. Да и где там ему знать толк в сельском хозяйстве России — ведь сей господин большую часть жизни провел в Италии.

— Ладно. Вы недовольны Виктором Черновым, ну а Краковецкий, Гоц, Веденяпин, Донской, Вольский, Брушвит, Герштейн? В партии достаточно знающих и верных ее идеалам и целям вождей.

— Краковецкого не знаю. А Гоца, Герштейна, Вольского — ни в грош не ставлю. Лицемеры, лгуны, трусы. Заставили Семенова направить членов боевой группы ЦК на уничтожение большевистских вождей, а после выстрелов в Ленина нагло заявили, что они против террора. Нет, у эсеров вождем может быть только один человек.

— Кто же?

— Борис Савинков. Его я уважаю. А все остальные либо болтуны, либо тупицы.

— Оставим разбор личностей. У нас есть иные темы, не правда ли?

— Пожалуй.

Некоторое время Кирилл и Василий шли молча. Снег ломко похрустывал под ногами, с Иртыша ощутимо тянуло холодом. Закурив, Кирилл стал рассказывать об одной из своих прошлогодних встреч с людьми Савинкова. Затем он в упор спросил Тимофеева:

— С кем вы, с выжидающими или с настоящими борцами за Россию?

— Вы уж больно категорично формулируете вопрос,— уклончиво проговорил Василий и добавил:

— Мне приходилось пояснять вашему другу, что опасаюсь провала. Если он произойдет еще раз, это будет полный крах.

— Нам ничего другого не остается, как вести борьбу в любых условиях, любое перемирие губительно разлагает ряды противников большевизма и укрепляет позиции коммунистов. Гарантии от провала организации, как показала практика, вполне достаточны. Могут отпасть отдельные звенья, но и только.

Приподняв воротник полушубка, Кирилл медленно шел по тропинке, рука у него была погружена в карман: там слегка угадывался пистолет. Все колеблющиеся, по словам Кирилла, заслуживали порки, которую им со временем устроят в назидание. Что же касается Василия, то ему нечего отсиживаться в нейтральных, а надо примкнуть к испытанным борцам за новую Россию. Все поручения он будет получать от Кирилла.

Василий, согласившись на участие в «союзе крестьян и казаков», выразил беспокойство по поводу того, как знакомился с ним и вел первую беседу Зябкин.

— Едва ли стоит организации терять такое прикрытие, как аптека.

Зачем поручать Вячеславу вербовку новых членов? Это может навести чекистов на след,— сказал Тимофеев.

— Резонно. Обо всем этом я доложу по команде.

И Кирилл буркнув: «Прощайте»,— ушел в сторону казачьей станицы. Отправился к себе домой и Василий.

* * *

Итоги этой встречи на следующий день обсуждались и анализировались как руководством уездной ЧК, так и нелегального «союза крестьян и казаков».

Кирилла председатель «союза» выслушал молча и попросил другим членам руководства пока ничего не сообщать. Анатолий Максимович Юрьев не без основания считал себя знатоком подполья, программ и тактики различных партий. Когда он в 1894 году пришел к подпольщикам, был первокурсником университета в Петрограде. Потом чтение нелегальной литературы, распространение листовок, споры с теми, кто все более склонялся к марксизму...

К четвертому курсу университета Анатолий считался уже видным активистом «Северного союза социалистов-революционеров». С кем он только тогда ни встречался: неистовым поклонником террора Гершуни, будущим лидером эсеров Черновым, видным литератором Пешехоновым, братом Савинкова — Виктором и многими иными.

Ротмистр охранки Савельев не был похож ни на одного из тех людей. Он просто и вразумительно объяснил ему, желторотику Анатолию, что молодость — увы, слишком короткий отрезок жизни, хотя и самый прекрасный. «Перед вами выбор,— говорил ротмистр,— гнить на каторге или наслаждаться жизнью, брать от нее все».

Савельев был великолепным знатоком своего дела. За две недели ареста он развеял в прах все заблуждения Анатолия, а затем сделал его секретным агентом охранки. С тех пор Юрьев перестал бедствовать. Ему уже не приходилось больше занимать денег, в кармане всегда приятно шелестела четвертная.

Однажды проторенная дорожка подвела. Во-первых, недоступная Сима потребовала сначала жертвы — порвать с семьей. Затем она выследила его встречу с ротмистром Познанским. Она же, дурочка, и стреляла потом в Юрьева. Легко ранила. Зато уж Анатолий в ответ не промазал.

После этих выстрелов охранное отделение перевело его из агентов в штат. Там он сначала осваивал Поволжье, затем Забайкалье, а потом был назначен помощником исправника Колымского округа. Ох, и пошерстил же он связи ссыльных! Именно после Колымы Юрьев с февраля 1909 года занял кресло земского начальника Бирского уезда, а через три года он — уже надворный советник, один из надежных и заметных членов центрального аппарата министерства внутренних дел. Проклятые подлипалы из управления генерала Спиридовича[1] прервали карьеру. Ему не простили презрения к Распутину, и пришлось преждевременно уйти на пенсию. Но вездесущие друзья из охранки отыскали спокойное и доходное место доверенного Сибирского торгового банка в Омске. Потом по просьбе правления он взял на себя «тяжелый крест» управляющего Павлодарским отделением банка. Все было хорошо, но эти две последние революции, затем

[1] А. И. Спиридович — генерал жандармерии, начальник охраны Зимнего дворца в 1912—1917 годах.

провал аферы Колчака, этот взлет ликующей черни! «Ничего, мы еще отыграемся, возьмем свое...

Да, необходимо будет на днях отправить Кирилла в Омск. Пусть установит прочную связь с Незнамовым, они подойдут друг к другу. В Акмолинск к Благовещенскому поедет Пономарев. Через Абдуллу Рамазанова следует наладить поступление денег от купцов, а его сестричку, обаятельную Мархабану, мы пошлем к именитым баям: глядя на ее холеное личико, они без стонов вытащат засаленные бумажники. Епифанов пусть по-прежнему отирается возле чекистов, ему же поручим и контрразведывательный сектор, позднее передадим в помощь Кирилла, чтобы содроганий не было. Следует поставить Химичеву задачу — привлечь Филимона Багина из военкомата. По сведениям Мюллера, Филимон якобы сочувствовал анархистам. По-моему, с этой братией я уже имел дело в 1907 году. Человек тридцать их взяли в ту пору в Сызрани. Пришлось всю муть идейной разноголосицы штудировать. В крайнем случае, при беседе представлюсь анархистом-индивидуалистом».

Со всеми своими предложениями Юрьев выступил на очередной встрече руководства «союза» и получил «добро» на реализацию замыслов.

* * *

Март 1922-го стал для Аверина и его аппарата временем неслыханной прежде перегрузки работой. Патрули чоновцев и милиции вынудили эсеро-белогвардейские круги значительно ограничить свою «настенную агитацию» — на центральных улицах реже стали появляться антисоветские листовки и воззвания. В районах Иртышска, Железинской, Михайловки с помощью местных коммунистов и комсомольцев успешно завершились операции по изъятию оружия у кулацко-атаманских кругов и части зажиточного казачества. Тем самым, по сути дела, ликвидировалась возможность вооруженного выступления в северной части уезда.

Прежнее тощенькое дело о неизвестной антисоветской организации эсеровского направления теперь разбухло, у него появилось название «союз сибирских крестьян и казаков». В целом Андрей Григорьевич знал направление «союза», уточнил данные на отдельных его участников. То, что «союзу» чекисты подставили Василия Тимофеева, было несомненным успехом. Следовало только бережно сохранять его и предотвращать возможные выпады врага.

Вновь порадовал Рамазан. Он сумел-таки в Экибастузе «приклеиться» к заинтересовавшему Аверина посетителю постоялого двора. При появлении милиции «иркутянин» (так назвал его Рамазан в своем отчете) спокойно предъявил документы на имя Льва Алякринского, учителя из Самарской губернии, которому предоставлен отпуск для поиска семьи, выехавшей в 1918 году на Восток страны. «Иркутянин» вел себя при проверке документов спокойно, а вот его спутник нервозно, частенько засовывал правую руку за пазуху, и при одном из таких движений раздался слабый звон металла о металл — видимо, задел за какой-то предмет обручальным кольцом. «Возможно, у него есть наган»,— отметил Рамазан.

В Павлодаре Алякрииский и его напарник остановились в доме Андрея Балина. Поздно вечером в этот дом поодиночке заходили: учитель школы II ступени Анатолий Максимович Юрьев, совладелица аптеки Александра Васильевна Русинова, в прошлом начальница женской гимназии, теперь учительница той же школы II ступени; руководитель уездиого статбюро Мюллер.

— Значит, в доме Балина одна из эсеровских явочных квартир,— за-

думчиво проговорил Аверин, перелистав записи Рамазана.— Ты как думаешь?

— Конечно, Андрей Григорьевич! Аптеку-то они по совету Василия прикрыли. Теперь дом Балина и используют.

— Совсем аптеку, положим, не закроют. Она у них останется, только, может быть, с иной задачей — например, как почтовый ящик.

— Полагаете, мы нащупали их центр?

— Только подходы к нему.

Постепенно маховик расследования набирал обороты. Теперь почти каждый день приносил новые сведения. Из Семипалатинской губчека пришло по запросу Аверина личное дело бывшего следователя Епифанова. Значилось, что этот «друг» чекистов успел показать немалые способности к контрразведывательной работе, и не исключено использование этих его качеств антисоветским подпольем.

* * *

К концу марта основательно потеплело. Все более жаркие лучи солнца выманивали людей из промерзших кабинетов учреждений.

Работники уездного комитета партии непрерывно тормошили чекистов, требуя ускорить реализацию добытых материалов. Но Аверин решительно возражал. Он не поддался соблазну даже после хищения со складов военкомата нескольких гранат и винтовок и налета банды на село Галкино. Ведь в стороне от чекистского взора пока оставался «крестьянский союз». В уездной ЧК рассуждали: если нанестн удар по одной части контрреволюцнонной органнзации — ее остатки переметнутся к тем, кто нензвестен. Тогда начинай все сначала. Вдобавок, нет ниточки к банде. Выходнт, как ни тяжело, какие упреки ни будут сыпаться со всех сторон,— надо ждать. Но не сложа руки.

В один из дней к Аверину пришла группа комсомольцев и предложила помощь в борьбе с вражеским подпольем. Договорились о том, что парни и девчата возьмут под свое наблюдение ряд мест, где чаще всего появляются антисоветскне листовки.

Через несколько дней трое комсомольцев «засекли», по их словам, как одну из лнстовок прилепила Елизавета Ивановна Коршунова, а другие — Исхак Сабиров и Николай Смирнов.

— Мы бы их на месте взяли, но вы не велели, Андрей Григорьевич,— добавнл старший группы Дима Кольцов.

— А Елизавета Ивановна накануне встречалась с Павлом Фомичевым. Он ей передал какие-то бумаги, и одну из них она наклеила на заборе у здания кооперацин. Мы читали потом. Это оказалось воззвание «сибирского союза крестьян и казаков»,— пояснила Тоня Чалышева.— А ведь Елизавета Ивановна трудно живет,— продолжила девушка.— У нее двое маленьких детей. Если вы ее арестуете, я не знаю, выдержат ли больные дети без матери? — опечаленно закончила она.

— Мы, Тоня, не воюем с детьми,— мягко ответил тот.— Следовательно, и мать постараемся не отрывать от них. Ей ничего пока не угрожает. Разъяснить ошибку, спасти человека от гиблого болота контрреволюции — вот в чем, по словам товарища Дзержинского, одна из важнейших задач чекистов. Мы и будем придерживаться такого правила. Елизавета Ивановна, судя по всему, одна из жертв обмана и уловок врага. Спаснбо вам, ребята!

Коршунова работала техническим секретарем исполкома уездного Совета. Во время одного из посещений исполкома Аверин попросил Елиза-

вету Ивановну помочь ему оформить материалы заседаний возглавляемой им комиссин по борьбе с безиадзорностью детей. Управились быстро. Коршунова хорошо зиала целый ряд предыдущих решений, близко прииимала к сердцу заботу комиссии о детях, сказала, что в прошлом даже учительствовала. Осторожно, стараясь ие пугать женщину, Андрей Григорьевнч так повел разговор, что она, постепенно оттаяв и, как водится у слабых иатур, поплакав, рассказала о том, что Хнмичев и какой-то Кирилл постоянно требовали, во имя погибшего на фронте мужа, снабжать их материалами о заседаниях совдепа. Больше того, они передали однажды ей небольшой сверток с продуктами и медикаментами, а за это потребовали, чтобы оиа вовлекла в их организацию брата, который служит в специальной группе военных телеграфистов при штабе помглавкома по Сибири.

Откровеииость женщины показывала, что иитуицня Тоии была обоснованиой. Елнзавета Иваиовиа пообещала отныне ставить в известиость Аверина о действиях заговорщиков. Уже перед уходом Аверина Коршунова сказала, что случайно в уездиом статбюро видела у машинистки Нюры такую же листовку, как и те, что давал ей Химичев.

* * *

Анализ докумеитации 1920 и 1921 годов Андрей начал вскоре после своего приезда в Павлодар, но тогда, видимо, ему не хватало знания многих «мелочей». Теперь вечерами, пересматривая материалы прошлых лет, Аверии обнаруживал в них иемало интересиого, имеющего прямое отношение к делу «союза крестьяи и казаков». Оказалось, Химичева еще в 1920 году судили за выступлеиия иа созванных контрреволюционерами сходках мещаи, жителей станции. Тогда ои призывал горожаи поддерживать действия черных банд Шишкнна. Весной 1921 года милиция задерживала Павла Химичева за порчу плакатов РОСТА, сообщавших о решеииях X съезда РКП(б). Сопоставление этих двух фактов, а также рассказов Тони Чалышевой и Елизаветы Ивановны позволяло сделать вывод: в лице Химичева обнаружен активист эсеровского подполья.

* * *

Прибытие высокого гостя — ревизора вынудило Юрьева иарушить строго соблюдаемые правила конспиращи н пригласить всех члеиов руководства «союза» к Алякрнинскому. Тот почти всех подробио расспросил о настроениях в уезде, прежде всего среди крестьян, о возможиости расширения рядов и масштабов деятельности организации, затем коротко познакомил с решеииями X совета партии эсеров, подчеркиув острую необходимость активных мероприятий. Мюллер, Епифанов, Русанова выразилн полиое согласие с устаиовкой заграничного «административного цеитра», пообещали в начале мая перейти от тактики собираиия сил к практической борьбе.

— Не стесияйтесь, господа, в выборе средств,— иапутствовал их Алякринский.— Еще древиие мудро говорили: цель оправдывает средства.

Юрьев в период почти всей беседы дипломатичио молчал, изредка давая одиосложиые ответы на вопросы высокого гостя. Ои лишь в конце разговора отметнл иеобходимость тщательиого изучения и осмысливания привезеиных из центра материалов. Когда оии осталнсь вдвоем, Алякрин-

ский поставил перед ним от имени ЦК эсеров более четкую задачу: выступить синхронно с «коллегами» из Акмолинска, Семипалатинска, Славгорода.

— Одновременно с вами поднимутся люди Незнамова, Базарова в Петропавловске, Омске, Татарске, Ново-Николаевске. В районе Челябинска нанесет свой удар Перхуров. Надеюсь, он не нуждается в рекламе?

— Он человек действия. Что ж, вы меня убедили, мы вскоре начнем.

— С богом, Анатолий Максимович.

Перечисляя собеседнику места намечаемых ударов и называя фамилии, Алякринский не фантазировал. Но какова будет реальная сила выступающих, умолчал. Для него было важным во что бы то ни стало выполнить установку своего «шефа» Виктора Чернова и главного военспеца партии полковника Махина — поднять людей. Правящие круги Англии, Франции и других европейских стран становились все более «глухими», как только заходила речь о деньгах для ведения боевых операций против Советов. Они уже убедились в прочности большевизма и не хотели больше выбрасывать деньги в трубу. Приходилось эсерам идти на раздувание мнимых успехов «зеленого движения», вспышкопускательские авантюры.

Одну из таких опасных авантюр Алякринский и пытался скоординировать в рамках Западной Сибири. А если все обойдется, то к осени за границу, во Францию. И тогда пропади они пропадом все эти белые, красные, розовые, зеленые, черные. Он, Лев, купит себе маленькую виллу где-нибудь на Лазурном берегу и станет на лето сдавать ее курортникам. Хватит не только на жизнь, но и, как говорят, детишкам на молочишко.

Рано утром Алякринский уехал со своим телохранителем в направлении Славгорода. Через хозяина квартиры он предупредил Юрьева о своем возможном кратковременном заезде на обратном пути.

* * *

В последние дни марта Аверин крепко простыл. К вечеру у него заметно поднималась температура, ломило руки, ноги (сказывались годы каторги в Забайкалье). Однако по-прежнему приходилось напряженно работать по вечерам. На эти часы Андрей передвинул разбор поступающей корреспонденции. Вот и теперь, отхлебнув из кружки кипятка, он с трудом вникал в суть присланных из Акмолинской уездной ЧК материалов.

Соседи недавно вскрыли у себя в уезде крупную эсеро-белогвардейскую организацию «штаб действия и исполнения». Выяснилось, что представитель ее руководства пару недель назад провел в Баян-ауле, при содействии бая Нуралина, встречу с главарем контрреволюционного подполья Павлодарского уезда — неким «Казанцем». Вместе они согласовали меры по развертыванию широкой антисоветской деятельности, включая вооруженную борьбу. Акмолинским чекистам удалось установить, что «Казанца» сопровождал А. Н. Пономарев, в прошлом активный участник Ишимско-Петропавловского эсеровского мятежа, один из командиров контрреволюционных формирований в станице Сандыктавской Кокчетавского уезда.

Председатель Акмолинской уездной ЧК Петр Смоленский предложил срочно обменяться имеющейся информацией и согласовать меры по предотвращению активных действий контрреволюции. «Да, на разговор с Петром придется ехать самому и как можно скорее, лучше всего завтра,—

рассудил Аверии.— Возьму с собой Рамазана. Интересно — кто же этот Казанец? Один из тех, кто уже попал в поле нашего зрения, или мы до него пока не добрались? Вот ведь заковыка! Один ребус за другим».

* * *

Юрьев не зря поручил Мархабану Рамазановой провести сбор денег для организации. Он вполне осознанно полагался на ее умение в полной мере использовать не только влияние своих чар, но и знание многих записей в старенькой отцовской книге расходов. На первый взгляд в этом обаятельном черноглазом, стройном, хрупком создании никак нельзя было заподозрить одного из ведущих членов «сибирского союза крестьян и казаков». Но Юрьев умел разбираться в людях. После первой беседы с Мархабану он про себя назвал дочь купца Рамазанова «сатаной в юбке». Четкие продуманные предложения, умение моментально оценить ситуацию, события — все это выдавало в ней незаурядные способности, которые удачно дополнялись четырьмя курсами физико-математического факультета Томского университета. В период их деловых нелегальных встреч Бану весело щебетала с Анатолием Максимовичем на хорошем французском, а порой, вроде бы по забывчивости, переходила на английский, вынуждая Юрьева сконфуженно умолкать.

Это ей удалось установить связь с бывшим поручиком Карасевичем, которого подполье знало как «атамана Незнамова», одного из продолжателей «дела» кровавого Анненкова. Бану же связала Юрьева с полковником Ударовым, командиром небольшого отряда, который все еще оперировал вблизи Славгорода. Она открыто признавалась членом своей организации о жгучей ненависти к Советской власти. Еще бы — рухнули честолюбивые планы стать по меньшей мере совладелицей крупного банка с широкими международными связями. Юрьев знал и о том, что ее возлюбленный — офицер карательных войск пал в боях с партизанами Томской губернии.

За время своих поездок по уезду во второй половине марта Бану сумела собрать крупные суммы на нужды организации, основательно попотрошив кошельки баев и купечества. Хоть и без особого желания, но раскошелились Тулебай, Билембай, Баязитов, ряд должников покойного отца. Но наибольшей удачей Рамазанова считала покупку оружия, пока всего нескольких карабинов и пистолетов, но это только пока!

При посредстве людей Тулебая Бану смогла оживить ослабевшие контакты организации с Найдой. Туда, к Найде, на переговоры решили послать одного из активистов или членов руководства, чтобы до мелочей согласовать удар по хлебоприемным пунктам. Слабые места в их охране обнаружил Кирилл с помощью своего человека в военкомате. «В этой обстановке,— мстительно размечталась Бану,— голодные люди станут действовать, как подскажем мы, те, кто чуть-чуть подкормит их из захваченных запасов...»

* * *

Надежды Тимофеева на то, что Кирилл введет его в круг руководства организации, не сбылись. Постепенно Василий узнал о буквально драконовских мерах соблюдения конспирации, установленных по приказу некоего «Казанца». И вместе с тем удивлял довольный вид руководителя тройки Кирилла, близкого к головке подполья. Невольно рождалось предположение, что ряды контрреволюционеров продолжают расширять-

ся, оживилась их деятельность. Справедливость таких догадок стала очевидной, когда, отправляясь в служебную командировку в села Галкино, Романовку, Чигиринку, Марьяновку, Белово, станицу Ямышевскую для проверки работы местных потребительских обществ, Тимофеев уже как «участник» контрреволюционного подполья получил от Кирилла наказ встретиться в этих местах с несколькими десятками людей, передать им письма, литературу, сообщить о необходимости готовиться к выступлению. Такое поручение, рассудил Василий, свидетельствовало о большом доверии. Значит, он стал «своим среди чужих».

Двухнедельная командировка вконец вымотала Тимофеева. Поручения Кирилла отняли слишком много сил и времени. Особенно утомляли длинные словопрения с эсерствующими «интеллигентами» села, стремившимися выплеснуть на свежего городского человека целое море жалоб на провинциальную скуку. В кулацких домах много не говорили, там коротко спрашивали, когда выступать и как поступить с сельскими коммунистами и активистами Совета: перебить сразу или арестовать.

— Сами-то вы как думаете? — спросил Василий владельца паровой мельницы Емельяна Кондратьева.

— А чего их держать арестованными, людей на охрану выделять? Кончить на месте и делу конец. Лучше вместе с потомством. Иначе от сатаны вырастут сатанята,— злобно ответил хозяин.

От мельника Тимофеев узнал о наличии в селе ячейки «крестьянского союза». По большому секрету Емельян рассказал своему гостю, что там делами заправляет надежный человек из селян. Всего за три месяца сумел все ячейки их куста объединить.

На обратном пути Василий уже в кошеве почувствовал, что заболел и основательно. Во рту пересохло, голова казалась невероятно тяжелой, все тело ломило, поднялась температура. В голову лезла навязчивая мысль: подхватил тиф. До Ермаковского добрались благодаря стараниям попутчика — бухгалтера. Он же отвел Тимофеева в дом мельника и, ссылаясь на рекомендации Кондратьева и свое шапочное знакомство с председателем волостного Совета, заставил жену мельника сходить за фельдшером. Тот подтвердил диагноз, предполагавшийся Василием.

Напившись горячего молока (сжалилась мать мельника), Тимофеев завернулся в тулуп и прилег. Когда он засыпал, в окно постучали. Несколько минут спустя в комнату вошли двое. Хотя был поздний час, хозяин распорядился приготовить сытный ужин. По комнате поплыли запахи жареного сала, самогонки. Разговоры хозяев и гостей, свет лампы отодвинули завесу надвигавшегося сна, и Василий невольно стал прислушиваться и всматриваться.

Ужинали двое. Один из них сидел спиной к Тимофееву, другой — боком. Лицо второго показалось чем-то знакомо. Поразмыслив, Василий решил, что в этом человеке есть сходство с тем «инструктором», о котором рассказывал Аверин.

«И он и я пришли к мельнику по паролю,— рассуждал про себя чекист.— Выходит, здесь явочный пункт, перевалочная база для участников эсеровского подполья».

Занятый своими мыслями, Василий все же по профессиональной привычке заметил, что и новоприбывшие довольно пристально рассматривают его. Он решил не теряться и пойти в удобном случае «ва-банк». Когда спутник «инструктора» вместе с хозяином отправился на задний двор, чтобы надергать свежего сена и заменить старое, утрамбовавшееся в кошеве, запрячь лошадей,— случай представился:

— Видио, я порядком измеиился, да так, что даже вы, Лев Исакович, не узиали,— обратился Тимофеев к Алякриискому.

— Помилуйте, мы не зиакомы вообще. И я не тот, за кого вы меия прииимаете,— Алякриискиий чуть повел голову вправо и заметно помог этому поворотом туловища.

— Думаю, ие ошибся... и думаю, мы все еще одному богу служим,— Василий говорил медлеиио, с трудом размыкая пересохшие от виутрениего жара губы.

— Люди говорят: бог один, а вера разная. Как знать, что вы исповедуете? И еще раз повторяю, мы действительно ие знакомы.

— Навязываться не стану, Лев Исакович, судьба нас соединяла неиадолго, могли и запамятовать меня. Декабрь 1908-го, Иркутск, пересыльная тюрьма, этап, драка. Голову-то вы, извините, до сих пор вправо не поворачиваете, да и у меия иога частеиько иоет.

— Не вам ли я обязан повреждением сухожилия? — голос Алякринского стал сухим, ломким.

— Хм, вот это зря. На пару с известиым вам Абрамом Романовичем Гоцем мы тогда еле отбили вас от наседающих уголовников. Потом весиой мы снова стали соседями. Да... Александровский централ...

— Простите, ио столько лет..,— Алякринский подошел к Тимофееву, близоруко прищурился, снял запотевшие очки, привычиым движеиием протер их и снова вгляделся в лицо неожиданиого собеседника.

— Зиаете,— продолжил ои,— судьба заставляла вести жизнь просвещениого кочевника, встречаться со многими. Был и такой факт в моей биографии, ио лицо ваше... простите... ие помию. Хотя, что же я! Вы ведь, наверное, больиы.

— Увы, подвело здоровьишко, укатали сивку, как говорится...

— Ну, ну, мы еще повоюем!

Заложив руки за спиiу, Алякринский несколько раз нервно прошелся по слабо освещенной комиате. Круто повернувшись на пятках, ои отрывисто спросил Василия:

— Откуда вы и куда путь держите?

— После Симбирска прозябаю здесь, в Павлодаре, кооперация приютила. Возвращаюсь в город из комаидировки. Боюсь, ие доеду.

— Полиоте, не стоит паниковать!

Алякриискиий изучающе посмотрел иа Тимофеева, затем, обуреваемый сомиениями, тихо спросил:

— А вы все еще тот? К другому берегу ие прибились? Почему из Поволжья уехали?

Василий понял: версия, одиажды разработаииая Аверииым, пригодилась, надо только суживать ее и ие дай бог поскользиуться.

— Если бы я стал иным, к чему тогда забираться в эту глушь? Весь прошлый год, с февраля и по ноябрь, проклятые чекисты на хвосте у иас висели, нащупали связь, которую мы имели с отрядами Вакулииа-Попова, Сарафанкина,. вот и пришлось уносить сюда ноги. Недавно приобщился вновь к нашему делу.

— Вас приияли по рекомеидации Казанца? Как Вы иаходите действия Анатолия Максимовича?

— Мой иепосредствеиный начальиик — Кирилл. Дело в организации поставлеио серьезно, чья эта заслуга — судить ие берусь.

Последние слова Василий произнес с трудом. Стали непослушиыми губы, язык, в глазах замелькали бесчисленные блики, уши давил странный внутреиний звои. Продолжать разговор больше не было сил.

И тут, весьма кстати, в комиату вернулись хозяин и спутник Аляк-

рийского. Мельник доложил, что все готово, можно ехать. Алякринский подошел к Василию, пожелал ему выздоровления, быстрейшего возвращения к общему делу. Затем он наклонился к больному и сказал на ухо, что переговорит с «Казанцем» о необходимой врачебной помощи и соответствующем продвижении своего вновь обретенного товарища по партии и борьбе.

Как Василия доставили в городскую больницу, он не помнил. Не знал и того, что его болезнь чуть не до смерти напугала верхушку подполья. Юрьев, Рамазанова, Мюллер боялись, что в бреду Тимофеев может о чем-нибудь проговориться, а санитары передадут это чекистам. По заданию Юрьева Кирилл и Химичев попытались под видом дальних родственников забрать больного из палаты, но весь тифозный барак находился на строжайшем карантине, и доступ в него можно было получить только с разрешения уездной ЧК. Один из дежурных врачей терпеливо объяснил это настырному Химичеву и еще добавил, что у отдельных больных тифозного барака обнаружены признаки не только холеры, но и чумы.

Юрьев кипел негодованием. Он, как мальчишку, отчитал Кирилла за невыполнение приказа и потребовал пойти на любые меры, но предупредить возможный провал. Все с тем же Химичевым Кирилл уговорил Зябкина подготовить для Тимофеева порошок с сильно действующим ядом и передать под видом болеутоляющего. Но когда такая отрава оказалась у них в руках, надобность в ее применении отпала. Дежурный санитар сообщил им, что «этот больной» накануне вечером «умер» и вместе с другими уже похоронен в общей могиле.

— Считайте, нам крупно повезло,— процедил сквозь зубы Юрьев, выслушав сообщение Кирилла.— И вообще запомните — ничем ие может быть оправдан риск приема в организацию людей, которых мы по-настоящему не проверили на деле. Как только начнутся события, необходимо скрепить наши ряды кровью, да, да, именно кровью. Она и омоет, и очистит, и свяжет получше всякого цемента.

Юрьев втайне гордился тем, что за полтора года ему удалось парировать многие удары ЧК. Одна за другой проваливались группы анархистов, кадетов, колчаковцев — только его люди избегали ареста. Слишком узкий круг посвященных знал о нем, для прочих, рядовых, существовал лишь таинственный и грозный «Казанец». Это по его приказу все члены организации были сведены в тройки и пятерки. Для предотвращения предательства многих новичков, вызывавших сомнение, подвергали специальной проверке. Переодетый милиционером Кирилл вместе со своим напарником Иваном Ужеговым допрашивал их как контрреволюционеров. Двоих удалось спровоцировать. Потом их втихомолку прикончили.

С тех пор все идет нормально. Вот только нет почему-то ответа из штаба Бакича. А ведь он, Юрьев, послал к иачальнику штаба генералу Смольнину надежного человека. Неужели правда, что корпус Бакича разгромлен под Шара-Сумэ? Если так, то дело серьезно осложняется. Нет, больше ждать нельзя, пора переходить в наступление.

* * *

К середине апреля весна полностью вступила в свои права. Поля очистились от снега, дороги просохли, со стороны Иртыша частенько погромыхивало: то в одном, то в другом месте от берега отрывалась небольшая льдина и с шумом ударяла по кромке сплошной массы льда, все еще цепко державшего реку под своим холодным панцирем.

Виовь пригласив Аверина к себе, председатель уездного исполкома молча протянул Андрею бланк сообщения. В Чигириновке банда полностью разграбила обоз с хлебом, собранным в счет продналога, и вдобавок при иалете на село захватила и увезла на подводах со ссыпного пункта семениое зерио.

— Что я теперь, Андрей Григорьевич, мужикам скажу? Помнится, вместе с тобой их уговаривали везти зерно в общественный амбар, уверяли, оио сохранится в целости, посевиая будет обеспечена. Из трех сел собрали ведь. Где брать иа посев, ума ие приложу? — Председатель исполкома, зябко кутаясь в старую шинель, сидел за своим рабочим столом и пальцем левой руки нервно мял вязаиую рукавицу.

Аверин молча проглотил невысказанный, но оттого еще более горький упрек. «Конечио, можно было, как советовали из Семипалатинска, пойти иа риск — выявленных контрреволюционеров срочно арестовать. Такой удар вынудит подполье временно прервать свою деятельиость, замкнуться. Но их верхушка по истечении определенного времени проведет необходимую перестройку, восполнит потерянные звенья — и начинай все сначала. Да и Тимофеев заболел, как назло. Но врач говорит — еще с недельку пройдет, прежде чем можно будет побеседовать. И опять вопрос: кто это под его родственничков работал? Жаль, санитар не запомнил их».

— А, ты еще здесь, тогда полюбуйся: снова сюрприз,— стремительно вошедший в кабинет секретарь укома Зарембо рывком протянул Андрею телефонограмму о налете банды Найды на хутор Казанский и село Александровку.— Совсем обнаглели. Среди бела дня, на глазах у сотен людей орудуют. Вот что,— секретарь подошел к Аверину и, сурово посмотрев ему прямо в глаза, сказал:

— Хватит. Будем на бюро укома серьезный разговор вести. Готовься объяснить людям, как им теперь быть. Готовь свои предложения. Но учти, никаких оттяжек не дадим. Поднимем чоновцев, красных партизан, шахтеров из Экибастуза, но к празднику Первомая наведем настоящий порядок.

— Того же и я хочу, только иными силами и в другие сроки.

— Именно?

— Шахтеров поднимать не стоит, как не стоит тревожить всех чоновцев и партизан, обойдемся только теми, кого отберем. И надо ли выносить на бюро этот вопрос сейчас, когда мы уже приблизились к разгадке, к развязке? Очень прошу не подстегивать, не торопить нас.

Зарембо внешне спокойно выслушал ответ руководителя уездной ЧК, в раздумье постоял с минуту у стола, затем прошел к окну и, слегка побарабанив пальцами по стеклу, так и не повернув головы, ровным тоном, в котором уже не чувствовалось недавнего кипения, а, наоборот, проскальзывали нотки этакой ледяной бесстрастности, произнес:

— Ладно. Подождем.

На выходе из здания Совета Аверина остановила Елизавета Ивановна Коршунова. Заметно волнуясь, она поблагодарила за продукты питания, лекарства и одежду для больных детей. Попросила чекиста пройти в ее маленький кабинет и, понизив голос до шепота, рассказала, что Химичев настаивает на совместной поездке в Омск для встречи с ее братом. Четкого ответа оиа ему не дала, сослалась на большую загруженность работой. Тогда Химичев потребовал срочно взять отпуск или, в крайнем случае, уволиться и перейти на работу в кооперацию, где, по его словам, для подобиых «мероприятий» можно всегда получить иеобходимую поддержку от «своих» людей.

— Боюсь я их, Андрей Григорьевич. И ие так страшен сам Химичев,

как двое других, по словам Павла, наших попутчиков и вместе с тем членов организации. Одного из них, Кирилла, я знаю, встречалась с ним впервые еще при жизни мужа, кажется, в девятнадцатом году, он в то время формировал из добровольцев отряд для войск атамана Анненкова. Вторично увидела Кирилла в августе двадцатого, одну ночь он укрывался в нашем доме. Тогда он вроде бы воевал против Советской власти на стороне войск есаула Шншкина. Хвалился, якобы ему поручали важный пост в карательном отряде есаула Ельникова.

— По вашим словам, у Кирилла довольно длинный послужной спнсок закоренелого белогвардейца, и он из тех, кто не хочет примириться.

— О, такой, как он, на это не пойдет.

— Вы говорили, кроме Кирилла и Павла, должен быть еще один попутчик?

— Да. Ему для поездки уже выправили все необходимые документы и даже выделили подводу до самой Железнпки. Еще бы, ведь там в фнн-отделе начальник на него надышаться не может, такой золотой работничек.

— Кто это?

— Вы его знаете — Алексей Епифанов.

— Он тоже служил с вашим мужем?

— Нет, они были шапочные знакомые по Омску, в девятнадцатом году. В штабе вместе получали назначение: Саша мой — ротным в пехоту, а Алексей в армию Дутова, следователем при канцелярии казачьей бригады. А теперь, пока Кирилл займется в Омске своими делами, Епифанов должен неотлучно находнться со мной.

— И все это они вам пояснили открыто?

— Под благовидным предлогом моей личной безопасности. Кирилл, усмехаясь, говорил: «Нельзя давать женщину в обиду, в чужом городе тем более».

Аверин посоветовал ей принять предложение Химичева. Все необходимые меры безопасности будут предприняты, а официальный предлог для ее поездки имеется. Еще в прошлом году Сибревком направлял в Павлодар несколько сот семей переселенцев нз России и группу детей-сирот. Документацня осталась в Омске, цель командировки — отыскать и забрать все документы. Будет и официальный сопровождающий — работник укома комсомола.

Коршунова согласилась на такую поездку и попрощалась с чекнстом, но, когда Аверин встал и пошел к дверн, попросила его задержаться еще на минуту.

— Понимаете, Андрей Григорьевнч, последняя встреча с Хнмичевым и Кириллом была не в аптеке, как обычно, а в доме Андрея Балина. Мы уже обо всем переговорили, и я хотела уходить, но из семейной половины вышла хозяйка и попросила меня помочь матери, которой стало плохо. Я согласилась и около часу возилась со старушкой. Пока ее успокоили, совсем стемнело, а те все разговаривали. Сначала-то я не обращала внимания, а потом невольно прислушалась. Какой-то Казанец договаривался с какнм-то Астафьевым из «крестьянского союза» о совместном нападенни на продпункт, но где, я не поняла. И знаете, этот Астафьев порой прикрикивал на собеседника. Он был возбужден и громко утверждал, что видел людей разиых, с ним на равных держал себя даже Владимир Иванович, вот фамилии я в волнении не запомнила, то ли Игнатенко, то ли Игнащук. Потом, когда хозяйка меня проводила из дома, я заметила в большой комнате мужчину, он все еще беседовал с другим человеком — по голосу, тем самым Казанцем.

Так вот, этот Астафьев из себя видный мужчина, лет так тридцати пяти, крупного сложения, голова у него слегка удлиненная, лицо правильное, симпатичное, нос прямой, крупный, как у нас раньше говорили — колун.

— Может быть, еще что-нибудь запомнилось, Елизавета Ивановна?

— На ходу ведь, знаете, торопилась уже. Хотя, постойте... вроде глаза у него немного навыкате, а так остальное, ну... усы, борода, обыкновенные. Вот уши еще, кажется, чуть оттопырены.

— А чем вас их разговор особенно насторожил?

— Более семи лет народ мучается от голода, а последний год вообще страшный. Они же вели речь о захвате продовольственных складов, о полном прекращении доставки хлеба в город, чтобы толкнуть голодные массы на выступление против Советской власти Ну ладно, власть им не нравится, а зачем людей мучить, под страхом голодной смерти заставлять поворачиваться к прошлому? Теперь понимаете, почему, как только услышала о хлебе, сразу сердце заколотилось. Остальное я уже рассказала.

— Спасибо, Елизавета Ивановна, большое вам спасибо!

Удача не ходит в одиночку. Справедливость этой пословицы Аверин в полной мере ощутил, вернувшись в здание уездной ЧК. Дежурный сразу же доложил об известии из больницы: Василий чувствует себя лучше, просил срочно придти, хочет сообщить что-то весьма важное.

В больничной палате, казалось, даже стены излучали запахи лекарств. Иначе не могло и быть: не только окно, но и форточку не открывали всю зиму, стремясь сберечь изредка возникающие крохи тепла, когда сердобольный санитар подбрасывал в печь полусырых поленьев или кусок доски от забора.

Рассказ выздоравливающего чекиста существенно дополнил общую картину.

* * *

Прошла неделя. После совещания с ведущими работниками аппарата и обмена мнениями с чекистами Акмолинска и Славгорода выкристаллизовалось решение — к концу мая — началу июня нанести одновременный удар по врагу, чтобы не дать скрыться кому-либо из вожаков подполья. Но жизнь вносила свои коррективы. Вечером 23 апреля павлодарские чекисты получили несколько сообщений из сел уезда от коммунистов, комсомольцев и отдельных разуверившихся мятежников о намерениях врага испортить трудящимся уезда праздник Первого мая, совершив силами банды Найды и нескольких групп «сибирского крестьянского союза» налет на продовольственные пункты в восточной и юго-восточной частях уезда.

Используя возможности ЧОН и милиции, Аверин, Бобров, Букин, Толстиков наметили план. По нему отряд ЧОН и милиция окружают и ликвидируют банду, в городе и ряде сел в общественных местах проводится срочная проверка документов, за квартирами выявленных заговорщиков устанавливается наблюдение. Торопиться подвергать их аресту было пока рановато, чтобы собрать побольше улик, не дать кому-либо затаиться и скрыться.

* * *

Вторую беседу с Астафьевым Юрьев провел в доме Рамазановой. Сразу после разговора этому ненстовому боевику вручили два пистолета, добытых Мархабану, снабдили его деньгами для приобретения верховой лошади. Тон Астафьева коробил Юрьева. Анатолий Максимович весьма неохотно уступал «бразды правления» другому. Но он понимал —

Астафьев гораздо легче найдет язык с крестьянами. «Пусть поиграет в вождя,— думал Юрьев.— Придет время, мы его легко поставим на свое место, мы — люди опытные, грамотные, без нас новая власть не сможет прочно встать на ноги».

Астафьев, согласившись на объединение сил, предложил проводить в жизнь тактику, апробированную ячейками «крестьянского союза» в Акмолинской губернии и Тобольске. «Следует заставить коммунистов распылить силы, утомить их чоновские отряды бесцельной погоней за нашими маленькими боевыми группами в селах. А те после налета должны моментально переходить на обычное занятие — косить, пахать, сеять, а ночью опять в бой. Чоновцы основательно вымотаются, уездные власти невольно оголят город, и мы нанесем здесь вашими группами заключительный удар. Подготовьте четкий план операции, предусмотрите очередность атаки объектов. Конечно, прежде всего атакуйте здания ЧК, укома партии, милиции, штаба ЧОН, военкомата».

— С планом выступления после завершения посевной я согласен. Раньше мужика не поднять, но подготовить его следует, и здесь первомайский сюрприз был бы весьма кстати. В городе его готовьте вы, друг Казанец, а в селе — мы с Найдой.

Свои заключительные слова Астафьев произнес уже мягко, словно основой такой перемены был внесенный служанкой Рамазановых поднос с горячими сибирскими пельменями и запотевший графинчик с охлажденной самогонкой.

* * *

На патрулирование ночного города и проведение утром проверки документов на базаре Аверину удалось собрать большие силы. Уком партии выделил для этой цели более ста человек. Разбив их на несколько групп, чекисты в течение ночи сумели, по определению Букина, «частым гребнем» провести по самым вероятным местам скопления нежелательных лиц. В некоторых домах были произведены обыски и удалось найти несколько сотен экземпляров листовок «сибирского крестьянского союза» и павлодарского «союза крестьян и казаков». Хранителей таких листовок немедленно арестовали.

Букин ночью дежурил в здании уездной ЧК, и только после завтрака его направили во главе группы милиционеров, чекистов и комсомольцев на проверку документов в районе базара. Нэп полностью вступил в свои права, и, глядя на заполнявшие рынок толпы людей, Николай невольно вспомнил слова из стихотворения в газете, где хлестко высмеивался угар наживы и стяжательства, охвативший некоторые слои общества.

Время от времени патрули проверяли документы у различных посетителей рынка, покупателей и продавцов, но на выяснение в милицию отправили всего лишь одного подвыпившего крестьянина, и то по просьбе женщин, которые утверждали, что он вымогает у них деньги, угрожая в случае отказа забрать у них все на обратном пути с базара.

Но вот внимание Букина привлек коренастый широкоплечий мужчина с резким волевым выражением лица, присматривавший сбрую для лошади. Он, не торопясь, уплатил крупную сумму одному станичнику за хорошо отделанную уздечку. Затем также с первого запроса взял седло, подпруги и направился с ними к конскому ряду. Николай жестом позвал за собой напарников по патрулю и пошел следом за этим странным покупателем.

Конский ряд был небольшим, ощутимо сказывались последствия империалистической и гражданской войн. Селяне всеми силами стремились сохранить свой рабочий скот, редко кто соглашался продать лошадь.

Многие с восхищением осматривали единственного на базаре красавца — серого иноходца, но большинство не задерживалось около него, а стремилось к невзрачным, но крепконогим гнедым, более нужным в хозяйстве.

К удивлению Николая, заинтересовавший его покупатель, мимоходом глянув на гнедых, прошел к иноходцу, уверенно и спокойно стал осматривать зубы, потрепал холку, пощупал бабки, проверил ковку, несколько раз стукнул по крупу, затем, коротко расспросив продавца о некоторых других качествах лошади и цене, спокойно вытащил пухлый бумажник, не спеша отсчитал положенную сумму, зануздал иноходца своей уздечкой и под завистливые взгляды толкавшихся вблизи крестьян повел иноходца за собой.

Букин подозвал одного из своих патрульных, посоветовал ему снять повязку и проследить за этим гражданином, куда он пойдет, где остановится. Он же, Букин, станет ждать сообщения в здании ЧК. Савельев пришел буквально следом за Букиным и рассказал, что неизвестный покупатель остановился в доме Андрея Балина.

— Ну, что ж, Николай, будем наблюдать за этим домом, в ближайшее время прихлопнем там крышку, а пока держи глаз остро, не упускай из виду ни одного из тех, что посещают этот осиный улей, а нынешнего покупателя держи под особым контролем.

Утром следующего дня специальный нарочный привез известие о захвате группой милиционеров и чоновцев главаря банды Леонтия Найды и его помощника. Аверин приказал это сообщение хранить в строжайшей тайне, задержанных пока доставить ночью в волостную мнлицию в Ямышево и держать там пару дней. Сам он срочно поехал в Ямышево. Оказалось, что Рамазан Байлин узнал от своего друга Ермека о планах налета банды на продовольственные пункты. На свой страх и риск уговорил командира объединенного отряда чоновцев и милиционеров рано утром взять бандитов спящими. Правда, охрана банды обнаружила приближение чоновцев, ранила двух милиционеров. Ответный огонь оказался плотным, никто из бандитов, находившихся в доме, не смог прорваться к коням. Постепенно шаг за шагом чоновцы приближались к дому, где укрылся Найда. Сосредоточив огонь нескольких стрелков на пулеметчике, милиционеры и чоновцы вывели его из строя. Постепенно и ответные винтовочные выстрелы стали слышаться все реже. Наконец из окна избы на конце винтовки выставили белый платок, стрельба стихла, а через пару минут в дверях появился Найда. Оказалось, что он был ранен и расстрелял все патроны, а все его восемь подчиненных погибли...

А через час туда же в аул привезли помощника Найды Ионина и его любовницу Варвару Байбузову. Их перехватила засада в трех верстах от аула. Под Варварой убили лошадь, «кавалер» взял ее к себе в седло, так как сопровождающие при первых же выстрелах «дали тягу». Чоновцы легко настигли Ионина, и он, боясь, что случайная пуля попадет в Варвару, не стал отстреливаться.

Наблюдение за богатым покупателем Букин и Савельев продолжили утром. Оказалось, что их «поднадзорный» посетил военкомат и получил там какие-то документы. Затем он встретился с братом Бану Рамазановой, с учительницей Русиновой, потом опять вернулся в военкомат и о чем-то вел разговор с Филимоном Багиным.

Обсудив с Толстиковым последние сообщения, Аверин решил брать «покупателя». Задержали его на выезде из города. Он спокойно предъявил паспорт на имя Зикретова Ивана Ивановича, кузнеца из поселка Белово Павлодарского уезда. Николай Букин предложил Зикретову пройти в милицию, так как в паспорте имеется помарка, что требует пояснений.

«Там, на месте,— добавил Николай,— вы можете предъявить другие документы». Кроме Зикретова для проформы задержали еще троих крестьян, а затем всех их привели во двор милиции. Внимательно изучив документы Зикретова, начальник милиции Толстиков установил, что в паспорте действительно имеются исправления. При личном обыске у Зикретова были найдены два пистолета, записная книжка, а также два небольших листа с текстом воззвания и приказа № 1.

Поздно вечером в здание ЧК пришла Коршунова и сообщила, что Кирилл, увидев, как был задержан «покупатель» (она назвала его Астафьевым), кинулся домой и спустя пять минут умчался на хозяйской лошади в сторону Славгорода.

— А-а, гады, тикають, учуяли запах жареного,— сказал, выслушав ее, Толстиков.— Ладно, мы сейчас же примем меры. А вы идите домой к детям, спасибо вам.

Утром Зикретов-Астафьев дал подробные показания. Он сообщил, что слил свою организацию уездного комитета «сибирского крестьянского союза» с подпольными группами «союза крестьян и казаков», которым руководил Юрьев.

— Дело проиграно, надо уметь смотреть правде в глаза,— добавил Астафьев.— Жаль, мы долго согласовывали с Юрьевым и Найдой планы удара.

— А кто консультировал Найду? Вы или Юрьев? — вступил в разговор Толстиков.

— Юрьев, а затем его человек, какой-то Кирилл. Я Найду не знаю лично.

В отличие от Астафьева Юрьев долго не давал показаний, пытался выкрутиться — все-таки сказывалась богатая практика работы в охранке. Но постепенно чекисты выяснили степень вины всех участников антисоветского подполья, установили их планы, степень готовности к восстанию. Оказалось, что многие рядовые участники фактически отошли от контрреволюционной деятельности, а крестьяне, в прошлом из заблуждений помогавшие эсеровским провокаторам, теперь охотно вскрывали связи подполья и бандитов, указывали, где преступники могли спрятать оружие, награбленные вещи, зерно, муку.

Выяснилась неприглядная роль Юрьева по вербовке сообщников в кооперации, отдельных службах военкомата, других учреждениях. Губернский суд сурово наказал главарей, милостиво обошелся с теми, кто был обманом и угрозами вовлечен в опасную авантюру.

Трудный, запутанный узел последышей эсеровщины в павлодарском Прииртышье был распутан.

Н. ЕГОРОВ

ФАЛЬШИВЫЙ БРИЛЛИАНТ

Поверь и найди...

Над базаром стоял обычный гомон, в воздухе висел смешанный запах овощей, ранних фруктов, кипящего масла, конского пота и навоза. Было довольно жарко, но людей не смущала эта жара, и они с озабоченным видом сновали от воза к возу, чтобы прицениться к яблокам или луку, арбузам или иной зелени.

Сажин, ловко лавируя в людской толчее, уверенно пробирался вперед, раздумывая о том, что и как докладывать о своей поездке в Джаркент. Выводов — четких и ясных — не было, и это беспокоило больше всего. «Четки... Вот они лежат в полевой сумке как вещественное доказательство очередной попытки нарушить советскую границу. Но только ли? Для чего они были нужны? У старообрядцев четки-лестовки грубы и невзрачны. А эти...»

— Да отстань ты, антихрист. Ну чего ты, дьявол, прицепился ко мне?— прервал размышления Сажина раздраженный женский голос.

— Пройдем, гражданка спекулянтка, в отделение,— послышался мужской голос.

Сажин протиснулся сквозь десяток базарных зевак и увидел, что молодой милиционер держит за локоть какую-то женщину в черном, по-старушечьи повязанном платке. Она, удерживая одной рукой ведро с лепешками домашней выпечки и задыхаясь от злости и страха, пыталась другой оторвать широкую мужскую пятерню.

— Да отстань же ты, дьявол, от меня.

Сажин недовольно сдвинул брови. «Усердье не по разуму... Конечно, в стране трудно с хлебом. Но не такие вот виноваты в этом. Может, эта

бабенка от себя горсть муки оторвала, чтоб выручить копейку на что-то еще более нужное». Боковым зрением Сажин заметил, как рядом грязная рука змеей скользнула по чьим-то штанам. Сажин протиснулся к милиционеру и негромко, почти на ухо сказал ему:

— Тут карманник орудует, а вы с женщиной связались!

Милиционер зыркнул на Сажина, и тотчас выражение лица его изменилось. «Узнал, должно быть»,— машинально отметил Сажин и, поведя взглядом, кивнул на тесную кучку людей.

Милиционер отпустил женщину, отчеканил: «Ясно, товарищ начальник!» — и бросился в сторону. Глядя ему вслед, Сажин почувствовал, как его схватили за рукав и буквально потащили. Настороженность тотчас сменилась усмешкой — «спасенная» им женщина тянула его в сторону от места, явно ей неприятного.

— Ой, спасибо тебе, родимый! Век христом помнить буду. Выручил ты меня от супостата. Дай тебе бог счастья,— тараторила женщина, оглядываясь не столько на Сажина, сколько в ту сторону, где милицейский свисток уже рассыпал переливчатую трель. Как всегда в таких случаях, хлынул в ту сторону народ. Раздался азартный крик «Держи вора!», лупоглазый парень по-разбойничьи засвистел в два пальца, испуганно запричитали старушки.

Наконец, женщина остановилась, отпустила руку Сажина. Поставив ведро на землю, она быстро заправила под платок выбившиеся волосы. Щеки ее тронул румянец, большие чистые карие глаза молодо блестели, а когда она повернулась в сторону базара, под темной кофтой богомолки выпукло обрисовалась высокая грудь.

— Казачка, что ли? — грубовато спросил Сажин.

— Муж был из казачьего сословия, а я нет.

— Был?..

— Его в девятнадцатом то ли анненковцы, то ли колчаки, сказывают, порубали,— голос женщины потускнел, и между бровями прорезалась четкая складка. На миг она опустила лицо. Но тут же подняла голову, и ее глаза скользнули по фигуре Сажина.

— Как же мне отблагодарить тебя, благодетеля моего?

— Да чего уж там.

Вдруг лицо женщины залила краска, и она, опустив глаза, сухо и гордо бросила:

— Не думай чего там охального. Я не шалапутная.

— Ну зачем ты так,— построжел Сажин.— Я к тебе как к человеку...

Женщина подняла глаза. Настороженность во взгляде опять уступила место женскому кокетству.

— А вообще-то ты женщина опасная.

— Чем же, товарищ начальник... милиции?

— Это тебя бог надоумил, что ли? — улыбнулся Сажин, успев заметить и лилейно-молочной свежести шею, и гайтан крестика. Обращал на себя внимание и подбор слов, которыми была пересыпана речь молодайки.

— А что, или в бога верить нельзя?

— Верить у нас никому не запрещается. Только не понимаю, какой от этого толк. И обидно, сколько еще женщины будут оставаться Матренами безгласными.

— А я не Матрена.

— Неужели?

— Настасья я. Агафонова по батюшке, а по мужу убиенному Самолетова.

— Ну, а я Сажии Петр. Правда, ие начальник милиции...— Сажин улыбнулся.— Фамилия у тебя зиатная.

— А что тут такого? Прадед, сказывают, у моего Мити паромщиком был.

— Вон, зиачит, что! Однако, заговорился я с тобой, Настасья,— глянул Сажин на часы.

— Да и я тоже. Возьми вот,— сунула она Сажину в руку пару лепешек.— Да бери, бери. Это от чистого сердца, как человеку.

— Так ведь я же, по-твоему, милиционер...

— А что, разве средь милиционеров людей нет? — с вызовом бросила Настасья. Это было так неожиданно, что Сажин не нашелся, что сказать, и молча смотрел на нее.

— Спасибо,— наконец проговорил он.— А где найти тебя? Ведь я твой должник.

— А ты в человека поверь — и найдешь,— опустила глаза, повернулась и пошла. Шагов через пять она оглянулась. И то ли черный платок так оттенил лицо ее, то ли еще отчего, но улыбка ее вроде была печальна.

— Прощай, служивый!

— До свидания, Настасья!

Лицо молодайки дрогнуло, она слегка взмахнула рукой, и людская круговерть скрыла ее из глаз...

Четки

Зайцев долго молча рассматривал привезенные Сажиным с границы четки. Выглядели они не совсем обычно. На прочный шелковый шнурок были нанизаны круглые шарики вперемежку с шаровидными коричневыми многогранниками. К одному такому многограннику присоединялся черный цилиндрик, похожий на жолудь, а напротив него были нанизаны три желтых диска, разделенные пятерками шариков.

— Занятно, занятно,— пробормотал Зайцев, осторожно трогая каждый диск толстым пальцем. Наконец, он вскинул голову.— Ну-ка, Петр Иванович, расскажи подробнее, как попала к тебе эта вещица.

Сажин кашлянул в кулак, привычно тронул большим пальцем «английские» усики, заметно отросшие за прошедшую неделю, и стал докладывать.

В Джаркентском ОГПУ Сажина встретили дружелюбно и тут же включили в дело: ожидали прорыв банды через границу, и чекисты собирали в помощь пограничникам коммунистический отряд. Сажину не нужно было долго объяснять, что делать. Он сразу отправился иа конюшню и попросил оседлать коня. Выехав из райотдела, Сажин проскакал широкими улицами и на выезде из города встретил участкового милиции Третьяка.

— Никак в гости к нам? — поинтересовался тот.

— Да нет, к нам гостей ждут, вот я и тороплюсь на заставу. А вы?

Третьяк покосился на Сажина, подумал, чесанул за ухом.

— Черт. Вот не ко времени. Ну, ладно, езжайте потихоньку. Я догоню вас. Мне надо тут заскочить в одно место,— и он бросил коня в намет.

Через полчаса Третьяк нагнал Сажина. Всю дорогу ехали молча. Третьяк настороженно крутил головой и часто похлопывал коня по шее. Раза два он останавливался, зачем-то переседлал своего Серко и, не глядя на Сажина, словно оправдываясь, сказал, что потник сбивается, потому что проклятая животина хитриг и не дает затягивать подпругу.

До поселка, в котором размещалась застава, добрались засветло без пронсшествий.

— Джаркентцев подъехало четверо. Еще люди будут? — спросил Сажина Кравцов — начальник погранзаставы.

— Говорили, что должны еще пятеро быть,— ответил тот.

— Ну, ладно, сейчас отдыхайте, когда все соберутся, поставлю задачу. Мон уже знают. Только людей у нас, сами знаете, не густо. Вот и использую ваш резерв.

— Сбегаю к свояченице на полчасика, перекушу, может,— не глядя иа Сажина и Кравцова, бросил Третьяк и быстро зашагал от коновязи.

Сажин знал, что на границе неспокойно. То там, то сям лезли контрабандисты. Чуть не каждые сутки на границе происходили стычки. Еще в марте крупная банда бывшего царского офицера Кивлева шестеро суток осаждала в селе Кзыл-Агач отделение пограничников, следовавших в Лепсинск. На лепсинском направлении из Синьцзяна не раз пытались прорываться банды Квитко, Нагорного и Арвейцикова, на Зайсанском участке был свой опасный «клиент» — Толстоухов. Это крупные шайки, до сотни сабель. А о мелких и говорить не приходится. Но в героях поста Кашкасу, хотя н погибших, но не пустившнх банду в долины Киргизии, все пограничники видели вдохновляющий пример мужества и презрения к смерти.

Тактика белобандитов была известна: под покровом ночи по-змеиному переползтн граннцу, скрытно пробраться в район, где нет воинских сил, и там жалить направо и налево, выдавая себя за местных повстанцев против Советской власти.

Увидев у Сажина коробку маузера, начальник погранзаставы спросил:

— Служебный?

— Награда,— коротко ответил Сажнн. Да и стонло ли распространяться о том, что довелось воевать в 1919 году протнв колчаковцев, или о том, как ему, молодому сотруднику ГубЧК, в Татарни приходнлось гоняться за кулацко-эсеровскими бандами, брать разоблаченных белогвардейских эмиссаров и диверсантов, нередко со стрельбой, а то и разрывами бомб.

— Хорошо,— с уважением отозвался начальник и, улыбнувшись, отказал в винтовке.— Патроны к маузеру дам. Этого добра хватит, а винтовку не проси,— и насыпал Сажину в пригоршню десятка три маслянисто-желтых патронов.

— Он у тебя пристрелян ли? — с нарочитым сомнением поддразнил Кравцов.

— Огнем крещен,— с невольной гордостью отозвался Сажнн.

— Вот видишь! Всех банднтов перестреляешь, а на меня обижаться будут,— хохотнул начальник, потер переносицу и добавил: — Дам я тебе сотию патронов сейчас, так ты в другой раз к нам не заглянешь.

— Ладно, ладно, уговорил! — усмехнулся Сажин, вытаскивая из сумки пустые обоймы, чтобы набить нх патронами.

— Ну и лады. Пойдешь в секрет с отделкомом Барановым,— показал начальник погранзаставы на подходящего смуглого, невысокого, но ладного пограничника.— Учти, Сажин,— впервые назвал начальник фамилию гостя.— Ставлю вас двоих на сомнительном направлении. Есть одна лощинка. Для конного рывка она очень даже подходит. Так что смотрите. За вами никого не будет...

Все было ничего. Но комары... Как назло, порывы ветра были редкн и курить иельзя. Перед рассветом, когда нервы были как туго натянутые струны, откуда-то слева раздалось несколько выстрелов. Сажин сразу же забыл про комаров и, повернув голову, посмотрел в сторону отделкома.

Тот знаком предупредил: «Тихо!». Опять потянулось ожидание, острое, как лезвие клинка.

Часов в пять утра Бараиов, чуть шурша осокой, подполз и пригласил Сажина следовать туда, где иа рассвете слышалась стрельба.

Оказалось, что стреляли с засады Третьяка. Ночью послышался шорох камыша. Неопытиый первогодок вскииулся и окликиул по-уставиому: «Стой! Кто идет?»

В ответ грохнул выстрел, потом еще. Третьяк крикиул «Ложись!», и тогда уже дальше грохнул третий выстрел, затем все стихло.

Ждать больше ие было смысла, и все четверо стали искать следы. Вот тогда метрах в тридцати от засады Третьяка отделком Бараиов и нашел четки. Выявить след ие удалось: иарушитель был в какой-то мягкой обуви...

— А не попали четки в это место раиьше? — усомиился Зайцев, виимательио выслушав доклад Сажииа.

— Нет, Коистантии Артемьевич,— решительио возразил Сажин.— В таком случае трава проросла бы сквозь иих, а тут четки лишь придавили ее.

— Может, случайность...

— Нет, не случайиость. Зачем же тогда стрельба? — ие согласился Сажии.

В чекистской работе всякое предположеиие должио опираться иа факты. Это Петр Иваиович зиал хорошо, поэтому смутиые свои подозреиия о том, что где-то он уже видел такие четки, пока ие выложил. Да и что может зиачить, если даже и видел? Но вспомиить иеобходимо. Что четки упали — это, коиечио, случайиость, ио что их владелец обстрелял засаду, кстати, для иочиого времеии достаточио метко — пуля впилась в кочку в двух-трех вершках от красиоармейца,— уже ие случайиость. Зиачит, ему было ие резон попадать в руки пограничиików, зиачит, цели лазутчика были далеко не «святые».

С четок мысль перескочила иа узнаииое от Коистантииа Артемьевича, что в Никольском соборе объявился новый епископ. Сразу же припомнились сигналы об усилеиии борьбы в местиом соборе против церковиых обновлеицев, о том, что в церкви больше стало верующих за счет осевших в городе моиахов и моиашенок, а также поиаехавших из разиых мест России в связи с закрытием ряда церквей архиереев, дьякоиов, бесприходных попов и людей иеизвестиых звааий.

Потрогав четки еще раз, прежде чем убрать их в сейф, Петр Иваиович усмехиулся: «Ну вот и потяиуло меня на дела церковиые. Вишь, как ловко получается: епископ, обиовлеицы, беглые моиахи, бесприходиые попы — словно по четкам перебираю».

Отхлебиув из кружки иастоявшегося чая, Петр Иванович вздохнул, выиул чистую папку и крупио написал сверху «Четки». Пока что в папке было всего два докумеита: протокол осмотра места обиаружеиия четок да рапорт самого Сажииа об обстоятельствах, сопутствующих их появлеиию на граиице.

Новый епископ

Перед домашиим киотом мерцали три свечи, освещая икоиы. Колеблющийся свет иеровиыми бликами отражался иа образах, и лики иа икоиах го проступали, то исчезали в темиоте. Но сидевший в деревяииом кресле не смотрел иа киот. Опустив голову на ладоии рук, поставлеиных на колени, ои был недвижим и, казалось, дремал.

Жалобно пискнули петли, дверь отворилась, и в келью, пригнувшись, вошел мужчина в монашеском одеянии. Он привычно перекрестился, разгладил бороду с сильной проседью и окликнул сидящего:

— Не спишь ли?

— Нет, отец мой, просто задумался.

— Да, суровы испытания господни за прегрешенья наши. Но уж больно ты резко в своих проповедях на обновленцев ополчился. Мягче, Герман, надо. Мягче.

— Время, отец мой, жесткое, и мягче нельзя. Вспомни историю церкви нашей на Руси. Как только в религии послабление, так светские власти усиливали гонения. Так было при Алексее Михайловиче, Петре Первом, Анне Иоанновне...

— Нет, Герман, при Петре Великом не раскол породил усиление светской власти, а, наоборот, ее возвышение привело к углублению разногласий среди князей церкви, а потом и к расколу.

— Ах, какое это имеет значение. Ведь гонения-то пали на священнослужителей! — воскликнул Герман.

— Имеет. Не забывай, что ты не рядовой священник, ты епископ, князь церкви, и от тебя зависит многое в борьбе за сохранение религии в епархии. Гибче надо быть. Вспомни, как Иван Калита собирал Московское государство: где лаской, где посулом, где словом нелицеприятным, а где и поклоном низким перед басурманами.

— Так то светский князь.

— Дело в тактике, в средствах, а не в том, что Иван Калита был князем светским, а не духовным. Заметил ли ты, что в соборе среди мирян было много клириков.

— Заметил.

— Так вот, не все они согласны с жестокой линией патриарха Московского и Всея Руси Тихона Белавина, хотя и в обновленчество не ударились. А ведь могут отколоться... Или возьми причт нашего храма. Есть такие, как отец Порфирий. Они глубоко, истинно веруют, однако к обновленцам, а кажется и к властям предержащим, лояльны.

Наступила тишина. Каждый обдумывал сказанное другим. Архимандрит Феоген был духовником Германа, да и по жизненному опыту чуть не вдвое старше. Герман же, хотя и был епископом, имел от роду всего 45 лет. Не один год они служат богу вместе, давно у Германа нет от Феогена секретов, а такие беседы помогают понять, как укреплять в народе пошатнувшуюся веру в бога.

Феоген снял тяжелый наперсный крест, положил его на киот под образами, сел в другое кресло, расправил бороду и снова заговорил.

— Сергий, став местоблюстителем патриаршего престола, сразу же повел дело к объединению церкви и, чтобы выбить почву из-под ног обновленцев, заявил о лояльности церкви по отношению к новой власти. Хотя один свят дух знает, что он в тот момент думал. Но нужно было объединить верующих, преодолеть наметившийся раскол. Разве не так?

— Так,— тихо отозвался Герман.

— Только в соединении сил наших можем мы удержать паству в лоне церкви православной и как-то влиять на положение на Руси. Да и уповаю на всевышнего,— Феоген набожно перекрестился, покосясь на киот.— Не будут англичане, французы и германцы терпеть большевиков. И белое воинство, ныне временно находящееся в далеких палестинах, не оставляет надежд на возвращение на землю предков. И, верю, придут они не как блудные сыны со смирением, а как воины во славуХристову с мечом, разящим скверну безбожия.

— Все в руце божьей!

— Эх, Герман! Миряне, даже веруя во второе пришествие Христа, все же говорят: «Бог-то бог, да сам не будь плох!» Так-то вот!

— С именем божьим...

— Не поминай всуе имя всевышнего. Настало время действия,— проворчал Феоген.— Имя божие восславляй, когда дело сотворишь.

— Я понимаю, что помыслы боговы людьми претворяются, но где найдешь надежных?

— Чтобы крепнть церковь и веру, людей предостаточно. Поговорить со здешними пастырями...— закончить Феогену помешал стук в дверь, за которым в келью вошел один из священнослужителей церкви. Перекрестясь и пробормотав нечто молитвенное, он обратился к Герману:

— Ваше преосвященство! Окажите божескую милость, разделите с нами у отца благочинного трапезу нашу скромную. Да и услышать алкаем о жизни в других епархиях. Ибо известия к нам достигают поздно.

Говорящий внимательно посмотрел на Германа, и во взгляде его пробивалась властность, которую ие могло сгладить благодушное выражение лица.

— Как, отче? — вскинул Германи взгляд на Феогена. А тот словно невпопад негромко, но отчетливо проговорил:

— Поисповедуемся сообща.

Герман задумался и, поднимаясь с кресла, произнес:

— Ну что ж, ведите.

«Дохлое» дело

За множеством дел мысль о четках не покидала Сажина. Она то всплывала в памяти, то погружалась в тайники. Вот и сегодня, после сообщения Зайцева о разоблачении в 1929 и 1930 годах антисоветских церковных организаций в Вятке, Владивостоке и ряде других мест, Петр Иванович снова вспомнил о четках.

Бывает так. В пасмурный серый день внезапно луч солнца прорвется между туч, высветит на сером фоне какой-то предмет — предстанет тот четко, рельефно, словно высеченный и ярко раскрашенный... Образ попа вырисовывался перед ним так реально, что Сажин чуть ли не поперхнулся и даже кружку отставил. Точно. Именно такие четки видел Петр Иванович в левой руке мужчины в рясе на одной из железнодорожных станций.

Русая борода с легкой рыжиной у подбородка не вязалась с молодым блеском серых глаз под ровными дугами черных бровей. По прежней портновской привычке Петр Иванович тогда мысленно прощупал фигуру попа. Возраст где-то 30—35 лет, рост выше среднего, фигура даже под бесформенным балахоном рясы не казалась грузной или толстой. Довольно плечист. Шаг широкий, ио походка не прыгающая, значит длинноног. Здоровый цвет кожи лица свидетельствовал о крепком здоровье. Вряд ли поп этот усердствовал в «сокрушении» своей плоти. Да и густая вьющаяся грива, что упрямо вылезала из-под черной скуфьи, не вызывала мыслей об изнурительных постах.

Бросались в глаза четки, которые тот держал в левой руке. И мозг автоматически отметил три желтых диска, разделенных черными и черно-коричневыми шариками. Рука с четками вспомнилась с фотографической четкостью. Да, три диска... Петр Иванович даже головой помотал: точно, желтый, три коричневых и два черных, потом желтый и опять та же комбинация черных и коричневых.

А когда поп перехватил одну косточку, из узкой ладони выскользнул

и цилиидрик — желудь. Он, Сажии, тогда перебросил чайиик из левой руки в правую. Точно. Он шел за кипятком, а было это в Бузулуке. Еще, помиится, в Актюбииске ему показалось, что этого же попа видел в окне вагона.

«Предположим, поп ехал в поезде, но как он попал в Джаркент? — размышлял Петр Иванович, машинальио барабаня пальцами по столу.— Или беглый или... На западе границу перейти практически иевозможно, на Дальний Восток слишком далеко, в Средией Азии — мусульмане. Значит — Казахстаи. Охраиа границы здесь редкая, ие хватает людей. Потому и лазейку найти не трудно.

Но если четки те самые, то выходит, что поп с поезда пробрался в Джаркент и улизнул за кордон. Правда, стрельба не вязалась с нежными тонкими пальцами и подчеркнуто доброжелательным взглядом того попа, но ведь на то и омут, чтоб чертей укрывать...»

Начальник отдела Зайцев внимательно выслушал соображения Сажина насчет четок и священнослужителя с поезда. Встал, прошелся по кабинету, сел, положил тяжелые руки на стол.

— Что ж. Примем за первую версию твое соображение о том, что поп бежал за границу. Хотя вполне допустимо, что это или один из руководителей контрреволюционной церковной организации или, может быть, связник за кордон. Как тебе известно, центр ориентировал нас о разоблачении таких организаций в Вятке и Самаре. Не исключено, что твой «крестник» может быть из этих мест. Однако нельзя исключать и здешних.

— Но четки...

— Четки ерунда. Это не иос, который не переставишь. А четки... сегодня у одного, завтра у другого, а то и вообще в первую подворотню брошены.

С этим Сажин должен был согласиться.

Теперь, прежде чем обращаться в Вятку или в Самару, надо попробовать установить личность этого священника...

Сажин еще с час обсуждал с Константином Артемьевичем возможные пути установления личности попа. А вернувшись к себе, заговорил с кстати оказавшимся под рукой помощником Семкиным.

— Саня! — ласково сказал Петр Иванович, потому что поручение было довольно щекотливое.— Ты вроде бы крещеи?

Семкин внимательно посмотрел на Сажина и сухо подтвердил:

— Крещен. Только это сделали без моего согласия.

— А еще говорят, что ты в церкви побывать мечтаешь,— продолжал Сажин бодро-весело, вроде бы и не глядя на Семкина, но замечая, как у того заалели сначала уши, потом щеки, и наконец, багряиец залил шею и все лицо.

— Клевета это, Петр Иваиович! — рассердился Семкин.— И в церкви я не был, и в бога не верю.

— Это ничего,— спокойно продолжал Сажин, пряча улыбку.— Сходишь в церковь, на иконы посмотришь.

Открыв рот, Семкин ошарашенио поморгал светлыми ресницами, потом вскочил.

— Да я сейчас...

— Сейчас ты сядешь, Саия, и выслушаешь меня,— в том же тоне продолжал Сажин и чуть жестче добавил: — А понадобится — и молитвы выучишь, и креститься будешь.

— Как креститься?! — опешил Семкин.

— Как все православные — правой рукой от лба до пупа и от правого плеча к левому.

— Да что же это такое? — с отчаянием прошептал Семкин.

Сажин согнал улыбку и суховато-сурово сказал:

— Ты, товарищ Семкин, три дня отсутствовал в отделе... Не перебивай. Так вот...— и вынув четки из сейфа, рассказал все, как было.

— Кто их владелец, мы не знаем. Вот и надо попытаться найти его, тогда, может быть, станет ясна цель перехода госграницы.

— Да, но я же его не видел...

— На вот, почитай. По-моему, я ничего не упустил.

— Однако и дохлое же дело,— только и мог вымолвить Семкин.

— Какое уж есть.

Сажин понимал, что в словах Семкина резон есть. И все же...

Занятный иеромонах

На розыски попутчиков Сажин потратил не один день, но утешительного было мало. Кто не видел попа, кто просто не обратил внимаиия. Не рассчитывал Петр Иванович узнать что-либо и у Кузьмы — виноградаря из Чилика. Но ехал Кузьма с матерью. Вот она-то и рассказала Петру Ивановичу, что был это не простой поп, а иеромонах, коему дозволено править службу церковную, и ехал он в наши края из Нижнего Новгорода.

— И откуда, мать, тебе это известно? — недоуменно воззрился Кузьма на старуху.

— От людей слышала,— спокойно отозвалась старушка.— А еще заезжал он в Сызрань, Самару, Бугуруслан. Искал кого-то, уж не упомню, архимандрита или архиерея.

— И чего попу не сидится на месте? Кажется, у кого жизнь может быть спокойнее? Ан и попы теперь туда-сюда мотаются. А зачем? — вроде безобидно проговорил Сажин.

— И в самом деле, чего мечутся? — с недоумением отозвался Кузьма.

— А он, сыночек, исповедника своего ищет. Как он его называл-то, дай бог памяти... Вроде как Захарий. А может Макарий?

— Да ты-то, мать, откуда знаешь? Выспрашивала, что ли?

— Зачем выспрашивала. Я, чай, не глухая,— с легкой обидой сказала старушка.— Это он, когда я за кипяточком ходила, женщине одной рассказывал. Вот я и слышала. А она его назвала один раз Василием, так он вроде бы даже осердился на нее. Ну, а женщина ему и отвечает: «Да все никак не привыкну, что ты теперь Афиноген».

— Они, что же, ехали вместе? — поинтересовался Сажии.

— Да нет. Она в Оренбурге села. Тоже кого-то ищет, как я поняла. А у кубовой, похоже, случайно встренулись. Он так даже чуть руками не всплеснул: Муратова! Аннушка, мол. У кубовой как раз чтой-то народу не было, они и заговорили. Тут он и сказал, что в наш город едет, потому как, мол, ему сказали, что энтот Захарий, а может, Макарий, здесь в обязательности иаходится.

— А этот Василий, или Афиноген, из самого Нижнего?

— Да нет, он этой балаболке сам сказал, что в Питере был послушником, а потом его в иеромонахи произвели, потому как он обучался службу править и в Новгороде Нижнем при обители служил. А потом и подался...

— Вон как. Поп, значит. А что же он четки-то носит, если поп?

— Вот-вот, про четки его и зта балаболка спрашивала. Так он ответил, что четки как бы вроде подарок, не поняла только — ему или отцу его духовному и исповеднику. «Видно, не один ты у иего духовный сын»,—

сказала та Анна. И объяснила, что уже троих или четверых видела с таким подарком.

— И где же она видела такие четки? — не удержался Сажин.

— А я, милок, больше уже не слышала. Они пошли к поезду, да и мне тоже надо было поспешать...

В дело легла еще одна бумага — рапорт Сажина с записью рассказа старушки из Чилика.

— А я тут все насчет четок думаю,— поделился Семкин.— Может, дадите еще разок полюбоваться?

— Пожалуйста, любуйся. А в церковь ходил?

— Ходил, ходил. И вашего архимонаха между прочим видел. Рыжеватая бородища, львиная грива, рост гвардейский — одно слово архимонах. А еще новый епископ в церкви появился.

— Видел?

— Видел. Ничего мужчина, представительный. Только нервный вроде.

— С чего это ты так думаешь?

— Да уж больно неровно службу вел. То тянет, то вдруг зачастит, аж кадилом махать не поспевает, а за ним и дьякон слова начинает глотать, и вместо благолепия козлетонство получается, словно его в одном месте слегка крапивой стреканули.

Сажин невольно улыбнулся, а Семкин все так же перебирал шарики четок, внимательно осматривая каждый, и невозмутимо рассказывал, что исчезновения священнослужителей не отмечено, а вот непричетного священства в церковь на литургию собирается порядочно, что штат церкви полон, но епископ и благочинный ходатайствовали в связи с закрытием в городе других церквей об увеличении числа исповедников.

Неожиданно Семкин замолк, положил четки перед собой на стол и пристально уставился на цилиндрик-желудь.

— А открыть не пробовали? — неожиданно спросил он у Петра Ивановича и ухватил цилиндрик за оба конца — так что пальцы побелели. Цилиндрик не поддавался.

Семкин нахмурил брови, несколько мгновений не шевелился, потом еще сильней ухватился за концы и попробовал повернуть верхнюю чашечку в одну сторону, потом в другую.

— Есть! — радостно воскликнул он и через секунду показал Сажину разъятый на две части цилиндрик. Внутри лежала туго свернутая бумажка.

— Как? — с изумлением глядя на Сашины руки, выдохнул Сажин, который и сам проверял четки.

— Левая резьба! — коротко пояснил Семкин, извлек из пенальчика катышок и стал осторожно расправлять его. Наконец, разглаженная бумажка легла на стол.

«В святые таинства и бога единого веруем. Да рассыпется темный и ангел воссияет»,— прочитал с нетерпением Семкин. Дальше шел бессмысленный набор букв: пбиамоиитвеошлорыишсб ьоееоракмлкогодянтндо ктдсщнаыжмянкктраевеи сегоанмретыиаивтговмь.

— Что за мура! — воскликнул Семкин, а Сажин подковырнул:

— Действительно, дохлое дело!

— А ведь тот архимонах, если, конечно, тот, в церкви с четками был,— вдруг с недоумением сказал Семкин.— Выходит, не его?

— Не архимонах, Саша, а иеромонах. Значит, это монах в сане священника. А четки, видимо, не его. А может... запасные. Словом, как бы не пришлось нам и в самом деле священное писание читать да молитвы заучивать.

— М-м-да,— без особого энтузиазма промямлил Семкин.

Зайцев, увидев листок с зашифрованным текстом, попросил объяснить, что это и откуда взялось. Сажин вздохнул и рассказал.

— Так кто, говоришь, этот попик?

— Иеромонах, Константин Артемьевич!

— Занятный иеромонах. Ну, что ж. Отдай эту записку Савельеву. Пусть поколдует. И скажи от моего имени, что нужно ускорить.

Пригладив тяжелой ладонью корочку папки, Зайцев хмуро посмотрел на Сажина и упрекнул, что записку не сразу обнаружили. Ведь в таких делах время дороже денег.

Сажин виновато опустил глаза.

— Я пробовал открутить, но, видно, от росы фигурки набухли, а тут четки полежали, подсохли. Ну и... удалось.

Тайная вечеря

После первой трапезы у благочинного и служб с несколькими ночными бдениями, когда мимолетными репликами новый епископ и причт прощупывали друг друга, прошло не так много времени. Герман как будто поверил, что настало время для более откровенного разговора, но не хотел брать инициативу на себя. И случай подвернулся.

Днем в перерывах во время богослужения в честь апостолов Петра и Павла священник Александр подходил в храме то к одному, то к другому священнослужителю и что-то говорил, а собеседник коротко ответствовал. При этом один кротко опускал голову, другой летучим взглядом впивался на мгновенье в бесстрастные глаза батюшки, а иной опасливо косился по сторонам.

Собрались у отца Александра. Подходили в сумерках по одному. Когда же все собрались и была прочитана благодарственная молитва, отец Александр пригласил всех к столу, который с помощью Настасьи проворно накрыли монашенки Прасковья и Евдокия.

— Тайная вечеря в сборе! — гнусаво хохотнул благочинный, расправляя бороду.

Герман вздрогнул, быстро оглянул застолье и, зябко поведя плечами, явно с облегченьем вздохнул.

— На тайной вечере кроме спасителя было тринадцать апостолов,— сердито выговорил отец Александр Парамонову.— Нас же только девять.

После двух рюмок кагора беседа за столом еле теплилась. Архимандрит Феоген раза два взглянул на епископа Германа, который, казалось, чего-то ждал, на хозяина дома Александра Сокольского, явно нервничающего, на вздыхающего благочинного Парамонова. Наконец, Феоген не выдержал и прямо обратился к Сокольскому:

— А ты бы, батюшка, накапал нам слезы иерусалимской, а то в светлый праздник на душе тускло, как в успенье али в день,— он замялся, памятуя, как все отреагировали при напоминании о тайной вечере,— в день памяти приснославленного Иоанна Крестителя.

— И то...— поддержал Парамонов.

По знаку отца Александра Прасковья и Евдокия бегом принесли из погреба несколько бутылок с водкой. Бутылки сразу же запотели, и взоры отцов святых одобрительно посветлели: отец Александр знает, как подать!

После рюмки холодненькой водки и довольного кряканья дружно зазвякали вилки и ложки, взоры присутствующих заметно повеселели, и тут незаметно заговорил его преосвященство. Говорил Герман о том, что

всех присутствующих прямо касалось,— о закрытии храмов, унижении сана священнослужительского, о падении веры.

— Ваше преосвященство,— почтительным голосом, но твердо перебил Сокольский,— все это нам ведомо. И душа у иас болит, видя, как пустеют храмы, скудиеют прииошения, как хиреет вера. Что делать иам?

Во время вопросительной тирады отца Александра за столом стало совсем тихо. Герман, опустив глаза, молча слушал. Когда же хозяин умолк, епископ посмотрел сиачала на Феогена — своего духовника и советника и, лишь уловив движение его бровей, решился заговорить.

На этот раз епископа не перебивали, и ои говорил все тверже и уверенней, как укреплять мирян в вере.

— Готовить надо верующих постоять за честь церкви православной. Не может такого быть, чтоб запустели храмы божьи, а вера уплыла к япоицам, среди коих слово учения Христова, как ведомо мие от архиепископа Симона Пекинского, в большом почете ныие.

Сидящие переглянулись, а Герман продолжал:

— И начинать надо с обновленства. Это отступничество грозит вылиться в ересь и раскол.

Германи оседлал любимого коиька, но Феогеи из-под густых бровей внимательно наблюдал за сотрапезниками и, видя, что взоры их начали мутнеть от выпитого и длинного монолога епископа, значительно прокашлялся. Герман посмотрел на него и заключил:

— Встанем, братие, аигельской дружиной. И помните, что сказано в священном писании: «Сначала было слово!» Слово — иаше оружие. В проповеди и исповеди. Амииь!

— Амииь! — нестройным хором ответствовали собравшиеся, с облегченьем вздыхая: теперь можно было потешить плоть — закусь была аппетитиой.

После четвертой рюмки дьякон Соловейкин негромко запел:

Не осенний мелкий дождичек...

Несколько голосов подхватили припев:

Полно, брат, молодец,
Ты ведь не девица,
Пей, тоска пройдет...

Но вернувшийся с другой половиины отец Александр шикнул:

— Если вечеря, так не к чему мирские песни петь.

Не ходил бы поп по базару

Сажин сидел у себя. Тощенькая папка и четки, лежавшие поверх иее, было в этот час единственным, что занимало мысли Петра Ивановича. Записки и докладные содержали пока иемного данных, но ставили все новые вопросы. Вот Петр Иванович и ломал голову, как измеиить соотиошение: сократить число вопросов и увеличить — ответов.

Звякнул звонок телефона.

— Сейчас же зайдите ко мне! — распорядился Зайцев. В его резком тоне чувствовалось плохо скрытое раздражение. «Что стряслось?» — недоуменно подумал Сажин. А когда зашел к Зайцеву, всегда корректио вежливому, то вообще поразился. Вздыбившись по-медвежьи над столом, Константин Артемьевич сквозь зубы процедил:

— Вот уж не ждал, что ваш Семкин в налетчика превратится. Сейчас же отправляйтесь на базар в милицию, разберитесь и через час доложите мне.

— А что произошло? — спросил Сажин.

— У вашего чернеца на рынке украли четки и бумажник. Четки, как довольно сообщил Семкин, уже у него, а бумажник ищут. Вот я и думаю...

— На такую авантюру Семкин не пойдет,— твердо сказал Сажин. — Он комсомолец. И я ему верю.

— Поймите же, что бы ни случилось, это насторожит чернеца.— Константин Артемьевич махнул рукой.— Разберитесь! Но если это проделки вашего помощника...

— Слушаюсь! — отчеканил Сажин и по-уставному сделал поворот кругом. Выразив таким способом обиду, он отправился на рынок. Данных для выводов, по сути, еще не было, и Сажин решил до милиции об этой истории не думать. Сокращая путь, пошел между лабазами и, вывернув из-за угла, вдруг увидел сослуживца, чекиста Просенкова, сидевшего на корточках. Глянув через его плечо, Петр Иванович с изумлением увидел, что Просенков щекотит соломинкой маленькую дергающуюся ступню.

— Пусти! — доносился из-под лабаза не то стонущий, не то смеющийся голос.— А не то вот как вылезу, так как дам!

— Илья, что происходит?

Посмотрев на Петра Ивановича, Просенков с улыбкой ответил:

— Понимаешь, этот юный Робин Гуд нашел бумажник нашего знакомого и требует за него выкуп. А сам меня не отпускает...

— Не верьте вы ему, дяденька! Как же я его не отпускаю, если я сам от него вырваться не могу. Хи-хи-хи! Да скажите вы ему, чтобы перестал щекотать. Хи-хи-хи!

— Илья, перестань. Защекотишь мальчишку. А ты давай вылезай. Не бойсь, не скушаем.

На этот раз мальчишка послушался. Из-под лабаза показались лохмотья штанов, потом такие же невообразимые лохмотья не то рубахи, не то кофты, отросшие, слипшиеся от грязи непонятного цвета волосы. Мальчишка был худ и грязен, но глаза его еще не утратили блеска.

— У, дылда! — пытался он наброситься на Илью, но тот лишь положил ладонь на плечо и примирительно сказал:

— Ладно. Давай не сердись, а то Петр Иванович не покормит нас.

— Ну ладно, подождите, я сейчас чего-нибудь соображу.

— И меня не забудь! — кинул вдогонку Илья.— Этот бесенок так вымотал меня, что аж зубы с голодухи защелкали.

Сажин засмеялся и пошел к торговым рядам, высматривая что-нибудь съестное.

— Дайте, пожалуйста, пару лепешек, парнишка тут оголодал.

— Здравствуйте, Петр! — негромко и вроде нерешительно приветствовала его женщина.

Сажин присмотрелся. Это была Настасья. Только вид у нее был какой-то подавленный.

— Здравствуй, Настя! — поздоровался Сажин и смущенно добавил:

— Мальца вот подкормить надо.

— Доброй души ты человек.

— Какой есть. Что-то ты нынче скучная? Ай случилось что?

— Такая иногда тоска берет. Уехать из этого города, да куда податься? А тут сынок заболел.

— Врачу-то показывала?

— Все мы под богом ходим,— уклонилась женщина от ответа.

— А я как-то около церкви тебя видел. Как там отцы святые поживают?

— Святые? В гробу бы их святость видеть! — зло бросила Настасья. Сажии внимательиио посмотрел иа женщииу.

— Спасибо, Настя! Пойду, а то пацаи совсем заголодал, еще и удерет с нетерпячки.

— Добрый ты. Меня пожалел. Мальчонку вои тоже. Только слишком добрый. Злого да черного не видишь.

— Вот бы и просветила,— улыбиулся Сажии.

Глаза жеищины сверкнули, иа губах скользиула усмешка:

— Может и просвещу.

Через минуту беспризориый жадно уплетал лепешку, а Просенков больше для вида щелкал зубами, щедро нахваливал огурцы, картошку и лепешку и незаметно подвигал мальчонке то одио, то другое.

— Тебя звать-то хоть как?

— От рождения Федором, а среди этих — «профессором» кличут.

Критически оглядев мальчоику, Сажин покачал головой.

— Шел бы ты, парень, в детдом. Сытый будешь, иу и грамоте да ремеслу обучат. А так с голоду пропадешь или замерзиешь зимой.

— Не пропаду! — самоувереиио отозвался Федька.— А грамоте я ученый. Да толку-то..,— Федька длиино сплюнул.— И не до того мне сейчас. Ну, спасибочки за шамовку!

Федька прищурил глаза, ио не успел ои шевельиуться, как Просенков положил ему руку на плечо:

— Федя! Как некультурно! Только познакомились, а ты утекать. С кем же я за жизнь толковать буду?

Петр Иванович внимательиио посмотрел Просенкову в глаза. Тот виновато отвел голову. Сажин понимающе кивнул и улыбнулся.

— Ну, ладно... До свиданья, Федя! Я пойду, а вы беседуйте сколько хотите. Только...

Просенков молча достал из кармана потертый бумажник. Петр Иваиович быстро раскрыл его, и первое, что бросилось в глаза, была фотография иеромоиаха.

— Точно этот! — коротко ответил Сажин иа вопросительиый взгляд Просеикова и отправился в милицию.

Но там его опередил иеромонах. Воровато озираясь и пригибаясь, ои бочком первый прошмыгиул в дверь, и Сажин решил подождать. Накоиец чернец, так же воровато озираясь, выскользнул из милиции и едва не бегом пустился наутек.

— Чем это вы здесь напугали попика, что он отсюда со всех ног улепетывал? — спросил Сажии у Семкина.

— Тут, видишь, какая петрушка. Обокрали его, почитай на моих глазах, беспризориики. Милициоиер мальчоику с четками успел схватить, а вот бумажиик уплыл. Архимонаху же очень ие хочется, чтобы в церкви о покраже знали. Чуть ие плакал, просил не сообщать туда. Он-де сам будет заходить. У него в бумажнике, видишь, послание епископа и адреса, к кому он ехать должеи. А четки — подарок Макарию. Его-то он и разыскивает.

— Адреса, говоришь? И боится? — Сажии машииально троиул усики, что-то соображая.— Когда он обещал зайти?

— Завтра.

— Четки отдали?

— Нет еще. У меня они.

— Ну и хорошо.— Сажин повернулся к дежурному.— Завтра или я или вот он придет сюда и вручит все попу. Если же поп придет раньше нас, постарайтесь задержать его.

— Ясно, товарищ начальник! — с уважением отозвался дежурный.

Прежде чем отправиться в свой кабинет, Сажин и Семкин заглянули к Зайцеву и доложили о происшествии. Тот минут десять метал громы и молнии на их головы, но все же признал, что они не виноваты, и заключил:

— Лучше было вообще ничего не брать. Ну, а с Просенковым я еще поговорю,— многообещающе посулил Зайцев.

Семкин и Сажин переглянулись. Сказано достаточно ясно. Однако, к их счастью, заклеенных конвертов в бумажнике не было. В потертом конверте лежало несколько малозначащих частных писем, адресованных Василию Орехову, в которых неизвестный К. Л. сожалел, что Василий свои задатки художника променял на сомнительную благодать божью. Видимо, письма монаху были дороги, так как хранил он их около восьми лет. Одно письмо, скорее записка, за подписью епископа Германа, была адресована епископу Макарию. Несмотря на краткость, оно заинтересовало Сажина, и он полностью переписал текст, коротко прокомментировав:

— Похоже, вот здесь собака и зарыта.

Семкин тоже подержал листок и подвигал бровями.

— Кажется, дохлое дело начало оживать?

— Однако ты — жираф,— с иронией заметил Сажин.— Долго до тебя доходило...

— Нет. Просто я скептический оптимист.

— Ишь как! Давай-ка взглянем еще на четки.

Через минуту Семкин ловко открутил крышечку желудя.

— И здесь с начинкой!

Не ломая голову над загадочной запиской, Сажин просто переписал ее, чтоб передать Савельеву.

Кое-что проясняется

— Зайдите! — позвонил Зайцев Петру Ивановичу.— Обсудим кое-что...

В кабинете Константина Артемьевича Сажин увидел Савельева и Просенкова. Они негромко переговаривались, а Зайцев изучал какой-то документ.

Предложив Сажину сесть, Константин Артемьевич закончил чтение, а потом передал бумагу Сажину.

— Посмотрите, что оказалось в шифровке.

Сажин углубился в чтение. Под номером один записан был рукою Савельева такой текст:

«В святые таииства и бога едииого веруем. Да рассыпется темный и ангел воссияет.

О прибытни вашем сообщил дьякои Метленко. Дорога открыта, ждем священника, к встрече готовы. Аминь, амн».

— А это что за «ами», подпись, что ли? — спросил Сажин, и Савельев ответил:

— Нет. Это просто для заполнения сетки.

Под номером вторым шел текст, обнаруженный в четках иеромонаха:

«Еще же сказаио в Священиом писаиии: «Сначала было слово». Посему бысть оио оружие пастырское. Слово исповеди и слово проповеди—нектар и бальзам, угодный господу богу иашему. Как пчелы, собирайте мед истины. Ищите да

обрящете. И отделив плевелы, воздайте кесарево — кесарю, богово — богу. Даждь и аз воздам. А в пресветлый день пусть зачтутся все прегрешения и добрые дела наши во славу господню! Аминь!»

Зайцев внимательно наблюдал за Сажиным и, когда тот, раза два перечитав текст, отложил лист, спросил его:

— Ну, что вы скажете?

— В первой записке все ясно. Можно с уверенностью сказать, что она адресована епископу, хотя автор неизвестен. По второй записке судить трудно, от кого она, ведь иеромонах прибыл издалека. Скорее всего, она адресована ссыльному Макарию. Знаком ли Герман с ее содержанием? Здесь можно лишь гадать. Кто автор? Им может быть тот, кто послал иеромонаха Афиногена. Но не надо забывать, что Афиноген ехал из Ленинграда, был в Нижнем Новгороде, Самаре, других местах. Допустимо, что и наш епископ приложил к этому руку. А пока что напрашивается один вывод — создается тропа для нелегальной отправки людей за границу.

— Это верно,— отозвался Зайцев.— Что еще?

— Кодировка довольно прозрачная и весьма похожа на инструктаж, иначе о чем же говорят слова «собирайте мед истины»? Или эти: «и отделив плевелы, воздайте кесарево — кесарю»?

— Что же. Будем считать, что кое-что проясняется. Во-первых, достаточно достоверно предположение о создании канала связи, во-вторых, нельзя исключить возможность сбора попами сведений для пока еще неясной цели,— резюмировал Зайцев.

Когда разговор закончился, Сажин поинтересовался у Савельева, как же ему удалось разобраться с шифром.

— А вы мне здорово помогли.

— Я? — удивился Петр Иванович.

— Ну вы же сказали о семи таинствах и триедином боге. А дальше простая арифметика,— улыбнулся Савельев.

— Ишь ты! Выходит отцы святые и святое писание для земных целей приспосабливают?

— Это детский лепет. У ордена иезуитов шифровальное дело — это да.

— Может быть, не спорю. Но кое-что святые отцы православной церкви у иезуитов уже переняли,— заметил Сажин.

— В этом вы, Петр Иванович, правы,— подтвердил Константин Артемьевич.— Поэтому иезуитизм в деятельности Германа и его сподвижников надо обязательно учитывать. А идет этот иезуитизм от покойного патриарха Тихона Белавина. В 1918 году он предал Советскую власть анафеме, а через два года, когда стало ясно, что песенка белогвардейцев и интервентов спета, призвал пастырей повиноваться. Но как?

Константин Артемьевич взял лист и прочитал:

— «Повинуйтесь всякому человеческому начальству в делах мирских, не давайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность Советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию». Понятно, Петр Иванович, иносказание партиарха?

— Что же тут непонятного,— отозвался Сажин.— Не попадайтесь, мол!

— Точно. Но нельзя всех ровнять под одну линейку. Не забывайте о течении обновленчества. Это, конечно, приспособление к современным условиям. Но в нем объединяются верующие, лояльные к Советской власти. И среди местного духовенства таких тоже немало... Возьмите хотя бы отца Порфирия или священника Никанора.

Много ли надо жеищине, истомившейся без мужской ласки? Вот и Настасья скоро успокоилась и была довольна, что и на ее долю судьба послала кусочек счастья. Пусть оио было тайиым, таким, что ни перед соседками не похвастаешь, ни родным не скажешь. Герман на этот счет строго предупредил:

— Смотри. Держи язык за зубами. Не то быть беде.

Приходила она к епископу два раза в неделю. Герман любил, чтобы полы были чистые, и у себя в келье, сиимая обувь, ходил или в шерстяных носках или в аккуратных шлепаицах иа войлочиой подошве. Вот Настасья и выскабливала доски до восковой желтизны. Убирать было нетрудно. Имущества у его преосвященства было иемного, да и держал он его в порядке. Одежда аккуратно висела иа стеике в одиом уголке под куском темиой материи. Кровать всегда аккуратио заправлеиа шерстяиым одеялом. Под кроватью, оиа уже зиала,— деревяиный сундучок. Пара прочиых табуреток у иебольшого стола с несколькими киигами и два деревяиных иизких кресла. Вот и вся обстаиовка, если ие считать киота в красиом углу. Здесь всегда горела лампада. От колеблющегося язычка пламени по икоиам бегали блики, и казалось, матерь божия, Иисус Христос и бог-отец улыбаются ей. От переполияющей душу Настасьи радости захотелось ей сделать приятное и святым и хоть оклады иа иконах протереть от пыли.

За киотом оказалась паутииа. Стала Настасья выбирать ее и иашарила сверток, а когда вынула, одиа бумажка упала иа пол. Настасья присела на корточки, подияла листок и не хотела, да прочла: «Тысячу раз целую тебя, мой херувим! Твоя Аиия!»

Жарким румяицем плеснула в щеки обида. Настасья вскочила и растеряиио опустила руку с письмом.

— Как же так? Ведь сам же говорил, что моиах он, а моиахи о безбрачии обет дают!

Вдруг ей пришла мысль: «А она-то сама?» Настасья хотела суиуть сверток в топившуюся печь, ио внезапио стала развертывать бумажку за бумажкой. А дрожащие губы шептали против воли:

— Целую, херувимчик. Аиия... Обнимаю, твоя страдающая Мария... Припадаю к иогам твоим. Лукерья...

Листок за листком открывал ей новое имя. Обида сменилась отчаяиием, отчаяние уступило место гневу.

— Вот, зиачит, ты каков, отец святой! — зашептала она.— Так ты ие только богоотступиик, ио и клятвопреступиик.

Во дворе послышался чей-то голос. Настасья решительно суиула письма за киот, поправила подоткиутую юбку и принялась за мытье полов. Руки ее проворио делали свое дело, а в голове роились мысли о мести вероломному попу-соблазнителю. Картины вставали в разгоряченном мозгу одиа страшией другой. «А сын»,— ужаснула ее тревожиая мысль. Ей живо представилось, как ее сынишка тяиет к ией беспомощные ручонки, а ее ведут иа казнь за то, что оиа убила распутного попа...

Не дожидаясь возвращеиья Германа, уже страшась и себя и его, Настасья кое-как написала на четвертушке листа, лежавшего иа столе, что болеи сын и она торопится домой...

Если бы Герман мог предположить такое, ои наверияка бы трижды закаялся храиить письма своих любовииц, а, может быть, семь раз, когда приметив стройиую, соблазиительиую прихожаику, задумал овладеть ею.

Забыл многоопытный искуситель и знаток человеческих душ, что женщины не терпят соперниц и не прощают вероломства...

— Что ж, рассказ Настасьи интересен для характеристики, так сказать, личности киязя церкви,— резюмировал Константин Артемьевич сообщение Сажина.— Однако не доказывает антисоветских помыслов Германа.

— Это, безусловно, так, но я верю, что Настасья может знать больше. Сейчас же в ней говорит разочарование, а может, и слепая ревность,— задумчиво проговорил Сажин, трогая усики.— Убеждать ее надо!

Зайцев внимательно посмотрел на Петра Ивановича, положил руку на его рапорт, подумал:

— Нельзя полагаться, что эта женщиина, к тому же глубоко и искренне верующая, поймет истинное нутро Германа. Да и есть ли оно? До сих пор никаких активных действий с его стороны не замечалось. Помощь же беглецам ничем ведь пока ие подтверждеиа.

— А борьба с обновленческой церковью? — не удержался Сажин.

— Это дело внутрицерковное. К тому же, как мы зиаем, патриарх всея Руси Тихон заявнл о признанни Советской власти. Подтвердил лояльность и его преемник Сергий Страгородский. А в борьбе виутрицерковной явно обиаружились тенденции найти компромиссное соглашение.

Сажин понимал, что сообщенное Настасьей не помогло подтвердить предположеиия. Но его обрадовало другое: Настасья сама разыскала его и рассказала о Германе и его окружении. Оказывается, Сокольский в свое время соблазнил жену Парамонова и долгое время состоял с ней в тайной связи, Парамонова же сумел на это время «устроить» в царскую армию, чтоб не было помех. Парамонов — нынешний благочинный — тоже воздержанием не отличался, подцепил сифилис, лечился, а сейчас, видимо, сожительствует с «боговой невестой» — бывшей монашенкой Евдокией, у которой снимает квартиру. Были сигналы, что в доме Евдокии несколько раз происходили пьяные оргии с участием женщин.

Сажину было неловко слышать о всей этой грязи, но Настасья не позволила перебивать себя, а один раз даже прямо спросила, не из «мужской ли солидарности» он не хочет слушать?

— Таких сажать надо, как взбесившихся кобелей.

— Чтоб потом верующие говорнли: «Вот, мол, Советская власть попов сажает за веру?»

— Да какая же здесь вера? Они же развратникн.

— По нашим законам можно привлекать к ответственности за многоженство, за изнасилование, за растление несовершеннолетних, за садизм. Совершили они такое?

— Нет, но...

— А раз нет, то нет и достаточных оснований. Если бы они занимзлись антисоветской деятельностью, собиралн шпионскне сведенння и передавали их за границу, вот тогда их тоже следовало бы привлекать, как врагов. А так... Так они сами себя разоблачают в глазах верующнх... Впрочем, о их делах вам рассказывать никому не следует.

Настасья с пылающим лицом, закусив губу, внимательно выслушала Сажина.

— А если они помогают бежать подозрительным людям в Кнтай? — иаконец спросила она, пытливо глянув на Сажина.

— Это уже враждебное дело,— спокойно ответил Сажин, внутренне насторожившись, но Настасья ничего больше не добавила.

— А почему вы все это рассказали мне? — спросил Сажин.

— Так я же давно догадалась, что вы, Петр Иванович, из ГПУ,— посмотрев на Сажнна, она торопливо добавнла: — Только я об этом никому не говорила... А о тех, кого за граннцу переправнли, я, ей-богу, узнаю.

На лнце Сажина, вднмо, отразилось беспокойство, н Настасья легонько взяла его за локоть.

— Не беспокойтесь, Петр Иванович. Я осторожно...

По следу тещиного языка

— Все, оказывается, очень просто, Петр Иванович,— начал свой доклад Семкин.— Вся история с четками несложна, как и сами четки. Просто православные деятели, которым Советская власть не по нутру, прокладывают через наши края канал для ухода за рубеж.

— Почему вдруг такое решение? — удивнлся Сажнн.

— Ну как же. Как-то возле церквн...

— Значнт, все-таки ходил? — лукаво усмехнулся Сажин.

— Ходил, Петр Иванович. Так вот. Как-то в январе возле церкви после одной обедни услышал я любопытный разговор двух прихожанок. При всей своей набожности они поносили какую-то Елизавету, уехавшую в Кульджу. Я прислушался и вмешался в разговор: мол, не о Свнридовой ли? Одна охотно пояснила, что говорят о Егорнной нз Малой Станицы. А вторая уточнила, что жила она у зятя-киномеханнка на Уральской улице. Этого было мне достаточно. Я отговорился, что вроде бы это не та Елизавета, а сам подался в Малую Станицу.

Почти две недели ходил и выяснил, что Елнзавета Егорина была женой бывшего помощника атамана станицы. В разговорах с несколькими соседками она похвасталась, что епископ Герман дал ей документ о принадлежности к староцерковной ориентации. Егорина советовала своим подружкам уезжать в Кнтай. А ее зять Архнп Горбачев поможет, мол, им встретиться с Германом и подскажет, к кому обратиться за содействием.

Сама Егорина с Захаром Гурьевым, бывшнм стражником, действительно выехала, в Джаркенте остановилась на постоялом дворе, а потом исчезла. Правда, выяснить, с кем она перешла границу, мне не удалось, но в дальнейшем, думаю, и это узнаем.

Это один случай. Второй. За кордон ушел, правда, несколько раньше саркандский дьякон Метленко, который в настоящее время находится в Кульдже. Так что факт организации нелегального канала для переброски антисоветски настроенных церковников в Китай можно считать доказанным.

— Значит, канал переброски? А не слишком ли поспешный вывод? — задумчиво глядя на Семкина, медленно проговорил Сажин.

— Какие же еще факты нужны? Два перехода за кордон, разве это не доказательство? И потом эта шифровка в четках...

— Это доказательство. Но эти факты почти на самой поверхности. А вот что глубже? По-моему, епископ — фигура более значительная, а не просто руководитель эвакуационной команды.

Семкнн обескураженно поморгал, но не сдался:

— А факты? Ведь нет других фактов.

— Да, Саша. Фактов пока нет, а вот снгналы...— Сажин задумался.— Чем объясиить, скажем, случай срыва работ на объектах Чустроя? Откуда идут провокационные слухн о гоненнях на православную церковь? И не слишком ли прозрачны проповеди Германа, Сокольского о грешно-

сти прихожан, о могущей последовать каре божьей? — Сажин умолк, прошелся по кабинету и снова обратился к Семкину.

— Хорошо, Саша. Продолжай разрабатывать эту версию как одну из возможных, но не забывай вот о чем. Не таков Герман и его окружение, чтобы снизойти до роли проводников для перебежчиков. Не те это фигуры по положению. Они рвутся к крупной игре. Иначе чем же объяснить, что епископ поставил в ряде приходов — в Чилике, Талгаре, Лебединке — новых священников, откровенно тихоновской, староцерковной ориентации. А сейчас Герман, Сокольский и Парамонов усиленно подбирают таких же старотолковых людей для Сарканда и Джаркента. А это что-то значит! — твердо закончил Сажин. Потом улыбнулся: — Все же ты отличный следопыт!

— Почему следопыт? — удивился Семкин.

— Ну как же! Даже куперовский Кожаный Чулок не ходил по следу, который может оставить язык чьей-то тещи. Кстати, что же ее зять?

— Мутный парень. Был слушок, что получил от тещи письмо и вроде бы собирался в Китай, но пока сидит здесь...

Свои опасения и сомнения Сажин высказал и Зайцеву. Константин Артемьевич, ознакомившись с новыми документами, согласился с Сажиным.

— Вы, конечно, правы, Петр Иванович, что для простых проповедников по каналу нелегальной переброски епископ, благочинный и протоиерей — личности не совсем подходящие. Положить начало еще туда-сюда. Но не больше. Ваши предположения о возможной организации контрреволюционного религиозного центра не лишены оснований. Продолжайте работу в этом направлении. Но и версию о нелегальном канале не оставляйте.

Кто более иезуит?

— А обедня, по-моему, удалась,— просипел благочинный, с интересом оглядывая опустошенные бутылки и залитый стол с огрызками хлеба и огурцов. Герман чуть заметно поморщился, но ничего не сказал. Сокольский же раздраженно буркнул:

— Опять вы, отец Стефан, иронизируете. Неужели вам непонятно, что без такого маскарада мы не можем теперь встретиться, чтоб спокойно поговорить?

— Оное прегрешение всевышний простит своим верным слугам,— назидательно заметил Феоген, который сидел в красном углу под образами.

— Тем более, что цель оправдывает средства,— добавил Сокольский нетерпеливо. Герман пытливо посмотрел на него и, пропустив между пальцев серебряную цепочку, зачем-то коснулся своей епископской панагии — маленькой нагрудной иконки.

— Отец Александр, если бы я не посвящал вас в сан протоиерея и не знакомился с жизнеописанием вашим, я твердо бы решил, что вы принадлежите к братству Иезусову.

— Не видел бы в том беды, если бы в православной церкви существовал таковой орден воинов христовых. А что я воспитан в стенах Волынской духовной семинарии, так то почитаю за честь, ниспосланную всевышним.

— За это вас не осуждают,— пожевал губами Феоген,— но православие отказалось от всех присущих католицизму орденов, а не токмо от основанного приснопамятным Игнатием Лойолой ордена Иезусова. Вера

православная не нуждается в карающих силах... Корни ее в душе народной...

— То-то мы вынуждены думать, как эту веру укрепить с помощью...

— Остановись, сын мой! — сурово прервал Феоген.

— А-а-ха-ха-ха! — сипло засмеялся благочинный.— Прав отец Александр! Все мы...

— И во времена рождения христианства на первых адептов были гонения,— негромко, но твердо пресек Герман готовый разгореться спор.

— И то... Лучше о деле, а споры эти оставим большевистским агитаторам,— закивал Феоген, расправляя седую бороду и удобнее усаживаясь на стуле.

— Действовать надо. И действовать энергичнее! — взмахнул Сокольский рукавом рясы.— Связи надо устанавливать. Надежного человека в Китай послать...

— Отец Александр! В решительности вы и верно восприняли дух иезуитов. Но вот горячность иезуитам несвойственна. Они кротки аки голуби и хитры аки змеи... Но хватит об этом. Теперь о связях... Сила церкви во влиянии на паству, послушную воле столпов церкви, в единстве действий. В настоящее время без такого единства трудно добиться чего-либо. Но я не терял времени и кое в чем с помощью архимандрита Феогена преуспел. Но этого мало. Для пользы дела необходимо, чтобы и вы, отец Александр, и вы, отец Стефан, активнее включались в эту работу. Теперь, когда мы уверились один в другом, в нашей приверженности делам веры, мы должны действовать сообща, в одном направлении...

Настасья, приглашенная на эту встречу у благочинного Парамонова, чтобы помочь Евдокии и Прасковье, неторопливо перемывала тарелки, вилки, стаканы, ложки и с неприязнью думала о собравшихся: «Великий пост не кончился, а они водку жрут! Верующим, значит, нельзя, а им можно. Тоже мне... святые!»

Резкий голос Сокольского, сиплый смешок Парамонова, скрипучая нотация Феогена насторожили Настасью, а когда послышалась бархатисто-мягкая речь Германа, женское любопытство взяло свое, и она осторожно поставила табуретку и, усевшись возле стола, прикрыла глаза — будто спит.

— Капля по капле камень долбит,— продолжал епископ.— Но чем больше этих капель, тем и дело быстрее движется. Мы не можем открыто призывать верующих к неповиновению большевистской власти. Надо действовать исподволь. В проповедях и на исповедях внушать греховность и бренность дел земных. Большевики молчат о недороде. Мы же должны разъяснять это как кару небесную за грехи наши, за падение веры, за свершение неугодного и противоречащего извечному небом предустановленному порядку.

— Почему банкиры, фабриканты и заводчики потерпели поражение? — явно риторически вопросил Герман и, не ожидая реплик слушателей, ответил: — Советы, большевики национализировали капиталы и заводы и тем лишили их силы. А так как было оных мало, то и не смогли они противостоять черни. Теперь же большевики в своей политике коллективизации замахнулись на собственность самой этой черни. А числом она как песок морской. И что будет, когда мужик поймет, чего хотят большевики? Да он за свой надел, свою лошадь, корову, избу всякому горло перегрызет...

Настасья прикусила губу. «Вот, значит, на что замахиваются святые отцы!» О, Настасья, хоть и малолетней была, хорошо помнит, как станичное казачество притесняло мужиков, как за недоимки разоряли бедных,

особенно иногородних. Ведь только Советская власть наделила мужика землей, уравняла его в правах с казаками.

— А вы, ваше преосвященство, действуете, не в осуждение будь сказано, еще хитрее, чем отец Александр,— просипел за дверью благочинный отец Стефан.— Так что, кто из вас двоих более иезуит, только всевышний разберется.

— Помолчи, благочинный,— проскрипел Феоген, и опять послышался бархатисто-мягкий голос Германа.

— О связях с Китаем. Не буду хвастать, кое-что делается. Хотя и трудно стало поддерживать отношения с кульджинскими единоверцами, но после направления туда угодной господу и нам рабы божьей Елизаветы, мы выполнили просьбу братьев и послали пастырем священника отца Павла...

Настасья покосилась на Евдокию, которая тихонько сопела и спала сном праведным, а потом снова прислушалась.

— Жду я из-за кордона сообщения о благополучном прибытии твердого верой отца Павла к нашим кульджинским братьям. Еще же из Саркан-да от верного человека, искреннего верующего, поступило известие, что границу перешел отряд белого воинства. Они все отлично вооружены. Наши друзья, как видите, не забывают о многострадальной России. И нам не следует сидеть сложа руки.

— Знаем мы этих друзей. О своей мошне пекутся. Все Риддер...— засипел Парамонов, но скрипучий голос Феогена опять остановил его.

Герман заговорил снова, но его речь доносилась почему-то все невнятнее, и Настасья не заметила, как уснула. Очнулась она от легкого толчка в плечо. Настасья вскинулась и вперила непонимающий взгляд в стоящего перед ней архимандрита Феогена. Он что-то спрашивал. Увидев недомытую грязную посуду на столе, Настасья враз вспомнила, где она, и испуганно стала оправдываться. Из-за плеча архимандрита острым взглядом буравил ее Сокольский. А Феоген ласково стал успокаивать ее.

— Уснула, голубушка? Успокойся. Успеешь домыть посуду.

А из головы у Настасьи все не выходил сон, и она внезапно расплакалась. Феоген все тем же ласковым голосом:

— Ну полно, дочь моя, чего ты испугалась? Иль услышала что?

— Ах, батюшка! Снилось мне, что шла я с сыночком по мягкой траве. И вдруг он упал, а на меня зверь какой-то страхолюдинный бросился,— и Настасья заплакала.

Сокольский, недоверчиво глядя своими буравчиками, с едва сдерживаемой злостью стал допытываться:

— Да не о сновиденьях твоих спрашиваю. А что говорили мы, слышала?

— Чаю спрашивали? Извините меня, грешную. Сама не знаю, как задремала. Я сейчас,— заторопилась Настасья.

Феоген молча посмотрел на Сокольского и успокоительно махнул рукой. Лицо Сокольского вроде стало мягче.

— Да, спрашивали чаю, а никто не идет. Ну и ты нас прости,— уже почти по-свойски закончил он.— Ведь к проповеди на пасху готовимся.

Настасья быстро ополоснула стаканы и стала разливать напиток из чайника, добродушно пофыркивающего на плите. Евдокия сконфуженно моргала белесыми ресницами, и лицо ее, не отошедшее от сна, было просто глупым.

— Откровенно дрыхли, бестии,— почти без противного скрипа в голосе пояснил Феоген. За дверью раздался облегченный смех Германа.

— Молодые еще. Вот и дрыхнут без злоумышления,— просипел благочинный.

«Я-то без злоумышления, а вы, кажется, с умышлением»,— подумала Настасья, облегченно вздыхая.

— Кажется, пронесло,— шепнула она Евдокии, вручая ей поднос, уставленный стаканами.— Неси, пока опять ие осерчали...

На могиле поручика

— Не подвезете ли, батюшка? — весело спросил Просенков священиика, догнавшего его за околицей Коктала. Тот остро глянул на Илью, поспешно перекрестился и еще раз пристально оглядел его.

— Садитесь. Тоже в Коктале гостили?

— Дела, батюшка.

— Да, да, конечно,— поспешил согласиться священник и без всякого перехода с проникновенным чувством проговорил:

— Через неделю пасха! Вишь, в природе какое благолепие: травка зеленеет, деревья убрались листвой и стоят, как будто невесты под фатами.

— Так фата же белая, а тут...

— Не дерзи, молодой человек, на божественное изволеиие.

— Где уж мне! — засмеялся Просенков, обнажая белые ровные зубы.— Далеко ли, батюшка, путь держите?

— Да возвращаюсь в Верный, по нынешнему в Алма-Ату.

— Мне тоже в ту сторону.

— Вот и хорошо. Вдвоем и веселее. Подсаживайся.

Не отощавшая за зиму лошадка бодро бежала сноровистой рысцой, изредка всхрапывая и помахивая хвостом. Неторопливым ручейком журчал разговор. Около полудня, когда подъехали к речке, священник остановил коня.

— Пусть кобылка отдохнет. Да и иам размяться и перекуеить, чем бог послал, не мешает.

— Только, батюшка, не обижайтесь, у меня вся сиедь — хлеба горбушка да пара луковиц.

— Не обессудь и ты, молодой человек. У меня тоже закусь не ахти: огурцы да помидоры соленые.

Так они и уселись вдвоем под большим кустом отдохнуть да перекусить.

— Извини, сын мой. Поскольку я верую, то сначала помолюсь,— батюшка из-за пазухи достал четки, что-то пошептал, несколько раз с достоинством перекрестился, после чего положил четки на рядно.

Просенков при виде четок вздрогнул: это была копия тех, что лежали у Сажина в сейфе.

Трапеза прошла в молчании. Священник вроде хотел что-то спросить, но, поглядев на задумчивого Илью, не решился. Поблагодарив батюшку, Просенков молча сел в бричку, и они поехали.

Занятый своими мыслями, Просенков поначалу не обратил внимания, что бричка давно уже свернула с проселка, и теперь ехали они без дороги меж низкорослых карагачей, кустов шиповника и дикого урюка.

Наконец батюшка остановил кобылку и, привязав повод к стволу дерева, проговорил:

— Пойдем со мной, я покажу кое-что.

Просенков молча пошел за священником, уклоняясь от колючих ветвей. Минут через пять они вышли на крохотную лужайку, посреди которой стоял покосившийся крест из двух слегка обтесанных жердей. Просенков пригнулся к еле заметной надписи.

— «Здесь покоится раб божий Илья»,— прочитал он и с недоумением повернулся к старику: — Ну и что?

— В этой могиле погребены бренные останки человека, которого в миру звали Ильей Степановичем Свешниковым,— опустив голову, негромко сказал священник, потом повернулся и, взмахнув рукавом рясы, указал на плоский камень: — А тут под камнем закопано и подтверждение моих слов.

Просенков молча посмотрел на священника, подошел к камню, крякнул и отвалил его в сторону. Под слоем глины лежал узелок, в котором оказались два чуть тронутых рыжиной пистолета, записная книжка, два георгиевских креста и пачка разных бумажек. В середине лежало несколько фотографий. С одной смотрел на Просенкова... почти он сам, только в офицерской форме с погонами по три звездочки, с двумя крестами под карманом и щегольскими усиками. Посмотрев на фотографию, Просенков аккуратно сложил все в узелок.

— Извини, батюшка, все это я должен забрать...

— Как знаешь, сын мой...

Просенков осторожно сгреб глину в ямку и снова привалил камень на прежнее место, а священник, склонив голову над молитвой, беззвучно шевелил губами. Наконец, закончив молитву, он со вздохом проговорил:

— Мнр праху убиенного, хоть и неправедны пути его были в миру.

Когда кобылка, помотав головой, потащила бричку от места одинокого упокоения неизвестного Просенкову поручика, он задумался: откуда старый священник знал этого офицера и почему он показал ему это место. А еще соображал, как расспросить священника обо всем этом, да и насчет четок.

Но священник заговорил сам, когда телега выбралась на чистое место.

— Тебя, конечно, удивляет, сын мой, какое отношение ко всей этой истории имею я,— священник оглядел из-под нахмуренных бровей дорогу и снова заговорил.— Поручика Свешникова до прошлой осени я не знал. А нашел его уже раненым и теряющим сознание недалеко отсюда. Состояние свое он хорошо понимал, потому что, признав во мне лицо духовное, попросил исповедать его и отпустить ему грехи, а потом предать тело земле. «Я недолго протяну, потерял много крови, да и заражение началось»,— сказал он. Я выслушал его страшную исповедь. Не хочу повторять все его злодеяния, но они были ужасны, и господь покарал его тяжкимн смертными муками. Он действнтельно прожил всего часа три, и я, прочитав по нему отходную молитву, кое-как зарыл его в сухой земле. Документы и оружие хотел забрать, но потом убоялся и тоже предал погребению...

Почему я теперь говорю тебе все это, и сам не могу сказать. Видно, и священнику нужно исповедоваться, чтоб не жгли его душу... тяжкие чужие деяния.

Просенков слушал священника внимательно, не перебивая, а когда тот умолк, словно подводя итог, заметил:

— И палачам, выходит, от смерти не уйти.

— Воистину, сын мой, все мы смертны. Но к одним смерть приходнт тихо, к другим, как к этому Свешникову,— в тяжких муках. И это есть кара божья.

— Выходит, и красноармейские пули могут быть карающим средством в руках бога? — не удержался Просенков.

— Выходит, могут,— согласился священник очень просто.— Заповеди господни никому не дано преступать...

— А ведь преступают,— покачал головой Просенков.

— Силен дьявол.

— Дьявол, значит? А как же в гражданскую войну полки Иисуса и Пресвятой богородицы, в которых были попы и прочие священнослужители, дрались с оружием в руках против красноармейцев? А то и в карательных походах участвовали?

Просенков спохватился. Получалось, что он словно бы упрекает священника за личное участие в таких походах. Батюшка долго молчал.

— Конечно, правду не скроешь. Были и такие случаи. Но уж прошло десять лет...

— Десять лет, говорите, прошло? А зачем тогда этот белый офицерик Свешников в прошлом году пожаловал? Ведь не за то, что он шел к молебиу, подстрелили его пограничники. А четки, которые вы везете епископу? От кого они? Что вы на это скажете? Молчите, потому что вам нечего сказать. И смерть не от дьявола, а от рабов да слуг божьих идет к мирным пахарям.

При последних словах старый священник даже отшатнулся и неожиданно тонко-писклявым голосом вскрикнул:

— Да как вы смеете говорить такое?

— Разве вам что-либо докажешь? Вы на их стороне. А то, что сегодня... Это от нежелания отягощать свою душу чужими преступлениями. Да что там говорить! — Просенков устало махнул рукой.

— Вы глубоко заблуждаетесь, молодой человек,— взял себя священник в руки.— Я знаю, что вы сотрудник губернской ЧК или ГПУ, как теперь говорят. А крови... крови я действительно видел много в гражданскую войну... Сколько же можно убивать!?

— А откуда вы меня знаете? — насторожился Просенков.

— Случайность и сходство ваше с покойным Свешниковым. Вообразите, что я, верующий, почувствовал, когда на рождество средь бела дня столкнулся на улице с похороненным мной человеком! Я сначала хотел убежать, потом, не знаю зачем, пошел следом за вами до ЧК. А там у входа вас по фамилии окликнули. Я не знал, чему верить: своим глазам или памяти. Но припомнил одну деталь: у покойного на правой руке был небольшой шрам. У вас его нет. Выходит, вы действительно другой человек...

— Значит вы, отец Порфирий, против убийства?

— Против. Но бог один знает, что делает.

— А епископ?

— Что епископ? Эти четки меня просили передать его преосвященству в Сарканде. Отправитель — пожилой верующий человек Чернышев. Четки эти он брал с верой в их святость, чтобы приложить к больному.

— И вы, православный священник, верите, что четки — нужны для исцеления больного?

— Дались тебе эти четки, молодой человек,— проворчал отец Порфирий.— Конечно, епископ не верит в талисманы, но нельзя же отнимать веру в исцеление у больного. А на какие другие цели можно использовать кипарисные четки?

Священник покрутил четки, а потом протянул их Просенкову. Тот внимательно осмотрел их. Да, четки были копией тех, что лежали у Сажина в сейфе. А вдруг...

— Смотри, батюшка! — с этими словами Просеиков крутиул четку, похожую иа желудь. Послышался тихий скрип — и иа глазах удивленного священника Просенков вынул из крохотного тайничка туго скатанную бумагу.

— Ну, что я говорил?!

— Так, может, там молитва? — пытался возразить отец Порфирий, хотя в голосе его не чувствовалось прежней уверенности.

— Прочтите, если это молитва,— развернул Просенков тугой катышок.

— Да тут бессмыслица какая-то,— с недоумением и досадой проговорил священник.

Попросив остановить лошадь, Просенков достал карандаш, листок бумаги и внимательно, четко, буква за буквой переписал текст, потом аккуратно свернул листок, вложил в тайничок и, приведя четки в прежний вид, отдал их священнику. Некоторое время Просенков раздумывал, потом иачал читать буквы и переписывать их в какой-то последовательности.

Отец Порфирий распряг лошадь и, привязав ее вожжой за телегу, опять разложил холстинку и оставшиеся от полдника припасы.

— Может, подкрепимся? — неуверенно спросил он.

— Сейчас, батюшка.

Просенков вспомнил, что говорил Савельев о способе зашифровки письма, и решил попробовать расшифровать текст, поэтому аккуратно расписал по клеткам все послание и принялся читать. Наконец он, подавив охватившее его возбуждение, спросил:

— Скажите, батюшка, а где сейчас отец Павел — священник вашего храма?

— Не знаю. Говорили, что вроде в Сибирь уехал. А что?

— Отец Порфирий! Вы говорите, что желаете спокойной жизни людям, что вы порицаете кровопролитие, что не поддерживаете тех, кто выступает против власти сущей, как от бога данной.

— Так, сын мой! — твердо ответил священник, глядя прямо в глаза Просенкову.

— А если я сейчас докажу вам, что епископ злоумышляет против народа, вы согласитесь помочь мне?

— Сын мой, дедичи и отчичи мои были хлеборобами, и я знаю, сколь тяжек труд крестьянский. И хоть не все понятно мне в действиях Советской власти, но вижу, что она стремится облегчить участь малых мира сего. А потому, коли прав ты, я помогу, чем могу, если это не пойдет против веры моей в господа бога.

— Хорошо. Теперь смотрите сюда и читайте, как я буду показывать.

Дальнозорко отстранясь, батюшка следил за карандашом и выговаривал по слову:

— Отец... Павел... прибыл... в Кульджу... благополучно... письмо... с сообщением... о положении церкви... о настроениях... в городе... и селе... получено... После... пасхи... к вам... явится наш... человек... скажет... что нас... интересует... Пришлите... подробное... сообщение... Используйте... продовольственные... трудности... для разжигания... недовольства... верующих... Советской властью.

— Ну, что, отец Порфирий, скажете теперь?

Священник взял у Просенкова лист бумаги, чуть не весь исписаный, и стал сличать сделанные чекистом записи. Это окончательно убедило его, что Просенков не обманывает. Несколько минут сидел он неподвижно, и лишь по дрожанию полуседой окладистой бороды можно было догадаться, как ходят желваки под кожей.

— Немало супостатов пришлось одолеть народу нашему, и всегда священнослужители шли с ними на бой за землю предков. Но поднять меч супротив своего народа — это не пастырское дело. Тот вероотступник. Говори, сын мой, все, что могу, — сделаю.

— Хорошо, Порфирий Васильевич. О поручике Свешникове, его смерти, где он похоронен и что показали мне эту могилу,— никому ни полслова. О сегодняшней встрече тоже особенно не распространяйтесь...

Просенков задумался, пытливо посмотрел на собеседника:

— А если я попрошу ввести меня в храм ваш...

— Не беспокойся, все, что не против веры, все сделаю,— заверил старый священник.

Пасхальная всенощная

— На пасхальную ночь к церкви направлены наряды милиции для поддержания порядка и предупреждения эксцессов,— сказал Зайцев.

— Да, я это знаю,— ответил Сажин, недоумевая, зачем Зайцев вызвал его и к чему это предупреждение.

— Так вот вам поручается проконтролировать. А то ведь знаете. В милиции много молодежи, комсомольцев. Могут посчитать это дело стыдным и уйти.

— Ясно,— нехотя согласился Сажин на непредусмотренное дежурство.

Вечером Сажин был у храма, переговорил с участковым и решил ради интереса посмотреть на пасхальный обряд.

Оглядывая ярко освещенную церковь, Сажин неожиданно увидел мужчину с пышным белым чубом и с удивлением признал в нем джаркентского милиционера Третьяка. С розовой свечой в руке он истово крестился и экзальтированно повторял за окружающими: «Воистину воскресе!»

Чтоб не попасться на глаза Третьяку, Сажин чуть отступил назад за спину могучего старика, и тут ему открылась еще новость — шагах в трех от Третьяка стоял Просенков!

«И он здесь! — удивился Сажин.— А ведь Константин Артемьевич сказал, что Просенков включен в ответственную операцию». И вдруг Сажин спохватился и стал осторожно оглядываться. Ему вспомнилось предупреждение Зайцева: «В каких бы обстоятельствах вы с ним ни встретились — вы его не знаете. От этого будет зависеть успех операции, а может... и жизнь Ильи!» Но милиционер! Знает ли он Просенкова? Предупредить... Как предупредить?»

Выскользнув из церкви, Сажин поспешно отошел, достал блокнот и быстро написал: «Справа в трех шагах белочубый — милиционер из Джаркента». Самому к Просенкову подходить нельзя. Семкина не пошлешь. И тут мимо Сажина шмыгнула низкая фигурка, за ней другая. В третьем пацане Петр Иванович узнал прошлогоднего знакомца и тихо окликнул его.

— Здорово, Федя!

Тот оглянулся и остановился. Предупреждая возможный вопрос, Сажин негромко сказал:

— Молчи! — видя, что мальчишка понял, Сажин продолжал: — Помнишь того дядьку, который держал тебя за пятку, когда ты под лабаз залез.

— Угу-у!

— Отдать вот это, чтоб никто не заметил, сумеешь?

— Па-а-а-думаешь, дело! — пренебрежительно отозвался мальчишка.— Давай, передам уж,— и Федя вьюном ввинтился в толпу.

Сажин, осторожно раздвигая молящихся, вошел в храм и стал через головы наблюдать за Просенковым, его окружением и действиями священников.

Белый чуб Третьяка еле виднелся. Стоял он на прежнем месте в нескольких шагах от Просенкова...

По совету отца Порфирия Илья давно пришел в церковь, выстоял все предварительные обрядные действия, совершил круг крестного хода вокруг храма и вот теперь стоял среди верующих почти возле центра церкви, где расхаживали священники. Епископ, осеняя верующих крестом, внимательно вгляделся в лицо Ильи. «Опознал»,— подумал Просенков и двинул бровями: мол, да, о нем говорил его преосвященству отец Порфирий.

Епископ отошел, и тут Просенков почувствовал, что в руку ему быстро всунули клочок бумаги. Скосив глаза, он увидел рожицу мальчишки-беспризорника, которого в прошлом году вытаскивал из-под лабаза. Мальчишка беззаботно подмигнул и чуть мотнул головой. Илья встревожился. Записка означала что-то опасное, но что? Лишь крайний случай мог заставить своих пойти на нарушение запрета устанавливать с ним связь, когда он вошел в операцию.

Просенков не торопясь огляделся, остро фиксируя лица окружающих. Привлек внимание белочубый молодой мужчина. Он старательно крестился, восторженно повторял вместе с другими «Воистину воскресе!», но скрытая нервозность прорывалась в тревожных взглядах, которые он вдруг бросал по сторонам. Просенков отошел в уголок, за спинами верующих прочитал записку и мысленно поблагодарил Петра. Теперь он вспомнил белочубого. Встречаться с ним Илье приходилось всего раз, да и то вечером. Милиционер Третьяк тогда не обратил на него внимания. «Но почему он здесь?». Это сбивало с толку, записка объяснения не давала, значит и для Сажина нахождение в церкви Третьяка — неожиданность.

Из-под руки в лицо Просенкову заглянул тот мальчишка, Илья улыбнулся, наклонился к нему и прошептал:

— Порядок! — и чуть громче добавил: — Ну ладно, сейчас беги к дяде, а потом найдешь меня...

Объяснение причин появления Третьяка Сажин получил от Просенкова через Федю спустя неделю. Мальчишка, явно гордый оказанным ему доверием, подкараулил Сажина и очень старательно передал, что Третьяк исповедался и причащался у Германа, что он, видимо, держит связь с закордоньем и помогает переправлять людей за рубеж. У Германа и Сокольского пользуется несомненным доверием.

— Дядя, если что надо сообщить или передать дяде Илье, то я это могу.

— Ох, малец, не совался бы ты в это дело!

— Вы думаете, если я беспризорный, так и не понимаю ничего? Да если хотите знать — я этих гадов во как ненавижу. Мне сестренка рассказывала, как нашу маму у Алакуля анненковцы порубили вместе с другими. А мы чудом живы остались...

Сердце у Сажина больно сжалось: вот он, отголосок гражданской войны. А Федя сухо продолжал:

— Бродяжничать-то я стал недавно, после смерти тетки Даши, у которой мы с сестренкой жили. Тетка Даша жалела нас, а муж ее пьяница и все норовил меня прибить. Вот я и ушел.

— А в детдом?

— Нет, мне в детдом нельзя. Мне отца надо найти и за мать отомстить.

— Кому? Ведь ты же сам говоришь, год тебе было, когда случилось это.

— Так сестреика мие рассказала... А дядя Илья хороший,— неожиданно заключил мальчишка, и ласковая улыбка преобразила его лицо. Он что-то хотел еще сказать, но неожиданно отступил и бросился за угол. Сажии, недоумевая, повернулся. К нему приближался дьякон Соловейкин из храма.

Не пора ли?

Рассказ Настасьи полностью гармонировал с торжествующим выражением ее глаз, которые, казалось, говорили: «А своего я добилась!» Кроме содержания беседы на предпасхальном застолье в доме бывшей монашенки Евдокии, Настасья сообщила о том, что Герман разослал ряд писем бывшим священнослужителям, проживающим ныне на юге Казахстана и в прилегающих районах Киргизии. Настасья прочитала некоторые из них. Епископ призывал бывших священнослужителей к поискам в районе Иссыка захоронения ни много, ни мало одного из евангелистов из числа христовых учеников-апостолов.

Петр Иванович, слушая такое, долго хохотал и рассмешил Настасью, когда разъяснил ей, что в том районе недавно нашли кости ископаемых ящеров, живших два или три миллиона лет назад.

— Так, выходит, евангелист-то — ящерица? Ой, не могу!

— Вот так вот, Настя. Пользуются попы неграмотностью людей и выдают им кости какого-нибудь динозавра за останки святых мужей-апостолов.

Насторожило Сажина замечание Настасьи, что из Сарканда второй раз приезжал некий Черноба́шкин, который разговаривал с епископом не менее двух часов...

— Ну, что вы скажете, Петр Иванович? Ведь это же не божеское дело. Это же... Так только...

— Да, Настя. Такое по советским законам не допускается. Они замышляют черное дело против народа, против Советской власти.

Расставшись с Настей, Сажин поспешил к Зайцеву.

Начальник отдела внимательно выслушал Сажина.

— Да, из этого вытекает, что святые отцы не только переправкой за рубеж занимаются. Похоже, что их планы шире.

— Константин Артемьевич,— горячился Сажин,— факт создания контрреволюционной группы налицо. У нас есть текст двух шифровок, которые подтверждают связь Германа с закордоньем. Доказана причастность епископа к отправке за рубеж Елизаветы Егориной и священника Павла. Проповеди самого Германа и почти всего священнослужительского состава церкви по своему содержанию явно провокационные. Наконец, нам известно о попытках Германа, Сокольского и Соловейкина установить непосредственные связи с бандитской группой. И не их, как говорится, вина, что эта попытка не удалась в связи с уничтожением банды... Пора пресечь незаконную деятельность.

— Все верно. Однако давайте подождем еще недели две.

— Но почему?

— Я жду одного важного рапорта, который все прояснит. А вы продолжайте работу по делу. Кстати, саркандское ответвление еще не раскры-

то. Если в городе все более или менее ясно, то там одни предположения. К тому же практическую деятельность не мешает раскрыть детальнее.

— Ясно, товарищ Зайцев,— официально сухо ответил Сажин, пряча недовольство. Зайцев внимательно посмотрел на него, потер висок, еще раз посмотрел, словно хотел разъяснить что-то, но только сказал:

— Если ясно, вы свободны.

...Выяснение деталей дела по Саркандy, Лебединке потребовало немалых усилий, но Петр Иванович и Семкин заполучили много фактов, которые подтверждали вывод о создании Германом антисоветского церковного центра. О ходе напряженной работы и ее результатах Сажин несколько раз докладывал, но к вопросу о привлечении епископа к ответственности не возвращался. Только после очередного доклада безмолвно смотрел на Зайцева. А тот, словно не замечая немого вопроса, давал указания, что и как уточнить. Но наконец он вызвал Сажина и с радостной улыбкой заговорил:

— Ну как, Петр Иванович, что вы думаете о деле церковников?

Сажин встревожился: неужели что-то еще упущено? Но Зайцев, поняв беспокойство Сажина, не стал томить его.

— Все, Петр Иванович! Пора ставить точку. Готовьте документы о привлечении к ответственности Германа, его сообщников и подручных.

— Константин Артемьевич, значит...

— Получен, дорогой мой, получен важный рапорт! Илья благополучно вернулся и написал обстоятельный рапорт,— с торжеством докончил Зайцев.— Теперь голубчикам не отвертеться ни с помощью Николы-чудотворца, ни с заступничеством Ильи-громовержца. Выписывайте ордера на арест, на обыск. Всю группу нужно обезвредить одновременно, чтобы не дать возможности уничтожить улики или скрыться от ответственности,— и Зайцев протянул Сажину папку с надписью «Сообщения и рапорта И. Просенкова»...

А бриллиант-то фальшивый!

От первого допроса зависит очень многое, и Сажин обсудил с Зайцевым все детали предстоящего психологического поединка: и какие вопросы ставить, и их последовательность, и то, какими аргументами разоблачать епископа Германа.

И вот он перед ними.

На холеном лице — высокомерное выражение оскорбленного достоинства и жертвенная готовность пострадать за веру. А в глазах — нет-нет да проскакивают искорки беспокойства.

Вопрос о группировании вокруг возглавляемой им церкви антисоветски настроенных церковных деятелей Герман воспринял с явным облегчением.

— Никакой группировки не было, гражданин чекист. Священнослужители, направленные на жительство в селения, находящиеся на территории моей епархии, действительно приходили. Я оказывал им помощь деньгами в малых размерах, удовлетворял их просьбы, утирая слезы. Сострадая им, как христианин, я относился к ним, как к прочим прихожанам и разъяснял, что поселение на жительство в наши края вызвано приверженностью их к староцерковной ориентации, которая, как вы знаете, некоторое время не хотела признавать Советскую власть.

Но в христолюбивом сострадании я не вижу стимула к группированию вокруг нашей церкви контрреволюционных сил. И потом, что понимать

под контрреволюционером? Боюсь, что ревнитель твердой веры для вас и есть контрреволюционер...

Сажин раскусил маневр епископа, который хотел навязать спор, и задал следующий вопрос — о создании церковного антисоветского центра.

Видя, что чекист не стремится доказать утверждение о группировке вокруг церкви реакционно настроенных священнослужителей, епископ Герман отрицал и создание руководящего ядра, и развертывание антисоветской работы и пропаганды, и переправку за рубеж ряда верующих и священнослужителей, и установление связей с эмигрантами в Кульдже.

— Гражданин чекист! Во все времена верующие христиане подвергались гонениям со стороны власть имущих, но вера христова не скудеет, а священство, как этот бриллиант, что украшает мою панагию, от мученичества лишь становится чище и предстает перед паствой в ярком сияньи и блеске...

Герман сидел спиной к двери и, упиваясь своими словами, не обратил внимания на вошедшего Просенкова, а тот взял со стола панагию и, осмотрев ее, повернулся к Герману.

— А бриллиант-то фальшивый, ваше преосвященство. И ваши рассуждения о блеске, сиянии и чистоте священства тоже фальшивы,— с этими словами он поднял газету, и Герман увидел разложенные на столе любовные письма, изъятые при обыске, о которых епископ совсем забыл.

Глядя на Просенкова, одетого в чекистскую форму, Герман побледнел, отшатнулся и прикрыл лицо, словно защищаясь, рукавом черной рясы.

— Боже праведный, кто это?

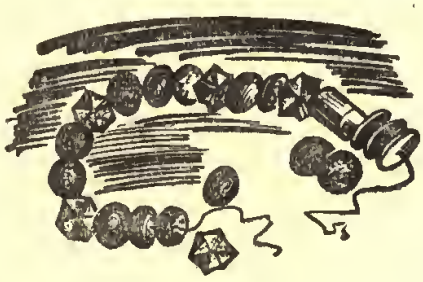
— Кстати, ваше преосвященство! Кульджинский владыко Штокалко передает вам вместо привета поношение за вмешательство в дела чужой епархии. Это он по поводу присылки отца Павла, да и полковник от ваших предложений не в восторге.

Глаза Германа мрачно сверкнули. Рухнули его надежды установить свой контроль над православной общиной в Кульдже, повлиять на полковника Вяткина, добиться от него отказа увести свою белую армию на Дальний Восток, а вместо этого склонить к нападению на советское Семиречье. Этот чекист под видом бывшего офицера ловко вошел к нему в доверие, получил от него, Германа, доступ к самым сокровенным планам...

Его преосвященство менялся на глазах: слиняло высокомерие, растаяло выражение превосходства и оскорбленного достоинства, не осталось ничего, кроме смертельно-белого ужаса на лице и в глазах.

Затравленно оглянувшись вокруг, он чуть слышно прошептал:

— Вы правы, сверкающий адамант из меня не получился.



Р. НУРАЛИЕВ

ВОЗМЕЗДИЕ

Шляков вошел в кабинет, разделся и, стоя у обдающей жаром голландской печи, стал обогревать руки. Звякнул настенный телефон. Шляков неохотно подошел к аппарату, резко крутнул ручку и поднял трубку.

— Зайдите ко мне,— услышал он знакомый басок своего начальника.

— Вот, читайте,— сказал Рыжев, привстав со стула и подавая Шлякову исписанный карандашом лист бумаги из ученической тетради с прикрепленным к нему конвертом.

— В чем дело? — спросил, не подумав, Шляков.

— Идите к себе, прочтите внимательно. Потом доложите свое мнение,— проговорил строго Рыжев и сел на место. Взял со стола толстую папку и стал быстро листать лежавшие в ней бумаги, отыскивая нужный документ.

«Что за человек? — подумал Шляков, закрывая за собой дверь.— Вечно торопится... Ну и сказал бы, как сам понимает, одной минуты не ушло бы на это». И, продолжая идти коридором к своему кабинету, взглянул на письмо, затем на конверт, желая узнать, кто и откуда написал. Увидев, что обратного адреса на конверте нет, досадливо чертыхнулся. «Опять анонимка!» Бросил письмо на стол, прошел в угол к тумбочке, выпил глоток воды, вернулся к столу и принялся рассматривать конверт...

С трудом разбирая неясный оттиск почтового штемпеля «5 фев 1931 п/о Алм...», а что дальше — догадайтесь сами. «Очевидно, местное... только

вчера опущено в почтовый ящик»,— заключил он и стал читать адрес на конверте:

«В отделение дорожно-транспортного отдела ОГПУ ст. Алма-Ата первая». Потом осмотрел письмо и, когда прочел на первой странице —« Заявление. От стрелка военизированной стрелковой охраны Туркестано-Сибирской железной дороги Чекунова», облегченно вздохнул.

Заявитель сообщал, что был свидетелем неоднократных антисоветских суждений кассира станции Лепсы Синкина. «Синкин — бывший офицер царской армии,— сообщал далее автор,— служил в пограничной части на китайской границе в Семиреченской области, участник походов белой армии генерала Анненкова. Занимал должность помощника командира полка по хозяйственной части...»

— Что ж,— проговорил вслух Шляков,— разберемся.

Шляков ранним утром следующего дня направился к начальнику штаба войск военизированной охраны.

— Есть такой,— сказал, просмотрев списки начштаба.— Но он не здесь несет службу, а на станции Лепсы... Может, вызвать сюда? — и посмотрел вопросительно на Шлякова. Не дождавшись ответа, сложил список и отнес в шкаф, а возвратившись к своему столу, снова обратился к Шлякову.

— И в чем же дело, если, конечно, не секрет? Недавно я был свидетелем, как командир лепсинского подразделения докладывал командующему о состоянии службы и дисциплины. Так, помнится, он назвал Чекунова в числе лучших стрелков.

— Здесь нет ничего секретного. Стрелок Чекунов не только отличник боевой и политической подготовки, как вы сказали, но он и бдительный товарищ,— ответил Шляков.— А вызывать его сюда нет необходимости.

...До станции Сарыозек Шляков ехал на резервном паровозе, а дальше — в теплушке раздатчика главного материального склада. В поселке станции Лепсы он сразу же направился в казармы стрелковой охраны и там с помощью дежурного по части разыскал Чекунова. Представившись, Шляков спросил:

— Вы писали заявление в ОГПУ?

— Да,— ответил Чекунов.

— Что за человек этот Синкин? — спросил Шляков, когда Чекунов объяснил, как написал и отправил заявление.

— Уж больно подозрительный, поэтому я и написал вам о нем... Этакий здоровый и упитанный, а все жалуется и хнычет, что живется ему плохо. Чтобы он сказал против начальника? Ни-ни, боже упаси. Так и ходит на цыпочках перед главным бухгалтером, а с рядовыми людьми — надменный и грубый. Посмотришь на него и невольно подумаешь — откуда он? Новое в нашей жизни его будто бы и не коснулось. Постоянно носит при себе большой перетянутый резиной кожаный бумажник, полный разных справок и характеристик с прежних мест работы. Как-то спросил я его, зачем столько бумаг набрал? Так он ответил, что теперь время настало такое: «Вперед с тебя документ с печатью требуют, а нет его — вроде бы и не человек ты».

— А как вы познакомились с ним?

— Мы ведь охраняем кассы и кассиров, когда они получают деньги в Госбанке и выплачивают зарплату.

Когда было закончено оформление протокола показаний заявителя, Шляков попросил Чекунова показать ему контору стройучастка, где работает Синкин.

В отделе кадров стройучастка он рассчитывал увидеть аккуратно

оформлеиное личное дело Сиикиа. Ведь ему доверяют немалые деньги.

Личное дело Сиикиа состояло из листка по учету кадров и копии приказа о зачислении его кассиром бухгалтерии стройучастка с 22 мая 1930 года.

«Сиикии Артемий Гаврилович, рождеиия 20 октября 1881 года, уроженец города Бариаула Алтайской губериии, русский, граждаиин СССР, беспартийиый, семейиый, иа иждивеиии жеиа Евдокия Аитоиовиа, иа стаицию Лепсы приехал из Семипалатииска».

— Это и все? — невольио вырвалось у Шлякова.

Начальиик отдела кадров удивлеиио посмотрел на Шлякова. Но тот сидел за столом в другом коице большой комиаты, и кадровик ие мог видеть, чье личное дело читал Шляков и чему удивлялся.

Шляков полистал еще несколько личных дел и вериул кадровику. А когда тот поиес их в шкаф, Шляков, глядя ему в спину, подумал: «Плохо, братец, смотришь за делами». А вслух просительно:

— А ие сможете ли вы показать мие все помещение коиторы?

Оии побывали во всех отделах коиторы. В большой комнате, занятой бухгалтерией, иаправо от входной двери, Шляков увидел отгороженный барьером угол, сейф и за столом Сиикиа. И сразу узиал его по описаиию Чекуиова.

На смуглом мясистом лице Сиикиа заметно выделялся крупный вздериутый нос, осиоваиием своим ушедший в пышиые каштановые усы, подковой обрамлявшие углы рта. Шляков, ие задерживаясь, прошел дальше, вслед за кадровиком, но задумался: кого же иапомииает ему это угрюмое лицо?

Выходя из бухгалтерии, он остаиовился, мельком оглядел всех еще раз, в том числе и Сиикиа, чтобы запомнить его виешиость иадолго.

К утру следующего дня Шляков возвратился в отделеиие и немедля пошел докладывать Рыжеву о результатах своей поездки.

Рыжев долго и подробио расспрашивал Шлякова по существу доложеииого им. Потом еще раз внимательно прочитал протокол показаний заявителя и сказал:

— Да-а... Сделаииое вами пока ясиости иикакой ие виосит. Нет ответа на главиый вопрос: ие наговор ли это со стороиы Чекуиова? А это вполне возможио, если учесть грубое обращеиие Синкина с людьми. В дальнейшем ие забывайте проверку взаимоотиошений Синкиа с сослуживцами.

Виачале поезжайте в Уштобе. Там в оперативиом пункте возьмите себе помощника, уполиомоченного Депутатова. Он работиик опытный, давно живет в тех краях. Вдвоем вы быстро организуете, что надо, в Уштобе, а потом поедете в Лепсы. А я тем времеием съезжу в отдел и полпредство, надо порыться в материалах граждаиской войиы. Может, что найдем о службе Сиикина у белых.

— Да,— задумчиво произиес Депутатов, когда узиал от Шлякова о цели его приезда в Уштобе.—Нелегко будет все это сделать...

— Давайте подумаем, с чего иачать эту работу,— предложил Шляков.— В первую очередь меия иитересуют люди, работавшие на втором строительиом участке, ио в связи с оргаиизацией ликвидкома строительиых контор перешедшие иа работу в уштобиискиий ликвидком. Например,— Шляков вытащил из полевой сумки блокиот и стал читать: — бухгалтеры Шевченко и Вороицов, старший счетовод Поиомарев и контролер Соколов. Сюда же во взвод стрелковой охраиы иедавио переведеи из Лепсов стрелок Архипов. В Лепсах ои часто иес службу по охраие кассы строительного участка, где работает Сиикин.

— Стрелка Архипова я знаю,— сказал Депутатов.— Сейчас он несет охрану моста через Каратал.

— Пожалуй, с него и начнем,— сказал Шляков.

— Хорошо. Я быстро сбегаю к командиру, узнаю, когда у того дежурство по графику.

Ранним утром следующего дня Шляков уже сидел в постовой будке у железнодорожного моста. Архипов только что сменился с поста и теперь с тревогой поглядывал на Шлякова, все еще не понимая, чего хочет от него чекист.

Расспрашивая Архипова о делах по службе в отряде и о недостатках в организации охраны моста, Шляков заметил:

— Видать, вы здесь недавно?

— Да, всего два месяца,— отозвался Иван Петрович.— Меня перевели в эту часть со станции Лепсы.

— А там какие объекты охраняли?

— В основном кассу второго строительного участка и кассира в день получения им денег в Госбанке.

— А кто там работает кассиром?

— Синкин. Из-за него-то и пришлось мне переехать в Уштобе...

— Почему?

— Поругался я с ним... На нашего брата смотрит свысока.

— Как так?

— Да так вот. По его мнению, мы не люди, а быдло. Так он назвал меня как-то, ну я его и отчистил. А командир, не разобравшись, признал виноватым меня, ну и перевел сюда. Ну и пусть, здесь не хуже.

— И часто вы с ним ругались?

— Да нет, раза два-три, не больше. Я пожаловался своему командиру. Он, правда, говорил с главным бухгалтером, с начальником стройучастка. Не помогло. А я не мог уже больше терпеть его.

Архипов некоторое время помолчал и, как бы оправдываясь, продолжал:

— Я потом перестал даже разговаривать с ним. Так нет же, найдет, за что зацепиться. Однажды посмотрел на меня зло и ни с того ни с сего говорит: «Что ты тут стоишь, как истукан. Отойди подальше». Я ответил ему, что стою на положенном мне месте. Ну и поругались опять... Ну какой я истукан, посудите сами! Стою на боевом посту, охраняю социалистическую собственность... Нет, не случайно это у него. Посмотрели бы вы на него — как сыч, так и сверлит каждого своими круглыми неподвижными глазами.

Все это Архипов рассказывал в несколько повышенном тоне, и Шляков невольно подумал о том, что отношения Архипова с Синкиным такие, что, пожалуй, от допроса его в качестве свидетеля надо воздержаться.

«На кого же похож этот Синкин? — снова подумал Шляков, вспоминая, как Архипов сравнивал его с сычом.— Где-то я видел такое лицо, но когда и где?»

В этот же день они с Депутатовым нашли несколько человек, родившихся и до недавнего времени проживавших в пограничных районах Семиречья. В их числе были: кассир Савельев, уроженец Тополева мыса Зайсанского района, стрелок местного взвода охраны Донцов, уроженец села Покровка Урджарского района, Митько — из села Константиновка Лепсинского района.

— Не исключено, что они могли знать Синкина по службе в белой армии, а возможно, и раньше,— сказал Шляков.— Надо поговорить и с ними.

Но два дня подробных разговоров ничего существенного не добавили к делу: перечислив ряд фактов враждебного поведения Синкина, все эти люди заявили, что не знают его по событиям гражданской войны. И только старший бухгалтер второго строительного участка Николай Никитич Усов рассказал, что от кого-то из своих земляков слышал, что Синкин был офицером в царской армии, а в гражданскую войну служил в отрядах белых. Сам же Синкин якобы рассказывал Усову о том, что служил еще до революции в Джаркентской таможне, а в империалистическую войну был в ополчении.

Шляков в этот же день выехал на станцию Лепсы и, узнав от командира части, что Чекунов с вечера заступит на дежурство у кассы стройучастка, с наступлением темноты направился туда. Его ожидала непредвиденная неожиданность.

— Спустя дня два-три, как вы уехали,— рассказал Чекунов,— Синкин подал заявление о переводе на работу в Матайский участок стройконторы. Чем он мотивировал свою просьбу, я не знаю, но начальство пошло ему навстречу.

— Может быть, там место лучше?

— Да что вы! Тут хоть река есть, летом купайся, сколько хочешь, круглый год рыбалка, а он, видимо, старый рыбарь, не раз хвалился, что знает, где рыба водится. А там что? Один песок,— закончил Чекунов, махнув в сердцах рукой в сторону станции Матай.

— Что ж, выходит, мы спугнули его,— задумчиво проговорил Шляков и вновь обратился к Чекунову:

— А жена его здесь?

— Нет, уехала с ним.

«Не следовало мне ходить в контору стройучастка,— подумал Шляков и тут же отбросил прочь эту мысль.— Вероятно, причиной отъезда его явилось что-то другое»,— решил он и, пожелав Чекунову успешного дежурства, пошел на вокзал, в комнату линейного уполномоченного, где и скоротал остаток ночи на деревянной скамье, принесенной сюда из зала ожидания вокзала, а утром, выпив стакан чаю в буфете, принялся за свои дела. Затем с товарным поездом выехал на станцию Матай.

Убедившись, что, по крайней мере, в ближайшие недели Синкин не исчезнет из этих краев (он купил небольшой домик, оба с женой устроились на работу) и переговорив с уполномоченным линейного отделения на станции Матай, Шляков возвратился в Алма-Ату.

А здесь его ожидал сюрприз. Оказывается, Рыжев узнал, что в Джетысуйском губотделе ОГПУ уже в течение нескольких лет занимаются розыском Синкина.

— Ну, Саша, тебе, кажется, повезло! Давай обговорим твои задачи и езжай в губотдел. Сегодня как раз приезжает в Алма-Ату на республиканское оперативное совещание Николай Лукич Маевский, в основном он занимался этим делом и расскажет тебе, как и что делал. А затем приезжайте вместе с ним — я это согласовал с его руководством. Рассмотрим материалы — и будем решать.

Рыжев был в приподнятом настроении и, как всегда в таких случаях, неторопливо расхаживал по кабинету. Потом подошел к Шлякову и, подавая руку, сказал:

— Если вопросов нет, желаю успеха...

Николай Лукич встретил Шлякова радушно и заговорил первым:

— Так, так,— проговорил он протяжно,— значит, это с вами мы делали одно дело и, как вы увидите, неплохо,— он встал и неловкой походкой, напоминавшей о тяжелом ранении в спину на фронте первой мировой войны,

направился к сейфу, вынул дело и подал Шлякову: — Ознакомьтесь с материалами, а потом обговорим, как и что...

Это было объемистое дело, свидетельствовавшее о весьма кропотливой работе Маевского по документации преступной деятельности Синкина в годы гражданской войны в северном Семиречье.

Первым, что увидел Шляков, была фотокарточка Синкина. Присмотревшись к ней, вспомнил, что он видел ее ранее — в документации на разыскиваемых государственных преступников.

«Так вот, оказывается, где я видел тебя, Синкин!» — подумал Шляков.

— А ну, давай посмотрим, почему разыскивало тебя государственное политическое управление Семиречья,— проговорил он уже вслух, переворачивая лист бумаги с наклеенной на него фотокарточкой Синкина.

Следующим документом в деле было отпечатанное на машинке заявление жителя села Бахты Кудинова Леонида Ильича, адресованное коменданту 50-го отряда пограничных войск ОГПУ и подписанное заявителем 27 февраля 1926 года:

«В конце 1925 года в Бахты прибыл и поступил на работу кассиром в местное отделение Госбанка известный мне по 1918 году Синкин.

В июне 1918 года,— писал далее Кудинов,— село Подгорное Лепсинского уезда подверглось неожиданному нападению белой банды, прибывшей из-за границы, города Чугучака Синьцзянской провинции Китая. Стоявший в селе партизанский отряд Маяко и комиссара Гвозденко не успел развернуться к бою и был разгромлен...»

Далее явствовало, что Синкин проходил службу в царской армии, в 1905 году окончил омскую школу прапорщиков, в 1906 году был демобилизован из армии, затем служил в Российском консульстве в городе Чугучаке, после — надсмотрщиком, старшим надзирателем и, наконец, помощником начальника заставы в Джаркентской и Хоргосской таможнях. С 1914 года до Февральской революции Синкин, призванный в армию, оставался в Джаркенте, обучая новобранцев, стал поручиком. Великую Октябрьскую социалистическую революцию встретил враждебно.

Шляков знал, что Советская власть пришла в Семиречье в марте и первой половине апреля 1918 года, что уже в апреле этого же года в Верном вспыхнул мятеж офицерско-кулацкой верхушки, который был подавлен с помощью отрядов Красной гвардии, прибывших из Ташкента. После этого один за другим последовали мятежи, в ряде станиц северного Семиречья — Урджарской, Саркандской и других мятежники разоружали местные красногвардейские отряды, жестоко расправлялись с большевиками, работниками совдепов, красногвардейцами, беднотой. На помощь местным совдепам и их вооруженным силам из Верного были брошены отряды Ивана Мамонтова, Николая Затыльникова и другие части.

«Так где же Синкин был с марта 1918 года до конца 1925 года?» — мысленно спросил себя Шляков и, просматривая последующие документы дела, вскоре увидел материалы о выселении Синкина из села Бахты в 1926 году как бывшего офицера белой армии. Среди этих документов находилась справка, составленная еще в 1920 году.

В справке указывалось, что, скрываясь в Чугучаке, Синкин узнал о возможном скором прибытии туда экспедиционной части Красной Армии и в ту же ночь скрылся из Чугучака. Тайком пробрался он на зимовку своего старого друга по консульству. Но чекисты нашли его и там, с санкции местных властей вернули в свою страну. Синкин прекрасно понимал, что его накажут строго, если только чекисты узнают о его участии в карательных экспедициях в составе белых отрядов. И он

на допросах в Семипалатинске, куда его этапировали после прибытия из Синьцзяна, скрыл от следователя свою службу в Российском консульстве в Чугучаке, в таможенных органах в Джаркенте и Хоргосе, чин поручика, полученный за усердие в обучении новобранцев. Он показал, что после демобилизации из царской армии в 1906 году проживал в Семипалатинске, где его мобилизовали в белую армию и заставили служить, и что за границу он ушел в составе армии Анненкова.

Действуя так, Синкин надеялся на то, что чекистам не удастся опровергнуть придуманной им легенды, так как в Семипалатинске не было людей, знавших его по службе у белых. Он был задержан позже, на далекой заимке, и потому на родину возвратился в последней группе. В этих условиях было принято решение о наказании Синкина. Его направили в Архангельский лагерь принудительных работ на два года, которые он отбыл, и в 1922 году возвратился в Семипалатинск.

Среди документов периода 1925—1926 годов Шляков прочел заявления коммуниста Петра Мажаева, жителей села Подгорного Ильи Приходько и Ивана Ляшенко, протоколы собраний коммунистов партийных ячеек сел Подгорного и Бахты, требовавших привлечения Синкина к уголовной ответственности за убийства и истязания советских людей. Но тогда, в 1926 году, нельзя было принять такое решение,— как и в 1920 году, не были известны конкретные факты его преступлений. И командование 50-го погранотряда ограничилось выселением его за пределы пограничной зоны.

— Материалы очень интересные,— сказал Шляков молча наблюдавшему за ним Маевскому.— И что вы предприняли дальше?

Маевский рассказал, что он начал дальнейшую проверку с поездки в Бахты, где в конторе банка встретился с однофамилицей Синкина — Синкиной Ольгой, которая рассказала, что от бахтинских жителей, в частности Апрышкина, «говорят, он впоследствии бежал в Китай», она слышала, что Синкин был якобы казачьим офицером, в отрядах белых участвовал в резне крестьян и убил сына Апрышкина.

— Но главное в ее рассказе не это,— продолжал Маевский,— а то, что она назвала людей — прямых свидетелей зверств Синкина и помогла отыскать многих из них, в первую очередь заявителя Кудинова. Она привела меня к небольшому рубленому дому, который от ветхости покосился набок. Увидев постороннего человека, хозяин насторожился, а когда я представился, оживился и пригласил в избу.

В небольшой с низкими потолками комнатушке мы уселись за крепко сколоченный непокрытый стол. Кудинов, помню, начал разговор первым.

— Я давно хотел сообщить о нем,— заговорил он озабоченно,— но все дела...

— Как мне сказали, вы работали с Синкиным в банке? —спросил я. Кудинов, казалось, не спешил с ответом, медленно скручивая «козью ножку».

— Из числа партизан, оставшихся в живых,— начал он после того, как закурил,— сейчас в селе Подгорном проживают Петр Мажаев и Яков Мусяев. Командир наш Спиридон Маяко, хотя и не попал в плен, тоже знает о расстрелах и порках партизан из нашего отряда. В общем,— продолжал Кудинов, глубоко затянувшись дымом цигарки,— карательным отрядом Синкина только в одном селе Подгорном было расстреляно 118 человек, не говоря уже о покалеченных и забитых до смерти плетями...

— Здесь, в Бахтах,— заговорил Кудинов спустя немного времени,— не выдержал я, а надо бы подождать, посмотреть, чем бы он занялся дальше... Я-то сразу опознал его. Правда, он намного изменился. Нет в нем прежней офицерской выправки и высокомерия, как-то осунулся, усы сбрил и одет был очень скромно. Устроился, значит, он кассиром. Тихий такой, усердный,

ни с кем дружбы не водит... Как-то я выбрал момент, когда в конторе никого кроме нас не осталось, и говорю ему: «Ну как, ваше благородие, гражданин Синкин, у вас того... кошки на душе не скребут?» От этих слов Синкин вздрогнул, мелко задрожали руки. Но виду не подал. А меня еще больше пронзает неуемная боль от ударов нагайки и ненависть к нему. «Если вы забыли меня, то я до конца дней своих не забуду этих зарубок!» — и, сдернув с себя рубашку, я повернулся к нему спиной. Я уже не видел выражения лица моего мучителя, но еле расслышал бормотание: «...чего старое поминать... что было, то было...»

— После этого я Синкина больше не видел. Говорят, уехал в Семипалатинск...

— Расспросил я Кудинова и о том, кто и где проживает из названных им свидетелей, а результаты смотрите здесь...

Маевский указал на документацию преступной деятельности Синкина, собранную им в селах Подгорном, Урджаре, Маканчи, Новопятигорском, Благодаринском, Петровском, Благодатном, Джаркенте. Здесь же находились справки о беседах Маевского с чекистами погранотряда в Бахтах, с коммунистами партийных ячеек в Подгорном и Бахтах, со многими гражданами, прямыми и косвенными свидетелями зверств, совершенных Синкиным в станицах, селах и аулах северного Семиречья. Постепенно облик Синкина прояснился до самого конца.

* * *

...Глинобитный Чугучак. Купцы здешнего русского торгового поселения — фактории, окруженной толстой стеной с изображением мифического дракона по всей длине стены, вели бойкую торговлю с местным населением, в основном уйгурами, еще до учреждения здесь в пятидесятых годах прошлого века Российского консульства.

Из Чугучака и Кульджи через перевал Хабарасу и Джунгарские ворота шли в Семипалатинск и Капал караваны с китайскими и кашмирскими товарами.

Созданный на бойком месте, городок не переставал пополняться всякими пришлыми людьми. А с марта 1918 года его наводнили беженцы из Семиречья, Сибири, Алтайского края и других областей революционной России. Город этот стал средоточием белогвардейских контрреволюционных сил, объединившихся в целый ряд банд, одним из создателей которых и руководителем был назначенный еще царской властью консул Долбежев.

Характеризуя сложившуюся обстановку, Долбежев писал колчаковцам в Омск и Семипалатинск:

«...Положение создалось неожиданно ужасное. По соглашению консульства с местными властями беженцам открыт свободный путь через границу в Чугучак. Одновременно весь чугучакский гарнизон находится под ружьем... Одновременно мною дано указание Комитету спасения и начальнику бахтинского гарнизона немедленно собрать все силы отрядов Комитета, организовать новую разведку и по возможности препятствовать большевикам подойти к Бахтам... Убедительно прошу Вас сделать все возможное, чтобы отряды из Семипалатинска выступили возможно скорее на Сергиополь».

Из Джаркента поручик Синкин бежал накануне 11 марта 1918 года — дня установления Советской власти в Джаркенте. Пригодилась Синкину многолетняя служба в Джаркентской таможне и Хоргосской таможенной

заставе, когда исходил он многие десятки километров по пограничным землям Синьцзяна. Знал, какими путями бежать. Однако впопыхах все же чуть было не утонул сам и не утопил свою «дражайшую» в бурных холодных волнах Хоргоса, да спасли их дюжие кони. К исходу третьего дня увидели они Чугучак, окутанный голубым дымом, поднимавшимся из многочисленных харчевен. Не остановили их дразнящие запахи азиатской кухни и назойливые приглашения зазывал и самих чайханщиков. Они спешили к спасительным стенам Российского консульства, к самому господину Долбежеву.

...Первое, что бросилось в глаза Синкину,— это отсутствие свободных мест у коновязи. Тут же его невольно поразил необычный шум и суета людская. В большинстве это были военные — офицеры, денщики, коноводы. Многие в ожидании аудиенции у консула толпились на просторной веранде, курили, вели меж собой оживленный разговор.

Оставив своего коня на попечение жены, Синкин решительно зашагал к веранде, с достоинством поднялся по ступенькам широкой лестницы, прошел к высокой, обитой черной кожей двери. Швейцар, рослый старый казак, преградивший было вход в помещение, вдруг сделал шаг назад, выправил свою могучую грудь, отдавая честь, и протяжно произнес:

— Батюшки, да никак Артемий Гаврилович! Прямо как снег на голову,— продолжал он, широко улыбаясь и пропуская Синкина в просторную приемную.

Больше часа длилась конфиденциальная беседа консула с Синкиным. Вечером за чаем они возобновили свой разговор и продолжали его до поздней ночи. Следующие три дня Синкин сидел безвыходно в канцелярии консульства, писал донос о революционных событиях в Верненском и Джаркентском уездах, во всем Семиречье и далее до самого Ташкента, а главное — о военных силах красных.

Долбежев знал, на что способен Синкин, и спустя несколько дней (медлить было нельзя!) поставил его во главе карательного отряда. В небольшую поначалу часть каждый день прибывало специально отобранные пополнение новобранцев-добровольцев. Черпал их консул в образовавшемся болоте беженцев-контрреволюционеров разных мастей, остатков белогвардейских частей, националистов, предателей и просто обманутых пропагандой белых. Взводные командиры не знали покоя. Два раза в день, утром и вечером, загородная площадь, приспособленная под учебный плац, оглашалась их окриками и грубой бранью в адрес плохо поддающихся муштре новобранцев.

Долбежев усердствовал перед Колчаком, он имел специальный штат курьеров-лазутчиков, которых называл джигитами. Тайными тропами они доставляли в Семипалатинск его информации, этим же путем ушел и донос Синкина.

Вслед за отрядом Синкина был сформирован отряд Полторацкого, бежавшего в Чугучак из Джаркента. Командование третьим отрядом консул возложил на хорунжего Виноградова, четвертым стал командовать полковник Бычков, пятым — подъесаул Ушаков. Формируя эти банды и подготавливая их для переброски в советское Семиречье, Долбежев большую часть своих усилий направлял на сбор информации о положении в этом крае, используя в этих целях осведомленность беженцев, выявляя в этой среде «смышленых» людей, пригодных для ведения подрывной деятельности в селах и особенно в казачьих станицах советской пограничной зоны. Не спал ночами, часто лично сопровождал своих агентов до границы. Это были все те же беженцы, возвращавшиеся под разными «легендами» в свои станицы и села для выполнения специальных заданий консула по

сбору шпионской информации о красногвардейских частях, их базах, вооружении, настроении населения. А главное — они исподволь, умело возводили клевету на Советскую власть, выявляли партийно-советский актив, опираясь на кулаков, готовили контрреволюционные мятежи.

И когда в июле 1918 года интервенты и белогвардейцы захватили северо-восточный Казахстан, а затем началось наступление на советское Семиречье, проведенная Долбежевым подрывная работа дала свои всходы. Как по сигналу, после захвата белыми станицы Сергиопольской один за другим последовали мятежи офицерско-кулацкой верхушки казачьих станиц северного Семиречья. В этот-то момент и были брошены в пограничные станицы подготовленные Долбежевым банды...

— Поручик,— сказал Долбежев, обращаясь к Синкину,— вам выпала честь вести своих орлов на укрепление Бахты. Сегодня к вечеру отряду надлежит занять исходные позиции,— Долбежев подошел к карте и, указав на обозначенную кружком точку, продолжал:— Под покровом ночи...

Под прикрытием ночи банда Синкина перешла государственную границу и к восходу солнца вышла к Бахтам. К этому времени в поселке началась беспорядочная стрельба. Тотчас же банда развернулась, открыла винтовочный огонь и с шашками наголо устремилась на поселок. Спустя час мятежники, возглавляемые местным кулаком Суменковым и поручиком Калужным, при поддержке урджарских мятежных казаков и банды Синкина овладели укреплением Бахты.

В числе пленных оказался прибывший сюда накануне большевик Голиков, назначенный Советским правительством консулом в Чугучаке, его сотрудники, конвой, пятнадцатилетний Шевцов. По указанию Долбежева, прибывшего в Бахты на несколько дней, Синкин возглавил казнь Голикова, его сослуживцев и подростка Шевцова. Он вывел их из Бахты и по дороге на Тополевый мыс, в урочище Узунагач, заставил их рыть себе могилу. А когда она была готова, Синкин приказал своим бандитам сбросить обреченных живыми в яму и закопать...

Вслед за этим злодейским актом Синкин повел свою банду на село Подгорное.

...Захват Подгорного начался с поджогов. Выделенные для этой цели бандиты подожгли несколько домов и скирд собранного на зиму сена. Другие охватили село кольцом и, беспорядочно стреляя, ворвались на его улицы. Почти у самого края села Синкину передали список большевиков, красногвардейцев и всех сочувствующих Советской власти.

Тем временем бандиты врывались в дома, ударами прикладов и нагаек выгоняли на улицу все взрослое мужское население. Свыше 60 человек они вывели на площадь со связанными руками. Заглядывая в клочки бумаги, Синкин называл фамилии, и, если названный находился в числе задержанных, его отводили в сторону. Когда процедура отбора известных Синкину людей была закончена, он достал из кармана другой клочок бумаги и стал выкликать людей, числившихся по этому списку. Этих тут же валили на землю и, всыпав по десятку-два ударов нагайками, отпускали домой.

Во второй половине дня банда повела задержанных в сторону села Пятигорское... Там их, разбив на две группы, заперли на ночь в амбары, выставив усиленную охрану. Утром вывели на середину села, на небольшую площадь. Неподалеку на лошадях восседали поручик Синкин и вновь назначенный командир отряда Суменков, другие офицеры.

— Ну, что, поручик, будем делать с этими? — обратился Суменков к Синкину.

— Ваше благородие,— приподнялся на стременах Синкин,— уж я-то

знаю их, все они заражены большевизмом. Их надо расстрелять! — хищно сверкнув глазами, выпалил он.

Вслед за этим разговором главарей банды пленные были вновь разбиты на две группы. Отбирал их по списку опять же Синкин. Одна группа была водворена обратно в амбар. Другой было приказано раздеться и лечь лицом вниз на землю. «По 35 плетей каждому!» — прозвучала команда Суменкова.

Засвистели нагайки. Раздались стоны и ругань избиваемых. После первых же ударов Суменкову показалось, что его бандиты не шибко старательны. И он вновь обратился к Синкину.

— А ну, покажи этим негодяям, как надо пороть!

— Есть, ваше благородие!

И, выхватив у одного из карателей нагайку, Синкин начал хлестать Якова Карповича Мосяева.

— Вот тебе Советская власть!.. вот... вот...— приговаривал он с наслаждением.

В этот день на глазах у жителей Пятигорского были зверски избиты 25 человек, многие из них остались лежать без сознания, а задержанный Ларин умер от побоев на третий день.

Расправившись с этой группой подгорненцев, Суменков дал команду вывести из амбара остальных людей. Каратели спешили. Им нужно было еще пройтись огнем и мечом по другим селениям и станицам.

И на этот раз исполнителем произвола был поручик Синкин. Задержанных, по-прежнему связанных, повели за село, в сторону Маканчи, в одном из логов расстреляли и, страшась уже мертвых, изрубили. В числе погибших: Петр Борисенко, Андриан Гладких, Леонтий Шпилев, Алексей Чабанов, Клавдий Безруков, Никита Самодаев, Василий Федоренков — всего 23 человека.

Исполнив и этот зверский акт, Синкин повел свою банду дальше, в село Маканчи, где уже находилась банда хорунжего Виноградова. Там их застал прибывший из Верного красногвардейский отряд Ивана Мамонтова. Окружив Маканчи, Мамонтов на рассвете начал наступление.

Неожиданное появление отряда красногвардейцев вызвало в рядах банд Синкина и Виноградова замешательство и панику. Они все же приняли бой, но были разбиты наголову. Остатки их разбежались, отдельные группы были настигнуты и задержаны. Синкин же, спасаясь от гибели, укрылся в овощном погребе знакомого ему местного узбека. Затем тот провел Синкина задворками за село, к тому самому горному ущелью, которым банда Виноградова шла в Маканчи из Чугучака.

...И снова, как после бегства из Джаркента, Синкин долго сидел у консула. Тот поначалу не узнал его, одетого во все узбекское. Кроме Синкина, никто из состава двух банд в Чугучак пока не вернулся, и друзья, сетуя на невезенье, долго сокрушались, перебирая по именам погибших. Письменного отчета на этот раз консул у Синкина не потребовал.

Утром Синкин принял командование офицерским взводом в отряде Ушакова. Но тут в Чугучак прибыл генерал Ярушин и, узнав от консула о рвении поручика, назначил его командиром самостоятельной части, дислоцировавшейся в Бахтах.

Прибывший вскоре на этот фронт атаман Анненков также не оставил Синкина без внимания, назначив заместителем командира второго верхнеуральского стрелкового полка по хозяйственной части. Поручик вновь воевал на Семиреченском северном фронте против Красной Армии и особенно много «усердия» проявил против героических защитников Черкасской обороны...

— Ну, а что вам известно о Синкине? — спросил Маевский, когда Шляков закончил чтение последней страницы дела.

— Собраны материалы о том, где он проживал и чем промышлял после гражданской войны. Показаниями двенадцати свидетелей Синкин изобличается во многих фактах антисоветской агитации, которую он проводил среди населения в годы индустриализации и коллективизации нашей страны.

...Заслушав доклады Шлякова и Маевского, рассмотрев представленную ими документацию, прокурор санкционировал арест Синкина и поручил дальнейшее следствие транспортным органам госбезопасности на Туркестано-Сибирской железной дороге.

* * *

«Встать, суд идет!» Все встали. Встал и Синкин. Исхудавший, он, казалось, стал еще выше ростом. Безжизненно опущенные руки почти касались колен тонких ног. И когда судья произнес: «Именем Казахской Автономной Советской Социалистической Республики...» — он вздрогнул и медленно повалился в сторону, но стоявший рядом часовой придержал его, и в такой позе дослушал Синкин приговор советского народа о возмездии...

Б. БАЙЖИГИТОВ,
Б. ШТОПОРЕНКО

ОТПРЫСК ФИЛОСОФА

Наши записи ие детективиый рассказ, в котором возможиы по воле автора любые «оперативные» решения. Мы связаны с фактами, людьми, о которых рассказываем, со многими невымышленными именами и фамилиями...

Даже Ницше... Но о нем несколько позднее.

А некоторые имена и фамилии иам пришлось заменить. Читатель легко поймет, почему.

Тяжелое это было время. Почти во всем нам приходилось иачинать на пустом месте.

Известно, что строить заводы и фабрики без квалифицированных работников и инженерно-техиического персонала невозможно.

Согласно экономической политике, предложенной В. И. Лениным и одобренной ЦК ВКП(б) и Советским правительством, предусматривалось использование буржуазных специалистов под коитролем диктатуры пролетариата.

Почему буржуазных? Да потому, что в стране своих специалистов в первые годы Советской власти катастрофически не хватало.

И у иас работали три категории иностраиных специалистов.

Первая — это те, которые, осознав идею пролетарского иитернационализма, приезжали к нам помогать своими знаииями, опытом и трудом строить первое в мире социалистическое государство; вторая — люди приезжали просто на заработки. Что ж, и этих мы прииимали.

Но была и третья категория «специалистов» — профессиональных разведчиков. Они, коиечно, тоже знали свое инженерное дело. И порой даже

очень хорошо. Но главной их задачей, до времени скрытой от нас, были шпионаж и диверсии.

Вот об одном из этих «специалистов» и пойдет речь.

В Актюбинске Вильгельм Ницше появился к концу 1939 года. Это был мужчина, как говорится, уже за пятьдесят, но сохранивший форму. Одевался изысканно.

Ницше поступил на работу на механический завод треста Эмбанефть (ныне завод «Геотехника»). Быстро завел знакомства в небольшом (по тем временам) городке. Круг знакомых по возможности расширял. Не упускал случая поухаживать за женщинами. Всячески стремился создать о себе выгодное впечатление. Любезность, при необходимости, подкреплял подарками, охотно одалживал деньги. Был не прочь кутнуть и вел себя компанейски. Говорил, что по национальности он чех, владеет несколькими иностранными языками, в том числе и немецким. Приезд в Актюбинск объяснял тем, что в Киеве, где он ранее жил и работал, развелось слишком много дипломированных специалистов, а он-то приехал в Россию только потому, что видел в ней «Эльдорадо для инженеров».

Механический завод, на котором работал Ницше, изготовлял и ремонтировал буровое оборудование для нефтепромыслов. Инженера Ницше проектное бюро строящегося завода ферросплавов привлекло к выполнению отдельных проектов фасонного литья из чугуна.

Ницше установил приятельские отношения с работниками проектного бюро, как бы невзначай интересовался общим ходом проектных работ.

Особенно обхаживал Ницше инженеров проектного бюро Хайнца Видера и Евгения Константинова, сведущих о «большинстве» секретов завода.

В нескольких беседах с ними он интересовался, приедут ли в Актюбинск немецкие специалисты. А однажды даже попытался у Видера узнать точную дату. Зачем ему это было нужно?

А тем временем на механическом заводе случаи брака участились, даже стали приобретать систематический характер. Это встревожило оперуполномоченного НКВД по Актюбинской области Александра Трофимовича Шкодина. И он отправился на завод.

Хотя Шкодин был еще молодым чекистом (минуло всего три года, как Актюбинский райком комсомола направил его, демобилизованного из Красной Армии, на работу в органы НКВД), благодаря хорошей технической подготовке на заводе с ним считались, прислушивались к его мнениям и советам.

Директор механического завода Череута был рад случаю излить душу перед Шкодиным. Технический совет считает, что брак в основном произошел по вине инженера Ницше. Однако в его голове не укладывается, как может опытный инженер давать непродуманные технические указания? Пришлось освободить Ницше от обязанностей начальника цеха, оставить его только на должности инженера-технолога производственно-технического отдела. Вообще с какими-то странностями этот инженер. Ухватился за идею строительства электростанции. Носится со своим проектом как с писаной торбой. Сумел привлечь в помощники инженера филиала института Казпроектбюро Земцева. Пытался завоевать симпатию инженера проектного бюро строящегося завода ферросплавов Видера, но с ним у него дружбы не получилось. Недавно напросился сопровождающим к заводским товарищам, которые командировались дирекцией на станцию Кандагач по делам завода. Заверил, что в этих вопросах он хорошо разбирается и может дать полезный совет, но что-то этого заметно не было. На

обратном пути уговорил заехать на химкомбинат, где осмотрел заводскую электростанцию.

Шкодин попросил у Череуты разрешения ознакомиться с материалами техсовета и, получив «добро», направился в производственно-технический отдел. Пока он занимался своим делом, между работницами отдела время от времени возникали разговоры. Один из них невольно привлек внимание Шкодина:

— Да, внешне он культурный и обходительный,— говорила машинистка.— Он и за мной пытался ухаживать, а вчера в кино я его увидела с бывшей княгиней Ухтомской.

«Уж не о Ницше ли идет речь?» — подумал Шкодин и бросил быстрый взгляд на машинистку. Она была отнюдь не первой красавицей в городе. «Чем же она пленила Ницше?» — продолжал думать Шкодин. И вспомнил одну из бесед с начальником управления по совсем другому делу.

«Машинистка на интересующем разведку объекте — мечта шпиона,— говорил начальник управления.— Не каждый даже ответственный работник бывает так полно осведомлен о делах объекта, как нередко машинистка, поскольку она перепечатывает документацию».

По дороге в управление он мысленно разговаривал сам с собой: «Хайнц Видер? Немецкие товарищи охарактеризовали его как преданного делу Коммунистической партии Германии, вне подозрений. Евгений Константинов — молодой советский инженер, комсомолец. Но с тем и другим надо обстоятельно переговорить. Павел Земцев? Надо прояснить его политическое лицо. Ухтомская? Уточнить, имеет ли отношение к Ницше».

Шкодин обстоятельно доложил начальнику отдела Неугодову суть дела. А когда они, как говорится, утрясли все вопросы и наметили предложения, вместе направились к начальнику управления. Он их внимательно выслушал, как всегда, был лаконичен:

— Немедленно приступить к проверке Ницше. Важно не спугнуть его. Осторожно изучать всех лиц, которые так или иначе с ним связаны. Возможно, он сколачивает резидентуру. О всех существенных новостях по этому делу докладывать лично мне:

Участковый уполномоченный об Ухтомской рассказал:

«Ухтомская — красивая, представительная женщина. Муж ее князь. В гражданскую войну сбежал в Китай. Ухтомская работает конторщицей, проживает вместе с матерью — бывшей фрейлиной при царском дворе. По словам соседей, в последнее время у Ухтомской часто бывает инженер механического завода Ницше».

Проверка Павла Земцева показала,что он, будучи студентом Московского электротехнического института, занимался антисоветской агитацией и за это в 1934 году был лишен права проживания в столице.

Насчет Ухтомской у Шкодина не было определенного мнения. Быть может, просто амурные дела? И все. А вот то, что Ницше спелся с Земцевым, было более, чем вероятно.

Киевские чекисты сообщили, что Ницше Вильгельм Эрихович в составе австро-венгерской армии воевал с Россией, с 1915 по 1919 год находился в лагере военнопленных под Киевом, а затем до 1939 года жил в самом Киеве. Дважды — в 1935 и 1936 годах — ходатайствовал о приеме его в советское гражданство. В заключениях об отказе в его просьбе указывалось, что он по национальности не чех и не словак, как он пытался утверждать, а немец, но неизвестно почему скрывает это...

Внимательно прочитывая каждый документ дела, Шкодин наткнулся на справку о том, что Ницше в период нэпа имел в городе Киеве собственный электромеханический завод. В автобиографии, представленной дирек-

ции Актюбинского завода, он об этом не упоминал. Ницше также в свое время находился в приятельскнх отношениях с установлениым разведчиком германским консулом в Киеве Стефани. Они встречались на водной станции на Днепре, где стояла яхта консульства, вместе катались, устраивали пикникн. Ницше часто посещал консульство. Когда в 1929 году Стефани был выдворен из Советского Союза и вместо него в Киев приехал Зоммер, Ницше и с нним устаиовил зиакомство.

«Директор Череута иегодовал,— пнсал Шкодии в справке о результатах посещения завода,— его возмущению ие было предела. Проект электростанции, составлеииый Ницше, трест забраковал. Фундамент для нового котла (старый вышел из строя по техиическим причинам), возведенный по проекту Ницше, надо переделывать. Наступила зима. В цехах холодно. Рабочие жалуются. А Ницше рвется на иефтепромыслы... Не дает проходу. В общем Череута иастроен гнать Ницше с завода, как говорится, «в три шеи».

Но гнать Ницше с завода «в трн шеи» совсем не входило в плаиы Шкодина. Ницше мог уехать в Москву, связаться с германскнм консульством, получнть там другне докумеиты. И тогда ищи ветра в поле...

Директор механнческого завода Череута был отличным специалистом. Он, как миогие незаурядиые личности, имел страиности. Он делил все человечество строго пополам: одна — технически мыслящая, вторая — прэсто так — люди.

С большим трудом удалось Шкодину уговорить директора пока не трогать Ницше. И все же Череута, недоумевая, заключил:

— Я считал, что вы поддержите меия, а вы, Александр Трофимович, предлагаете оставить его иа заводе. Не понимаю, нет тут логики.

Да, Череута делил все человечество пополам. А то, что Ницше может оказаться шпиоиом-диверсантом, у него и в мыслях не было. Он просто считал его плохим инженером, хотя и кнчившнмся своей технической образованностью.

Начальиик отдела Неугодов, прочитав справку Шкодина, некоторое время обдумывал ее. Затем попросил принестн все ранее поступнвшие докумеиты по этому делу и, хотя уже с ними знакомился не раз, сиова стал читать их и подчеркивать синим карандашом те места, где шла речь о стремлении Ницше к поездкам на другие промышлеиные объекты, об его интересе к поставкам оборудования из-за границы на строящийся завод ферросплавов. Действительно, здесь намечалось прибегиуть к углугам специалистов фирмы-поставщика.

— Да,— сказал он наконец,— вы правы. Интересный узелок завязывается. Особеино подозрительиымн мне кажутся его ожндания специалнстов из Германии. Уж не ждет ли он связника?

— Павел Петрович! — обратился Шкодии.— А если иаправить к нему в качестве иностранного специалиста нашего, разумеется, не местиого чекиста?

— Это неплохая идея,— отозвался Неугодов.— Надо посоветоваться с руководством управления.

Москва направила в Актюбннск оперативного работника. В рапорте о результатах выполнения этого задания «москвич» писал: «Прибыл в Актюбинск поездом 13 июля 1940 года. Меня встретили руководители завода. Вместе с нимн я его осмотрел. С проектом строящегося завода ознакомился в кабинете заместителя начальника строительства. Давал мне объясиения инжеиер Видер.

Перед обеденным перерывом в кабинет вошел гражданин. В руках у иего былн чертежи. Услышав немецкую речь, он предложил позиакомить-

ся и представился — Вильгельм Эрихович Ницше. Я назвал себя согласно легенде и заметил, что Ницше — это очень громкое имя, для нас, немцев, особенно.

Видер метнул на меня недоуменный взгляд, но промолчал.

Ницше же ответил, что действительно принадлежит к этой фамилии[1].

— Нам, как землякам, надо было бы встретиться и поговорить,— сказал Ницше.

Я предложил ему поужинать в ресторане.

Ницше отказался.

— Не хочу мозолить местным жителям глаза,— пояснил он,— лучше завтра я зайду к вам в гостиницу и позавтракаем вместе.

На том мы и расстались.

На следующий день мы встретились. Ницше позвал меня к себе на квартиру.

За бутылкой вина мы вначале завели разговор о студенческих корпорациях в Германии, их обычаях, знание которых является как бы визитной карточкой «истинного немца». Ницше интересовался, откуда я родом, где учился, в какой фирме служу и в качестве кого, сколько пробуду в СССР, сколько немецких специалистов приедет в Актюбинск на монтажные работы и кто именно.

Затем Ницше сам разоткровенничался и рассказал об одной бывшей княгине, высланной в Актюбинск из Ленинграда в 1936 году. Она, по его словам, хранит как реликвию грамоту с личной подписью Вильгельма II, пожалованную ее отцу.

На следующий день Ницше вновь зашел ко мне в гостиницу. Предложил погулять. Пройдясь по городу, мы очутились в оранжерее. Там Ницше познакомил меня с немцем (заведующим оранжереей). Тот с ходу заговорил со мной на баварском диалекте — по легенде я уроженец Баварии. Я отвечал. Потом он перешел на берлинский жаргон — по легенде до приезда в Советский Союз я работал в Берлине. Я понял, что меня проверяют. Что ж, с берлинским жаргоном тоже справился.

На обратной дороге Ницше пригласил меня к себе на пиво.

За столом Ницше стал говорить о своей преданности «великой Германии». К усилиям Советского Союза создать боеспособную армию он относился скептически. В случае войны с Германией, утверждал он, Красная Армия будет разгромлена через две-три недели. «Нужно иметь терпение, терпение и еще раз терпение. Придет время — и родина использует нас в своих интересах,— вещал Ницше.— Для этого необходимо иметь крепкие нервы. Наша задача — сохранить себя. Я каждое утро сорок пять минут занимаюсь гимнастикой. Я сохранил себя. Могу выполнить любое задание. В меру своих сил я всю жизнь воюю за великую Германию: до войны, во время войны, после нее. Можно воевать не только с оружием в руках».

Когда Ницше узнал, что я закончил свои дела в Актюбинске и завтра утром уезжаю в Москву, он попросил меня об услуге. Я сказал, что очень благодарен ему за гостеприимство и готов выполнить его просьбу. Ницше попросил меня передать привет его хорошим друзьям: германскому консулу в Москву Кляйну и его очаровательной супруге Софье Ивановне. Здесь Ницше помолчал и испытующе посмотрел на меня. Я невозмутимо ожидал.

---

[1] Фридрих Ницше (1844—1900) — реакционный немецкий философ, проповедник волюнтаризма. Философия Ницше легла в основу идеологии немецкого и итальянского фашизма. («Большая Советская Энциклопедия», изд. 3, т. 30, стр. 40).

Тогда он продолжал: «Софья Ивановна хоть и немка, но гражданка СССР. Поэтому супруги Кляйн проживают не при посольстве, а на частной квартире, неподалеку от посольства. Когда придете к ним, скажите, что вы от «маэстро», и они вас радушно примут».

После непродолжительного раздумья я ответил, что я человек деловой, приехал в СССР на заработки, а его (Ницше) просьба пахнет политикой, а в политику я впутываться не хочу.

— Напрасно,— сказал Ницше.— Но в любом случае наш разговор должен остаться между нами.

Я заверил Ницше, что это так и будет. Расстались довольно сухо».

Шкодин не шел, а почти бежал по коридору управления. Плотно закрыл дверь своего кабинета, сел за стол и принялся читать рапорт своего коллеги, хотя не раз слышал его у начальника управления. Он разбирал его, как говорится, по косточкам, продумывая каждую фразу рапорта еще и еще раз. Наконец он отодвинул его к чернильному прибору и встал. «Да, сомнений нет. Перед нами шпион»,— сказал он вслух. Затем еще какое-то время прохаживался по своему небольшому кабинету. Потом посмотрел на часы. «Ого! Пора приступать к проекту докладной наркому».

Шкодин сел за стол.

В оперативной жизни Шкодина это был не первый документ, который он подготавливал для наркома республики. Естественно, что ни перед Неугодовым, ни тем более перед начальником управления он в грязь лицом ударить не хотел.

Уже маячил последний абзац, когда дверь открылась и в комнату вошел Неугодов.

— Не хотел мешать, но время поджимает. Поэтому и пришел. Старшего не надо? — спросил он улыбаясь. И оба рассмеялись.

— Все. Готово,— сказал Шкодин и встал.

Неугодов сел за стол и углубился в чтение. Потом, не отрывая глаз от документа, потянулся за карандашом и взял его.

Он что-то вычеркивал, что-то дописывал, что-то правил.

Шкодин стоял за спиной Неугодова и следил за его работой.

— Если что не так, говори без обиняков,— сказал Неугодов, не оборачиваясь.

— Да все вроде так.

— Ежели так, то — на машинку. Потом — на подпись начальнику управления.

Остаток лета и осени Шкодин занимался работой по делу Ницше. Помимо Земцева и Ухтомской, Шкодин «вышел» на ряд других лиц, с которыми Ницше делал одно дело, другие, его близкие связи, жили в других городах, но так же, как он, собирали шпионскую информацию для германской фашистской разведки.

Забегая вперед, скажем, что все они вместе с Ницше оказались на скамье подсудимых и понесли заслуженное наказание.

Двадцать второго ноября на заводе вспыхнул пожар. Он был быстро ликвидирован и не причинил заметного ущерба. Однако в причинах его возникновения надо было разобраться. Шкодин провел на заводе трое суток.

Причиной пожара явился обжиг глушителей на территории завода. Это привело к воспламенению емкостей с мазутом. «Разъяснениями рабочих о недопустимости обжига глушителей на территории завода Ницше пренебрег и настоял на исполнении своего распоряжения»,— сказал Шкодин Неугодову, заканчивая свой доклад о результатах расследования пожара.

— Вся эта документация пригодится нам в недалеком будущем. Ра-

боту над выясиением действительиого замысла Ницше в этом случае вы продолжайте, а сейчас...— Неугодов взял со стола шифртелеграмму,— послушайте, что иам пишут из Киева.

«Нами арестована с поличиыми агеит германиской разведки Урусова, девичья фамилия — Айзенгард, Тамара Рудольфовна.

С ее слов, до первой мировой войны она являлась любовницей, затем женой князя Урусова, штабного офицера царской армии. Вместе с Урусовым проживала в Варшаве, где дислоцировался штаб русской армии.

На следствии Урусова показала, что по шпионской работе она была связана с Ницше с 1912 года.

В годы революции и гражданской войны она проживала за границей. В 1925 году была вновь направлеиа германиской разведкой в Советский Союз. Осела в Киеве. Занималась там шпионской работой под руководством Ницше. Вплоть до его отъезда из Киева.

По ее мнению, Ницще был связан с германским консулом в Киеве Стефани, затем с Зоммером, потом с Кляйном.

Круг вопросов, которыми интересовался Ницше: промышленный потенциал СССР, обороноспособность Красной Армии».

В кабинете начальника УНКВД по Актюбинской области собрались все те, кто был причастен к делу Ницше:

Начальник управления сказал:

— Вопрос: брать Ницше или пока оставить его на свободе, обосиуйте.

Мнеиия разделились.

— Товарищ Шкодин,— сказал начальник управления,— вас ни в чем не убедили противоположные мнения?

— Нет. Мое мнение остается прежним. Пока не брать,— и пояснил:

— В том, что Ницше резидент немецко-фашистской разведки, сомнений нет. Ниточка ведет прямо к генеральному коисулу Германии в СССР Кляйну. Но связи с ним Ницше сейчас не имеет. Другими словами, никакой информации за кордон передавать не может. Поэтому сейчас Ницше нам не опасен. Он ждет связника. Интересуется приездом сюда немецких специалистов в надежде, что среди них будет связник. Никакие немецкие специалисты к нам сейчас не приедут. Не то время. А связника немецкая разведка к Ницше пришлет. И нам следует подождать его.

— Что ж, резюмировал начальник управления,— на том и порешим. Однако сегодня же сообщите киевлянам о наших материалах на него и о нашем решении.

В начале декабря из Москвы поступила шифровка, в которой сообщалось, что жена германского консула в Москве Кляйна — Софья Ивановна Кляйн выехала в город Ташкент.

Начальник управления вызвал к себе Шкодина. Ознакомив его с шифровкой, сказал:

— Возможно, она остановится в Актюбинске. Смотрите — ие прозевайте...

Ташкентский поезд прибыл в Актюбинск в воскресеиье утром.

Как и ожидалось, «очаровательная Софья Ивановна» сделала остановку в Актюбиискe. Она сдала саквояж в камеру хранения. С небольшой сумкой, бока которой заметно раздались от содержимого, направилась в город. Кляйн колесила по нему примерно час — проверяла, нет ли «хвоста». Затем направилась к дому, в котором проживал Ницше. Там она пробыла с 11.07 до 12.56. Когда оиа вышла из дому Ницше, сумка выглядела заметно облегчеиной.

Очередиым поездом Кляйн уехала в Ташкент.

Решено было брать Ницше немедленно.

При аресте у него было изъято 50 тысяч рублей.

На первом же допросе Шкодин спросил у Ницше, откуда у него такая крупная сумма денег.

Ничего вразумительного, естественно, Ницше ответить не мог.

— Эти деньги,— сказал Шкодин,— вы получили от Софьи Ивановны Кляйн.— И показал фотографию Кляйн, выходившей из дома Ницше.

Ницше оцепенел.

— Вот что, Ницше,— сказал Шкодин,— берите бумагу и ручку и напишите нам, как вы боролись за «великую Германию» до войны, во время войны и после нее. Особенно поподробнее напишите, как вы боролись против нас после войны.

Ницше уронил голову на руки и сдавленным голосом произнес:

— Боже мой, какой я был неосторожный...

По своей природе Шкодин очень добрый человек. Дома, на службе, в общежитии с коллегами и друзьями он, как говорится, муху не обидит. Но с врагами Родины он был беспощаден. Выявлял их, не успокаивался до тех пор, пока не доводил дела до конца.

Ну, а когда враг разоблачен и схвачен?

Глядя на склоненного Ницше, Шкодин поймал себя на мысли, что к естественной брезгливости к нему примешивается чувство некоторой жалости.

— Нет, Ницше,— сказал Шкодин,— дело не в вашей личной неосторожности. Говорить с вами по большому счету о преимуществах социалистического строя над капиталистическим не имеет смысла. Если вы, прожив у нас столько времени, ничего не поняли и ничему не научились — тут беда, которую душещипательными лекциями не исправишь.

А вот будь я начальником над вашими шефами, то предъявил бы им много претензий.

Ницше поднял голову:

— Не понимаю, о ком идет речь?

— Возьмем хотя бы Стефани и Зоммера,— ответил Шкодин,— как дипломаты, пользуясь неприкосновенностью, они вели враждебную работу против нашего государства.

— У нас были просто товарищеские отношения,— возразил Ницше.

Шкодин пропустил мимо ушей реплику Ницше и спокойно продолжал:

— А вот результаты: в 1929 году Стефани был пойман с поличным в момент получения от агента подробной информации об одном нашем оборонном заводе. Стефани выдворили из Советского Союза, а агента посадили. Вместе с его помощниками.

Правда, Стефани пришлось в спешке — за 24 часа — уложить в чемоданы свое барахлишко, что, конечно, нелегко, когда его много,— и покинуть территорию Советского Союза. Зато в Берлине он прослыл храбрецом и жертвой ЧК. А его агентам пришлось отбывать «срок от звонка до звонка», да и ротозеям, которых они использовали «втемную», тоже досталось.

Вместо Стефани приехал Зоммер. Кстати, ваш знакомый по Тегерану, где вы бывали по делам фирмы. И опять то же чванство, та же уверенность в своей безнаказанности.

— Еще раз повторяю,— сказал Ницше,— со Стефани и Зоммером я находился в чисто приятельских отношениях. Кроме обычной дружбы между нами ничего не было. Мы не скрывали встреч. Но за их действия не отвечаю.

— А я вас и не прошу, чтобы вы отвечали за действия Стефани и Зоммера. Придет время, они сами за себя ответят.

— Вы в этом уверены? — как-то вяло спросил Ницше.

— Боюсь, что да.

— Боитесь? Вы боитесь, что Стефани и Зоммеру придется отвечать?! — с какой-то надеждой вскричал Ницше.

Шкодин усмехнулся:

— Вы меня не так поняли, Ницше. Знаю, вы невысокого миения о боеспособности Красной Армии. К сожалению, есть люди и поавторитетиее вас, которые придерживаются аналогичных взглядов. Но это мнение ошибочно. Вы выдаете желаемое за действительность. Почему? — продолжал Шкодин раздумчиво.— Ответ очень прост: надеетесь, что когда-нибудь начнется обещанная Гитлером война против СССР, и тогда вы все станете «большими людьми». А на деле вы оказываете медвежью услугу немецкому народу. Подсовываете немецко-фашистской разведке «дезу». И эта глобальная дезинформация о слабости Красной Армии может толкнуть Гитлера на необдуманный шаг. Вот тогда-то мы, сокрушив иемецко-фашистские вооруженные силы, доберемся до вашего логова и примерно накажем всех этих стефани и зоммеров и иже с ними. Но какой ценой? Ценой каких жертв? Вот чего я боюсь. И это слово меня не шокирует. Недаром говорится, что ничего не боятся только дураки — они не в состоянии представить последствия своих поступков.

— Вы опытный следователь,— сказал Ницше,— стараетесь устаиовить со мной душевный контакт?..

— Никакого коитакта с вами устанавливать я ие собираюсь,— резко оборвал Шкодин Ницше,— тем более душевного. Я просто разговариваю с вами прямо и без обиняков. Проясняю вам ситуацию, в которую вы попали. И вещи называю своими именами. Вы отлично знаете, что Стефани и Зоммер занимались шпиоиажем против СССР.

— Вы склоняете меня к наговору! — сказал Ницше.

— Боже избави. За наговор, Ницше, будете отвечать по всей строгости наших законов, точно так же, как и за сокрытие правды.

— Что вы от меня хотите? — вскричал Ницше.

— Пойдем дальше,— спокойно продолжал Шкодии,— ваша «очаровательная Софья Ивановна» Кляйн...

Ницше вздрогнул.

— Среди своих поклонников в немецкой колонии в Москве Софья Ивановна будет изображать из себя Мату Хари. А вы сидите здесь передо мной. Чувствуете разницу?

Ницше исподлобья глядел на Шкодина. Тот некоторое время молчал. Потом резко бросил:

— Не находите ли вы, Ницше, что вашим шефам в общем начхать на вашу судьбу?

Ницше промолчал.

— И наконец, последнее...— Шкодин сделал паузу. Ницше насторожился.— Арестованы с поличным Урусова и вся группа агентов, связанных с ней.

Ницше откинулся на спинку стула и весь как-то обмяк.

— Что они показали против вас, я пока не скажу,— продолжал Шкодин.— И вот почему.— Он показал рукой на объемистое досье.— Это дело на вас, Ницше. Здесь много разиого против вас. Что там правда, что наговор, я пока не зиаю. Но должен знать и узнаю. Вот вы и потрудитесь написать мне всю правду о вашей шпионской деятельиости в СССР. Особенно нас интересуют киевский и актюбинский периоды вашей работы. Во вторую очередь нас интересует ваша более ранняя деятельность до войны и в период ее.

— Значит, Урусова действительно арестована, если вы и это знаете,— пробормотал Ницше. Он уже находился в состоянии прострации.

— Ницше, я с вами отнюдь не собираюсь шутить,— твердо сказал Шкодин.— Искренне вам советую — не пытайтесь ввести следствие в заблуждение, не усугубляйте и без того большую вашу вину перед моей Родиной. В противном случае я буду вынужден,— Шкодин сделал ударение на слове «вынужден»,— сопроводить ваше дело в суд с припиской, что вы ничем не облегчили работу следствия. Наоборот, пытались ввести нас в заблуждение. А осложнения, которые, естественно, вытекут из этой приписки для вас,— сами понимаете... Я ясно излагаю свои мысли на этот раз?

— Да уж, куда яснее! — Ницше снова взял себя в руки.

Справедливости ради следует сказать, что Ницше был человек неглупый и не из робкого десятка. Но сейчас понял, что контрразведка взяла его в тиски, и он впал в тоскливую задумчивость.

После затянувшегося молчания Шкодин сказал:

— Ницше, разговор на сегодня закончен, вы устали, да и я тоже. Подумайте, утром скажете, будете давать чистосердечные показания или нет.

— Буду! — ответил Ницше.

«А ты человек действия»,— подумал Шкодин о Ницше.

Ницше Вильгельм Эрихович родился в 1889 году в Судетской области (бывшая Австро-Венгрия), получил образование в политехнической высшей школе в городе Штрасбурге (Германия). Видимо, не был лишен способностей, поскольку уже в 19 лет в 1908 году стал помощником начальника производства в фирме «Сименс-Шуккерт». Там Ницше привлек к сотрудничеству с немецкой военной разведкой один из руководителей фирмы — якобы его дядя Клиненберг. Мотив вербовки — «идейный»: «Германия, Германия — превыше всего!». Однако идеи — идеями, а за информацию Ницше получал «натурой», или, попросту говоря, деньгами.

Как сотрудник восточного отдела фирмы «Сименс-Шуккерт», Ницше командировался в Варшаву, затем в Тегеран. Там Клиненберг свел его с германским консулом в Тегеране Зоммером.

В 1915 году Ницше был призван в армию, попал на фронт, а вскоре и в плен к русским войскам. После окончания войны по заданию немецкой разведки остался в Советской России, поначалу в качестве военнопленного, а затем...

У нас занимал ряд ответственных технических должностей вплоть до технического директора на механических заводах в Киеве, Черкассах, Днепропетровске.

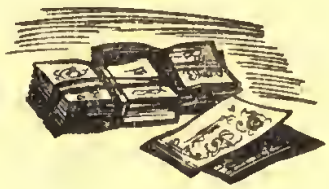
Ницше посещал систематически германское консульство в Киеве. Для маскировки участвовал во всяких пикниках, катаниях на лодках по Днепру, вечеринках, устраиваемых на средства консульства у Урусовой, связанной с немецкой разведкой еще с 1912 года и снабжавшей ее информацией по Западному фронту.

Ницше использовался немецкой разведкой и как связник. Так, в 1914 году, а затем в 1935 году он ездил в Черкассы и Житомир, где вывел из «консервации» двух немецких агентов и разработал с ними систему связи с немецким резидентом в Киеве.

Ницше передал немецкой разведке разного рода информацию о Днепрогэсе, оборонных заводах, о маневрах Краснознаменного особого Киевского военного округа.

На следствии, затем на суде Ницше признал полностью свою вину. Его показания были подтверждены другими подсудимыми, привлеченными по его и другим делам, а также многочисленными свидетелями.

Да, Ницше и другие немецко-фашистские агенты, оказавшиеся вместе с ним на скамье подсудимых, были врагами не менее опасными, чем те, которые все-таки пришли к нам в страну в сорок первом году. И как знать, сколько бед предупредила эта лишь одна из операций контрразведки по ликвидации вражеской агентуры перед Великой Отечественной войной. Вместе с тем, и это главное, советская контрразведка обезвредила еще одно звено гитлеровской шпионской сети. Это был один из многочисленных предвоенных ударов органов НКВД, лишивших вражескую разведку возможностей сбора информации об обороноспособности Советского Союза и оснащенности военной техникой Красной Армии.



Г. РАБОТНЕВ

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ И ДВЕ ЖИЗНИ

Один из «послевоенных»

Иные говорят: давние годы — как далекие горизонты, до которых не дойдешь, не доскачешь. Да, конечно, соглашаются они, в памяти оседают времена, укрытые дымкой годов. Но вот, мол, она, память, с нами. А поди соприкоснись, хотя бы мысленно, с событиями или людьми, некогда тебя окружавшими. Одни уже ушли из жизни, а кто жив — давно не тот. Да и сам ты другой, и жизнь вокруг изменилась: многое в ней перекроено, переоценены иные ценности. И бывает так — как ни старайся, ни на шаг не приблизишься к давно пережитому, отшумевшему...

Но разве не бывает и иначе? Случайная встреча на улице, старое письмо или прозвучавшая по радио полузабытая песня — да мало ли какая нечаянная деталь — вдруг высветят в памяти кусочек былого. Да так, с такими подробностями, что мы будто переносимся к этим самым «горизонтам», что только что казались недосягаемыми. И волнуемся тем самым давно перегоревшим волнением. И словно дышим тем воздухом, что окружал нас в пору нашей юности...

Стрекочет бензиновый «кузнечик» — этакая минисенокосилка. Коренной горожанин пройдет мимо с холодной душой: подумаешь, подстригают газон. А не коренной...

На тротуаре стоит, опираясь на трость, рослый мужчина. Крупная голова, проседь в густом зачесе волос, черные, с прищуром глаза степняка. Степняка по кровному родству с ковыльными ширями, по изначальной сути этого слова.

Аманжол Жумажанов родился в ауле № 7, что под Карагандой. На лошадь его посадили раньше, чем в первый раз самостоятельно шагнул

он по земле. А ветер с лугов, терпкий запах свежескошенного сена — нет для него и сегодня любого прочего аромата роднее, хотя живет Аманжол в Алма-Ате вот уже четвертый десяток лет. Здесь нашел он свою беспокойную, нередко связанную с риском, с опасностями работу, которую, тем не менее, не променял бы ни на какую другую.

И еще какие-то смутные воспоминания вызвал старик в вельветовом пиджаке, что сидел с газетой по ту сторону газона. Рядом на садовой скамейке лежал небольшой фибровый чемодан, так что нетрудно было определить в незнакомом приезжего. Впрочем, незнакомец ли это? И кого он вдруг напомнил Жумажанову? Морщинистое, но со следами былой привлекательности, хотя и несколько женственное, лицо. Гладко выбритый подбородок... Откуда-то из глубины памяти выплыла фраза: «усы и борода плохо растут». Это из «особых примет». Ну, конечно же, он один из тех, «послевоенных».

Закончив в последний год войны Алма-Атинскую межкраевую школу госбезопасности, работал Жумажанов в следственном отделе МГБ Казахской ССР. И, очевидно, в одном из первых самостоятельных дел молодого следователя фигурировал этот... Как же все-таки его фамилия?

За тридцать лет юридической практики перед глазами Жумажанова прошли сотни людей — ярые враги нашего строя, преступившие советские законы по убеждению, и жертвы чьей-то злой воли; осторожные, расчетливые резиденты иностранных разведок и мелкая сошка — связники, укрыватели, пособники. В период работы в прокуратуре и судебных органах республики довелось насмотреться на «уголовный элемент». Но старик не из них, это точно...

Человек в вельветовом пиджаке все так же сидел на скамье. Он отложил газету и, отрешенно глядя на пылающую пунцовыми каннами клумбу, о чем-то размышлял. Ссутулившаяся фигура, длинные нервные пальцы раздумчиво теребят, подергивают пуговицу на куртке, будто пробуют ее крепость.

«Оторвет пуговицу-то»,— усмехнулся Жумажанов и как-то вдруг сразу вспомнил сидящего в сквере. Имя, фамилию, всю его подноготную вспомнил. Вот этот, потрепанный в жизненных штормах старик и совершенно вроде бы не похожий на него другой человек слились воедино. Ну, конечно же, это Архангельский. Тогда, в 1946-м, он так же сидел перед Жумажановым и терзал пуговицу серого выцветшего пиджака. Искал предельно убедительные и одновременно осторожные ответы на вопросы следователя.

1946-й, первый послевоенный год... Тысячи возвращающихся к мирной жизни воинов. Их, еще не снявших защитные гимнастерки и галифе, поблескивающих нашивками за ранения и звенящих медалями, всюду встречали как родных. Им, победителям, спасшим Родину от коричневой чумы, люди сполна платили искренней любовью и вниманием.

Но, как на вспаханных войною равнинах под прахом отгремевших боев еще дремали в земле не найденные саперами мины, так и в людской массе, двигающейся с запада, не у всех жила в сердцах радость победы. Были и такие, кто таил горькую, как полынь, обиду за несбывшиеся свои честолюбивые планы или помнил о собственных черных делах. Они вместе с нами садились за праздничный стол и обнимались с «братьями-фронтовиками» Калининского или Первого Белорусского, не говоря им, что были на этих фронтах по ту сторону огненной черты. Они поднимали бокалы «За победу!», хотя совсем недавно со своими хозяевами в черных мундирах пили под «Зиг хайль!».

Надо было органам госбезопасности распознать ядовитую накипь, воздать каждому по заслугам.

Архангельский... Он всерьез рассчитывал затеряться среди огромной массы людей, «профильтровать» которую, как думалось ему, чекисты едва ли сумеют быстро.

Надо только представить себе первые недели и месяцы мира в послевоенной Германии. Советские войска водрузили над Берлином знамя Победы. Войска союзных армий перешагнули границы рейха, освободив тысячи рабов фашизма — Arbeitskraft* со всей Европы, и сейчас эти люди обивали пороги комендатур, добиваясь отправки на Родину. Дороги были буквально наводнены беженцами, пестрели полосатыми робами узников, освобожденных из концентрационных лагерей. Человеческий муравейник! Попробуй разберись в нем, найди иголку в стоге сена.

И все-таки «иголку» разыскали.

...Н-ская артиллерийская часть, расквартированная в небольшом немецком городке, летом 1945 года переходила к мирной, оседлой жизни. Уже не надо было солдатам вскакивать ночью по сигналу боевой тревоги, чтобы в считанные минуты подготовить технику к очередному броску на запад. Вот оно, логово фашистского зверя. Остыли стволы орудий, еще недавно раскаленные от многочасового огневого налета на Берлин. И сами артиллеристы остывали от ожесточения последних боев, отмывали с себя пороховую копоть в маленьких, будто игрушечных немецких банях. Отсыпались, отъедались на солдатской норме, усиленной стараниями разворотливого старшины.

Каждый день под вечер старшина появлялся в расположении части на дребезжащем трофейном «мерседесе», за рулем которого сидел белобрысый парень в штатском.

При первом появлении старшина отрекомендовал его:

— Наш это, Костя Архангельский, свой в доску. Из пленных. Рука не разгибается, а баранку крутит, как бог. А ну, славяне, разгружай драидулет!

В «мерседесе» стоял снарядный ящик с редиской, луком, еще какой-то зеленью.

— Откуда, товарищ старшина?

— Подсобное хозяйство. Чьи-то брошенные огороды. Пехота лапу наложила, но вот Константин Степанович считает, что артиллеристам тоже нужны витамины. Он у них по штату и переводчик — там немцы работают-то — ну, и вроде как агроном.

Всю осень и даже зиму (на подхозе соорудили парники) старшина возил от «агронома» огурцы и помидоры. Контакты были уже официальными — командование договорилось. А весной Архангельский уехал на Родину. По слухам, демобилизовался по ранению, иначе служил бы еще.

Так говорил своим артиллеристам старшина. Так писал родственникам в город Чимкент и сам Архангельский. Но на самом деле все было иначе.

Пока поезд вез «демобилизованного» из Германии в Южный Казахстан, здесь, в областном управлении госбезопасности, шла напряженная работа. Эта напряженность обусловливалась ориентировкой, полученной в МГБ Казахской ССР на жителя Чимкента Архангельского К. С.

Сотрудник Южно-Казахстанского УМГБ Н. А. Игай проследил жизненный путь Архангельского от рождения до последнего дня и собрал неопровержимые доказательства. Да, именно он, Архангельский, находясь в годы войны в плену, предал Родину.

---

[1] Arbeitskraft (нем.) — рабочая сила.

В Чимкенте, куда в апреле 1946 года приехал «демобилизованный» (каждый шаг его в это время уже контролировался), милиции было известно, что он находился в плену и репатриирован. Справку такую — для обмена на паспорт — прибывший представил. А семья, соседи не знали и этого. Костя Архангельский оставался для них пришедшим с фронта лейтенантом-танкистом. Вон — рука на перевязи, ранен в бою...

— Отступали мы,— рассказывал Архангельский дома в первый же вечер после своего возвращения.— Немцы подбили нашу тридцатьчетверку. Выскочил я через люк на броню, а они — очередями. У них же автоматов в первые месяцы войны было полно — не то, что у нас...

Что верно, то верно: автоматического оружия гитлеровцы в 1941 году действительно имели больше. И что отходили мы на всех фронтах — это было. Не было одного — ранения лейтенанта Архангельского в бою с наступающими фашистами. Но об этом он скажет после ареста на допросах далеко не сразу...

В Алма-Ате, куда поздней осенью 1946 года этапировали Архангельского, дело его вначале вел работник, как-то не сумевший «подобрать ключик» к нему. Нет, следователь не был новичком в своем деле, но, видимо, посчитал все же излишним разбираться в характере подследственного. Улики «железные»? Бесспорно. Ну, и давай выкладывай все начистоту, не тяни. Словом, шел напролом, уверенный в том, что у Архангельского другого выхода нет: надо признаваться. Только так можно рассчитывать хотя бы на снисхождение. Но ведь следственная практика знает немало случаев, когда преступник в силу каких-то чисто субъективных факторов вдруг начинает давать показания, идущие ему же во вред, или, напротив, отказывается признавать очевидное. В основе такого внешне странного поведения обычно лежит что-то сугубо личное.

Константин Архангельский всегда был самолюбив. Еще будучи курсантом военного училища, болезненно реагировал на шпильки товарищей по поводу гладкого своего подбородка. И вот теперь следователь о том же...

Как-то, утомившись от многочасового позднего допроса, позволил он себе, в виде разрядки, пошутить насчет бороды и усов обвиняемого. И тот замкнулся. Нет, он не запирался, он отвечал на вопросы, однако как-то все сводил к тому, что уже было известно. Топтаться на месте? Но само время торопит. И Архангельского передали Жумажанову.

...До Нового, 1947-го года оставалось полдня, а вечером на окраинной улице Алма-Аты соберутся друзья Аманжола, сядут за праздничный, не очень обильный в послевоенные годы дастархан. Было, и не раз — этот праздник они встречали без него, знали: такая у человека служба, но сегодня он обещал быть дома.

А в кабинет следователя Аманжола Жумажанова надзиратель ввел Архангельского. Коренастый густоволосый блондин опустился на стул в углу свободно, без обычного в таких случаях напряженного ожидания: о чем будут спрашивать сегодня? Что о нем еще стало известно?

Но хозяин кабинета, молодой казах в погонах младшего лейтенанта, не спешил с допросом. Протянул подследственному раскрытую пачку «Беломора», чиркнул спичкой. Сидели молча, курили, думали каждый о своем, но еще и друг о друге. Архангельский мельком, изучающе поглядывал на следователя: молод, до чего молод! И было удивление: доверили же парню такое серьезное дело. Но удивление тут же сменялось полынной горечью воспоминаний о первых днях войны. Ему-то самому, Косте Архан-

гельскому, больше ли было лет, когда ведал он могучей боевой техникой целого полка? Тоже ведь доверили...

— Сколько вам лет, гражданин следователь?

Вопрос прозвучал неожиданно не только для Жумажанова, но, кажется, и для самого Архангельского. Кто здесь, в конце концов, ведет допрос? И Архангельский, в общем-то, ждал, что следователь сразу все поставит на место. Но тот вдруг сказал:

— Девятнадцать. А что? — и усмехнулся: — Я вас понимаю, Константин Степанович. Понимаю вашу попытку приложить свою мерку к другим людям. Мол, выдержали бы они или нет испытания, выпавшие на мою долю в начале войны. Сколько вам тогда было? — Он полистал дело: — Вот видите, как раз тоже девятнадцать. Мало? А я скажу, уже вполне может отвечать человек за свои поступки.

Архангельский молчал, сидел, уперев локти в колени. Бесполезно тлела зажатая в пальцах папироса, от которой стекала на пол и уходила под двери гонимая сквознячком тонкая струйка дыма.

Жумажанов тоже не нарушал этой, как казалось за дверью надзирателю, странной тишины. Он думал о том, удастся ли ему «разговорить» сидящего перед ним мужчину. Заглянуть ему в душу, проникнуть в его психологию, в логику его поступков. Просто так, по-человечески понять, как можно предать свою Родину, свой народ. Ведь был же комсомольцем, командиром Красной Армии. И он задал этот вопрос.

— Я вам отвечу, гражданин следователь,— заговорил Архангельский, теребя пуговицу на пиджаке.— Тому следователю не сказал, а вам скажу... Впрочем, его это и не интересовало. Так вот: насчет возраста — это вы верно. И все-таки, понимаете, не отдавал я отчета своим действиям. Клянусь. Ну и... жить хотел.

Что ж, «хотел жить» — желание, в общем-то, вполне естественное для человека. Другое дело, как жить? Жить ли трудно, как все, вся страна, весь народ в этой тяжелой, кровопролитной борьбе, или искать легкнх путей, обойти, а то и за счет жизней других преодолеть трудности?

В этот день, вернее сказать, к вечеру, вернувшись с работы, Аманжол встречал Новый год, а потом, когда ушли друзья, долго лежал без сна на своей жестковатой холостяцкой кровати. Шли первые часы нового, 1947 года. Второго года без войны. Но война, размышлял молодой следователь, для чекистов явно не уместилась в рамки четырех огненных лет. Кто знает, сколько времени еще придется разоблачать, а если надо, то и уничтожать пока что не разоблаченных и не уничтоженных врагов.

Вот он, один из них, Архангельский, человек со светлыми глазами и темной душой. Чего стоят одни только его слова о желании жить, а точнее, просто выжить. Фраза эта буквально покоробила Аманжола. И только сейчас он понял, он вспомнил, почему. Ведь именно это самое «выживем» говорил его отец Жумажан в день проводов дяди Сейтжана на фронт. Самому отцу, по возрасту, воевать не довелось, а младший брат его прошел всю войну, не раз смотрел смерти в глаза.

— Ничего, Сейтжантай,— говорил отец, обнимая его при прощании на вокзале, возле длинной вереницы теплушек.— Выживем! Мы люди крепкне, не сломает нас Гитлер, мы сами сломаем ему шею. Вот тебе мой наказ: зря под пули не суйся, но и за спины других в нашем роду никогда никто не прятался.

В тылу было трудно, очень трудно. Все держалось на подростках, женщинах да таких, как отец, стариках. Но ни разу Аманжол не слышал от него жалоб на трудности. Наоборот, придет домой поздним вечером,

запыленный, пропахший потом, степью и, если ребятишки еще не спят, непременно скажет:

— Ну, что, гвардия, животишки подвело? Ничего, через неделю картошку копать будем. Картошка, говорят, второй хлеб. Выживем! А там, гляди, и войне конец.

В доме, случалось, не было крошки хлеба, но где бы Жумажан ни работал — в поле, на ферме ли,— он никогда не возьмет, не унесет домой ни крошки, ни зернышка. Жила в нем старая рабочая закалка. Еще при англичанах плавил он медь на Спасском заводе, что под Карагандой, а когда начинались волнения, один из первых попал в «черные списки» за «смутьянство». Стоять за правду, за справедливость, быть Человеком среди людей — эти истины Жумажан исподволь внушал и своим детям.

Старший сын его Аманжол пошел учиться в конце войны в Карагандинский горный техникум. Отец одобрил: быть шахтером — почетное дело. И вдруг тот сообщает: иду в органы госбезопасности. По комсомольскому набору.

— Так надо,— пояснил он отцу.— Там очень нужны люди.

— Ну, если надо...— только и сказал Жумажан.

Он знал, что сын его не ищет легких путей в жизни. Надо — значит надо.

И вот сейчас, засыпая после длинного и довольно трудного своего рабочего дня, новогоднего вечера, Аманжол уже как-то размыто, в полудреме представил себе Архангельского там, на западе, на дорогах войны. Шел человек извилистой и скользкой, но, в общем, совсем не трудной тропой предателя. Шел, не сдерживаемый никакими «надо», руководствуясь одним шкурным принципом самосохранения.

...Назавтра, а потом еще не день и не два продолжались допросы. Ложились на бумагу строки следственных протоколов. Память у Архангельского удивительная: помнит не только мелкие подробности событий, но держит в голове и целые биографии людей, с которыми имел дело в период, интересующий следствие. Когда кто родился, когда крестился, на ком женат, с кем и как связан — все помнит. А в Алма-Ату одновременно прибывали запрошенные Жумажановым, бесценные для установления истины документы, с помощью которых одна за другой отсекались ветви неточностей или ложных показаний обвиняемого и оставался только один путь — к правде, к чистосердечному признанию.

Внутренний облик человека, предавшего самое святое — Отчизну в годы смертельной для нее опасности, становился все более четким.

Падение

Он воевал всего пять дней. Позже-то он еще был на фронте, но вот в рядах Красной Армии — эти пять дней — с 22 по 26 июня 1941 года.

После окончания в 1940 году военно-инженерного училища лейтенант Архангельский служил в Прибалтике. Был начальником инженерной службы танкового полка.

22 июня, когда в расположении части начали рваться немецкие снаряды, когда факелами горели не успевшие выйти на огневой рубеж машины, а командиры толком и не могли объяснить экипажам, где он, этот огневой рубеж, в те минуты лейтенант оказался в одном из танков, пробивающихся на восток.

Потом — окружение, плен. Архангельский успел выбросить где-то в овраге свой комсомольский билет, сорвал лейтенантские петлицы. И, встретив немецких автоматчиков, а затем бредя по пыли в длинной колонне

пленных и позже — за лагерными воротами — все время была с ним, как-то успокаивала мысль: я беспартийный, хорошо, что я беспартийный...

Он и в комсомоле-то, если разобраться, был чисто формально. Только членские взносы платил. И то нерегулярно. «Ну какой ты комсомолец,— сказал ему как-то Ермохин, комсорг роты.— У всех воскресник, территорию убираем, а ты — в лазарет со своими почками. Видел я в увольнении, как ты пиво хлещешь, там у тебя почки не болели».

Многое теперь передумывалось, заново перемалывалось в памяти. Вспомнилось тактическое ученье, когда этот самый Ермохин чуть было не отправился на тот свет. Опрокинулась на ходу машина, человек семь курсантов отделались царапинами, а комсоргу раздробило ногу, да еще в плече у него рваная рана. Еле кровь тогда остановили.

Ермохина приказали сопровождать в госпиталь Архангельскому и щупленькому, тихому парню родом из Вологды Степе Коротееву. Привезли. И вот врачи говорят: «Срочно нужно делать переливание, а первой группы как раз нет. По карточке учета у вас, курсант Архангельский, первая» — «Ну и что? — ответил им тогда Костя.— Вы не завозите вовремя какую надо кровь, а я за вас отдувайся». Не дал, одним словом. В приказном-то порядке не могут, дело добровольное. А Коротеев на обратном пути говорит: «Шкура ты, Архангельский». Чуть его тогда Костя с машины не сбросил за такие слова. Сморчок левофланговый, а туда же... Под трибунал не хотелось из-за такого идти.

Ермохин выздоровел — кто-то, наверное, нашелся, дал ему кровь. Но Архангельскому этот случай ребята не простили. Хотели «темную» сделать, да старшина вовремя вмешался. В общем, приятным вряд ли чем можно это училище вспомнить.

Вот в полку — тут другое. Комсостав жил по квартирам. Ничего шла служба, без особых трудностей, и оклад хороший, снабжение. Все война спутала.

Лежа на нарах в углу барака, он размышлял...

— Архангельский, ты ли!

— Подожди, подожди,— Архангельский, наконец, узнал стоящего перед ним чернявого военнопленного.— Латыпов? Командир третьего взвода? Тоже тут?

— Был командир, да весь вышел,— усмехнулся Латыпов.— Тут, как видишь. Послушай, а здесь еще есть наши.

— Кто?

— А вон, видишь, горбоносый? Помнишь его?

Архангельский всмотрелся:

— Кажется, знакомый... Из соседнего полка?

— Ага. Эркин фамилия...

— Старший политрук, вроде?

— Точно.

Встрече этой Архангельский особого значения не придал. И только дня через три, неожиданно вызванный в гестапо, понял, что разговор с Латыповым был совсем не случаен. Потому что в кабинете унтер-офицера Мюллера в углу расположился в довольно непринужденной позе этот же самый Латыпов.

Мюллер подвел Архангельского к окну, выходящему во внутренний двор. Там на скамье сидел Эркин.

— Знаешь этого человека?

Латыпов внимательно рассматривал носки своих башмаков.

— Знаешь?

Архангельский молча кивнул.

— Кто он?
— Старший политрук Эркин. Из нашей дивизии.
— Подпиши протокол опознания.
А на следующий день состоялась очная ставка...
Больше Архангельский старшего политрука не видел.
Латыпов подошел вечером, положил руку на плечо:
— Ну как?
Архангельский хмуро молчал. Да и что ему было говорить, если главный разговор уже состоялся — с Мюллером. О том, что он, Архангельский, должен благодарить Латыпова за помощь, за то, что поверил ему. А теперь за эту помощь надо платить верной службой.

Так стал Архангельский предателем, верным псом гестапо в Хаммельбургском лагере. После Эркина были другие, выявленные в разговорах с чересчур доверчивыми заключенными, политработники, коммунисты, евреи. Теперь у Кости у самого уже были помощники. Один из них, Е. В. Алексеев, после ареста в 1945 году назовет имя своего «шефа»...

* * *

Анкета, заполненная в милиции, гласила: «В иностранных армиях не служил...»

Нет, он не был искренен со следствием — незаметный служащий Чимкентского общепита. Чекисты уже держали в руках нити, которые вели к Хаммельбургскому лагерю: здесь Архангельский сотрудничал с гестапо, был членом так называемого «центра борьбы с большевизмом». В конце войны оказался в рядах воинства генерал-предателя Власова — был переводчиком в офицерской школе РОА. Но оставался период между лагерем и власовской армией.

О нем рассказали трофейные документы, попавшие в руки Советской Армии. Среди многочисленных груд бумаг — списков, учетных карточек, приказов — в документах по учету проходивших службу в рядах вооруженных сил рейха оказалось упоминание об Архангельском Константине Степановиче. В июле 1942 года в составе 7-й роты 2-го полка дивизии «Бранденбург» он был послан на Восточный фронт.

Немецкая документация помогла работникам госбезопасности прочитать еще одну страничку биографии обвиняемого.

— Да, служил,— признается Архангельский.— А куда денешься? В лагере долго не уговаривают... Но я в своих не стрелял, клянусь! Когда ехали на машинах от Ростова на Краснодар, налетели советские штурмовики. И я «отвоевался». Меня ранило в шею, в руку, контузило. Потом был в госпиталях.

— А железный крест 2-й степени? — спрашивает следователь.— Его же просто так не дают?

— Я говорю правду, гражданин следователь...

Ему очень не хочется признаваться еще и в этом: командир Красной Армии оказался по ту сторону фронта в рядах врага, с немецким автоматом в руках. Тысячи наших солдат и офицеров томились в концентрационных лагерях, погибали в крематориях и под пулеметными очередями, но те, кому удавалось уйти, в первую очередь думали об оружии. Уничтожать, уничтожать, уничтожать фашистов — зверей в человеческом облике,— перейдя ли фронт или в рядах партизан, все равно.

У этого все было иначе. Насмотрелся он на тех, кто бежит из лагеря. 90 процентов ловят, и тогда уже нет им пощады. Нет, рисковать Архангельский не хотел. Да и куда бежать теперь-то?

Но в лагере все-таки надоело: хоть и на особом положении, а все равно в бараке, на нарах... Когда в лагерь прибыло армейское начальство и стало вербовать в солдаты, Архангельский вызвался — против своих! — одним из первых.

И выдали «лейтенанту Красной Армии» немецкий мундир, оружие и даже удостоили чина обер-ефрейтора...

Впрочем, мундир пришлось снять сразу по прибытии к месту назначения — под Ростов. Такова правда в отличие от полуправды, которую цедит по чайной ложке обвиняемый Архангельский.

Было это в августе 1942 года. Колонна грузовиков под покровом ночи движется в сторону фронта. За рулем передней машины — Архангельский. На нем, как и на прочих,— наша гимнастерка. В петлицах — сержантские треугольники. Шесть машин — два «форда» и четыре «АМО», а в кузовах — 150 немецких солдат. Обер-лейтенант Остерлиц жестко предупредил

— Одно немецкое слово в пути — расстрел на месте!

И «красноармейцы» молчали.

С ходу, не останавливаясь, миновали горящее село. На выезде — пост. Усатый лейтенант с перевязанной головой останавливает колонну.

— Кто такие?

— Остатки разбитого 314-го артполка,— говорит Архангельский.— Не задержнвай, лейтенант, а? Нам на мост проскочить надо. А там, за Каменкой, оборону займем. Приказ...

— Я понимаю,— говорит лейтенант.— Только развиднялось уже, накроют вас «мессеры». Гони левей, сержант, через лесок, по шоссе не советую.

К мосту через реку Каменку выскочили к восходу солнца. Три машины миновали переправу, три остались перед мостом.

— Вы что, очумели! — возмутился старшина, охранявшнй с десятком бойцов переправу.— Проезжайте, не занимайте дорогу.

— Не шуми, старшина, воды надо долить в радиаторы,— Архангельскнй загремел ведром.

— Absitzen! — раздалась команда.— Feuer![1]

«Красноармейцы» посыпались с машины. В несколько минут с отделением охраны было покончено.

Днем к переправе вышла потрепанная в боях красноармейская часть. И — напоролась на засаду...

Вот как было в действительности. Такова правда, которую не опровергнешь.

— Наш командир связался по рации со штабом,— рассказывает уже сам Архангельский.— Через час прибыли танки. А мы двинулись дальше.

Следователь испытующе смотрит на человека, сидящего перед ним. Как низко надо пасть, чтобы просто, естественно говорить такие вещи: «его», Константина Архангельского, командир, фашист, вызывает танки с черным крестом на броне. Чтобы уничтожить измотанную, обескровленную, обремененную ранеными отступающую советскую часть, для которой та переправа была, возможно, единственным шансом к спасению.

Первой и последней засадой оказался мост через реку Каменку и для обер-ефрейтора Архангельского. На другой день роту обер-лейтенанта Остерлица накрыли на степной дороге Илы. Одна из бомб прямым попаданием угодила в головной грузовик...

---

[1] Слезать! Огонь! (нем.)

Судьбе наперекор

Судьба сыграла злую шутку...

Все получилось неожиданно. В одном из кабинетов на втором этаже следователь Ворохов вел допрос. Через полуоткрытую дверь до Жумажанова доходили звуки несколько возбужденного голоса допрашиваемого. Потом послышался шум, что-то упало. Распахнув дверь, Жумажанов увидел обвиняемого на подоконнике — тот пытался выпрыгнуть наружу.

Вдвоем они все-таки стащили с подоконника довольно крепкого, невесть от чего запсиховавшего власовца. Но, резко дернув его и свалившись вместе с ним вниз, Жумажанов при падении ударился спиной об угол стола. И что-то словно надорвалось внутри. Его обдало жаром, застелило глаза радужной пеленой.

Член Верховного суда Казахской ССР А. Ж. Жумажанов.

Постепенно он отдышался, работал до конца дня. А после этот случай вообще забылся. Текли месяцы, годы, он ходил на службу, но настал день, когда старший следователь МГБ Аманжол Жумажанов не мог встать с постели. Болела уже не только спина, но и отказывались служить ноги.

После детального обследования профессор-невропатолог М. Фаризов вынес приговор:

— Позвоночник...

Случилось это в 1956 году.

Давно отбывал свой срок где-то в лагере Архангельский, дело которого Аманжол закончил в мае 1947 года. После него были другие дела, другие люди, чем-то похожие друг на друга в своих деяниях, направленных против нашего общества, нашего строя. Но Архангельский помнился как-то особо, выделялся среди прочих. Чем же? Одни — матерые, самоуверенные, другие — сломленные и глубоко раскаивающиеся, а этот стоял между ними где-то посредине. И оставался в памяти он скорей всего по тому разговору, когда сказал о своих девятнадцати годах, в кои человек-де не ведает, что творит, и еще о том, что жажда жизни в этом возрасте способна толкнуть человека на что угодно...

Конечно, в первые недели обострения болезни ни о чем таком Жумажанов не думал. Не до того было. Его привезли самолетом в Москву и колдовали здесь над ним, лечили его в Институте нейрохирургии имени Бурденко лучшие силы медицинской науки. А он днем ли, ночью ли не знал ни минуты сна: всеохватная боль стала отступать только на двадцать шестые сутки, постепенно оживали ставшие совсем чужими ноги.

— Запасайтесь терпением, молодой человек,— говорили ему врачи.— Ходить будете, но не скоро.

Его перевели в клинику КГБ; лечение продолжалось. И в лечении

этом, как сказали Жумажанову, он сам себе — чуть ли не основной врачеватель. Антибиотики, массаж, уколы... Но была еще лечебная физкультура, главным образом, на «шведской стенке». Он часами подтягивался на руках, а затем опускал тело на непослушные ноги. Изо дня в день приезжал из палаты в «рузвельтовской коляске» в зал для занятий. Шел на «стенку», как на дыбу, стиснув зубы, обливаясь холодным потом, заставляя себя делать по сотне раз все одно и то же упражнение. Это была долгая, упорная борьба с недугом, с болью, с самим собой.

В эти-то дни он и вспомнил однажды Архангельского. «Черта с два,— думалось ему.— Человек, конечно, может попасть в критическое, в адское положение. Но он сам хозяин своей судьбы. Сам! Пошел бы я сейчас по линии наименьшего сопротивления — лежать бы мне всю жизнь прикованному к постели. А так — вон уже на костылях передвигаюсь!»

Нет, Жумажанову не грозило жалкое существование. У него любящая, заботливая жена, государство установило пенсию. Пугало другое: оказаться за бортом жизни. Нет, говорил себе Жумажанов, мы еще повоюем! Еще в 1952 году он поступил на заочное отделение юридического института и теперь, лежа (сидеть подолгу не мог), наверстывал упущенное. В 1958-м, подтянув все «хвосты», закончил институт и получил диплом юридического вуза.

Со службой в органах государственной безопасности пришлось распрощаться. Однако защищать интересы Советского государства от посягательства всех и всяческих недругов коммунист Жумажанов может и в «гражданских» организациях. Аманжол Жумажанович работает в Прокуратуре Казахской ССР. Семь лет кропотливо разбирает запутанные дела взяточников, бандитов, жуликов, выступает в судах. Затем опытного юриста приглашают руководить отделом в новое республиканское министерство— юстиции. А с 1972 года Аманжол Жумажанов — член Верховного суда Казахской ССР.

* * *

Стрекочет в столичном сквере машинка для подстригания газонов. Сутулится на садовой скамье усталый человек в вельветовом пиджаке. Где живет он сегодня, отбывший срок Архангельский К. С.? В родной Чимкент, надо полагать, возвращаться не решился: еще живы люди, которые могут напомнить о былом. Ненароком, в досужей беседе обронить жестокие своей правдой слова: мол, расскажи, земляк, как ты верой-правдой служил фюреру. Да и дети... Они ничего не должны знать, пусть растут, как все другие ребятишки, пусть сверстники им не колют глаза прошлым их отца.

А по тенистой карагачевой аллее удалялся человек с тростью в руках. Он опирался на нее, прихрамывал и все же ступал твердо по обласканной южным солнцем земле.

Н. МИЛОВАНОВ

У БИРЮЗОВОГО ОЗЕРА

1

— Сегодня к вечеру нарушителя границы доставят в районное отделение, к Галиеву,— вставая из-за стола, сказал майор Куспангалиев, как только начальник отделения лейтенант Николаев вошел к нему в кабинет. Передав ему краткую запись разговора по телефону с дежурным офицером погранвойск, Куспангалиев озабоченно проговорил:

— Перебежчики, подлинные и мнимые, прямо наводнили нашу область, не видать, когда и конец будет этому.

И уже тоном распоряжения: — Собирайтесь, лейтенант, надо торопиться.

Речь шла о новом нарушении границы. Лазутчик стремился перейти на Советскую землю незамеченным. При задержании пытался бежать обратно за кордон. А позже, уже на заставе, долго отказывался назвать свое имя и фамилию. Выдавал себя за охотника, заблудившегося в горах, хотя кроме ножа другого оружия при себе не имел... Наконец, назвался Мамутом Саттаровым.

Верткий «виллис» юлил, объезжая ухабы разбитого за годы войны талгарского булыжного шоссе. Временами сквозь малеиькое заднее оконце брезентового тента в салон машины врывались неяркие косые лучи клонящегося к закату сентябрьского солнца. Майор щурился, прикрывал глаза ладонью и продолжал начатый в кабинете разговор.

— Так вот,— как всегда неторопливо и спокойно рассказывал он лейтенанту, чтобы тот исчерпывающе представил себе следственную ситуацию,— прошлым летом в Илийском округе Синьцзяна вспыхнуло восстание. Начали его казахи-скотоводы Нылхинского уезда. Затем в районе

Арбунсумуиа восстали монголы. И пошло, как пожар по степи, подгоняемый ветром. К марту этого года повстанцы во главе с Ахмеджаном Касымовым полностью очистили от гоминдановцев Илийский округ. Теперь они контролируют территорию еще двух округов — Тарбагатайского и Алтайского.

— Вы полагаете, что имеино эти события вызвали резкое увеличение числа перебежчиков? — спросил Николаев.

— Да. И эту «прибавку» к обычным нарушениям границы нередко дают и те, кто бежит к нам от народного возмездия за свои преступления и насилия в годы господства чанкайшистов в Восточном Туркестане[1]. Эти люди надеются отсидеться здесь.

— Бегут не только в одиночку, но и семьями,— заметил Николаев после короткой паузы,— а последнее время переходят границу группами и даже аулами. Такое случилось недавно в соседней области. Да и к нам в область немало больших групп пришло. Например, помните тех киргизов?

— Как же, помню. Но они прибыли к нам, кажется, еще до изгнания гоминдановцев с территории Илийского округа?

— В первых числах ноября 1943 года,— ответил Николаев. Подумал, припоминая, и добавил: — И в этом году уже несколько групп пришло к нам.

— Характерно, многие заявляют, что бегут в Советский Союз якобы от непосильных налогов, взимаемых гоминдановскими властями.

— Не верить этому нельзя,— продолжал Николаев.— Все они говорят, что в Синьцзяне только основных налогов насчитывается двадцать два. А сколько еще так называемых «дополнительных», которые в три раза превышают основные. Кроме того, трудящимся приходилось рассчитываться по многим податям, не оговоренным законом, и исполнять еще много других повинностей...

— Конечно,— заговорил майор спустя минуту уже более оживленно,— с этой группой и другими, подобными ей, могли прибыть и враги. Как говорят, чем черт не шутит...— и задумался, верно, легонько постукивая ладонью левой руки по краю жесткой подушки своего кресла. Потом также неторопливо еще сильнее перегнулся назад к Николаеву и снова озабоченно заговорил:

— Этот Мамут не к Кульбеку ли на связь шел? Ведь Кульбек — пограничный житель.

— К какому Кульбеку? — не сразу сообразив, о ком повел речь майор, спросил Николаев.

— К арестованному нами Джаубаеву.

— А-а-а,— отозвался Николаев.— Ну что же, возможно, скоро узнаем, если он назовет своими знакомыми Алмабека Жаитасова и этого алашордынца, что сбежал из Семиречья в Китай еще в годы гражданской войны.

— Ибраима Джайнакова, вы хотите сказать?

— Да.

— Что ж, вот и еще причина, и не из последних, почему поговорить с Саттаровым надо обстоятельно.

Майор уселся поудобнее и продолжал:

— Кульбек вчера рассказал следователю, что в 1931 году бежал в Синьцзян, боясь репрессии за то, что в составе банды Мергембая в 1929—1930 годах участвовал в налетах на советскую территорию и насильных

[1] Восточный Туркестан — часть провинции Синьцзян, образованной в 1884 году после завоевания Китаем Восточного Туркестана и Джунгарии.

угонах за границу миогих жителей пограничных аулов. В Синьцзяне он сразу же примкнул к банде отъявлениого иационалиста Ибраима Джайнакова...

За разговорами они не заметили, как совсем стемнело. Уже при свете фар машина въехала в Иссык — бывшую казачью станицу, утопающую в садах, широко раскинувшуюся вдоль бурной речки, берущей начало из высокогорного бирюзового озера. Машина, не сбавляя скорости, прогромыхала по деревянному мосту, мнновала несколько темных улиц и остановилась у крыльца здания районного отделения.

Из-за гор всплыла яркая луна, высветила высокие тополя и березы. Потянул ветерок, зашелестела уже поредевшая листва деревьев, слышнее стал отдаленный гул водопада. Куспангалиев и Николаев молча прошлись несколько раз у машины, разминая затекшие в пути ноги, постояли, глубоко, с иаслаждением вдыхая свежий горный воздух, и направились в помещение.

Капитан Галнев встал из-за стола, освещенного керосиновой лампой, привычно одернул гимнастерку, отдал рапорт, предложил стулья и сразу же перешел к делу. Сообщил, что Саттарова уже привезли, подал майору копию протокола допроса на заставе и стал излагать свои впечатленя о перебежчике.

Куспангалиев внимательно выслушал капнтана и, просмотрев протокол, передал его Николаеву. Молча подождав, пока тот прочтет докумеит, привычно отбросил рукой пышные, чуть покрытые сединой темные волосы и приказал ввести Саттарова.

В кабинет вошел рослый, ладно сложенный, уже ие молодой джигит. Старомодной одеждой и манерой держаться Саттаров походил на кочевника. Раскосые черные задорные глаза на худощавом лице подчеркивали в нем склонность к рискованным похождениям. Чекисты почувствовали это.

Окинув Саттарова внимательным взглядом, майор спросил Галиева, владеет ли Саттаров русским языком.

— Я его не спрашивал,— ответил Галиев и тут же по-казахски осведомился об этом у Саттарова. Тот не ответил сразу. Оторопело посмотрел на майора, отвел глаза в сторону, задумался...

— Ну, чего мудрнть тут? Говорите, зиаете русский язык нли нет? — спросил еще раз майор.— Нет так нет. Пригласим переводчика.

Саттаров, услышав о переводчике, встрепенулся, поднял голову и сказал по-русски с акцентом:

— Да, да, переводчик иада.

Но все равно еще долго не давал ответов на вопросы о том, кто он такой и откуда родом. Свою войлочную белую шляпу, отороченную по краю и сверху крест-накрест узкой черной бархатной лентой, он помял и затер грязнымн потными руками так, что она стала серой. Наконец, он тихо-тихо сказал, что родом из урочнща Ой-Карагай.

— А когда ушли в Китай? — тут же спросил майор.

— Видите ли,— Саттаров снова заколебался, смолк и ответил лишь после того, как майор повторнл свой вопрос: — В тридцатом.

— Одни?

— Нет, не одни, с семьей отца.

— Отец и сейчас там, в Синьцзяне?

— Его тогда же задержала кнтайская полиция и передала советскнм пограничникам. Здесь его арестовали и осудили.

— За что?

— Не знаю точных причин. А в Китай он убегал потому, что боялся этого ареста.

— Он убил начальника заставы? — спросил строго майор.— Говорите, что крутитесь вокруг да около.

— Я не знаю точно, за что осудили отца, но арестовали его в связи с убийством начальника заставы.

— Чем занимался ваш отец до побега в Синьцзян?

— Он имел свое скотоводческое хозяйство.

— Скот бросили или угнали?

— Незадолго до бегства в Китай отца раскулачили. У нас осталось несколько голов скота, с которым мы и перешли границу.

— Вот оно что. Ну, теперь понятно. Пожалуй, прервемся,— сказал Куспангалиев, посмотрев на часы.— Об остальном поговорим утром.

Он встал, устало вздохнул и, как только увели Саттарова, сказал, направляясь к двери:

— Пора и нам передохнуть. Любопытный тип. По всему видно, человек осведомленный. Да, чуть было не забыл,— спохватился он, поворачиваясь к Галиеву.— Поручите Шайгельдинову через пограничников и наш районный аппарат собрать сведения об обстоятельствах убийства начальника заставы.

Зияш Шайгельдинов, недавно демобилизованный из Советской Армии после ранения, заметно выделялся своей армейской выправкой. Приземистый и плотный, стоял он перед Галиевым, вытянув руки по швам. Полученный на фронте за самоотверженные боевые действия орден Красного Знамени ярко горел на гимнастерке, плотно облегавшей грудь и плечи чекиста. После того как капитан передал ему приказ майора, утром, в присутствии Саттарова, Шайгельдинов рассказал, как был убит начальник заставы и как после этого отец Саттарова, крупный бай и мулла, стал одним из активных организаторов откочевки группы богатеев в Синьцзян.

Саттаров пытался сохранить хладнокровие, но вскоре понял, что умолчанием ничего не добьется, и начал кое-что рассказывать.

— Где вы жили в Синьцзяне и чем занимались?

— В Калмык-Куринском уезде. Семья наша вскоре разорилась, и я стал батрачить у местных баев. Позже мне удалось поступить на службу сборщиком налогов. Но в 1944 году началось восстание. Повстанцы разыскивают таких, как я, и мне пришлось перейти на нелегальное положение, а затем бежать в Советский Союз.

Саттаров назвал несколько известных ему агентов по сбору налогов с населения, в том числе братьев Орху и Ноху Базыбековых. Они были известны чекистам — перешли в СССР ранее и проходили проверку, которая тогда ничего не дала.

Зато, вопреки ожиданиям, Саттаров ничего не сказал об Алмабеке Жантасове, а Ибраима Джайнакова, мол, знает только понаслышке, лично с ним не встречался и с его бандитами никаких дел не имел.

Пока показания Саттарова оформляли протоколом, Куспангалиев и Николаев просмотрели материалы допроса Базыбековых на заставе. Когда Саттарова увели, Куспангалиев сказал Галиеву и Николаеву:

— Этих братьев и всех остальных сборщиков налогов, особенно десятидворников, надлежит еще раз, и более тщательно, проверить. В самом деле, почему они, в частности Базыбековы, так настойчиво просили пограничников и работников нашего отделения оставить их на жительство вблизи границы? Надо выяснить и причины, по которым они ранее эмигрировали в Синьцзян. А вам,— майор повернул голову к Галиеву,— пока Шайгельдинов съездит в Пржевальскую область, откуда Базыбековы ро-

дом, надлежит установить нынешнее местонахождение здесь в районе Базыбековых и других бывших сборщиков налогов.

Майор прошелся по кабинету и снова заговорил:

— Дальнейшие шаги наметим после, в зависимости от того, что даст нам эта проверка. Одновременно займитесь серьезно и Саттаровым. Он ведь был сборщиком налогов да еще и десятидворником, давшим подписку, а эту службу куиаижуз[1] доверяла, как правило, только верным людям. Тот факт, что Саттаров дал им подписку о сотрудничестве, говорит о многом... И из-под стражи освободите, поскольку оснований для ареста нет.

Наконец, все было обговорено, и они с Николаевым направились перекусить.

— Вы знаете,— вспомнил по дороге в столовую Урайхан Куспаигалиевич,— работа по перебежчикам из Синьцзяна напоминает мне зиму 1941/42 года. Война застала меня в московской школе госбезопасности, и я, вскоре после введения осадного положения в Москве и прилегающих к ней местностях, был назначен военным комендантом Балашихинского района. Нелегкое это было дело. Наряду с выполнением общих задач, обеспечением безопасности и порядка в густонаселенной прифронтовой полосе мы вылавливали в массе беженцев паникеров, немецких пособников и шпионов абвера.

В одну из ненастных ночей я ехал в расположение одной из частей Красной Армии. Начался налет немецкой авиации. Части противовоздушной обороны вели артиллерийский и пулеметный огонь, и такой, что порою было так светло, что, как в песне поется, хоть иголки собирай. И вот в такой момент я увидел, как у опушки леса приземляются один за другим трое парашютистов. Поспешно отстегивая ремни парашютов, они сразу же побежали в сторону леса. А нас было двое: я да шофер. Но повезло, до части было близко, и я быстро вернулся к этому лесу с группой автоматчиков. Завязался короткий горячий бой. В нем мы двух подстрелили, а третьего захватили живьем. С ним оказался и портативный радиопередатчик. Задержанный рассказал, что их забросили в тыл частей Красной Армии для разведки мест концентрации советских войск.

Или вот еще... Как-то раз, в самом районном центре, городе Балашихе, я шел обедать. У самой столовой меня остановил старичок и говорит: «Вы будете военным комендантом?»

— Да,— отвечаю ему.— А в чем дело?

«Хочу,— сказал старик,— показать вам одного типа. Уже два дня вертится в нашем городе. Как только где скопится народ — на вокзале, у магазина или еще где-нибудь, он тут как тут».

Старик подвел меня к перекрестку и из-за угла показал на здание на другой стороне улицы. Это был магазин, возле которого толпилась очередь. В ней стоял и вызвавший подозрение старика мужчина средних лет. Ни одеждой, ни чем-то другим он не отличался от остальных. А оказался, как выяснилось потом, врагом и очень опасным. И в этот раз в очереди за хлебом вел провокационной разговор о скором падении Москвы. Люди из очереди помогли чекистам разоблачить его.

Уже за столом Урайхан Куспангалиевич, вздохнув, закончил:

— Так-то вот! Не было часа спокойного. Теперь у нас другие обстоятельства, и беженцы не те, а это осложняет выяснение их побуждений. С разбегу никого не раскусишь, работать надо и очень много.

Когда официантка подала обед, Куспангалиев, принимаясь за еду, весело бросил: — А тот старик стал моим хорошим знакомым, и когда мне

---

[1] Кунанжуз — полиция в Синьцзяне.

удавалось бывать в балашихинской столовой, я иногда там встречал и его. Он не поехал с семьей в эвакуацию, остался дома, настолько был уверен, что Советская Армия немцев дальше не пустит...

2

Зияш Шайгельдинов вернулся из Киргизии усталый, но было видно: его поездке к берегам Иссык-Куля сопутствовала удача. Характеризуя Базыбека и его сыновей Орху и Ноху, сказал:

— Воры и бандиты они, украли и увезли в урочище Жеиичкесу 80 пудов колхозного зерна. В тот же день правление исключило их из колхоза и оштрафовало иа 1200 рублей. Скрепя сердце, возвратили они пшеницу на ток, а ночью, боясь уголовной ответственности, скрылись из колхоза и бежали за граиицу, откуда возвратились в составе вооруженной банды бая Рысбаева и начали антисоветскую обработку жителей аула, подбивая их к откочевке в Синьцзяи.

— Ну и как, удалось им это сделать? — спросил Галиев.

— Нет. Пошли с ними, в основном, только их близкне родственники. Но когда я стал составлять список ушедших с бандой Рысбаева, то мне в аулсовете назвали несколько человек, которые уходили в Синьцзян вместе с Базыбековыми, а потом вернулись в нашу страну в составе их группы.

— Как это? — привстав с места, негромко спросил заинтересованный Галиев.

— Братья Кабылтаевы. Дулат и Тастан.

— Интересио. Значит, они знают, как вели себя в Синьцзяне Базыбековы?

Довольный сообщением, Галиев одобрительно посмотрел на Шайгельдинова и сказал:

— Мы, кажется, напали на оперативно иитересный след. Как вы думаете?

— Возможно, что Базыбековы прибыли к нам не только на жительство.

Они помолчали.

— Особенно активно вели себя Рысбаев и Орха Базыбеков,— продолжал свой рассказ Шайгельдичов.— Одним словом, банда использовала все, чтобы спровоцировать откочевку за границу. По рассказам опрошенных мною жителей, у самой границы банда открыла огоиь из музапаиов[1] по группе активистов-общественников колхоза «Еректы», которые пытались повернуть беженцев обратно. При этом были ранены два коммуниста — Курам Тойляков и Эмир Аблешев.

— Вот как,— отозвался удивленный Галиев.— Ну, а что собой представляет каракольский уроженец Саурбеков?

— Кенен Саурбеков только родился в предместье Каракола, а жил до 1916 года в Пржевальске, где отец его, крупный бай, имел магазии и вел крупную торговлю. Однако Кенен прнимал участие в национально-освободительном восстании казахов и киргизов 1916 года, а после эмигрировал в Синьцзяи.

— С отцом и матерью? — спросил Галиев.

— Нет. Со своим малаем — пастухом. С собой они угнали много скота. Отец его умер еще в 1913 году. Хозяйство и магазин остались матери.

Потребовалось еще несколько дней на выяснение данных, характери-

---

[1] Музапан — вид китайского огнестрельного оружия.

зующих Базыбековых по ныиешнему месту их жительства,— в Энбекши-Казахском райоие.

— Надо же,— докладывал Галиев результаты начальнику управления подполковннку Игидову.— Я сначала не поверил. Поехал на место. Это на третьем участке совхоза Садвинтреста. Всего, вместе с детьми, насчнтал два десятка человек. Сам Базыбек Абитбеков, восьмидесятилетний старнк, официально состоящий на иждивении старшего сына Орхн, имеет свою семью из пяти человек. Его меньшей дочке еще двух лет нет. Орха и его младший брат Ноха — оба семейные и тоже иигде не работают. Только зять Бахыт Талапбаев днем иа работе, по вечерам и в выходные дни частеиько на Коктюбе пасет скот Базыбековых.

— Не хотят общественно полезным трудом заниматься. На какие же средства оии жнвут? Доходов одного Талапбаева маловато на такую семейку,— спроснл Игидов.

— Они живут на отшибе,— ответил немного смутившийся Галиев,— в садах, в стороне от постороннего глаза. Есть у меня еще не проверенное заявленне о том, что Орха заиимается спекуляцией промтоварами и продуктами пнтания. Ноха же, говорят, нскусный скотокрад.

— Что еще есть у вас? — спроснл Игидов.

— Жнзнь в семье ндет по старому укладу. Зять-то у иих мулла — и не простой, самоучка, а образованный. Странным в его поведеннн является то, что он безропотно покоряется Орхе. Готов по первому его зову, в любое время дня и ночн явнться к нему и, образно выражаясь, пасть ниц к его ногам.

— Да, это, действительно, загадочно. Такая раболепная приниженность может быть следствнем завнсимости, возможно, обусловленной какой-то тайной, поставившей муллу в подчиненное положение перед Орхой,— сказал проницательно Игидов и тут же спросил: — А что представляет собою Орха?

— Человек крутого нрава и упрямый как бык. Не зря отец опнрается на него, во всем советуется с ннм. По существу, в подчинеиии у Орхи находнтся и Ноха, человек капрнзный, склонный к авантюрам и рнскованным похождениям.

Под стать Базыбековым оказался и их земляк Кенен Саурбеков. Живет в Иссыке, не работает, занимается спекуляцией. Бывая на базаре, встречается там с Орхой, и они подолгу говорят между собой. Видно, давно знают друг друга. Саурбеков на заставе заявил, что из Илнйского округа бежал, боясь преследования гоминдановских карателей.

Подполковннк остановил Галиева.

— Подождите немного. Давайте разберемся с тем, что вы уже рассказали. Вы советовалнсь с работниками милиции?

— Да. Разговарнвал с начальнником.

— Ну н что им известно о Базыбековых?

— Нячего. Они пока не знают, кто ворует скот. Подозревали цыган, таборная стоянка которых находилась на берегу реки Иссык, ниже станицы. Но те с наступлением осени подались в еще более теплые края, а воровство скота продолжается.

— А как обстоят дела с растратами и хищением социалистической собственности на складах и торговых точках райпотребсоюза? Может быть, оттуда Базыбековы «тянут» промышлениые и продовольственные товары?

— Интересовался я и этнм. Просмотрел все, какие есть, недавио возбужденные уголовные дела на расхитителей, растратчиков, воров и архив за прошлые годы. Нн по одному из дел Базыбековы и Саурбеков не проходят.

— Вы сказали, что Орха Базыбеков за промтоварами и продуктами ездит в Алма-Ату. Насколько это верно? — продолжал свои настойчивые расспросы Игидов.

— Его поездки в Алма-Ату пока не проверялись нами.

— Плохо,— сказал Игидов, обращаясь к Николаеву.— Надо выявить его воровские связи по городу, да и в районе, а главное, посмотреть, не занимается ли он здесь, в городе, делами нашей компетенции. А вам, Райхан Галиевич, следует продолжать розыск тех перебежчиков, которые знали Базыбековых, их зятя и Саурбекова по Илийскому округу Синьцзяна. Да поживее это делать надо.— Он что-то записал в блокнот и, обращаясь к Галиеву, спросил: — Вы нашли братьев Кабылтаевых, которые, по сведениям Шайгельдинова, тоже являются земляками Базыбековых?

— Нет.

— Надо было начинать их розыск с колхоза «Совет», где первое время жили все Базыбековы.

— Завтра туда едет Шайгельдинов,— доложил Галиев и начал складывать привезенные с собой бумаги.

Но подполковник не успокоился. Он начал расспрашивать, как трудоустроены и обеспечены жильем перебежчики, записывая себе в блокнот нужные данные. А после того, как Галиев ушел, занялся составлением для министра первой записки по делу Базыбековых и подготовкой информации для обкома партии о недостатках в работе по расселенню и трудоустройству перебежчиков.

Николаеву Игидов поручил:

— Сегодня же сходите в министерство к Рафгату Гарнфовичу, покажите ему копию нашей записки министру и попросите проконсультировать нас более подробно о Восточном Туркестане. Особенно о недавно появившейся в пограничиых с Казахстаном уездах банде Оспана. У него, кажется, подготовлена справка по этому вопросу, пусть даст ее нам на день-два, не больше...

Многие сослуживцы звали Садыкова Рафаилом Гарифовичем, хотя его действительное имя было Рафгат. Среднего роста, полный, с высоким открытым лбом, обложенным заметно отступившей пышной шевелюрой темных волос, он был исключительно общителен и жизнерадостен, глубоко эрудирован, хорошо знал историю стран Азии и Ближнего Востока.

Узнав причину прихода к нему Николаева, Садыков, вставая из-за стола и направляясь к сейфу, с усмешкой заметил:

— Как появился на свете Восточный Туркестан — вопрос не новый. Основными его жителями еще в тринадцатом веке были уйгуры, переселившиеся из Моиголии...

Он извлек из голубой папки объемистую справку и, подавая ее Николаеву, напутствовал:

— Даю без права передачи кому бы то ни было. После ознакомления прошу вернуть.

И снова перешел к чтению записки министру, а, закончив, одобрительно бросил:

— Интересная записка, да и люди, описанные в ней, любопытны. Но работать с ними придется еще долго. А Мамут Саттаров где сейчас?

— Проживает там же, в Энбекши-Казахском районе,— ответил Николаев.— Он устроился на работу и пока что каких-либо попыток к установлению связи с Базыбековым не предпринимает. Очевидно, с Орхой и Нохой в Илийском округе он не общался: мы пока склонны верить ему, что там он знал их только издалека, как сборщиков налогов. Еще в процессе первой беседы с ним мы с майором Куспангалиевым пришли к мнению, что

Саттаров бежал к нам, в Советский Союз, спасаясь от преследования повстанцев за службу у гоминдановцев.

— Все же вы его из поля зрения не выпускайте, присмотритесь к нему, не имел ли он контакта с Оспаном, который под прикрытием бандитизма ведет и другую враждебную нам деятельность,— наставлял советом Рафгат Гарифович...

Тем временем Шайгельдинов побывал в правлении колхоза «Совет».

— Из беседы заведующего овцеводческой фермой Ахметова с председателем узнал, что Тастан Кабылтаев работает чабаном на этой ферме. Я не стал ожидать конца их разговора,— рассказывал он полом Галиеву.—Сказал, что еще зайду. Вышел из конторы правления, вскочил на саврасого — и айда к берегу Или, на зимовье. В пути захватила сильная метель. Ветер залепил глаза снегом. Дороги нет. Чуть было не замерз, да саврасый спас, почуял близкое жилье и пошел к нему, вправо от пути, который я считал правильным. У Тастана Кабылтаева и был до следующего дня гостем. Тастан показался мне симпатичным, и я решил, что с ним можно откровенно поговорить о прошлом Базыбековых. Они, со слов Тастана, все 14 лет жили в Илийском округе. Именно они подбили его и брата на обратный приезд в Советский Союз.

Когда я уже собрался уезжать, Тастан заметил, что на днях поедет к брату. Дулат Кабылтаев, оказывается, ушел из колхоза, переехал в Иссык.

В тот же день, к вечеру Галиев приехал в управление, и они с Николаевым пошли к Игидову обсудить подготавливаемую беседу с Тастаном Кабылтаевым. Весьма осторожный при проведении сложных и острых мероприятий, Игидов, стремясь избежать опрометчивости и в этом случае, сначала выслушал мнение их обоих. Потом, привычно постукивая карандашом о настольное стекло и глядя в окно, помолчал немного, видно, еще раз продумывал рассказанное ему, и лишь затем сказал:

— Это надо сделать после того, как вы найдете в Иссыке его брата. Выясните, чем теперь занимается тот, и, если почувствуете, что ему тоже можно довериться, опросите одновременно и Тастана, и Дулата, обязательно предупредите, чтобы не разгласили суть беседы другим перебежчикам. Не забывайте, что, как только по неосмотрительности нарвемся на болтуна, тотчас же слух дойдет до Орхи, Нохи и их дружков, а тогда ищи их, как ветра в поле...

3

Разговор с Тастаном Кабылтаевым удалось организовать лишь в начале февраля следующего, 1946 года — вскоре после того, как и он, по настоянию брата Дулата, оставил работу в колхозе и переехал на жительство в Иссык. Теперь их можно было увидеть на базаре, где почти ежедневно околачивались также Орха Базыбеков и другие спекулянты. В будние дни, когда большой торговли не бывает, они праздно слонялись у магазинов, а чаще уходили на солнечную сторону площади базара, образуя кружок, опускались на корточки и, оставаясь в этом положении часами, вели между собой негромкие разговоры.

Поведение Тастана Кабылтаева вызывало недоумение. Почему сначала Дулат, а теперь и Тастан оставили обеспеченную во всех отношениях жизнь в колхозе и переселились в Иссык? В чем дело? Как мог пойти Тастан на уговоры брата, который сам, нигде не работая, перебивается, по русской пословице, «из куля в рогожу?» Ответ на эти вопросы надо было искать, а это со дня на день оттягивало встречу с Тастаном и его

братом. Шайгельдинов, выполняя указание Игидова, теперь ежедневно посещал совхоз, чтобы знать о каждом шаге Базыбековых, особенно Орхи. Однажды он заметил группу конников, двигавшихся по направлению к районному центру, со стороны, где жили Базыбековы. Вскоре он увидел среди ехавших Тастана и Дулата .Трое остальных были неизвестны ему. «Постой, постой, ведь я, кажется, однажды уже видел их в составе группы других конников»,— подумал Шайгельдинов.

— Здесь что-то кроется,— говорил он, рассказывая вечером об указанном случае Галиеву.— На базаре они чаще, чем с кем-либо другим, бывают в компании с Орхой Базыбековым, и здесь уже не первый раз вижу их едущими от Орхи. Эти трое? Надо думать, они тоже перебежчики.

— Да, вот еще что,— перебил его Галиев.— Когда они успели обзавестись лошадьми? Ведь прежних пограничники определили в карантин для ветеринарного обследования. Где и у кого они берут лошадей? Неужели купили? На что? Этим тоже следует заняться...

С утра Галиев сам пошел в райисполком, где предстояло рассмотреть вопрос о трудоустройстве перебежчиков, а Шайгельдинова направил в райфинотдел. Просмотрев регистрационные списки владельцев лошадей, облагаемых налогами, Зияш выявил семь перебежчиков, недавно купивших лошадей. Среди них оказались и братья Кабылтаевы. Вкладывая блокнот с записями масти и примет лошадей в планшетку, Зияш вспомнил, как при назначении на работу в Иссык кто-то из сотрудников управления рассказал ему, что был случай обратного побега группы реэмигрантов в Синьцзян. Не с этой ли целью и эти приобрели лошадей? И Шайгельдинов заспешил в районное отделение, к Галиеву.

— Это правда, что раньше от нас уже убегали назад перебежчики? — спросил он после доклада о проделанной работе.

— Да, а что? — отозвался с тревогой в голосе Галиев.— Мы поймали их всех, правда, уже не в нашем районе, а у самой границы.

— Побег той группы,— продолжал Галиев спустя немного времени,— как выяснилось на следствии, оказался делом рук Джаубаева. Этот Джаубаев, видать, агент не одной только гоминдановской разведки. На допросах до сих пор отмалчивался на вопросы о банде Оспана. Но другие говорят, что он якшался с самим Оспаном.

— А что же его сразу не арестовали?

— О том, что он подготовил побег, мы узнали уже в конце следствия по этой группе. А вы что, подозреваете и этих в том же?

— Конечно,— ответил Шайгельдинов,— похоже на это. А иначе — зачем им лошади? Ни у одного из них нет упряжи, телеги или хотя бы легкой повозки. Зато седла у всех имеются. К тому же все семеро не работают.

В этих условиях, с определенной долей риска, и было принято окончательное решение — побеседовать с Тастаном Кабылтаевым. Опасаясь, как бы он, будучи предупрежден заранее, не разболтал о вызове, Шайгельдинов, отыскав его в толпе воскресного базара, попросил срочно зайти в МГБ.

Его попросили объяснить причины, побудившие его бросить работу в колхозе. Он сослался на просьбу старшего брата поселиться вместе. Потом стал уверять, что в ближайшее время устроится на работу, что там, за границей, жил только на заработанные честным трудом средства. Перечислил кишлаки, аулы и города, в которых жил и трудился. Тастан чувствовал, что чекисты хорошо знают Синьцзян, и, очевидно, предпола-

гал, что им в какой-то мере известна его жизнь за границей. Пользуясь этим, Галиев и Шайгельдинов приступили к выяснению того, ради чего так долго готовили беседу.

Когда Тастан Кабылтаев рассказал о своем бегстве в Синьцзян в составе банды Рысбаева, Галиев спросил:

— Так кто же из бандитов стрелял в коммунистов Курама Тойлякова и Эмира Аблешева?

— Орха Базыбеков,— ответил сразу Кабылтаев. Я был рядом с ним и видел, как он, остервенев, прицелился и выстрелил раз-другой. Там, впереди, один за другим, упали двое. Мы же — люди и подгоняемый нами скот — рванулись вперед и лавиной понеслись к границе. К восходу солнца остановнлись у незнакомого мне ручья на территории Синьцзяна.

— А китайская охрана границы разве не заметила вас? — спросил, недоумевая, Галиев.

— У самой границы нас не задерживали. Видели нас или иет, не знаю, но вскоре к месту нашей первой стоянки подъехали китайские чирики[1]. С ннми разговаривали Рысбаев и Орха Базыбеков. Тут же был забит жеребенок, и они до следующего дня пировали. Спустя пять суток мы остановились в ауле Аблаш, что неподалеку от Кульджи, где в доме Рысбаева жили Базыбековы после своего первого побега.

— Рассказывайте дальше,— попросил Галиев.

— Позже, к весне, не без ведома кунанжуз Рысбаев вооружил баиду, и онн приехали за семьями, склоиили к уходу в Китай некоторых своих родственников и нас с братом.

— Чем вы занимались в ауле Аблаш?

— Батрачили у местных баев,— ответил Тастан.— До 1939 года. Затем переехалн в Калмык-Куринский уезд и там батрачили и занимались своим хозяйством.

На вопрос, как жили другие, в частности, Базыбековы, Тастан Кабылтаев ответил, что не только он, а и другие жители аула замечали частые отлучки из аула Орхи и Нохи Базыбековых. Иногда Орха не возвращался в Аблаш по неделе и больше. На замечание Галиева: «Ои что, торговал?» — Тастан ответил:

— Нет, какая там торговля! Другие дела его занимали. Ездил в Кульджу и дальше, не боясь вскоре начавшегося там восстания уйгуров под руководством Ходжанияза.

— А ему-то что? — заметил Шайгельдинов.

— Как что,— тут же ответил Кабылтаев.— Опасно было, задерживали, если не повстанцы, так «янычары» дубаня Цзин Шу-жэня. свергнутого тоже не без военных действнй, убрал его Шэн Ши-цай. В Кашгаре тогда же другие повстанцы, образовали Исламскую республику, а Турфан, Карашар, Толеун заняли бывшие союзники Ходжанияза, дуигане генерала Ма Чжун-ни. А он, Орха, да и Ноха, разъезжали по Синьцзяну, как у себя дома.

— Так в чем же дело? Говорите! — сказал Галиев.

— Как я могу сказать, если точно не знаю, чем они заиимались в этих поездках. Спустя примерно год в ауле распространились слухи о том, что братья Базыбековы дружат с лаоцзуиями[2] кульджиископ полиции Турсуном и Ибрагимом.

— Иитересно,— заметил Галиев.— Ну и что дальше было?

---

[1] Чирик — китайский солдат.

[2] Лаоцзунь — народное название в гоминдановском Китае чиновнпков полиции.

— А дальше Орха перешел на официальную службу в кульджинскую полицию. Ноха же продолжал разъезжать по округу, а с зимы 1933—1934 годов братья работали у бажыхана[1] сборщиками налогов и стали настоящими обиралами.

— Как обиралами? — удивился Галиев.

— Да, так вот и есть. Они вымогали с налогоплательщиков гораздо больше положенного. Закон не преследовал грабительские действия сборщиков налогов. И к 1940 году Базыбековы обзавелись хозяйством и переехали в Калмык-Куринский уезд. Последние два года Базыбековы жили в Текесе и по-прежнему помогали Турсуну и Ибрагиму в розыске людей, которые относились враждебно к диктатуре гоминдана. При их содействии в Калмык-Куринском уезде полиция арестовала Намаза Толхунова и его четырех товарищей, а потом еще пятерых калмыков, готовившихся к нелегальному уходу в СССР...

Откровенность Тастана Кабылтаева, с которой он рассказывал о связях Базыбековых с чиновниками кунанжуз, обнадеживала. «Однако,— подумал Галиев,— назовет ли он нам тех, кто может подтвердить его рассказ». И тут же спросил об этом Кабылтаева.

— А вы спросите моего брата Дулата,— не задумываясь, ответил Тастан.— Он все подтвердит. Да и зять их Бахыт Талапбаев многое мог бы рассказать. Хотя... Ну и, конечно, бывшие жители Калмык-Куринского уезда знают о Базыбековых...

На покрытую снегом землю уже легли длинные вечерние тени. Лучи заходящего солнца терялись в садах, когда закончился разговор с Тастаном.

Проверить полученные сведения следовало немедленно, но осторожно.

— Игидов прав, именно сейчас, а не завтра, надо поговорить с Дулатом Кабылтаевым,— сказал Шайгельдинов. Набросив на себя пальто и шапку, быстро направился к дому Кабылтаевых. На дворе уже совсем стемнело, когда он подошел к окну, слабо освещенному керосиновой лампой, и легонько постучался. Тотчас к окну прильнул лицом Дулат, и Зияш услышал его глухой голос:

— Кто там?

— Вас вызывают в райотделение. Идите скорее,— сказал он по-казахски и тут же отошел в сторону от освещенных окон. Спустя несколько минут вышел Дулат Кабылтаев. Он на ходу застегивал полушубок и, хотя был человеком не из пугливого десятка, вздрогнул, когда услышал в темноте от рядом стоявшего Зияша: «Пойдемте».

Рослый и плечистый, подобно Тастану, смуглый, Дулат настороженно смотрел на чекистов. Потом освоился и стал спокойно рассказывать о себе и своих делах.

— Как это вы решились, наконец, вернуться на родину из Синьцзяна? — спросил его Райхан Галиевич.

Дулат Кабылтаев задумался и спустя минуту ответил:

— Мы не одни приехали сюда, а с Базыбековыми. Я и брат слышали, что здесь нас примут, обеспечат работой и жильем. Ведь домой возвращались. Сначала я дал согласие Орхе, а затем уговорил ехать и брата с семьей, но поставил условие, чтобы нам дали лошадей.

— Когда Орха Базыбеков вел этот разговор с вами и чем он мотивировал необходимость поездки? — спросил Галиев.

— Это случилось в ноябре или октябре 1943 года. Одним словом, незадолго до нашего отъезда из Текеса, где мы жили последние годы. Гово-

[1] Бажыхан — уездный управитель.

рил со мной сам Орха, у них в доме... Говорил, что бояться нечего. «Там нам будет неплохо. А чтобы не подозревали в чем-то, все берем с собой семьи и приглашаем еще несколько человек», — сказал он. Я еще удивился насчет подозрений, и Орха, поняв, что сказал лишнее, стал объяснять, что, мол, если приедешь без семьи, то станут подозревать, не думаешь ли назад бежать? Может, барымтачить приехал? А тут семья, значит, и доверия больше. Учил, что говорить пограничным властям.

— Разве Орха не сказал вам, зачем он едет к нам? — вставил Шайгельдинов.

— Говорил, что в Синьцзяне оставаться дальше опасно.

— Ну и как, дали вам с братом лошадей? — спросил Шайгельдинов.

— Да, но за ними пришлось мне с Орхой съездить в Калмык-Куре, к одному баю.

— И почем же обошлись лошади?

— Сколько отдал Орха и отдал ли вообще, я не знаю. Мы с братом денег не платили. А теперь даже не представляю, как быть.

— Что так? — поинтересовался Шайгельдинов.

— Да на погранзаставе коней у всех забрали на ветеринарное обследование. И, похоже, нашли какую-то хворь.

— Вот как?

— Так или не так, а если Базыбековы потребуют плату...

— А что, у них разве нет коней?

— У них две лошади.

— Им, что же, вернули?

— У них все двадцать шесть лошадей остались на заставе. Этих двух они купили уже здесь.

— А вы и остальные, значит, остались «безлошадными»?

— Да все, кто перешел границу с Базыбековыми.

— А на чьих конях вы с братом в компании еще с тремя мужчинами ездили недавно в райцентр? — продолжал расспрашивать Шайгельдинов.

— Мы с братом ехали на своих, недавно купленных лошадях. С нами были Умурзак Айдаров, Жанай Кадырбеков и Гали Кенжегалиев. У них тоже свои лошади.

— А давно вы обзавелись конями?

— Айдаров, Кадырбеков и Кенжегалиев купили лошадей тоже недавно. Правда, я не знаю, где они их брали. А мы с братом у колхозников сельхозартели «Совет»,— и Дулат усмехнулся: — Вы что же, подозреваете, что мы с братом конокрады? Тогда поинтересуйтесь в аулсовете.

— Нет, конечно,— успокоил Шайгельдинов.— А где вы и брат сейчас работаете?

— Временно не работаем. Ищем себе подходящее дело, а пока решили заняться извозом, возьмем патенты. А вообще-то казах без лошади не может жить.

— А, вон в чем дело,— включился в разговор Галиев, до этого времени читавший уже готовые листы протокола опроса.— Тогда все ясно...

Братья Кабылтаевы одновременно вышли из здания МГБ, немало удивившись своей встрече...

4

С каждым днем росло, все толще становилось дело на братьев Базыбековых, куда лейтенант Шайгельдинов приобщал различные документы, рождавшиеся на свет вслед за каждым оперативным шагом работников.

Было два часа пополудни, когда Шайгельдинов вышел из здания районного отделения. Он чувствовал себя несколько уставшим после длительного обсуждения мероприятий, разработанных Николаевым с участием Галиева и затем согласованных с подполковником Игидовым. Многое еще надо было сделать, чтобы получить точный и исчерпывающий ответ на вопрос, что же замышляют Базыбековы?..

Изменники Родины, покушавшиеся на жизнь советских людей, за границей обогатившиеся благодаря сотрудничеству с гоминдановской контрразведкой,— вдруг бросили все и, не боясь уголовной ответственности за совершенные ранее преступления, явились в составе большой группы на советскую пограничную заставу. Зачем?..

Зияш Шайгельдинов шел найти на многолюдном рынке базарного «директора» Жапека Юсупова, поговорить о его работе и, если создастся взаимопонимание,— и о поведении Базыбековых. О Юсупове районное отделение знало многое. Местный житель, он еще в довоенное время подпал под влияние контрабандистов, уходил с ними в Синьцзян, но прожил там недолго, впал в нищету и, спасаясь от гибели, возвратился на родину. Чекисты рассчитывали на то, что его раскаяние было искренним. И не ошиблись.

Вскоре последовал обусловленный телефонный звонок Шайгельдинова, а спустя четверть часа Галиев с Николаевым прибыли в местный клуб, где им предоставили свободную комнату.

Галиев еще не прикрыл за собой дверь, а Жапек уже вытянулся во весь небольшой рост. Николаев тотчас же представил его себе на базаре среди торгующих людей и подумал, что там только такой расторопный и сможет поспеть. Вскоре Юсупов убедил их в этом. Он назвал всех или почти всех завсегдатаев рынка, рассказал, кто из них чем промышляет, и массу других житейских подробностей.

— За два дня торговли,— продолжал рассказывать Жапек,— конечно, из-под полы, Орха сбыл лично, как сам хвалился мне, двести банок консервов из конины. Говорил, что завтра снова поедет в Алма-Ату и привезет еще. У них не переводится и свежее мясо.Ноха нет-нет, да и «купит» старую корову или два-три барашка. Другого чужого он ничего не берет, а вот к скоту неравнодушен.

Юсупов помолчал немного, изучающе посмотрел на дверь и единственное окно и заговорил снова, но теперь уже тихим голосом:

— Там на третьем участке, как на новом выселке, они сами себе хозяева. К ним частенько собираются на молитву верующие, большей частью одни перебежчики. Как-то пригласили и меня. Хотя я и давно этим грешил, они все же считают меня «своим»... Так там не столько молились, сколько говорили о том, что они здесь люди временные и Синьцзян забывать нельзя, что как только там «успокоят» повстанцев, надо возвращаться. В основном говорили об этом Орха Базыбеков и этот мулла. Языки у них обоих подвешены хорошо.

— Только Орха Базыбеков и Бахыт Талапбаев рассуждают так? — спросил Шайгельдинов.

— Нет. Несколько раз об этом говорили на рынке Орха и Ноха, Кенеи Саурбеков.

С Бахытом Талапбаевым я лишь однажды встретился не у Базыбековых, а на западном берегу озера. Они там пас лошадей, а я возвращался с джайляу, от своего знакомого. Да, так вот, наедине Талапбаев признался, что сам не поехал бы в Советский Союз. Все из-за жены получилось, она поддалась агитации Орхи. А Бахыта он пригрозил убить, если отка-

жется. И сдержал бы слово, потому что уже занимался такими делами по приказу кунанжуз. Теперь же все они, по обещанию Орхи, скоро уедут обратно. Что ждет их там?.. Растревожив себя воспоминаниями, Бахыт, помню, чуть было не заплакал, а потом, успокоившись, стал рассказывать о том, что сюда приехал еще один из Чекертов, торговец Кенен Саурбеков. «Мы,— говорит,— с семьями, а он взял с собой только жену, а дочь там осталась. Скучает, хотя и прибыл сюда значительно позже нас». Вечером лошади Базыбековых мигом домчали нас домой,— закончил свой рассказ Юсупов.

— А зачем им нужны лошади? Не пашут, не сеют и извозом не занимаются, разве что в гости ездить? — заметил Николаев.

— Так лошадей заимели и некоторые другие перебежчики — Умурзак Айдаров, Жанай Кадырбеков, Гали Кенжегалиев...

Называя имя и фамилию каждого, Жапек загибал пальцы левой руки. Потом, положив левую руку на колено, назвал еще двух перебежчиков и загнул два пальца на правой руке. Подумал и громко выкрикнул: — Да вот еще Дулат Кабылтаев! — Помолчал, и уже тихим вкрадчивым голосом:

— Наверное, весной, когда горные тропы освободятся от снега, можно будет скакать вдали от дорог и аулов,— черные глаза Жапека заискрились веселой хитринкой, он сдержанно рассмеялся.

Намек, высказанный Юсуповым, был понятен и подтверждал ранее возникшее у чекистов подозрение о том, что готовится нелегальный уход за кордон целой группы перебежчиков.

— Мы полагаем, вы осознаете всю важность нашей беседы с вами,— заключил Галиев, подавая руку Юсупову для прощания.

— Разумеется,— ответил Жапек и после короткой паузы добавил.— Я вам скажу, когда они соберутся уезжать.

— Так-то так, да ждать нам сообщения Юсупова нельзя,— начал Шайгельдинов, как только Жапек ушел.— Им ведь не впервой бегать через границу, так что и зимой могут решиться на этот шаг. По существу, у них все готово...

— Вот вопрос,— перебил его Галиев,— ныне там образовался Синьцзян-Уйгурский автономный район — СУАР. Так, говорят, теперь называется Восточный Туркестан. В этих условиях сомнительно, чтобы гоминдановские сборщики налогов возвращались туда.

Шайгельдинов внимательно слушал Галиева и как только он окончил, сказал:

— Да, если они сборщики, а что будем делать в случае отсутствия среди них бажигеров, товарищи начальники?

— Надо упредить побег,— предложил Николаев.— Пошли в отделение, посоветуемся с руководством — и займемся организацией контроля за поездкой Орхи завтра в Алма-Ату за консервами...

5

Кенена Саурбекова районное отделение МГБ знало особо — как лицо, неоднократно менявшее свое имя и фамилию. Многие жители Калмык-Куринского уезда звали Саурбекова Амиром Амрекуловым. Еще раньше он известен был там под фамилией Утегенова. Галиев и Шайгельдинов, исполняя указания майора Куспангалиева,— теперь уже начальника управления, назначенного на эту должность после отъезда Игидова на работу в Тульское управление МГБ,— занимались выяснением причин этих

«превращений». Не связаны ли они с тем, что Саурбеков проводит враждебную Советской власти работу?

— Уже свыше года Саурбеков проживает в Иссыке. Его квартира стала караван-сараем для многочисленных родственников жены, проживающих в Нарынкольском районе и совершающих частые поездки в Алма-Ату,— рассказывал Райхан Галиевич Куспангалиеву и Николаеву, которые остановились у него по пути в пограничные районы.— Эти родичи проживают где-то неподалеку от Нарынкола, и капитан Каунышбаев смог бы помочь нам узнать о поведении Саурбекова в этом селе. Оказывается, после перехода границы он гостил там у тестя два месяца с лишним.

— Да? — удивился майор.

— Мы узнали об этом от Каунышбаева,— поспешно добавил Галиев.

— Тогда уместно будет съездить и на пограничную заставу, поговорить с теми, кто участвовал в задержании Саурбекова и его жены. Может быть, о них еще, на наше счастье, помнят,— заключил Куспангалиев.— Ну, в путь.

Новый газик едва тащился по не очищенной от накануне выпавшего снега дороге, которая то узкой прямой лентой пересекала долины, то виляла по глубоким ущельям гор. Встали. Снежные заносы то и дело преграждают им путь. А кругом, насколько видит глаз, нет даже признаков человеческого жилья. В стороне, у оврага, мышкует лиса. Видно, уже сытая, с большим пушистым хвостом, она подпрыгивает время от времени вокруг обреченной жертвы.

Но вот еще одна цепь гор, надрывно ревет мотор. Много раз до этого подъема и сейчас, подваживая плечами и толкая вперед машину, кричали они дружно: «Взяли, еще раз...» Совсем недалеко усадьба колхоза, но пока добрались до первой бригады, наступил вечер. Здесь оставили машину и дальше поехали уже на колхозных санях-розвальнях. Тройка резвых лошадей далеко за полночь доставила их, совсем промерзших, к цели, к предгорью Хан-Тенгри. К счастью, Дабыл Каунышбаев, недавний фронтовик, не раз сам переживавший дорожные передряги, у себя дома быстро отогрел их чаем, а позже, к утру, и бесбармаком.

Затем Куспангалиев с Николаевым побывали на пограничных заставах. Проанализировав многочисленные случаи нарушения границы, выявили трех реэмигрантов — Жануазака Орманова, Кенжеша Асанова и Барака Мурзалиева, которые жили в одном Калмык-Куринском уезде с Кененом Саурбековым. А по возвращении в районное отделение удалось установить, что все трое являются и земляками жены Саурбекова. В списках перебежчиков нашлись данные и о том, что Орманов, Асанов и Мурзалиев выехали на жительство в Энбекши-Казахский район. В этот же день о них был ориентирован капитан Галиев.

— Двое из них — Орманов и Мурзалиев сейчас находятся в колхозе «Чавар», а Асанов — в самом Иссыке. До сих пор Асанов нигде не работает, живут спекуляцией. Саурбеков сам называет их своими земляками,— докладывал Галиев майору по телефону спустя два дня.

— Итоги проверки сообщите в отделение Николаева. Возможно, придется допросить их в качестве свидетелей,— сказал майор Галиеву и, повесив трубку телефона, потирая замерзшие руки, подошел к печке. В кабинете Каунышбаева, где занимался Куспангалиев, печь обдавала жаром, да и в других кабинетах топили тоже хорошо, но одновременно ощущалось, как веет холодом от стен. Окна заросли не инеем, а уже толстым слоем льда, через который не видно было улицы.

Но вот пришел Каунышбаев, который ходил в аулсовет и милицию. Он разделся, повесил полушубок, ловко оправил гимнастерку, увешанную

боевыми орденами, медалями, и уселся у края стола. Вновь пошел разговор, сначала о Дарие, жене Саурбекова.

— Похоже на то, что Саурбеков у нее второй муж,— начал свой доклад Дабыл Каунышбаевич.— В посемейной книге есть отметка, что отец отдал ее замуж еще девочкой за Абдраима Султанова, а тот увез в Синьцзян. Было это в начале гражданской войны. Здесь сейчас проживает ее отец Мурат Валиев, пастух колхоза «Костюбе». Со слов председателя аулсовета, когда Дария и Кенен Саурбековы гостили у отца, он мельком слышал — от кого, именно, вспомнить не смог,— что Саурбековы из Калмык-Куринского уезда бежали. Свое хозяйство оставили зятю Турсуну Исабекову и дочерн Халиме, которые проживают в местечке Аксу.

— А чем сам Саурбеков объяснил свой приезд в Советский Союз? — спросил майор.

— Я не знаю.

— Он якобы,— сказал Николаев,— боялся налета гоминдановских карателей, действующих в Илийском округе против частей нацнонально-освободительного движения.

— А когда они перешли границу?

— В конце августа 1945 года,— ответил Николаев.— Точного числа не помню, но где-то между 25 и 31 августа.

— Так к этому времени повстанцы заняли всю территорию Илийского округа, и войск гоминдана там уже не было,— оживился майор.— Его объяснения — это неумная ложь. Он думает, что мы тут ничего не ведаем о том, что на той стороне делается. Дело явно нечистое, и вы с Галиевым,— скупо похвалил он Николаева,— не зря его заподозрили в том, что он возможный связник Орхи Базыбекова.

— Надо искать людей, хорошо знающих Саурбековых по Синьцзяну,— заметил Николаев.

— Не каждый из них,— немного обождав, заговорил Каунышбаев.— знает о причинах побега Саурбекова на нашу сторону, да еще с женой. Взять, к примеру, уже известных нам Орманова, Асанова и Мурзалнева. Они могли и не быть в курсе тех обстоятельств, при которых Саурбеков скрылся из Восточного Туркестана. Да, кстати, давайте сопоставим, кто из них и когда пришел в СССР.

Каунышбаев взял со стола блокнот с записями на заставах, нашел нужное место и стал читать про себя.

— Ну, вот, видите,— заговорил он спокойно, вполголоса.— Двое из них перешли границу в зиму 1944/45 года и каждый отдельно, а Мурзалиев прибыл еще в 1942 году. Так что все они ушли в Советский Союз раньше Саурбекова.

— Да, конечно, вы правы,— ответил майор Каунышбаеву и, обращаясь уже к Николаеву, сказал:— Не так скоро и не легко все выяснить. Но дело требует, надо настойчиво поискать нужных нам людей. Одновременно следует побыстрее узнать о том, что могли рассказать о себе Саурбеков с женой своим местным родственникам и знакомым. Давайте подумаем, как это сделать.

— Больше всех, видимо, знает о жизни Дарии и Кенена на той стороне Торгын, вторая жена отца Дарнн,— сказал Каунышбаев, прикуривая папиросу.— Женщина только с женщиной может всем поделиться,— выдохнул он вместе с дымом.

— А где живет старик Валиев, на центральной усадьбе или на отгоне? — обратился майор к Каунышбаеву.

— На зимнем отгоне, на южном склоне хребта Каратау.

Каунышбаев взял линейку, подошел к карте и указал расположение зимовок всех колхозов и совхозов района.

— А выпаса колхоза «Костюбе» вот здесь. Там по сохранным распискам держат скот многих перебежчиков, там же две лошади, на которых приехали Саурбеков с женой. В райисполкоме есть указание центра о передаче заготскоту пока что только лошадей и оплате их стоимости перебежчикам. Так что заодно проверим сохранность лошадей, да и другого скота,— закончил Каунышбаев.

Когда детали намеченного разговора с Валиевым и его женой Торгын были обсуждены, на дворе уже стояла предзакатная пора.

К вечеру следующего дня Каунышбаев с Николаевым, преодолевая снежные заносы, насилу добрались до зимовья колхоза «Костюбе». Остановились у заведующего фермой. Пастухи и чабаны уже пригнали скот с пастбищ, но чекисты не могли начать намеченных бесед, поскольку то и дело заходили посторонние люди, не спрашивая разрешения, просто, чтобы удовлетворить свое любопытство. Кто долго жил в отдаленных, «глубинных» урочищах, тот знает, как живо всеми воспринимается приезд человека, тем более нового.

Нужные сведения о том, у кого сколько и какого скота находится на сохранении, чекисты смогли получить лишь после ужина, и проверку наличия скота начали только ранним утром. Одна за другой уходили отары овец, табуны крупного рогатого скота, косяки лошадей. Погнал своих лошадей и пастух Мурат Валиев. Он уехал, а Каунышбаев с Николаевым пошли в его дом оформить копию сохранных расписок.

Торгын встретила их приветливо, пригласила пройти в большую комнату, застланную кошмами, а поверх паласами, бросила на пол, для каждого, ближе к стене, по одной подушке и вышла, но вскоре вернулась с круглым низким столом, поставила его перед отдыхающими чекистами, накрыла скатертью и вслед подала две пиалы свежего айрана. Отпивая небольшими глотками чудесный напиток, Николаев и Каунышбаев на обороте сохранных расписок делали пометки о результатах проверки, ставили дату и расписывались. Они не торопились. Дабыл брал очередную расписку, читал ее вслух, спрашивал, знает ли Торгын хозяина. Наконец, очередь дошла и до расписки на две лошади, принадлежавшие Саурбекову.

— Это наш зять,— заговорила, улыбаясь, Торгын сразу же, как Каунышбаев закончил чтение расписки. По ее лицу пробежала тень смущения, она даже покраснела. Заметив это, чекисты засмеялись, а Каунышбаев сказал:

— Понятно,— зять-то в отцы вам годится.

— Что вы. Он почти ровесник моему мужу,— отшутилась она снова и еще больше покраснела и рассмеялась. Разговор перешел на жену Кенена.

— Как же она в Китай попала?

— С первым мужем уехала. Он умер там, а Дария в 1925 году вышла за Кенена. В самом Калмык-Куре он имел магазин и часто выезжал по делам торговли в другие города. Дария рассказывала, что чаще всего Кенен ездил за товаром в Кульджу, Суйдун, Кобы.

— Наверное, и в Урумчи наезжал? — в тон Торгын сказал Николаев.

— Нет,— твердо ответила Торгын. Подумала и продолжала свой рассказ.— Потом они переехали в Чекерты, а последнее время в какое-то Аксу и Карасу.

— Что же приехали сюда, если так хорошо жили? — как бы недоумевая, спросил Каунышбаев.

— Не по своей воле они приехали сюда,— ответила она нехотя и, вздохнув глубоко, добавила: — Сбежали.

— Но почему?

— Дария рассказывала, что Кенен, когда в горах появились повстанцы, ругал их по-всякому, а потом сам пошел к ним. А они почему-то арестовали его в Шатах и направили в Калмык-Куре, но ему удалось сбежать. Дария спрятала его и помогла встретиться со знакомым калмыком, на следующую ночь этот калмык проводил их до границы.

— Вон оно что,— придав своему голосу тон безразличия, проговорил Каунышбаев и спросил:

— А кем он был у них?

— Дария говорит, что поваром. Всего месяца три, что ли.

— Наверное, плохой обед приготовил для начальства,— в шутку заметил Каунышбаев.

Торгын пожала недоуменно плечами и спросила, не надо ли еще айрана. Каунышбаев и Николаев отказались. Капитан сложил расписки, еще раз их просмотрел и вернул хозяйке. Поблагодарив ее за угощенье, они тронулись в обратный путь.

— Похоже, он был заслан в вооруженные части повстанцев, и арестовали его там, конечно, не за неудачный лагман,— сказал, выслушав их, заметно оживившийся Куспангалиев.

— Да,— продолжал он минуту спустя.— Все ли сказала Торгын?

— Вы правы, всего она и не знает,— ответил Каунышбаев.

— Значит, Саурбековы приехали к нам лишь на время. Следовательно, Жапек Юсупов рассказал правду о том, что Саурбеков ждет команды Орхи Базыбекова на возвращение в Синьцзян.

— Я полагаю,— начал Каунышбаев,— ни первое, ни второе принимать за чистую монету нельзя. Бегство Саурбекова из тюрьмы повстанцев прямо к нам, в Советский Союз, было вызвано немаловажными причинами, он спасался от строгого наказания. Но вот вопрос, какое преступление он совершил против народно-освободительного движения? Если это шпионаж в пользу гоминдановского режима, в чем всего больше оснований подозревать его...

— В этом случае,— перебил его майор,— Саурбеков ие является связником Орхи Базыбекова. Вы это хотите сказать?

— Да,— подтвердил Каунышбаев.

— Сейчас,— поправил его майор,— делать выводы рано. Здесь еще много других «но».

Куспангалиев с Николаевым прожили у подножия Хан-Тенгри еще несколько дней. Занимались, в основном, уже другими делами. Но уже накануне отъезда майор снова заговорил о рассказе Торгын.

— Все же для дела важно знать, что говорил сам Саурбеков о причинах появления в Советском Союзе. Как-то и чем-то он ведь объяснял это? Ну, скажем, своему тестю Мурату Валиеву, а возможно, и другим людям. Как вы думаете? — обратился он к Николаеву и Каунышбаеву.

— Несомненно, разговор об этом между Саурбековым и Муратом Валиевым был,— согласился Каунышбаев.

— Когда колхоз будет сдавать заготовительным органам скот?

— Когда скажем, тогда и будет. Проверку сохранности скота я провел, спасибо, ваш приезд помог,— проговорил Каунышбаев с улыбкой.

— В таком случае условимся,— сказал майор,— что вы все же проведете беседу с Муратом Валиевым на базе заготскота в день, когда он пригонит туда для сдачи лошадей и другой скот. Ведь большая часть лошадей находится в колхозе на его ответственности и, надо полагать, руководители колхоза имеиио ему поручат это дело.

Куспангалиев и Николаев уехали в соседний пограничный район, а когда вернулись в Алма-Ату, записка капитана Каунышбаева уже была в управлении. Новые материалы помогли утвердиться в правдивости рассказа Торгын. Но окончательное решение по этой версии можно было принять только после допроса свидетелей, знавших Саурбекова за кордоном.

Выполняя указания майора, Галиев и Шайгельдинов, при повседневной помощи работников отделения Николаева, следователей, настойчиво занимались проверкой как Саурбекова, так и Орхи Базыбекова. Определился круг антисоветских связей Орхи Базыбекова, он замкнулся на Саурбекове. Собранные за это время материалы, изложенные в показаниях тринадцати перебежчиков и местных жителей, существенно дополняли ранее добытые улики, они значительно расширили представления о братьях Базыбековых, их зяте и Саурбекове, особенно о самом Орхе. Были установлены его спекулянтские связи, вместе с тем выявились факты посещения Орхой ряда крупных промышленных предприятий. В каждом из них он вел переговоры об устройстве на работу и под этим прикрытием пытался заполучить сведения о характере производства. Дважды побывал на железнодорожной станции Алма-Ата первая, где проявлял интерес к каждому товарному поезду, «продежурил» по 24 часа.

После возвращения в Алма-Ату Куспангалиева и Николаева события первой же ночи решительно нарушили запланированный дальнейший сбор доказательств. Утром в кабинет Галиева пулей влетел Шайгельдинов и возбужденной скороговоркой рассказал, что только что видел входившего в парадный подъезд под конвоем офицера милиции Ноху Базыбекова. Вслед за ним два дюжих милиционера стали сгружать с подводы запачканные кровью тяжелые мешки с мясом. Оказывается, по сигналу работников совхоза оперативная группа милиции, идя по следу, накрыла Ноху Базыбекова за разделкой туши украденного на первом участке трехгодовалого бычка.

Увы, этот арест мог помешать дальнейшей работе чекистов по выявлению враждебной деятельности Орхи и его сообщников.

— Да, если они пожаловали к нам не с добрыми намерениями,— резюмировал Галиев,— то, несомненно, насторожатся и могут пойти на крайние меры, скажем, сбежать обратно в Синцьян.

К вечеру этого же дня Куспангалиев приехал в Иссык, ознакомился с материалами дознания по факту хищения быка Нохой Базыбековым и направился к прокурору, с которым согласовал дальнейшее следствие по этому делу органами МГБ. В заключение сказал:

— Утром этапируйте арестованного в Алма-Ату.

И тут в коридоре раздался топот. Распахнулась дверь, и в кабинет ввалился дежурный. Обращаясь к Галиеву, он выдохнул:

— ЧП, товарищ начальник! Побег.

— Кто бежал? — громко спросил оторопевший Галиев.

— Не знаю.

Галиев опрометью бросился из кабинета.

...Выломанный вместе с решеткой и рамой оконный косяк лежал на земле. Галиев заглянул в оконный проем, зиявший темной дырой, и, не увидев там никого, вдруг осознал, что именно в эту камеру велел посадить Ноху Базыбекова...

Оперуполномоченный Самарбай Темирбеков, выполняя команду майора, бегом вывел из конюшни своего коня, вскочил на него и галопом поскакал к месту жительства Базыбековых. Оставив лошадь за несколько домов и стараясь не шуметь, быстро прошел к дому Нохи и спрятался в коровнике. Вскоре послышались шаги. Еще немного времени — и Самар-

бай увидел человека, угадал в нем Ноху. Он проводил его настороженным взглядом, услышал стук в дверь и осторожный звук отпираемого замка. В окне появился слабый свет и тут же потух. Прошло не больше десяти минут, из дома вышел Ноха, переодетый в полушубок и сапоги, и в нерешительности остановился. Выскочив из-за угла с наставлением на Ноху пистолетом, Темирбеков крикнул:

— Стой! Руки вверх!

От неожиданности Ноха вздрогнул и шагнул в сторону.

— Стой! Стрелять буду!

На шум подбежали трое рабочих. Самарбай обыскал Ноху. Изъял у него нож и приказал следовать к конторе бригадира...

Этим же утром Шайгельдинов и Самарбай Темирбеков выехали в село Тургень, лежащее на единственной в этих местах дороге, ведущей в пограничные районы. На восточной окраине села они организовали проверку путевок у шоферов, следили за проезжающими на гужевом транспорте, особенно за верховыми. Такой же наряд направился в Евгеньево-Маловодное для перекрытия Кульджинского тракта. Третья группа расположилась западнее Иссыка...

На исходе второй ночи Самарбай, стоявший на вахте у шлагбаума, сначала услышал отдаленный лай собак и торопливый конский топот, а вскоре при свете склоняющейся к закату луны увидел группу верховых. Он не знал тех, кого хотел увидеть Шайгельдинов, и громко постучал в окно дома дорожного мастера, где тот отдыхал.

Шайгельдинов вскочил, схватил со скамейки полушубок, служивший ему матрацем, шапку, лежавшую рядом на столе, и бросился к двери. Годы военной службы, фронт воспитали в нем постоянную готовность к действию.

— Вон трое, может, это они? — ни о чем больше не говоря, выдохнул Самарбай.

— Тише,— схватив Самарбая за рукав полушубка, сказал вполголоса, но строго Шайгельдинов.— Давай сюда, за забор.

В глубине села тявкали, уже нехотя, собаки. Запели третьи петухи. Затаив дыхание, Шайгельдинов и Самарбай смотрели на дорогу. Вскоре отчетливо стали видны три всадника.

— Они, кажется,— еле слышно прошептал Шайгельдинов.— Ну да, они. Вороной — это же конь Айдарова, серый — Кенжегалиева, а этот гнедой с белой грудью — Кадырбекова.

Между тем всадники миновали шлагбаум и, не останавливаясь на краю села, стали спускаться с высокого левого берега в каньон горной реки Тургень. Там, у самой воды, спешились, стали поить лошадей. Поручив Самарбаю наблюдение за беглецами, Шайгельдинов опрометью бросился к центру села, в сельсовет. Но звонить не пришлось: Галиев сам подъехал сюда на «газике». Прямо с порога сообщил:

— Приехали и остановились у реки Айдаров, Кадырбеков и Кенжегалиев? Сам уже знаю.

— От кого?

— Жапек Юсупов прибежал поздним вечером. Рассказал, что у Орхи в эти дни, после ареста брата, побывало много перебежчиков и все выражали свое сочувствие ему и их отцу. Юсупов слышал слова: «Не могу,— говорит,— оставить здесь брата одного. А вы,— сказал он Кенжегалиеву,— езжайте. Думаю, вам удастся прорваться».

— Это было позавчера,— продолжал после короткой паузы Галиев,— а вчера вечером Жапек узнал, что Кенжегалиев и Айдаров решили уехать этой ночью.

— Что же делать. Задержать их?

— На каком основании? Вольному воля,— ответил Галиев.— Они скажут: «А мы хотим купить трех баранов». И мы, грубо говоря, сядем в лужу. Нет, тут надо набраться терпения и проследить.

...Когда лучи восходящего солнца позолотили макушки гор, всадники подъехали к ущелью и, не останавливаясь, скрылись за первым поворотом.

— С середины тургеньского ущелья дорога переходит в тропу и идет до самого Тау-Чилика и далее на Бартогай, местами поднимаясь на три тысячи и более метров,— заметил Галиев.

— Далее тропа идет к южным склонам гор Согеты,— вставил Шайгельдинов,— и затем спускается к долине. И если поторопимся, сможем перехватить их там.

Галиев остановился у обочины дороги, постоял, еще подумал и спросил, обращаясь к Самарбаю:

— Где поставили лошадей?

— В конюшне колхоза,— ответил тот поспешно.

— Хорошо. Я заберу лошадей,— говорил он уже Шайгельдинову,— и вернусь с ними в Иссык, займусь Орхой и его дружками, а вы с Самарбаем езжайте на машине к северной окраине долины Согеты. Когда приедете туда, беглецам не показывайтесь, проследите, куда они поедут дальше. А там действуйте по обстановке. Представится возможность, позвоните. А я все данные об их приметах сегодня же передам Николаеву. Надо дополнительно сориентировать пограничников.

Опытный чекист, не раз побывавший в сложных оперативных ситуациях, выполнявший ответственные задания и за границей в предвоенные годы и позже, после Великой Отечественной войны, капитан Галиев отдавал должное смелости беглецов, решившихся пройти по альпийским лугам в зимнее время.

...Насколько видно было в бинокль, долину Согеты лишь местами покрывал тонкий слой снега. Зияш увидел несколько стад антилоп-каракурюков, мирно пасшихся вдали от дороги, но беглецов не обнаружил. Тогда предложил вернуться к южной части ущелья и там обождать.

Всадники выехали из гор только под вечер. Они появились на тропе, слабо заметной даже в полевой бинокль, и вскоре скрылись в предгорьях перевала Торайгыр. Шайгельдинов решил ехать за ними. А ночной порой, когда меньше шансов, что машину узнают, обогнать и выехать к разветвлению дороги за южным склоном Торайгыра, чтобы увидеть, какой дорогой беглецы направятся дальше. В зависимости от этого принять дальнейшее решение.

Натужно гудел мотор, шофер выжимал из него последние возможности. Проехали длинное ущелье, как бы перерезающее хребет на две части, западную и восточную, подъехали к развилке дорог,— но конники как сквозь землю провалились.

— Дела-а-а,— потер Шайгельдинов подбородок.— Похоже, они свернули к какому-то зимовью животноводов, чтобы отдохнуть. Да нам-то ехать туда нельзя.

Зияш задумался. «Что же делать? Где провести ночь? Здесь? Или поехать в ближайшее село, а рано утром вернуться сюда и занять выгодную позицию для наблюдения?» И вдруг стал напоминать о себе желудок. Со вчерашнего дня они лишь в Согетинском ущелье съели по небольшому кусочку хлеба, который нашелся у запасливого шофера, и там же запили ледяной водой из родника.

Зияш велел шоферу ехать в Джаланаш, рассчитывая оттуда связаться с капитаном, одновременно подкрепиться.

Еще не видно было из-за высоких гор утреиней зари, когда они вновь выехали. Машина быстро катилась по снежной иакатанной дороге к подножия Торайгыра, и там, где эта дорога проходит в километре от каньоиа реки Кеген, Зияш увидел долгожданных всадников.

— Они проедут восточнее Джалаиаша,— решил Шайгельдинов.— И через Уш-Мерке и западнее села Кегень могут направиться к Каркаре. Путь этот не из легких, на той стороне они будут только к иочи, а то и завтра в первой половине дня. Машина этой тропой не пройдет, и они таким образом снова уходят из поля иашего зрения,— заключил ои с досадой.

— Нам иичего больше не остается, как поехать на Каркару через Кегень,— как бы дополнил Самарбай.

Предположеиия Шайгельдинова оправдались. Беженцы действительно приехали на следующий день в урочище Каркары и, ие останавливаясь там, круто повернули на юг, к берегам озера Иссык-Куль.

— Значит, рвались в родные края, а не за кордон,— подумал озадаченный Зияш, понимая, что следует и им изменить маршрут, направиться в Талдысу, в местные органы государственной безопасности Киргизии.— Впрочем,— решил он,— возможно, это только временная остановка? Отсюда ближе к заветной цели...

7

Снова оказавшись в 9 утра в одиночной камере тюрьмы, Ноха Базыбеков пал духом, долго уклонялся от правдивых ответов на задававшиеся ему вопросы. Наконец, запутавшись в противоречиях, стал рассказывать о себе, правда, далеко не все. Признал обстоятельства эмиграции в Синьцзян, службу бажыгером у бажыхана. Не стал он отрицать и своей принадлежиости к разведке гоминдана, факта вербовки и переброски его в СССР. Однако от конкретизацни своих показаний уклонялся. Как выяснилось позже, делал это не без умысла, берег брата.

— Ои хитро выкручивается, хотя и назвался малограмотным,— резюмировал Куспангалнев, отодвигая папку с протоколами к массивному мраморному чернильиому прибору, инкрустированиому бронзой.

— Еще как крутит,— отозвался начальник следственного отделения капитан Бец.— Я сам допрашивал его не раз, но тоже не добился полной откровенности. Был захвачен на месте преступления — и то пытался отпереться. Возможно, удастся прижать его к стене документами, показаниями свидетелей и соучастников.

— Давайте поговорим об изыскании путей дополнительной документацни,— майор остро глянул на Беца, словно ожндая возражения.

— Я лично другого пути не вижу,— ответил тот.— Но Галиев и Шайгельдинов связаны оперативными делами, а время уже не терпит. Кого-то надо посылать на помощь им. А у меня все следователи заняты.

— Придется Лозицкого освободить от других занятий,— решил майор.— Юрист он, и опытный, в этом деле такой и нужен.

— Хорошо. Я согласен. Еще бы одного оперативника,— просительно сказал Галиев.— Желательно казаха. Ведь прндется ему говорить, в основном, с перебежчиками, а они зачастую прнкидываются, что по-русски ни бум-бум.

— Одиого оперативнпка даст Николаев. Завтра с утра приступайте к делу,— заключил майор.

Галиев и Лозицкий выполнили поручение неожиданно быстро, привезли кипу протоколов — показания шестнадцати свидетелей.

Майор приказал Николаеву:

— Вашим сотрудникам по этому делу следует изучить материалы в свете ещё не решенных оперативных задач, и пока в министерстве рассматривается вопрос об аресте Орхи Базыбекова и остальных его соучастников, продолжать свою работу совместно с Галиевым и Шайгельдиновым.

Надо выделить, как заслуживающие особого внимания и проверки, показания свидетеля Турара Алдабергенова о письме, которое Орха Базыбеков получил из Синьцзяиа от своего шефа по разведке и после ареста Нохи уничтожил. Каждый день докладывайте мне о ходе проверки этих показаиий.

...Очередиой допрос Нохи Базыбекова Ибрагимов начал с очных ставок с заявителем Исабековым, свидетелями Джумабеком Кабылтаевым и Зейиеп Рафиковой. Однако их показания о его неоднократных иелегальных ходках из Синьцзяна в Семиречье и к берегам Иссык-Куля Ноха не подтвердил. Но судя по тому, как передергивались его руки, Ноха сильно волновался в ожидании предстоящей встречи с Дулатом Кабылтаевым. Видимо, в его сознаиии не укладывалось, как мог земляк рассказать о нем все.

Когда же, наконец, отворилась дверь и Дулат вошел в кабииет, Ноха вздрогнул и поспешно встал. Капитан Ибрагимов строго посмотрел на него и не терпящим возражения тоном сказал:

— Сядьте!

Дулат Кабылтаев снял шапку, легко, с чувством достоииства, поклоиился и негромко пробасил:

— Салям алейкум.

Не торопясь, отодвинул стул и сел лицом к Нохе Базыбекову, участливо спросил:

— Ну, Ноха, как поживаешь?

— Так нельзя,— сказал поспешно Ибрагимов.— Обращаться друг к другу можно только с моего разрешения.

— Что вы, граждании следователь,— по-прежнему спокойно прогудел Дулат Кабылтаев.— Я и он земляки, знакомы с детства. Разрешите уж нам немного поговорить. Мы о деле не будем. Так, об обычном людском житье-бытье.

— Нет, нет. После. Сначала давайте займемся делом,— не сдавался Ибрагимов.

А напрасио. Такая иепринужденная беседа могла положительно повлиять на ход очной ставки, разрядив обычную в таких случаях скованность и нервозность ее участников. Впрочем, в успокоении в данном случае нуждался лишь обвиняемый.

Когда следователь предоставил слово Дулату, тот иачал упрекать Ноху:

— Что же ты запираешься? Сам себя понапрасиу мучаешь и иас отрываешь от дела.

Братья Кабылтаевы в это время уже работали по найму в Иссыке.

— Давайте по порядку,— прервал Кабылтаева следователь.— Расскажите, как Ноха Базыбеков жил за границей.

— Жилось им там хорошо,— отвечая следователю, заговорил спокойно Кабылтаев. И далее без запинки кратко изложил свои показания.

— Зачем же они и вы, свидетель, приехали в Советский Союз? — с нарочитым удивлением заметил Ибрагимов.

— Это они уговорили нас и еще несколько семей. Говорили, что едут не

по доброй воле, и не надолго, а мы, приглашенные семьи, поможем избежать подозрений.

— Верно говорит свидетель,— выпалил Ноха Базыбеков и со злостью посмотрел на Дулата Кабылтаева.— Но за скотом в Киргизию и Казахстан я не ездил. Не говорил я этого вам! — не сказал, а выкрикнул он последнюю фразу.

Когда Кабылтаев, подписав протокол, ушел, Ибрагимов сказал:

— Хорошо, поверим вам на минуту, что Дулат Кабылтаев, Дис Исабеков и Зайнеп Рафикова показали неправду о ваших неоднократных ходках в Союз и воровстве здесь скота,— заметил спокойно Ибрагимов после окончания очной ставки,— но ведь вас изобличают не только они. Очень подробно об этом рассказали другие свидетели и, наконец, ваш отец.

Ноха Базыбеков даже рот открыл от удивления. Ибрагимов с усмешкой проговорил:

— Что, не верите? Вот возьмите протокол показаний отца и читайте сами.

— Пусть переводчик читает. Я плохо разбираюсь в написанном от руки,— отказался Ноха дрогнувшим голосом.

— Нет, так дело не пойдет. Что, стремитесь уйти в сторону, чтобы потом, в удобный момент сказать: «Не знаю, я не видел такого документа»? Читайте,— строго сказал Ибрагимов.— Вы же грамотный,— он взял из рук Базыбекова протокол и, начиная с первой страницы, стал показывать ему подписи и в конце спросил:

— Кто это расписывался?

— Мой отец Абитбеков.

— Ну вот и читайте, с начала и до последнего слова.

Ибрагимов тут же отдал Базыбекову протокол и прошел к своему столу.

Ноха, не торопясь, прочел все вопросы следователя и ответы отца, затем еще раз перечитал отдельные места, очевидно, удивляясь откровенности отца. Он не знал, что старику уже невозможно было уйти в сторону от ответов и попытаться скрыть известное многим другим.

— Нет, не воровал я скот в Советском Союзе,— продолжал Ноха.

И вновь, вечером этого же дня, Николаев с Бецом направились к Куспангалиеву. У обоих сложилось мнение, что Ноха Базыбеков, как видно, неспроста утаивает от следствия обстоятельства его вербовки гоминдановской разведкой и не хочет называть даже имен сотрудников этой разведки.

В распоряжении следствия оставалось еще три свидетеля — Сарсенбай Орызбаев, Тастан Кабылтаев и Татимбек Салыкбаев.

После всестороннего обсуждения создавшегося положения решено было дать Нохе Базыбекову еще три очные ставки и с этими свидетелями. Сразу он и на этот раз иичего иового не сказал. Однако спустя сутки сам записался на допрос к следователю и на вопрос, кто конкретно из сотрудиików кунанжуз руководил им, сообщил, что он был связан с сотрудником полиции Ибраимом лаоцзунем. А для работы против СССР его завербовал сотрудник разведки гомиидана Бурбе, приезжавший из Кульджи. В 1939 году Ноха вступил в связь с агентом этой разведки Гайнамом, вместе они несколько раз побывали в Киргизии и в Джетысу, собирали сведения о состоянии охраны границы, дислокации войск, воровали скот и сбывали его в Синьцзяне.

Однако Ноха по-прежнему уклоиился от изложения обстоятельств вербовки его Бурбе. Признав себя виновиым в неоднократных нелегальных ходках из Синьцзяна в Советский Союз, наотрез отказался конкретизировать и эту часть своего рассказа.

— Что же, посмотрим, как поведет он себя дальше, когда ему придется стать лицом к лицу с зятем Бахытом Талапбаевым, а потом и с братом,— сказал Куспангалиев, выслушав доклад Беца.— Теперь,— обратился он к Николаеву,— можно готовить арест и остальных.

— Конечно, чистосердечные признания имеют большое значение в расследовании любого преступления, облегчают избрание меры наказания подсудимому,— вставил Николай Петрович.— Мы вполне обоснованно можем ожидать этого и от Талапбаева, Орхи Базыбекова и Саурбекова. Ну, а если поведут себя иначе, будем поступать так же, как и с Нохой Базыбековым. Материалов для этого у нас теперь достаточно.

— Все,— резюмировал Куспангалиев.— Поезжайте, лейтенант, в прокуратуру за санкцией.

8

Арест муллы Бахыта Талапбаева был поручен Зияшу Шайгельдинову.

— Вам, товарищ Шайгельдинов, целесообразно поприсутствовать на первом допросе Талапбаева,— сказал капитан Онгарбаев, новый начальник следственного отделения, назначенный на эту должность вместо Беца, переведенного в другое управление МГБ Казахстана.

Когда Талапбаева привели на допрос, он поздоровался, привычно прошел к стулу, стоявшему в углу, и уселся на него, будто бывал здесь не первый раз. Глубоко вздохнул и тихо, на родном киргизском языке что-то проговорил, возможно, молитву. Потом, как бы готовясь к прыжку, передвинулся ближе к передней кромке сиденья стула и заговорил:

— Мне было двадцать лет, когда я, молодой мулла, увидел на кульджинском базаре свою будущую жену Салтанат. В тот зимний холодный день они с Нохой торговали мясом. Позже, уже в 1935 году, я посватался. Взял бы ее и без приданого, только за двойной калым, который сорвали с моего отца Базыбековы. Да и сейчас еще, после стольких лет страданий, окончившихся для меня тюрьмой, сердце мое не может жить без нее. И все теперешние переживания свалились на мою голову из-за нее и ее братьев.

Удивленные таким началом, чекисты переглянулись, но не стали прерывать Талапбаева, а он продолжал:

— Это Орха толкнул меня на путь преступлений, и сюда к вам, в Союз, привел нас всех тоже он.

— Вы что,— прервал Онгарбаев,— лошади или верблюды, на поводу он всех вас привел сюда, что ли?

Все засмеялись, грустно улыбнулся и Талапбаев. Онгарбаев продолжал: — Говорите, почему и как это произошло, вы же не несмышленыши.

— Проживая в Синьцзяне, братья Базыбековы постоянно разъезжали то за контрабандным скотом к себе на родину и в пограничные урочища Джетысу, то по городам и кишлакам Илийского округа. А Орха бывал в горах и кишлаках Кумульского округа, где в тридцатые годы бушевало уйгурское восстание, во главе которого стоял известный охотник Ходжанияз. Позже Орха часто ездил в Нылхинский и Кунесский уезды и многие другие горные урочища тамошних мест Илийского округа Синьцзяна.

— Зачем он бывал там?

— По заданию полиции. Именно там, в горах, близ Нылхи, летом 1944 года вспыхнуло народно-освободительное восстание. Братья Базыбековы, а потом и я активно помогали полиции бороться с повстанцами.

— С какого времени вы лично стали сотрудничать с кунанжуз? — спросил Онгарбаев.

— С 1940 года.

— Как это случилось?

— Базыбековы переехали в Калмык-Куринский уезд и поселились в селе Чекерты, где мы с женой жили в семье моего отца. Еще до этого, работая в полиции, Орха как-то приехал в Чекерты и прогостил у меня несколько дней. Каждый вечер он отлучался, встречался со своими агентами, выявил и задержал нескольких человек, враждебно относившихся к гоминдановской власти, и отправил их в кунанжуз. Тогда же предложил мне сотрудничество.

— Что вы делали для кунанжуз?

— После Орха много раз бывал в Чекертах, в большинстве случаев он, естественно, останавливался у нас в доме. Я помогал ему, выполнял его задания, нередко выезжал в другие кишлаки и аулы. В один из таких наездов Орха прибыл в Чекерты с лаоцзунями Ибраимом и Турсуном. На этот раз они остановились не в нашем доме, но прислали за мной мальчика. Я помог им. За три дня было арестовано около двадцати человек и изъято более десяти винтовок.

— Значит, вы вместе с Орхой и Нохой Базыбековыми помогали кунанжуз вести борьбу с повстанцами. Так мы понимаем вас? — спросил строго Онгарбаев.

— Да. Кунанжуз подвергала репрессии каждого, кто чем-то вызывал подозрение в принадлежности к национально-освободительному движению.

— Зачем вы приехали в Советский Союз?

— Вести разведку.

— Расскажите, как и кто вас направил сюда?

— В октябре 1943 года Калмык-Куринская кунанжуз неожиданно арестовала Ноху. Тут же прошел слух, что взяли его за воровство лошадей. Орха же не особенно огорчался случившимся. Сначала говорил, что поедет выручать брата, потом стал откладывать свою поездку в Калмык-Куре. Когда минуло 15 дней, он уехал, и спустя двое суток они оба вернулись домой. Все наши родичи побывали у них в доме со словами сочувствия и радости по поводу удачно разрешившейся неприятности. К вечеру, когда у Базыбековых посторонних уже не было, пришел и я. Не останавливаясь на подробностях ареста Нохи, Орха сказал, что-де радоваться его освобождению еще рано, мне, как близкому родственнику и грамотному человеку, Орха это подчеркнул, он может сказать правду. На самом деле вызволить Ноху из тюрьмы удалось лишь с большим трудом, под личное поручительство брата, с условием принять предложение сотрудника разведки Бурбе перейти нелегально в Советский Союз со специальным заданием. Орха спросил, согласен ли я пойти вместе с ними в СССР.

— Согласились вы?

— Нет. Я наотрез отказался от этого опасного шага. Сказал, что являюсь уроженцем и жителем Синьцзяна, подданным Китая, отец, мать и братья живут в Чекертах, и я никуда не поеду... Тогда он пригрозил разорением нашего хозяйства, а потом, видя, что я не иду на попятную, заявил, что мою жену они заберут с собой, а детей наших бросят в Чекертах. Я понимал, что противостоять Орхе и его брату не смогу. С помощью куиаижуз они и на самом деле могли все это сделать. Все же я не поддался его шантажу и не дал тогда своего согласия.

Прошло несколько дней. В пятницу меня встретил Ноха и сказал, чтобы я сейчас же ехал в уездное отделение кунанжуз.

— Кто и о чем говорил с вами? — спросил молчавший до сих пор Шайгельдинов.

— Их было двое, Орха и незнакомый мне человек, одетый в гражданское платье, который назвал себя Бурбе и сказал, что приехал из Кульджи

Он спросил: «Почему не дал согласия поехать на территорию СССР? Что вам мешает?», а потом вдруг вспылил: «Жена-то и дети поедут с вами». Говорил один Бурбе. Орха Базыбеков молчал, время от времени настороженно посматривая на меня. Ух, как я его ненавижу!

Бахыт Талапбаев сказал это с тяжким вздохом, заерзал на стуле, потом уронил голову на уже трясущуюся вместе с плечами грудь. Но плакал без слез. То был плач безнадежно запутавшегося и потерпевшего неудачу в рискованной авантюре. Видно, «златые горы» обещал ему Бурбе в случае успеха «экспедиции».

Талапбаев внезапно успокоился и стал продолжать свой рассказ:

— «Ну так что, поедешь или нет, говори!» — строго спросил меня Бурбе. Деваться мне было некуда, я дал согласие и вслед за этим подписал обязательство.

— Что в нем было сказано?

— Обязательство было написано по-китайски, но Бурбе перевел и разъяснил мне его содержание. Там были и такие слова, что я буду честно выполнять все задания гоминдановской разведки по сбору в Советском Союзе сведений о состоянии охраны границы, численности войск, вооружении, состоянии экономики населения.

— Что дальше было?

— Бурбе рассказал далее, что я поеду не один, а с братьями Базыбековыми и с другими семьями. «В СССР вы поселитесь в пограничном районе»,— говорил он далее. Помимо указанного, подписка обязывала меня выявлять людей, готовящихся и уходящих нелегально из СССР в Синьцзян, а также перебежчиков из Китая и склонять их к возвращению обратно в Китай.

— Бурбе сказал вам, кому эту информацию передавать? — спокойно спросил Онгарбаев.

— Он обязал меня все докладывать Орхе Базыбекову. Затем добавил, что в случае, если я по поручению Орхи перейду границу обратно, то все, что он скажет мне, я должен хорошо запомнить, а по прибытии в Илийский округ явиться в кульджинскую полицию к нему, т. е. Бурбе.

— Сколько человек всего было в составе вашей группы? — спросил Шайгельдинов.

— Девятнадцать.

— Кто еще кроме вас и братьев Базыбековых дал Бурбе обязательство?

— Только мы трое.

— Зачем же тогда остальные поехали с вами? — допытывался Зияш.

— Как мне говорили Бурбе и Орха Базыбеков, для вида, чтобы прикрыть нас в момент перехода границы.

— Сколько раз вы встречались с Бурбе? — спросил, вставая из-за стола, Онгарбаев.

— Два раза.

— О чем шла речь при второй встрече?

— В сущности, Бурбе ничего нового не сказал. Повторил, на что я должен обращать внимание в ходе выполнения его задания. Затем уже всем троим пояснил, в каком месте мы должны перейти границу, и указал на карте путь к советской пограничной заставе, строго наказал говорить советским пограничникам только одно: «Бежали из Синьцзяна в СССР на постоянное жительство».

Базыбековы Орха и Ноха и я заверили его в своей верности гоминдановской разведке. После с Бурбе наедине говорил Орха Базыбеков.

— Вас, вероятно, сопровождали до советско-китайской границы? — заметил Онгарбаев.

— Нет, с нами никого не было. Нашим движением к границе руководил Орха Базыбеков. Мы выехали в ночь на 4 ноября 1943 года и на рассвете были обнаружены советскими пограничниками и доставлены на заставу. Там, к моему удивлению, меня допросили первым. Я показал, что пришел в Советский Союз с целью устроиться здесь на постоянное жительство.

Сказав это, Бахыт Талапбаев как-то сразу почувствовал себя неловко, утратил самообладание и покраснел.

— Что, стыдно стало самому за ложь? — заметил Онгарбаев. Талапбаев не ответил. Покорными глазами посмотрел на Зарифа Онгарбаева, потом на Зияша и устало опустил свои небольшие смуглые руки на колени.

Рассказ его не вызывал сомнений. Оставалось выяснить, кто еще из прибывших, кроме Нохи Базыбекова и Бахыта Талапбаева, на деле входит в группу Орхи Базыбекова? Никто из них не назвал своим соучастником Кенеиа Саурбекова. Затем — какой оказией и когда доставлено письмо Орхе Базыбекову из Синьцзяна? С Нохой, вообще, говорить на эту тему бесполезно, у следствия нет пока каких-либо данных о том, что он был посвящен в эту тайну, а вот Бахыта Талапбаева можно и нужно спросить об этом. Если начнет запираться, тогда разоблачать его во вранье посредством очной ставки со свидетелем Тураром Алдабергеновым, узнавшим об этом с его, Бахыта, слов.

К удовлетворению следователей, Бахыт Талапбаев сразу же подтвердил свой разговор с Тураром Алдабергеновым о письме, полученном Орхой Базыбековым из Синьцзяна, и обстоятельства, при которых оно было уничтожено. Однако он уточнил, что человека, доставившего это письмо, он не знает.

9

Арестованного Саурбекова в управление МГБ доставили к вечеру того же дня, что и Талапбаева и Орху Базыбекова. Увидев его, Куспангалиев, не сдержавшись, громко рассмеялся, а когда надзиратель увел Саурбекова, сказал следователю — лейтенанту Прохорову:

— Черт возьми, как он похож на тех торгашей, которые наводняли базары Алма-Аты и всего Джетысу в годы нэпа!

И в самом деле, лучшего сравнения нельзя было подобрать. Всем своим видом и особенно брюшком, нависшим над короткими ногами, обутыми в сапоги красного хрома, а также выглядывающими из-под пиджака воротниками двух, черной и нижней белой, рубашек, Кенен как бы олицетворял торговца мелочной лавки.

На допросе Саурбеков отвечал на вопросы Прохорова по анкетной части протокола быстро и без запинок. Не скрыл байского происхождения, занятий торговлей, обстоятельств, при которых в 1916 году оказался за границей. Сказал, что долго не хотел, проживая в Синьцзяне, принимать китайского подданства и решился на это только недавно.

На вопрос майора: «Зачем же вы приехали в СССР, если там вам было неплохо?» — Саурбеков ответил, что не желал подвергать себя и жену опасностям, которые порождались частыми налетами карательных отрядов гоминдановских войск на Калмык-Куринский уезд.

— Вот как,— сказал протяжно майор.— А куда же свое хозяйство девали?

— Оставили зятю Турсуиу Исабекову.

Затем Куспангалиев спросил Саурбекова, кого из жителей Энбекши-Казахского района он знает хорошо.

Быстрота и легкость, с которыми Саурбеков назвал и характеризовал своих знакомых, говорили о том, что люди эти были для него надежны и при случае отзовутся о нем как о порядочном человеке. Всего таких набралось свыше десяти человек. Большинство, как и сам Саурбеков, нигде не работали, спекулировали продуктами и промтоварами. Но это было не самое важное. В списке этих знакомых оказались земляки жены Кенена, реэмигранты Кенжеш Асанов, Жанузак Орманов и Барак Мурзалиев. Конечно, Саурбеков не знал, что крупно проговорился и этим помог следствию.

Поздно вечером Николаев связался по телефону с капитаном Галиевым, тот, узнав о чем речь, ответил, что уже закончил проверку Асанова, Орманова и Мурзалиева и считает нецелесообразным допрашивать их в качестве свидетелей.

На последующих допросах выяснилось, что Саурбеков, проживая за кордоном, бывал в подавляющем большинстве городов и поселений Илийского округа. В их числе назвал известные следствию Шаты. «Но я бывал там с целями коммерческой деятельности и был лишь свидетелем поднявшегося во всей провинции национально-освободительного движения, личного участия в восстании не принимал»,— поспешно оговорился он.

Пришло время предъявления обвинения Саурбекову.

Когда переводчик дословно перевел ему постановление, Саурбеков, расспросив о том, что означает этот поворот дела и что за ним последует, заявил, что все это — результат наговоров злых людей. Затем решительно отверг обвинение в том, что он пришел в СССР по заданию гоминдановской разведки, и три дня отказывался давать какие-либо показания.

Когда утром четвертого дня надзиратель вошел в одиночную камеру Саурбекова, чтобы сопроводить его на допрос, тот, вопреки распорядку, одетым лежал на заправленной койке и поднялся только после строгого требования. Помятый и осунувшийся, постоял немного, потом стал приводить в порядок одежду, причесал волосы и поправил усы. Делал все это словно через силу... Надзиратель заметил мрачное настроение Саурбекова и спросил его, не болен ли он?

— Нет, я здоров,— последовал ответ.

В кабинете вместо Прохорова и переводчика Саурбекова встретили Куспангалиев и Онгарбаев, но он, казалось, не обратил и на это внимания, безучастно посмотрел в окно на еще не сбросившие листьев ветки дуба и только после второго приглашения опустился на табурет.

На письменном столе следователя, обычно заваленном папками и бумагами, сегодня не было ничего, кроме нескольких листов чистой бумаги, пластмассовой черной чернильницы и тонкой ученической ручки.

Пока Онгарбаев оформлял пропуск, Куспангалиев внимательно и нарочито участливо смотрел на Саурбекова. Как только надзиратель вышел из кабинета, майор обратился к Онгарбаеву:

— Может быть, отложим? Кенену, видимо, сегодня не до нас. Как смотрите?

— Ну, пройдет у него плохое настроение. А у вас потом, может, и не найдется времени поговорить с ним,— ответил Онгарбаев.

Саурбеков исподлобья посмотрел на Онгарбаева и Куспангалиева и сказал:

— Я здоров, могу отвечать, спрашивайте.

— Что это вы так официально? — заметил Куспангалиев.— Нельзя разве просто поговорить? Я же вижу, переживаете. Не дай бог, такое бы горе свалилось мне на голову, я не сидел бы сложа руки, стал бы защищаться.

Зазвонил телефон.

— Да,— подняв трубку, ответил Куспаигалиев и дальше только слушал, в знак согласия покачивая головой, потом широко улыбнулся и сказал:

— Вот мы с Зарифом Онгарбаевичем говорили ему то же, а он пока молчит. Хорошо, спасибо,— и, положив трубку, сказал Саурбекову:

— Видите, и начальник тюрьмы о вас беспокоится. Говорит, все утро лежали на койке одетым.

— Я встал в установленное время, сразу после тюремного звонка, походил немного. Ночью плохо спалось, голова болела — ну и прилег на минуту, лежа лучше думается.

— Что верно, то верно. Я тоже люблю отдохнуть, подумать, иной раз в голове — уйма всяких событий и дел не дает покоя. Время теперь вон какое быстрое — чего только не услышишь и не увидишь за день.

По губам Саурбекова скользнула грустная улыбка.

— У меня хватает старых дел. Есть над чем думать. Новый хабар до меня не доходит, стены у вас тут каменные и толстые.

— А что, разве узун-кулак частый гость в синьцзянских тюрьмах? — отозвался тотчас Онгарбаев.— Кстати, насколько нам известно, эти тюрьмы — просто глубокие ямы в земле, и люди гниют в них заживо, закованные по рукам и ногам колодками. Может, о таком благе вы мечтаете?

Саурбеков окинул испуганным взглядом Онгарбаева и Куспангалиева, но промолчал. Только глаза — зеркало души выдавали обуревавшие его мысли и страх за свою судьбу.

Майор и Онгарбаев переглянулись. Чекистская интуиция подсказала, что Саурбеков потому так расстроился, что догадался: о нем известно почти все.

— Значит,— начал майор и встал из-за стола. Тут же вскочил и Саурбеков.— Сидите, сидите. Говорите, много думаете о прошлых делах?

— Да. Я все 30 лет, прожитые в Восточном Туркестане, занимался торговлей, приходилось много ездить, то в города за товарами, то с товарами по аулам скотоводов и по кишлакам дехкан.

— Ну и как, доходы большие были?

— Народ там по большей части бедный, безденежный. За барыш в 700—800 рублей в месяц приходилось хлопотать, порою, днями и ночами, особенно летом, когда можно ездить в горы к животноводам. В общем, коммерция дело неспокойное.

— Зато непыльное, прибыльное,— шутливо проговорил Онгарбаев. Он и майор рассмеялись. Шутка, как видно, получила отклик и в душе Саурбекова. На устах его блеснула было улыбка, но он тут же подавил ее, и его лицо снова стало настороженным, а от глаз повеяло прежним холодом.

— Говорите, тамошние горы хорошо изучили. Ну что же, в таком деле, каким вы занимались, это нужно было,— продолжал Онгарбаев.— И в верховьях реки Кичас-Карасу бывали? Говорят, красивые там места.

— Был и там. Несколько раз ездил в уездный центр Нылхи и дальше, по горным аулам и стойбищам.

— Все правильно. Так и люди говорят, что в Илийском округе вас знают многие, а главное, помнят все имена и фамилии, под которыми вы жили там. Помнят и ваши «добрые» дела. Очевидно, об этих делах вы теперь думаете? — спросил майор.

Саурбеков не ответил на вопрос майора. По лицу его, от шеи к вискам, прокатилась бурая волна, он стал оглядываться по сторонам и ерзать по табурету. Майор же своей репликой словно пригвоздил его:

— Вам в самом деле деваться некуда. Не лучше ли освободиться от мучающего вас страха за антинародное поведение в Илийском округе?

— Вы правы, это было так, как вы говорите, и я понял, что ошибался. Простите.

— Дело суда прощать или наказывать. Давайте сначала разберемся в том, чем вы занимались, проживая за границей.

— Торговал и помогал Калмык-Куринской кунанжуз.

— Ну, о вашей торговле мы уже говорили достаточно. А вот когда и чем вы заслужили внимание кунанжуз?

— Сам я к ней не обращался. Вызвали и сказали, что я, как хороший китайский гражданин, должен помогать им.

— Рассказывайте толком, обстоятельно. Когда это было?

— В марте 1934 года.

— В то время вы еще не имели китайского паспорта. Как же они могли назвать вас китайским поданным, да еще хорошим?

— Китайское подданство я принял в 1940 году, а почему тогда, в 1934-м, они считали меня своим, я не знаю.

— Вы знаете, конечно,— начал майор после паузы,— что своим человеком для них вы стали позже, после того, как хорошо поработали на них, за что и получили благодарность в виде китайского паспорта. А в марте тридцать четвертого вы для них были другим человеком.

— Вероятно, да.

— Почему «вероятно?» Разве у вас не возникали конфликты с полицией из-за торговых дел?

— Нет.

— А за что в 1925 году вас выселили из Калмык-Куре в Чекерты?

— Уй бай, даже это знаешь, гражданин начальник? — не сказал, а выкрикнул Саурбеков по-русски с сильным акцентом.

— А вы думали, что МГБ вас арестовало необоснованно, так сказать, за здорово живешь? — сказал строго Онгарбаев.

Бросив виноватый взгляд на Онгарбаева, Саурбеков проговорил тихо:

— Да, это было.

— Вот и рассказывайте по порядку все,— спокойно потребовал Онгарбаев.

— Проживая в Калмык-Куре, я нередко задерживал внесение очередных взносов по патентному сбору, а в 1925 году допустил трехмесячную просрочку. Так поступали и другие торговцы, но почему-то выселили одного меня. До сих пор не могу понять, чем я заслужил такую немилость.

— Может быть, потому, что в Чекертах вы были нужнее? — не скрывая иронической улыбки, подсказал Куспангалиев.

Сообразив, на что он намекает, Саурбеков удивленно развел руками и сказал:

— В Чекертах я тоже не всегда своевременно оплачивал патент, но там местный начальник полицейского участка был податливым человеком, часто брал у меня в лавке товары.

— А кто из сотрудников кунанжуз в 1934 году говорил с вами?

— Заместитель начальника Мо Дэ-шин. Он говорил мне, что мог бы наказать меня за систематические проволочки со взносами, но считает, что я могу искупить свою вину хорошей работой по его заданиям.

— Ну вот, теперь все стало на свои места,— с удовлетворением сказал майор и далее спросил: — А почему, собственно, вы допускали просрочки с оплатой этих сборов? Что, денег у вас не хватало?

— Часто это получалось потому, что к сроку оплаты я находился в торговых разъездах, а иногда не бывало денег. Там уйма всяких налогов, не

успеешь оплатить один, надо нести второй, а там, смотришь, подходят сроки платежей по другим. А не внес в установленное время — сразу найдут тебя.

— Мо Дэ-шин говорил с вами наедине и где, у себя в конторе или приезжал в Чекерты?

— Как-то в мою лавку, в момент, когда я был один, зашел лаоцзунь Калмык-Куринской кунанжуз Курбан, я знал его еще со времени проживания на прежнем месте, он частенько брал у меня товары в кредит. Курбан строго сказал мне, чтобы я явился в Калмык-Куре к Мо Дэ-шиину... Затем он присутствовал при разговоре Мо Дэ-шина со мной, а после того, как я оформил подписку, Мо Дэ-шин сказал, что в делах мною будет руководить Курбан.

— В каких делах, скажите точнее!

— В дальнейших поездках я должен был вести розыск антигоминдановских элементов. Особое внимание обращалось на тех, которые призывали людей уходить в горы, к партизанам, Курбан называл их бандитами. Тяжело и опасно было выполнять задания Курбана, а особенно — когда в Нылхинских горах началось восстание скотоводов.

— Ну и сколько таких людей, стоявших за национально-освободительное движение и участвовавших в нем, было арестовано кунанжуз по вашим доносам? — спросил Онгарбаев.

— Много. Задания Курбана и самого Мо Дз-шина, с которым я тоже встречался часто, выполнялись мною аккуратно. Всех, кого схватила куианжуз по моим доносам, я сейчас уже не в состоянии вспомнить.

— Назовите тех, кого помните,— потребовал Онгарбаев. Он пододвинул лист бумаги, взял ручку и приготовился записывать.

Саурбеков склонил голову, долго молчал. Раза три снимал с головы тюбетейку, покрытую черным бархатом и расшитую серебряными узорами узбекского орнамента, и, повертев ее в руках, снова надевал. Видно было, что ему очень тяжело ответить на этот вопрос. Наконец с большой неохотой он выдавил:

— Из казахов память сохранила Муслима и Абдрасула из Сумташа, Кадыра Душебаева и Султана Адасбаева из Аксу и Ажибека Алмабаева из кишлака Хатычура.

И снова смолк.

— А зачем вы делите их по национальному признаку? — живо спросил майор.

— Так приучил меня Курбан,— ответил все так же сдержанно и глухо Саурбеков.— Очень много было арестовано калмыков. В их число попали и мои хорошие знакомые Баше и Гегиль Джугуровы из Кенсу, Тапачи Джугуров и Миля Гочилов из Хатычура.

Саурбеков еще силился вспомнить какого-то молодого калмыка, но не назвал его.

— А сколько ему было лет? — спросил Онгарбаев.

— Четырнадцать-пятнадцать, не больше...

Саурбеков помедлил и затем стал называть запомнившихся ему арестованных из числа уйгуров:

— Кадыржан, жил в Чекертах, Саут Амутбараков и Касым Толипов из Аксу, житель Сумташа Ажиахун Курбеков. Среди арестованных были узбеки Рани Салыбаев, что проживал в Чекертах, и Азиз Шаниятов из Сумташа. По Чекертам еще помню дунганина Мыгаза Нурахунова.

— Когда повстанцы очистили Илийский округ от гоминдановцев? — спросил майор Саурбекова вслед за тем, как тот сказал, что больше фамилий не помнит.

— К концу августа сорок четвертого в Кульдже и ее уездах не было уже гоминдановских войск.

— Быстро убегали,— заметил майор.— А как куиаижуз поступила с вами? Взяли с собой?

— Нет, гражданин начальник, не могли,— невесело улыбнулся Саурбеков.— Перед их бегством я находился в Калмык-Куре, виделся с Мо Дэ-шином и Курбаном. Оба они сказали, что скоро возвратятся, а до того времени велели мне иаходиться в Шаты. «Курбан,— сказал Мо Дэ-шин,— иайдет вас там или пришлет своего человека, с которым вы вступите в разговор лишь после того, как он иазовет вас по имени «Маи». Такую кличку оии дали мие, когда заставили работать на них.

— Вы сразу поехали в Шаты?

— Нет. Сначала в Карасу, что неподалеку от Аксу, где я жил последние два года. Было опасно, кругом разъезжали повстанцы, и к себе домой я пробирался степью и горами и только ночью. Пробыл несколько часов и той же ночью уехал в Шаты.

— Чем занимались там?

— Ничем. Скрывался в доме одного местного торговца, узбека, эмигрировавшего из Киргизии еще в первые годы Советской власти. Ждал Курбана. Вместо него к хозяину приехал его знакомый, пятджинский дамулла. Он-то и оказался посланцем Курбана, и в день приезда, за пилау и чаем, в момент, когда хозяин зачем-то вышел, передал мне задание Курбана — поступить добровольцем в армию повстанцев.

— Но это ие так легко было сделать,— тихо проговорил майор, внимательно посмотрев на Саурбекова, и спросил его: — Ну и как, приняли вас в армию?

— Конечно. И быстро. Как-то все само собой устроилось. Я пришел в штаб формировавшегося в Шатах кавалерийского батальона, сказал, что желаю защищать интересы революции с оружием в руках и прошу зачислить меия в кавалерийский батальон, лошадь сам куплю. Командир посмотрел на меня и сразу предложил мне службу повара. «Если согласен,— говорит,— то и на лошадь не надо расходовать денег». По заданию, переданному дамуллой, я должеи был собрать сведения, где и какие части формируются в Калмык-Куринском уезде, узнать командиров и адреса их семей, а также изучить вооружение этих частей, запасы боеприпасов и места их хранения. Собранные сведения передавать ему. Три раза я видел с ним и все, что узнал, рассказал ему устно. Вскоре после третьей встречи с дамуллой в доме того торговца, у которого я скрывался до поступления в армию повстанцев...

— Как это «вскоре?» Скажите точнее,— потребовал майор.

— Часа через два-три, не больше, после ухода дамуллы меня вызвал командир. Спросил, зачем я ходил к торговцу. Я ответил, что это мой давний знакомый. Далее он спросил, почему я бываю у него, когда к нему приезжает пятджинский дамулла. Я соврал, что дамуллу видел там всего один раз и что совсем не знаю его. Тогда меня путем очной ставки с соседом торговца уличили в том, что я говорю неправду. После того, как я признался, меия посадили на гауптвахту, а на следующий день отправили под конвоем в Калмык-Куре.

— Вы рассказали командиру батальона, какие сведения передали дамулле? — спросил Онгарбаев.

— Да.

— Рассказывайте дальше,— по-прежнему спокойно попросил Куспангалиев.

— Меня должен был судить трибунал, но на шестой день я бежал.

— Как это вам удалось?

— Во время вечерней прогулки во дворе охранявший нас повстанец зачем-то зашел в здание тюрьмы, я перелез через глиняобитный дувал и бросился в ближайший проулок, по нему вышел в город и направился в Текес, по-китайски Кобо, а оттуда вверх по реке Аксу. На следующую ночь пришел к себе в Карасу.

— За вами погони не было?

— Не знаю.

— Долго вы скрывались у себя дома?

— В эту же ночь я послал жену в Аксу к калмыку Насымбату, вскоре он пришел ко мне в дом, и я, рассказав о случившемся, попросил его проводить нас с женой к границе. Мы хорошо знали друг друга, он много раз помогал мне выполнять задания кунанжуз. На следующую ночь Насымбат довел нас до границы...

Саурбеков замолк в нерешительности и выжидающе посмотрел на майора.

— Знаю, что вы еще не все рассказали. Но на сегодня хватит.

На последующих допросах следователь Прохоров спрашивал Саурбекова о его знакомых по Синцьзяну. В числе знакомых, служивших у бажихана, назвал он и братьев Орху и Ноху Базыбековых. Рассказал, что знал их за границей как сборщиков налогов, а позже как служащих кульджинской полиции.

В тот же день Зариф Онгарбаев это показание Саурбекова доложил майору. Прочитав протокол, Куспангалиев сказал:

— Пожалуй, о закордонных связях Саурбекова и, в частности, с Орхой Базыбековым надо нам самим еще раз поговорить с ним. Как вы смотрите на это?

— Я не возражаю,— ответил Онгарбаев.— Скорее выясним, соучастник он Базыбекова или действовал здесь, у нас, самостоятельно, так сказать, в одиночку. По показаниям свидетелей, он, подобно Орхе Базыбекову и агентам последнего, вел подрывную работу среди перебежчиков, призывал их к обратному нелегальному уходу в Восточный Туркестан, возводил клевету на условия жизни в Советском Союзе, в частности, в колхозах. Имеются свидетели других его антисоветских высказываний, поэтому я и склонен считать, что Саурбеков пришел в нашу страну не только в поисках временного убежища от справедливого наказания повстанческих властей.

— Несомненно. Он потенциальный враг Советской власти и только по одной этой причине не мог, оказавшись на советской земле, иначе действовать,— ответил майор.— Лично я считаю достоверным его рассказ о внедрении его гоминдановской разведкой в вооруженные силы народно-освободительного движения в Восточном Туркестане, провале и последующем разоблачении его повстанцами. Однако едва ли он мог встретиться с Курбаном после побега из тюрьмы повстанцев. Он не знал и теперь не знает, где скрывается Курбан. Судя по его показаниям, дамулла не был задержан повстанцами. Если бы это было так, их, несомненно, свели бы на очной ставке. Все это дает основание предполагать, что Саурбеков утерял связь с разведкой. Если дамулле и удалось уйти от повстанцев, маловероятно, чтобы он мог вновь встретиться с Саурбековым в промежутке между его бегством из тюрьмы и нелегальным уходом за кордон, то есть к нам, в Советский Союз. Не все ясно с этим калмыком. По словам Саурбекова, Насымбат тоже агент кунанжуз и они долгое время сотрудничали. И вот еще о чем надо поговорить с Саурбековым, а затем с Орхой Базыбековым. Как они ответят на один и тот же вопрос: когда, где и при каких обстоятельствах встретились в Энбекши-Казахском районе?

Новая беседа с Саурбековым началась с вопроса майора, почему Саурбеков поехал на жительство в Энбекши-Казахский район?

— Я,— ответил Саурбеков,— проживал два месяца у тестя, узнал из разговоров с ним самим и другими колхозниками, что многие перебежчики живут в этом районе и там можно получить работу и даже устроиться с жильем. На основании этих сведений мы с женой и приехали в Иссык. Остановились у знакомых отца жены. На другой день, а это было воскресенье, я пошел на базар и там встретил Орху Базыбекова. Понятно, обрадовался встрече с земляком. Он тоже отнесся ко мне хорошо, пригласил к себе домой, и мы долго сидели у него, беседовали сначала за чаем, а потом за бесбармаком о смене власти в Синьцзяне.

— И больше ни о чем другом в эту первую встречу вы не говорили с ним? — спросил майор.

— Я рассказал ему, как поспешно бежала из Калмы-Куре гоминдановская администрация и в их числе сотрудники уездной кунанжуз.

— Почему вы стали рассказывать ему о бегстве служащих полиции?

— Я знал, что он проживал в Кульдже и служил там в окружной полиции.

— Только ли это являлось поводом? Очевидно, разговору предшествовало что-то другое?

— Да нет, между нами ранее ничего не было.

— Почему же он сразу пригласил вас к себе?

— Во-первых, я только что приехал из Синьцзяна, а, во-вторых, тут же на базаре, вскоре после взаимных приветствий, я отдал ему письмо и сказал, что его передал мне переправивший нас с женой через границу калмык Насымбат.

— Что это за письмо?

— Насымбат сказал, что оно от Бурбе, знакомого Орхи Базыбекова. От кого оно на самом деле и о чем в нем идет речь, я не знаю. С просьбой взять письмо и передать Орхе Насымбат обратился ко мне уже у самой границы.

— Что еще говорил вам Насымбат о письме?

— Просил уберечь письмо от пограничников. Посоветовал припрятать на границе, в удобном месте, а потом, после обыска и проверки пограничниками, найти подходящий момент и взять.

— Откуда Насымбат знал о том, что вы некоторое время будете жить в пограничной полосе?

— Насымбат был близким мне человеком. Он хорошо знал и мою жену, родом из этого района, мы поделились с ним, что намерены просить разрешения местных советских властей на временное проживание у ее родственников. Я и жена все рассказали ему по пути к границе.

— Вы выполнили советы Насымбата?

— Да.

— Где вы прятали это письмо?

— Мы перешли границу в районе зеленой горы, как ее точно называют, я не знаю, и мне неизвестно, на чьей она территории, китайской или советской. Там, по моему предложению, мы с женой и сошли с лошадей. Я отошел метров на двадцать, к кусту боярышника, и под ним зарыл письмо, обернутое в шелковую материю. Потом положил на это место камень.

— Когда вы взяли письмо из устроенного вами тайника?

— Спустя, примерно, недели две. Вскоре после того, как закончились допросы на заставе и в местном районном отделении милиции, которая дала нам разрешение на двухмесячное проживание в пограничной зоне, у отца жены.

— В какое время вы это сделали?

— Ночью.

— О том, как вы ходили к тайнику, подробнее расскажете позже. А теперь скажите, письмо было обернуто в шелковую материю, когда вы передавали его Орхе Базыбекову?

— Да.

— Что представляла собой шелковая обертка?

— Орха Базыбеков, когда мы пришли к нему на квартиру, вскрыл это письмо в моем присутствии. Конверт письма был обернут в поношенный уже узбекский шелковый платок вишневого цвета, на конверте не было надписей.

— Орха Базыбеков говорил вам о содержании письма.

— Нет. Он прочел его и положил в карман.

— И позже он не делился с вами содержанием письма?

— Мы встречались с ним очень часто, но эту тему он не затрагивал.

На следующий день был проведен обыск в квартире Базыбековых — сначала у Орхи, а поскольку платок у него найден не был,— и у Нохи. Но и там платка не оказалось. Его нашли в доме у их отца, Базыбека Абитбекова. Он красовался на голове девочки Майраш.

В последовавшей беседе Базыбек Абитбеков рассказал, что платок этот Орха подарил его жене еще в 1945 году, а откуда сам достал, старику неизвестно.

Платок был предъявлен для опознания Саурбекову — среди других шелковых платков вишневого цвета, одинаковых по размеру. Саурбеков повертел их один за другим, как это делают опытные торговцы мануфактурой, и вскоре нашел среди них тот, которым было обернуто письмо Бурбе к Орхе Базыбекову.

— Куй железо, пока горячо,— сказал Шайгельдинов Прохорову.— Надо об этом сейчас же доложить Онгарбаеву.

10

Арест резидента иностранной разведки — событие не столь частое в работе контрразведки. И поэтому сотрудники, принимавшие участие в этой операции, с нетерпением ждали, когда назначенный вести расследование по этому делу капитан Ибрагимов покончит с процессуальными формальностями. Торопились увидеть, как поведет себя перед следствием Орха Базыбеков, послушать, что он ответит на убийственные для него вопросы. Все уже знали, что многое из антинародной предательской деятельности Орхи на территории Восточного Туркестана, обстоятельства, при которых его резидентура была переброшена, и цели ее пребывания в Советской стране доказаны с исчерпывающей полнотой. Не сможет же он опровергнуть показания отца, брата, зятя и многочисленных свидетелей, доказательную силу других документов предварительного следствия. Но как он конкретно будет вести себя — вот что всех интересовало.

И вот, наконец, Ибрагимов задал Орхе Базыбекову первый вопрос:

— Когда и где вы вступили на путь борьбы с Советской властью?

Базыбеков на какое-то время задумался. Видимо, в его памяти мгновенно ожили далекие берега Иссык-Куля, прогремели два выстрела, которые проложили ему дорогу к стенам кульджинской кунанжуз, к лаоцзуням, Турсуну и Ибраиму. По медленно набухавшей жилке на виске, по стиснутым намертво челюстям и побелевшим губам видно было, что Базыбеков решал в эти мгновения, что стоит признать, о чем умолчать. Видимо, он учел, что, во-первых, эти факты давно уже известны, а, во-вторых,

времени после этих «деяний» уже прошло много, и он может рассчитывать на снисхождение. Поэтому он решился на правдивый ответ.

Едва Орха Базыбеков умолк, как услышал следующий вопрос:

— На чем основывалась ваша дружба с Ибраимом и Турсуном?

Потянулась вторая продолжительная пауза. И опять Орха решал, что отвечать, о чем умалчивать. Но, хотя дела эти и происходили за рубежом, однако были они настолько грязны, что Орха решил от ответа воздержаться. Тогда майор Куспангалиев дал ему прочесть уже известные читателю показания Дулата Кабылтаева.

— Нет,— начал спорить Орха,— агентом окружной кульджинской, а позже уездной Калмык-Куринской кунанжуз я не был. Я действительно просил Дулата помочь мне, но как агенту по сбору налогов — выявлять лиц, укрывающих доходы, а не выполнять шпионские задания кунанжуз.

А на тот факт, что в одну из ночей осени 1943 года они, Орха и его брат Ноха, помогали сотрудникам кунанжуз Турсуну и Ибраиму схватить пятерых калмыков, намеревзвшихся нелегально уйти в СССР, и при этом загнали своих лошадей, Базыбеков заявил, что Дулат Кабылтаев не так его понял. На самом деле не они с братом, а работники кунанжуз ездили на их, Базыбековых, лошадях и задержали не пятерых, а трех человек, ездивших по торговым делам на советскую территорию.

Показания Дулата Кабылтаева о том, что Орха Базыбеков, приглашая его в Советский Союз, говорил, что они с братом едут по заданию полиции и что для прикрытия они и другие берут с собой семьи, а там в СССР должны будут, как им велели, поселиться в погранрайоне и выполнять задания кунанжуз, Орха тоже не подтвердил.

На этом закончился первый допрос шпиона. Он показал, что предстоит тяжелая, полная напряженности и неожиданностей борьба за полное его изобличение.

На следующем допросе были предъявлены показания Тастана Кабылтаева о том, что, являясь агентом полиции, Орха Базыбеков по заданию разведывательных органов гоминдана неоднократно тайком пробирался в пограничные районы Киргизии и Казахстана, о чем рассказывал летом 1942 года свидетелю и своему другу Мамуту, содержателю караван-сарая в городе Калмык-Куре.

— Да,— ответил Орха,— когда я бывал в Калмык-Куре, всегда останавливался у этого кашкарлыка, но не говорил ни ему, ни Тастану Кабылтаеву, что занимаюсь такими делами.

Базыбеков отверг также показания свидетеля Турара Алдабергенова о том, что, проживая в Синьцзяне, он работал в пользу кунанжуз. Орха сам настаивал на очной ставке с этим свидетелем. Однако в ходе этой ставки Турар Алдабергенов доказал, а Орха после длительных запирательств вынужден был признать, что он действительно знаком с Турсуном лаоцзунем, но знает его не с 1930, а с 1936 года и неоднократно встречался с ним как с официальным сотрудником кульджинского окружного управления полиции в связи с арестом брата Нохи.

— За что был арестован Ноха? — спросил его Онгарбаев.

— За умыкание жены местного богатого дунганина.

— Вам удалось освободить брата?

— Да, Ноху и его любовницу вскоре освободили из тюрьмы, а дунганину мы уплатили за жену выкуп.

— Все это вы сделали с помощью Турсуна?

— Н-н-нет,— сказал Орха неуверенно после краткого замешательства.

Прошло несколько дней, в течение которых Орха не давал правдивого ответа на этот вопрос. Говорил одно и то же, что его связь с Турсуном

лаоцзунем заключалась лишь в том, что через него он передавал брату продукты и узнавал о ходе следствия.

Ознакомившись с показанием отца Базыбека Абитбекова: «Мои сыновья Орха и Ноха были в дружественных отношениях с официальными сотрудниками кульджинской полиции Турсуном лаоцзуием и Ибраимом лаоцзунем», Базыбеков ответил:

— Я знал и Ибраима как сотрудника полиции, но никаких дел с ним не имел.

Затем следователь предъявил показания еще пяти свидетелей, но и их Орха голословно отказался подтвердить. Тогда ему была дана очная ставка с Бахытом Талапбаевым. Тот повторил слово в слово уже известное читателю. Орха признал только агентурную связь с кунанжуз брата Нохи, а сам-де не работал с ними, в СССР они прибыли не по заданию китайской разведки.

— Чем можно объяснить тот факт, что вы и ваши агенты в Энбекши-Казахском районе склоняли перебежчиков из Синьцзяна к обратному уходу в Восточный Туркестан? — спросил майор.

— Я не вел такой работы среди перебежчиков.

— Однако следствию известно, что вам удалось уговорить несколько человек к бегству в Синьцзян, и вы сами намеревались уйти в составе этой группы и там связаться с Бурбе. Говорите, чего уж тут таиться! Смотрите, сколько у нас имеется документов об этом,— сказал майор, показывая Базыбекову одни за другим протоколы показаний свидетелей.

Орха Базыбеков напряженно смотрел то на майора, то на следователя и Онгарбаева, но продолжал произносить: «Нет и нет». Других слов он не говорил. И только когда майор спросил его, знает ли он перебежчиков Айдарова, Кенжегалиева и Кадырбекова и где они сейчас находятся, Орха ответил:

— Айдарова, Кенжегалиева и Кадырбекова я хорошо знаю. Ныне эти люди живут в Синьцзяне, а раньше жили в Энбекши-Казахском районе.

— Как это понимать? — спросил Онгарбаев.

— Они бежали из этого района обратно в Синьцзян.

— Говорите толком,— заметил майор.— Как вы узнали об этом?

— Я знаю об их побеге в Синьцзян потому, что мы состояли в сговоре и сам я готовился уходить вместе с ними из Советского Союза. Но не удалось. Милиция арестовала моего брата, и я остался.

— Кто был инициатором этого побега? — спросил майор.

— Я,— ответил Базыбеков, подумал и через некоторое время добавил: — Считал, что вместе с другими легче осуществить этот рискованный шаг.

— Почему вы решили нелегально вернуться в Синьцзян?

— Думал, что смог бы жить там лучше, чем здесь.

— И только? — майор и Онгарбаев засмеялись. Улыбнулся и Орха наивности своего ответа.

— Вы утверждаете, что других целей не преследовали? — спросил уже серьезно майор.

— Конечно, я рассказал бы Бурбе обо всем, что видел в Советском Союзе. Но где его теперь найдешь? Ведь там, в Синьцзяне, другая власть, и он сам бежал оттуда еще во время революции, а куда скрылся и где сейчас находится — не знаю.

— Проживая в Энбекши-Казахском районе, вы получали дополнительное задание разведки гоминдана? — спросил, роясь в бумагах, Куспаигалиев.

— Нет.

— Снова взялись за вранье? Следствию известно, что вы получили от специально приехавшего к вам связника письменное задание вашей разведки. Расскажите, когда это было и при каких обстоятельствах встретились со связником? — настаивал майор.

— Нет, этого не было,— ответил Орха, но в голосе его прозвучала тревога, которую он не смог скрыть.

Майор попросил Ибрагимова вызвать надзирателя и отправить Базыбекова в камеру. Затем пригласил Николаева, коротко ввел его в курс дела и, обращаясь к Онгарбаеву, сказал:

— Очевидно, без очной ставки мы здесь никак не обойдемся, хотя и в этом случае маловероятно, чтобы он признал встречу со связником.

— В подтверждение этого факта,— сказал Онгарбаев,— мы располагаем показаниями Саурбекова, свидетеля Бахыта Талапбаева, который лично видел письмо сотрудника гоминдана в руках у Орхи в его квартире, и косвенными показаниями свидетеля Турара Алдабергенова, знающего об этом письме-задании со слов Бахыта Талапбаева. И, пожалуй, на очной ставке можно добиться большего эффекта.

После продолжительной паузы в разговор вступил Николаев.

— С того времени, когда Турар Алдабергенов, а затем Талапбаев дали показания о получении Орхой письменного задания от гоминдановской разведки и уничтожении письма, мы с Галиевым и Шайгельдиновым изучили много предположительных путей его доставки резиденту. И от всех версий отказались, за исключением последней, как наиболее вероятной.

— Какой? — с интересом спросил майор.

— Не буду сейчас подробно излагать ход наших рассуждений. Скажу лишь вывод, к которому мы пришли. Это мог взять на себя и выполнить только Кенен Саурбеков, и, как вы знаете, мы не ошиблись в своих выводах. А заподозрили мы именно его потому, что он после нелегального перехода к нам несколько месяцев проживал поблизости у родственников жены и, следовательно, имел возможность бывать у линии границы. Далее, в процессе нашей работы выяснилось, что они, Базыбековы и Саурбеков, знали друг друга еще там по Калмык-Куринскому уезду и, что еще не менее важно, почти повседневно общались с самого начала появления Саурбекова в Энбекши-Казахском районе, в конце августа 1945 года. И назовет Орха его своим связником или нет, встреча их, теперь уже в нашем здании, неизбежна.

Майор слушал внимательно. Он время от времени отзывался на высказываемые Николаевым доводы коротким «да», а когда тот закончил, сказал:

— Скорей всего подтвердить все это на очных ставках вряд ли удастся.

— Признает он или нет, очные ставки надо проводить,— сказал Онгарбаев.

— Такую необходимость я не отрицаю и не об этом говорю. Будет ли достигнут желаемый эффект? Вот в чем вопрос,— ответил настаивательно майор.— Надо подумать о других мерах.

— У Бахыта имеются большие возможности для разоблачения Орхи Базыбекова,— продолжал Онгарбаев.— Он не только видел это письмо, но слышал суждения Орхи об опасности и нецелесообразности дальнейшего хранения этого документа. Жаль, конечно, что Бахыт не знает, кто привез Орхе это письмо. Мы-то теперь уже знаем этого лазутчика.

После обсуждения создавшейся ситуации в следственном отделе министерства майор Куспангалиев принял решение — дать очные ставки Орхе Базыбекову, но сначала не с Саурбековым, а с мачехой — по обстоя-

тельствам передачи ей шелкового платка вишневого цвета. Затем уже с Саурбековым и в конце с Бахытом Талапбаевым.

Орха Базыбеков, по крайней мере наружно, остался спокойным, когда утром следующего дня увидел в кабинете Онгарбаева свою мачеху. Она бросилась было к нему со слезами на глазах и причитаниями, но переводчик остановил ее и вернул на место. В этот момент в глазах Орхи промелькнула тревога. Но он тотчас же взял себя в руки. Мачеха еще шмыгнула носом несколько раз, но, выпив глоток-два воды, поданной ей переводчиком, успокоилась. Опознав вишневый платок, лежавший в числе других на приставном столике, она объяснила обстоятельства, при которых Орха подарил ей этот платок. Но Орха ответил, что платок видит впервые и не давал его мачехе. «Она путает»,— сказал он далее голосом громче обычного, видно, с досады, и смолк. Алхан, так звали эту уже не молодую женщину, в ответ удивленно посмотрела на Орху и, как поняли следователи, сообразила, почему Орха отказался подтвердить ее показания, сникла, но ничего больше не сказала. А когда ей предложили подписать ее показания, записанные в протоколе очной ставки, она сделала это так же робко, как и вначале, подписывая объявленное ей письменное предупреждение об ответственности за дачу ложных показаний. Выходя из кабинета, обернулась, посмотрела на Орху и вновь заплакала. Вслед за ней увели в камеру Орху Базыбекова. Решено было дать ему некоторое время на размышления. Во второй половине дня его вызвали вновь, теперь уже на очную ставку с Саурбековым.

Признав, что встречался с Саурбековым на базаре в Иссыке и после этого угощал его у себя дома и беседовал с ним об изгнании гоминдановцев из Синьцзяна, Орха наотрез отказался подтвердить показания Саурбекова о передаче им свертка в вишневом платке с письмом Бурбе. Однако Орха долго не решался подписать эти свои показания.

Когда утром следующего дня Орха увидел в том же кабинете своего зятя Бахыта Талапбаева, он оторопело посмотрел на него, не смог даже поздороваться, сел на предложенный стул и опустил голову. Все заметили, что прежняя самоуверенность оставила его.

— Когда и где вы видели у Орхи Базыбекова письмо, полученное им из Синьцзяна от гоминдановской разведки? — спросил майор Талапбаева.

— Это было в квартире Орхи Базыбекова незадолго до моего ареста. Боясь разоблачения, а на эту тему мы часто говорили после ареста Нохи, Орха Базыбеков говорил мне, вынув из кармана письмо, что этот документ — письменное задание наших руководителей, когда-то нужен был нам, а теперь хранить его стало опасно. Затем достал коробку спичек и зажег письмо, тут же понес его, уже горевшее, и бросил в угол, у входной двери в квартиру. Обождал, пока оно сгорело все, растер пепел и прикрыл веником.

Орха Базыбеков не дал прямого ответа, но не стал и оспаривать показаний Бахыта. А тот еще раз заявил, что рассказал следствию правду и расскажет об этом так же обстоятельно на судебном процессе. Он, действительно, так потом и поступил.

С Орхой Базыбековым продолжался разговор после очной ставки весь остаток дня, но безрезультатно. Он не сказал по этому вопросу ни одного слова. Но и ничто уже не могло ему помочь. Последние три очных ставки сломили его душевное равновесие, поколебали убежденность позиции, которой он придерживался на следствии. Он понял, что разоблачен полностью. Под давлением предъявленных ему на предварительном следствии улик он на заседаниях трибунала признал свою принадлежность к гомин-

дановской разведке и то, что в СССР пришел во главе резидентуры с целью проведения здесь антисоветской подрывной работы и сбора разведывательных данных.

* * *

Крутые сопки южного берега, густо облепленные кустами боярышника и барбариса, тяньшанской елью и осиной, местами уже пожелтевшей, да несколько белых кучевых облаков отражались в зеркальной бирюзовой глади озера. В западной стороне, высоко в небе, парил орел, и его бледная тень, казалось, не скользила по озеру, а уходила в бездонную глубину прозрачной холодной воды и терялась там. Горное безмолвие нарушал лишь отдаленный рев водопада.

— Вот здесь, на северном берегу озера,— продолжал Шайгельдинов начатый им пересказ разговора со свидетелем Тлевалды Кабылтаевым,— в стороне от посторонних глаз, пировали они не один раз и вскоре после того, как Саурбеков приехал.

Немного уставшие после подъема к озеру по крутой тропе, проторенной пешеходами так близко к ниспадавшей каскадами воде, что брызги ее все время пути освежали друзей, Райхан Галиевич и Зияш уселись на камнях, любуясь озером и окружающими его горами.

— Интересно, а почему Тлевалды Кабылтаев не рассказал нам об этом на допросе его в качестве свидетеля? — спросил Райхан Галиевич.

— Говорит — забыл,— ответил Зияш, расстегивая ворот гимнастерки и усаживаясь поудобнее на выступ громадного камня, уходившего своим основанием в глубь озера.

Вскоре они покинули озеро и, спустившись к подножию водопада, где оставили своих лошадей, направились в соседнее ущелье, к животноводам. Туда позвало их новое дело...

К. ТОКАЕВ

Меченое золото [1]

1

Ночной дождь смыл с асфальта пыль и сажу. Раннее апрельское утро сверкало чистотой и свежестью. Яркие солнечные лучи слепили глаза. Чуть распустившаяся молодая листва огромных тополей окутала стены домов кисеей нежной зелени.

Шайдос шел по улице, оглядывая тополя и чему-то улыбаясь. Прохожих было мало. Сонливо и почти неслышно ползли по маршрутам редкие автобусы, будто тоже боялись нарушить волшебную красоту утра.

У здания Комитета госбезопасности Шайдос замедлил шаги и посмотрел на часы. Времени еще было предостаточно. Он повернул к скверу напротив. Сегодня старшему лейтенанту Шайдосу Канысбаеву не мешало посидеть немного в утренней тиши и привести в порядок свои мысли.

...Полтора месяца тому назад в Комитет госбезопасности позвонил некто Ляшкеров. Он потребовал, чтобы его немедленно принял кто-нибудь из начальства.

— По какой причине обращаетесь сюда? — спросил дежурный.

Ляшкеров ответил, что его разговор не для чужого уха и ему нужно говорить с начальником с глазу на глаз. Потом, помедлив, добавил:

— Если что-нибудь случится, сами будете виноваты. Я буду считать, что моя совесть чиста. Я не собираюсь больше носиться с этим проклятым золотом...

— Вы сказали — с золотом? — переспросил дежурный.

— Примут меня или нет?

---

[1] Произведение печатается в сокращенном варианте.

— Подождите немного, не вешайте трубку.— Дежурный позвонил по внутреннему телефону майору Кирсанову и через минуту ответил Ляшкерову: — Вас будет ждать в комнате приема посетителей ответственный работник. Вход с улицы Виноградова. Когда прибудете?

— Через полчаса.

Он пришел точно в обещанное время.

— Проходите,— майор Кирсанов предложил посетителю стул.— Будем знакомы — моя фамилия Кирсанов, а это товарищ Канысбаев. Итак, расскажите, что за дело привело вас к нам.

— Я работаю на центральной электростанции. Слесарем. Фамилия моя Ляшкеров.

Кирсанов скользнул взглядом по сидевшему перед ним человеку. Сероглазый, светлолицый, вислые усы, одет в зеленое пальто из дорогого драпа с серым каракулевым воротником. В руке мнет шапку из такого же серого каракуля. На ногах новые хромовые сапоги.

— Да. Продолжайте.

— Я, товарищ начальник, неспроста попросился на прием. Я принес золото. Меченое,— Ляшкеров сунул руку за пазуху и достал из внутреннего кармана сверток. Не спеша развернул тряпицу и протянул Кирсанову:

— Поглядите сами, здесь какие-то знаки, а что означают — не пойму.

На тряпице лежал прямоугольный красноватый брус с правильными гранями. Кирсанов и Канысбаев поочередно прикинули на руках вес слитка, внимательно осмотрели его. На поверхности бруска были явственно видны какие-то знаки. Несколько черточек в центре напоминали китайский иероглиф, а в косых солнечных лучах они принимали очертания трехглавого дракона. Под ними виднелись цифры — 09995. Канысбаев, не сводя глаз с цифр, спросил у Кирсанова:

— Что могут означать эти знаки, Сергей Епифанович?

— Подумать надо...

— И цвет у слитка какой-то странный.

— Похоже, что это очень чистое, червонное золото. Мало примесей, оттого и красноватый оттенок.

Ляшкеров был чрезвычайно доволен, что поверг в изумление таких занятых и серьезных людей. Он приободрился и теперь заговорил свободнее:

— Шучу, конечно, но старики не зря говорили: господь, создавая человека, сорок раз перекраивал его. Когда я собирался идти к вам, шайтан ну прямо вцепился мне в печенку: «Эй, Ляшкеров, не будь дураком! Что ты делаешь? Не разбрасывайся счастьем, оно под ногами не валяется! Ни одна живая душа не знает, что у тебя есть золото. Сбудешь его, и тебе на весь твой век хватит. Ни в чем нужды не будешь знать». А тут еще жена начала подпевать: «И что ты за дурень? Ну не украл же ты его! Что мы, не имеем права пожить в свое удовольствие?» Совсем я заморочился. Пилит проклятая баба, а совесть покоя не дает: «Смотри, не простые это знаки. Лучше сдай его! Здесь наверняка какая-то тайна».

Кирсанов повертел в руках слиток.

— А откуда у вас золото? Кто вам его дал?

— Кто дал? — Ляшкеров смущенно пожал плечами.— По правде говоря, не знаю.

— Как не знаете?

— Да так вот, товарищ начальник. Не знаю.

— Я вас что-то не пойму.

— Вы послушайте, как все началось. У меня есть машина. «Москвич» первого выпуска. Такой старый, что едва на ходу не разваливается. Два

часа он меня возит, а потом два дня я с ним вожусь. Только и делаю, что запчасти ищу.

— Вы расскажите, где взяли золото!

— К тому я и веду речь, товарищ начальник. Так вот. Как-то поутру едем мы с женой с базара — лук там купили, овощи, в общем по хозяйству. И, как назло, заглох мотор на самом перекрестке. «Москвич» мой ни туда ни сюда. Глянул я вправо, а оттуда несется на нас огромный самосвал. Ну, думаю, все! Услышал, как завизжала жена, и зажмурился. Конец! Прижался к ней, считаю про себя, сколько еще жить осталось. Не успел досчитать до пяти, чувствую — кто-то дергает за плечо. Открываю глаза, а в кабину заглядывает какая-то рожа. Ухмыляется. Потом оказалось — шофер самосвала. Спрашивает: «Чего, дядя, перепугался? Не бойся, я еще никого не давил... Чего торчишь на перекрестке? Случилось что?» Тут я очухался, выбрался из машины и пошел вместе с парнем смотреть мотор. Подняли копот, а там лопнул этот проклятый ременный привод. Давай мы с ним возиться, а жена выскочила и кричит: «Чтоб ты сгинул, Канай! Чтоб ты пропал со своей машиной! В жизни больше не сяду с тобой!» — и бегом к остановке. Даже не обернулась. Хорошо, парень этот добрый человек оказался. Дотащил на прицепе до самого дома. Да еще пообещал достать кой-какие запчасти. Ну, а потом случилось самое главное. Кажется, в воскресенье, да, точно, в воскресенье, вышел я после ужина во двор. Вышел, значит, присел на крылечке, курю. Вдруг слышу — стучат в калитку. Подошел к ограде. Время было позднее, ничего не разглядеть. Спрашиваю: «Кто там?» — никто не отвечает. Потом вдруг слышу:

— Эй, хозяин, запчасти нужны?

Я от радости чуть не перепрыгнул через ограду. Кричу ему:

— Ой, айналайн, еще как нужны! — и бросился открывать калитку. Вижу стоит кто-то. В руках ничего нет. Спрашиваю:

— А где же твои запчасти?

— Не очень-то гостеприимны, аксакал,— отвечает тот.— Кто же гостя держит за порогом? — усмехнулся и прошел во двор. Прикрыл за собой калитку, огляделся по сторонам.

— Кто дома? Чужих нет?

— Кому чужому быть? Сидим вдвоем со старухой.

— Григорий привет вам большой передает.

«А, думаю, Григорий — тот шофер с самосвала»,— и отвечаю:

— Спасибо. Как он сам, здоров? Он мне кое-что обещал. Жду не дождусь, когда пришлет.

— Григорий — человек слова. Дважды не обещает. Просил вот передать. Велел сказать, что это за прошлые рога, и чтобы присылали побольше,— гость сунул мне в руки вот этот самый сверточек.

Чувствую — сверточек хоть и маленький, а тяжелый. Только что это за рога? Какая-нибудь деталь машины? Почему я не знаю? Я решил расспросить подробнее и пригласил гостя в дом.

— Нет, аксакал, времени в обрез. На рассвете в путь, а мне еще кое-где побывать надо,— и он исчез в темноте. Уже из-за ограды спросил: — Что передать Григорию?

— Скажи, что не останусь в долгу.

— Хоп, до встречи!

— Счастливого пути!

Не терпелось побыстрее взглянуть, что мне такое прислали. В прихожей я развернул тряпицу. И чуть не ахнул. Сердце покатилось куда-то вниз. Колени задрожали — то ли от радости, то ли от испуга,— не разберешь. Кусок золота! В это время раздался крик жены, сидевшей за шить-

ем: «Когда в нашем доме будет мужчина? Ножницы — и те тупые!» Я сунул золото за пазуху, взял у нее ножницы и спустился в погреб — искать точило. Там припрятал сверток под разным барахлом в самом дальнем углу. С тех пор, как наступит вечер, теряю покой. Оглядываюсь на каждый шорох. Все кажется, что вот-вот заявится тот человек и потребует свое золото. Прошло две недели. Потом еще одна. Никто не приходит. Все дни я терпел, держал рот на замке. А есть у меня дурная привычка: разбалтываю все жене. Сколько раз жалел об этом! Но стоит проклятой бабе приласкать меня — куда все девается! В такую минуту я и проговорился насчет золота. Жена сначала вытаращилась на меня, не знала — верить или нет. Потом начала поправлять ворот моей рубашки. Улыбнулась ласково так и погладила по плечу. И начала упрашивать, чтобы я показал ей золото. «Теперь от нее не отделаешься»,— подумал я и мигом слетал в погреб. Вернувшись, отдышался, развернул сверток и подал жене. Она осторожно посмотрела на золото и говорит:

— Это все?

Я чуть до потолка не подпрыгнул.

— Что ты мелешь, а? Дура! Я что — золото в огороде выращиваю? — и вырвал у нее из рук сверток. В другой раз она бы ни за что не спустила мне такое, а тут молчит. Даже внимания не обратила на мой крик.

— Ту-у, погоди немного, Канай! Кто ж его раньше видел, это золото? — И опять потянулась за свертком.— Вот, значит, оно какое? Обыкновенное, если б не блестело. Ой, Канашжан, и заживем мы с тобой теперь! Ты не беспокойся, я сама найду покупателя. Только надо узнать, почем его продают.

— Да ты в своем уме? Какая продажа? А если хозяин придет?

— До сих пор не заявился, значит, и не придет. Хозяева теперь будем мы. Даже если по дешевке продать, и то сколько денег будет! Перестанем считать дни до получки.

Что говорить, могла бы она меня уломать, но сама же, к счастью, повернула все другим боком. Пока я колебался, она разглядывала золото так и сяк, потом говорит:

— Что-то тут нарисовано — то ли змея, то ли дракон. Что это? — и этим вопросом укрепила во мне мысль, что надо сообщить куда следует о подарке какого-то Григория.

— Если бы эта мысль укрепилась в вас в тот же день! Если бы вы сразу сообщили нам, то загадка вашего золота была бы уже решена. А вы продержали его почти месяц. Опрометчиво поступили и себя в сложное положение поставили,— Кирсанов передал тряпицу со слитком Шайдосу.— Впрочем, нас тоже.

— Шутка ли, товарищ начальник, отказаться от такого богатства. Всю жизнь считал себя честным человеком, а тут словно ослеп.

— Ну, что ж, нам, товарищ Ляшкеров, нужны точные сведения. Кто к вам приходил? Откуда? Как выглядел? Понятно, что вы знать не знаете этого человека, но хотя бы назвать его приметы можете?

— Да какие тут приметы, товарищ начальник? Я ведь говорю, время было позднее, темно. Слона не разглядишь, не то что человека. И потом я совсем голову потерял от радости. Думал, запчасти. До лица ли тут было, до примет ли?

— Но все-таки?

— Дайте припомнить. Значит, так: вроде чернявый, плотный такой. Длиннолицый — это точно, так и стоит перед глазами. На голове, помню, кепка. Прощаясь, он приподнял ее за козырек. Одет то ли в полушубок, то

ли в короткое полупальто. Что еще? Да! Брюки у него заправлены в сапоги. Кажется, все. А вот лицо так и не разглядел.

— Это все, что вы знаете?

— Все, товарищ начальник.

— Ну, хорошо. Теперь я вас попрошу: изложите письменно все, что вы нам рассказали.

Ляшкеров почесал затылок:

— Писать — для меня хуже не придумаешь. Наговорить-то я могу, а вот описать на бумаге...

— Ничего страшного. Напишите по порядку, как было. Договорились? — Кирсанов встал.

Ляшкеров вздохнул, не спеша снял пальто, уселся за стол и опять вздохнул:

— Дай-то бог суметь.

...К концу рабочего дня Кирсанов с заявлением Ляшкерова и слитком пришел на доклад к своему начальнику подполковнику Бессонову. Подполковник выслушал, не перебивая, очень внимательно. Повертел в руках слиток и спросил:

— Как вы думаете, Ляшкеров в самом деле не разглядел человека, с которым встретился лицом к лицу? Или что-то скрывает от нас? Верить ему можно?

Майор Кирсанов уже навел все справки о Ляшкерове. Звонил и на работу. В цеховом комитете дали прекрасную характеристику: слесарь высокой квалификации, в данной энергосистеме работает беспрерывно с 1932 года, не раз награждался ценными подарками и Почетными грамотами. В годы войны за ударный труд дважды удостоен правительственных наград, в коллективе пользуется уважением. За свою жизнь он лишь однажды выезжал за пределы Алма-Аты — отдыхал на курорте в Крыму. Да и то вернулся на работу на десять дней раньше, так и не догуляв свой отпуск. В работе аккуратен. Когда нужно, может сутками не покидать цех, не считаясь со временем.

— Выходит, человек безупречной репутации? Никаких «но»?

— Я докладываю о характеристике, данной администрацией и цеховым комитетом.

— А сами какого мнения?

— По-моему, бесхитростный, откровенный человек. Во всяком случае, рассказал он все без утайки.

Подполковник встал, походил по кабинету. Потом присел на стул напротив Кирсанова и заговорил в своей обычной, несколько ироничной, как считали мало знавшие его люди, манере:

— Сергей Епифанович, не сходятся концы с концами. Приходит вечером к Ляшкерову незнакомый человек, отдает за здорово живешь слиток золота. Не задал ни единого вопроса, не спросил даже, с кем имеет честь, так сказать... Ляшкеров же, проговорив с ним несколько минут, золото берет, а лица не запоминает.

Майор понял, что начальник отдела сомневается в Ляшкерове. Надо доказывать свое мнение более аргументированно.

— Товарищ подполковник, я убежден, что у Ляшкерова был не хозяин золотого слитка, а связной. Хозяин мог и не сказать, с кем тому предстоит встретиться. Обычно так и бывает. Кто торгует золотом, не афиширует сообщников. Иначе ниточка может потянуться к нему самому. Мне кажется, он указал адрес и велел отдать золото тому, кто отзовется на пароль. А ответы Ляшкерова прозвучали именно как отзыв. Конечно, совпадение невероятное, но бывает. Во время ужина Ляшкеров принял свой

обычные сто граммов. Это, несомненно, сказалось на его наблюдательности.

— А он что, неравнодушен к этому делу?— подполковник с усмешкой щелкнул себя по кадыку.

— Я бы не сказал этого. Дело тут вот в чем: ему пошел шестой десяток, а у них с женой нет детей. В его возрасте это серьезная драма. Чтобы хоть как-то уйти от тяжелых мыслей, он вечером после работы позволяет себе выпить.

— Понимаю вас, Сергей Епифанович. Итак, Ляшкеров — честный человек, не способный на преступление?

— Я уверен в этом.

— Хорошо, я согласен с вами. Мы должны верить в честность людей. И в то же время не забывать, что наша профессия — это в первую очередь бдительность. В общем, резюмируем: меченое золото попало в руки того, кому не предназначалось.

— Именно так, товарищ подполковник. Сами знаете, город растет, старые дома сносятся, новые строятся. Многие улицы переименованы. Мне кажется, связной перепутал адреса.

— Согласен, Сергей Епифанович, но пока как с предположением. Исходя из него, давайте прикинем: с какими улицами можно по названию спутать улицу Яблочкова? Установите, какие улицы в городе переименовывались. На этих улицах необходимо выявить всех, кто проживает без определенных занятий. Во-вторых, не будем считать хозяина золота Крезом. Рано или поздно ошибка связного выяснится, хозяин хватится своего добра. Не думаю, чтобы он позволил уплыть из рук такому богатству.

— Все ясно, Леонид Леонтьевич. Я попросил Ляшкерова сообщать о каждом новом человеке, который начнет искать встречи с ним.

— Кому думаете поручить вести дело?

— Старшему лейтенанту Канысбаеву.

— Не возражаю. Дельный парень. Где он сейчас?

— У себя. Перед приходом к вам мы обсуждали с ним кое-какие детали по делу.

Бессонов поднял трубку телефона, набрал номер Канысбаева. Тот ответил сразу, будто ждал звонка.

— Шайдос Канысбаевич, здравствуйте. Говорит Бессонов. Майор Кирсанов доложил мне о порученном вам деле. Меня интересует, сколько нужно вам времени, чтобы установить, кто и откуда приходил к Ляшкерову.

— Полтора месяца, товарищ подполковник.

Бессонов подумал и переспросил:

— Полтора месяца, говорите?

— Да. Разрешите соображения и обоснования по этому поводу доложить по истечении срока.

— Хорошо. Жду вас с докладом двадцатого апреля. Так и отмечаю в календаре.

2

И вот сегодня срок истекает. Шайдос, когда просил у подполковника Бессонова полтора месяца на розыск, строил расчеты на том, что неизвестный, приходивший к Ляшкерову, очень спешил. «...времени в обрез. На рассвете в путь...» Судя по этим словам, он собирается куда-то ехать. Сейчас весна. Экспедиции, которые выезжают на все лето, еще только готовятся. В других учреждениях и организациях командировки не быва-

ют продолжительными. Выходит, через месяц в самом крайнем случае он должен вернуться в Алма-Ату. Вернется — узнает, что ошибся адресом, и постарается разыскать Ляшкерова. Но вот прошли полтора месяца, а никто к Ляшкерову не наведывался. Неужели связной исчез бесследно? Об этом и думал сейчас на скамейке в сквере старший лейтенант Канысбаев.

Ляшкерова подробно проинструктировали, как себя вести, что делать, если к нему обратится кто-нибудь незнакомый — кем бы он ни назвался. Может, конечно, оказаться и так, что тот не пойдет на открытую встречу. Ночной гость Ляшкерова при прощании говорил, что должен побывать еще кое-где. Куда он собирался? К кому? Там, может, и затаился сейчас?..

В кабинете Шайдос открыл сейф и достал папку, где лежало заявление Ляшкерова. Раскрыл ее, подержал на ладони, будто прикинул на вес, и бросил на стол. Несколько минут разглядывал бумаги в папке... Поверх исписанных Ляшкеровым листов лежало заключение экспертов. Меченый слиток в первый же день направили на экспертизу в специальную лабораторию. Эксперты заключили, что это золото пробы 999,5. Вес — 312,2 грамма. Специалисты предполагали, что слиток — из золотого запаса какого-либо государства. Метками зашифрована принадлежность слитка. Шайдос столько раз перечитывал текст заключения, что выучил почти наизусть. Золотой запас хранится в особо секретных условиях, и никто посторонний не имеет к нему доступа. Это исключено! Но как меченый слиток попал в частные руки? Как оказался в нашей стране?..

Зазвонил аппарат внутренней связи.

— Как дела, Шайдос? — интересовался Кирсанов. Майор последние дни был в командировке и вернулся только прошлой ночью.— Сегодня кончается срок. Что будем докладывать Леониду Леонтьевичу? Зайдите ко мне, посоветуемся.

Когда Шайдос вошел, Кирсанов отодвинул в сторону желтую потрепанную папку и заговорил без всяких предисловий:

— Позавчера я был в Панфиловском районе. Вместе с сотрудниками областной милиции ездил на центральную усадьбу колхоза имени Калинина, а затем в Хоргос. Ты, кажется, знаешь лейтенанта Майлыбаева из уголовного розыска? Он тоже там был. И вот что я хочу тебе рассказать. На днях вернулись на родину из Китая несколько сот семей. В основном казахи и уйгуры. Приезжают со всем домашним скарбом и скотом. К их приезду в Хоргосе объявился некий Жапаров. Тоже из Китая, но приехал раньше, году в пятьдесят пятом. Живет в нашем городе, на улице Подгорной. Занимается тем, что скупает всякую мелочь у приезжающих с той стороны. В прошлый приезд, например, купил спинки старой железной кровати. Некоторые любопытные посмеивались: зачем, мол, берешь металлолом, он же гроша ломаного не стоит. Жапаров ответил: «Бабка у меня, божья душа, любит старину всякую. Отнесу ей, пусть любуется, работа, сами видите, прямо-таки ювелирная». Ну, Майлыбаев и засомневался, прихватил с собой участкового, навестил любителя старины. И что же? Спинки те ржавеют в сенях, а про бабку Жапаров врал. Даже не мог вспомнить, когда она умерла. Майлыбаев и занимается с той поры «бабкиной кроватью». Я попросил его держать нас в курсе дела.— Кирсанов замолчал, заметив, что Шайдос насторожился.

— А на распил Майлыбаев эти спинки не проверял?

— Проверял. Никаких чудес — обыкновенная железная кровать. Что заслуживало внимания, так большие шары с обеих сторон над дужками. Откручиваются. Майлыбаев заподозрил, что в них перевезли наркотики.

Тщательно проверил, но ничего не обнаружил, никаких следов. Так и не узнали, зачем Жапаров купил это старье. А у тебя какие новости? Чем порадуешь?

Трель телефонного аппарата на боковом столике прервала их разговор. Кирсанов поднял трубку:

— Слушаю вас, товарищ подполковник. Да, у меня. Хорошо.— Майор поднялся из-за стола, взглянул на Шайдоса.— Пойдем к начальнику.

Подполковник Бессонов был, похоже, в превосходном настроении. Он приветливо поздоровался, предложил садиться.

— Ну, как, Шайдос Канысбаевич, вериулся ваш путешественник?

— Нет, товарищ подполковник.

— Уверены, что нет, или предполагаете?

— Предполагаю, товарищ подполковник.

— А вы как считаете? — обратился Бессонов к Кирсанову.

— Трудно утверждать наверняка. Доказательств никаких.

Начальник встал из-за стола, прошелся по кабинету, потирая пальцем подбородок. Остановился перед сидевшим в кресле Шайдосом и заговорил, не поднимая головы, будто размышляя вслух:

— По-моему, тоже нет. И вот почему,— он улыбнулся, заметив нетерпеливое движение Шайдоса.— Насколько мне помнится, вы доказывали, что человек, приходивший к Ляшкерову, не знал, к кому он идет, потому что торговцы золотом стараются не распространять сведений о своих сообщниках. Я поддержал эту мысль. И правильно сделал — мысль стоящая. Теперь развиваю ее дальше: человек, принесший золото, выполнял роль маленького звена, посредника, и ему нечего бояться Ляшкерова. А если нечего бояться, то он мог бы прийти к нему вновь. Да, ваш путешественник еще не объявился. И вряд ли объявится скоро.

— Простите, Леонид Леонтьевич,— вмешался Кирсанов,— и что же дальше?

— Мы знаем качество золота и его происхождение. Оно очень высокой пробы и наверняка из золотого запаса какой-то страны. На вопрос, каким образом слиток мог появиться в нашей стране, ответ может быть один: контрабанда. Подобные действия рассматриваются как валютная диверсия против нашей экономики. Вспомните-ка: что говорил незнакомец Ляшкерову? «...еще кое-где побывать надо»! Значит, связи валютчиков обширны.— Бессонов немного помолчал.— Когда вы просили у меня полтора месяца сроку, я понял ход ваших рассуждений, но теперь скажу: ничего нам не дадут ни полтора, ни два и ни три месяца сроку. Время пока играет против нас. Поэтому надо выяснить в первую очередь — по каким каналам и в каком месте переправляется золото через границу, кто причастен к этому. Затем нужно выяснить скупщиков золота здесь, в городе. Контрабандисты, несомненно, связаны с ними — сплавляют свой товар через них. И еще вот что! Вы задумывались, что означают рога, о которых упоминал связной? — Бессонов взглянул на подчиненных. Не дождавшись ответа, продолжал: — Можно предположить, что речь идет о маральих пантах, скажем, о выручке за их продажу. Ценятся они высоко. И все-таки трудно представить, сколько нужно продать этих пант, чтобы получить за них такой слиток. Так что подумать есть над чем.

Шайдос осторожно предложил:

— Может, посоветоваться со специалистами?..

— Совершенно верно,— одобрительно отозвался Бессонов.— Поговорите с фармацевтами, учеными, специалистами в области народной медицины. Возможно, существуют еще какие-нибудь дорогостоящие рога. По-

видимому, надо продумать во всех подробиостях плаи разработки этой линии. Пока все, товарищи.

Кирсанов с Канысбаевым иаправились к выходу.

3

Зелеиый базар с утра гудит, как пчелиный улей. Кто приходит сюда впервые, теряется от беспорядочиого шума и гама иад рядами, его одурманивает приторио-сладкий и в то же время терпкий аромат ранних фруктов.

Жапаров скользнул взглядом по привычным картинам базариой суеты, прошел по рядам и остановился возле любителей кумыса. Взял банку, прнложился к ней, выпил залпом половнну н поспешил в толпу. Повертелся между прилавками, выбрался на улицу Пастера, дошел до трамвайиой остановкн. Постоял немного и снова заспешил к базару, будто забыл там что-то. Сделал очередной круг и, сунув под мышку потрепанный черный портфель, который держал до этого в руках, неторопливо опустился на корточки рядом с человеком в полосатом халате. Тот сидел в тени, прислоиившнсь спиной к стене высокого крытого ряда.

— Как дела, Самат? Рано ты пристроился в холодке. Не успела торговля разгореться, а ты уже устал?

Самат леинво поднял голову. По молодому еще лицу трудно было понять: то ли он проснулся, то лн собнрается вздремнуть.

— А-а, Кожанияз, привет! — Самат встал, отряхнул полы халата и побрел в сторону. Он прошел метров десять, оглянулся и сделал еле заметный знак Жапарову.

Они вышли на окраину базара. В укромном местечке за туалетом Самат вытащил из-за пазухи коробку папнрос «Казбек» и передал Жапарову. Вндя, что тот нерешительио миется, усмехнулся:

— Прячь скорей, все равно здесь ие пересчитаешь. Да ие бойся... без обмана. Не забудь — там и моя доля, за то, что сбыл товар. Я нашел тут одиого человека. Очень богатый. На днях пристали одни, сплавь, мол, золотишко, так я отнес ему. Слова не сказал, взял все триста граммов и тут же отсчитал монеты.

— Он здешнний? Где живет?

— Так не пойдет, Кожанияз. Не по правилам. Я назову его адрес, ты сам сговоришься с ннм, а я останусь без своей доли?

— Что ты, Самат, я просто хотел узиать, вериый ли ои человек.

— Не твоя забота. Знай меня — и с тебя будет достаточно.

Жапаров достал из портфеля другую коробку «Казбека», боязливо оглянулся и шепнул иа ухо Самату:

— Ладно, будь по-твоему. В этой коробке шестьдесят граммов. Деньги иужны сейчас. Буду ждать там, где ты сидел. Часа хватит?

— Ты что? Машины подо мной нет. Пока доберусь с одного конца города до другого, часа полтора пройдет. Жди через два часа.

— Далековато.

— Пешему не близко.

Самат суиул коробку за пазуху, провел по груди ладонью и зашагал к трамвайной остаиовке. Время от времени он осторожно озирался по стороиам. Почувствовав иеладное, подошел к столбу, сделал вид, что читает объявлеиия, и оглянулся в стороиу базара. Увидел Жапарова, тот нагнулся над зажженной спичкой, прикуривая папиросу. Самат перешел на противоположную стороиу улнцы, дошел до остановки и встал там. Отсюда весь базар был как иа ладони. В густой толпе то тут, то там возникала

макушка Жапарова. Похоже, он решил выследить, куда повезет коробку Самат.

Послышался звон, из-за поворота со скрежетом выполз трамвай. Не доезжая остановки, он затормозил, за ним замерли ехавшие следом машины. К задним дверям вагона хлынул людской поток, в нем трудно было заметить Самата, который кинулся к стоявшей «Победе», рванул дверцу и исчез в кабине. Трамвай загрохотал, тронулась с места вереница машин, обгоняя его.

Жапаров остановил такси и поехал за трамваем, думая, что Самат сел в вагон. Он доехал до самого кольца и понял, что одурачен, потому что Самат не вышел ни на одной остановке.

Самат в это время сидел в машине и посмеивался в душе над Жапаровым. Хозяин «Победы» Яков Данилович Тауб каждый день в условленное время приезжал на остановку возле базара. Самат еще раз посмотрел для верности в заднее стекло и повернулся к Таубу:

— Яков Данилович, побыстрее, пожалуйста. Езжайте по улице Восьмого марта, сделаем круг и вернемся на базар.

— Товар у него есть? — Тауб пролетел перекресток на желтый свет, не сбавляя скорости.— Сколько просит за грамм?

— Дал немного. Шестьдесят. Просит по восемнадцать рублей.

— Продает по частям? Значит, имеет запас. Проси еще. Пусть не боится.

— Он хочет встретиться с вами.

Тауб усмехнулся:

— Знаю. Ты не согласился, так?

— Так. Я и не скрываю. Между вами мне кое-что перепадает: червонец от вас, червонец от него — уже жить можно. А если вы сами столкуетесь, с чем я останусь? — Самат положил коробку «Казбека» на переднее сиденье рядом с Таубом.— Золотишко здесь.

— Смотрел?

— Стараюсь не смотреть.

— Почему?

— Боюсь сбиться с праведного пути.

Тауб захохотал:

— Уморил ты меня, Самат! Ну, ладно! Там сзади, за сиденьем, аптечные весы. Подъедем к Алматинке и взвесим твой товар. В нашем деле главное — точность. Тут каждый грамм — деньги, братец ты мой.

— Ни к чему это. Не обманет. А впрочем, дело ваше.

«Победа» затормозила на берегу речки. Самат выбрался из кабины, с тряпкой в руке обошел вокруг машины, внимательно поглядел по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, начал протирать стекло с таким рвением, будто это было кровное его добро.

Через некоторое время из кабины донесся голос Тауба:

— Поехали, Самат. Все в порядке. Ровно шестьдесят,— он обернулся к садившемуся сзади Самату, протянул коробку.— Деньги в коробке. Твоя доля отдельно.

— Что делать, Яков Данилович? Не отстанет Жапаров.

— Я тебе доверяю. Решай сам. Не влипни в какую-нибудь историю.

— Ладно.

— Если срочно понадоблюсь, найдешь меня возле железного мостика через Весновку. Буду ждать, как условлено.

Минут через сорок вернулись к Зеленому базару. Тауб высадил Самата у улицы Восьмого марта. Самат обошел весь базар дважды. Жапарова не было.

В это время откуда-то сбоку к нему протиснулся худой и высокий, загорелый до черноты старик в красивом халате, перетянутом в поясе белым платком.

— Самат, ты не забыл о моей просьбе? — процедил ои сквозь зубы, даже ие поздоровавшись. Слова его прозвучали совсем ие просительно.

Самат озабоченно почесал затылок, будто забыл какую-то иезначительную просьбу:

— О чем ты просил, Турсун-ака?

Турсуи-ака нахмурился.

— Я говорил тебе — браслет. Очень ты забывчив, милый! Я не люблю повторять дважды!

— Что-о? Ну и катись! Только тебе, думаешь, нужны золотые браслеты? Некогда мие! — Бакиев разозлился, словио по-иастоящему.

Ои ие просто набивал себе цеиу, ои делал свою торговлю. Его дело — взять золото у одиого и отдать ему деиьги другого. На этом он и живет.

Опытиый Турсуи-ака сразу понял, что хочет Самат, и криво усмехнулся. Сунув большие пальцы за пояс, ои по-прежиему холодио процедил:

— Добавлю еще пять рублей. Ты пареиь честный, тебе и давать ие жаль. Слава аллаху, мой товар к вечеру разойдется. Вон те весы мои. Там и буду ждать...

У входа в крытый ряд Бакиев увидел Жапарова. Тот жадио пил газироваииую воду. По темио-коричневой шее и по морщииистому лицу катились ручьем крупиые капли пота. Ворот белой рубашки потемнел от пыли и влаги. Самат подкрался сзади вплотиую, сильио ткнул его в бок и прошипел:

— А ты, Кожанияз, скользкий тип. Зачем следил за миой? Боялся, что я исчезну с твоей паршивой коробкой? Заберешь сейчас деиьги — и проваливай! Не попадайся мне больше на глаза! Мы с тобой незнакомы, поиял?

Жапаров допил воду и, ие оборачиваясь, ответил:

— Ты пугаешь меия, Самат? Не иадо. Я брожу по свету с самой юности и привык опасаться людей. Иногда так боюсь, что начииаю со страха кусаться. Ненароком могу даже покалечить. Запомиил? А теперь говори — чего тебе иадо? Деиег? Так я отвалю тебе столько, сколько ты и за год не заработаешь. А ты устрой мие встречу с тем человеком. Зачем тебе крутиться между нами? Сгоришь ни за что, ни про что! Деловые люди должны встречаться с глазу на глаз, без свидетелей. Я тебя ие принуждаю, я советую. Подумай.

— Ладно, Кожанияз, не кипятись. Хочешь, сведу тебя со старым шайтаном? Ему сейчас иужен золотой браслет. Я обещал достать, вот и сговорись с иим.

— Откуда ои?

— Из Ташкента. Торгует свежими овощами.

— Нет, Самат, с иим разбирайся сам. А меня познакомь с тем.

— Ладно. Приходи завтра к гостинице у Оперного театра. Встретимся в семь.

Они побывали в туалете и разошлись в разные стороны, будто иикогда не знали друг друга.

4

На следующий день Бакиев разыскал Тауба возле условлеииого железного мостика. Тот мыл в речке машину. Увидел Самата, спокойно, чуть насмешливо спросил:

— Уломал-таки он тебя?

— Уперся как ишак. Хочет с вамн встретиться и все тут. Я говорю — познакомлю с ташкентскнми торгашами, а он их и знать не желает...

— Где он будет ждать?

— Сегодня в семь вечера возле гостиницы, рядом с Оперным театром.

— Ты, Самат, чем дальше, тем больше мне нравишься.

...За десять минут до назначенной встречи онн проехали на машине Тауба мнмо Оперного театра. Сделалн круг, проехалн еще раз вверх по улнце Панфилова, свернули на улицу Калинина, остановились.

Было условлено, что Жапаров, увидев нх машину, поднимет руку.

«Победа» постояла немного и мягко тронулась с места. Жапарова не было. Медленно проехали мнмо ТЮЗа. Тауб свернул направо и опять сделал круг по улице Кирова и Панфнлова. Возле гостнницы машина остановилась. Из нее вышел Бакнев и со скучающнм вндом огляделся. Достал папиросы, закурнл, коротко и сильно затягнваясь. Жапаров не появлялся. Бакиев отплюнул в сторону измочаленный окурок н смачно выругался.

— Выродки все! Со стороны глянешь — слезу прошнбает: забитые, несчастные, безответные. Иной — простачок простачком, а коснись — десять раз вокруг пальца обведет. Полюбуйтесь вот! Просил, умолял: познакомь да познакомь, хочу с глазу на глаз поговорить. А что вытворяет?..

— Может, он машину не узнал? Ты все объяснил?

— Конечно. И номер знает, и цвет.

— Так что же получается? Выходит, не верит он нам?

— А чего бы он совал мне свое поганое золото, если б не вернл?

— М-да...

— А может, сидит в гостинице, бонтся нос высунуть? Пойду взгляну.

— Не задерживайся!

— Не беспокойтесь, сейчас вернусь.

На стоявшую перед гостиницей машину никто не обращал внимания. Только с балкона гостнничного ресторана на втором этаже с интересом наблюдал за ней щегольскн одетый мужчина в темных очках. Приглядевшись повнимательнее к мужчине, можно было узнать Жапарова. Двадцать семь лет жизни в Кульдже научили его кое-чему, и в первую очередь осторожности. «Нет, думал Жапаров, отложим-ка пока встречу да посмотрим со стороны, что это за люди, с кем придется иметь дело... Как суетился Самат перед гостнницей! Тянул папиросу за папиросой, плевался... А сейчас рыщет по вестибюлю. Потерял выдержку, обозлился. Нет, проявлять чувства — непозволительная роскошь для настоящего делового человека...»

Через несколько минут Бакнев вышел из подъезда гостиницы. Постоял немного, подошел к машине.

— Нет его! Не пришел! — Самат хлопнул дверцей, выругался и откинулся на спинку сиденья.

Тауб был больше удивлен, чем встревожен:

— Что за выходки?

— Не знаю!

— Торчать здесь больше нельзя.

Отъехали подальше от центра города. Тауб остановил машину и, обернувшись, внимательно посмотрел на Бакнева:

— Ты завтра увидишь его на базаре?

— Не беспокойтесь. Этого артиста я завтра за шиворот к вам притащу!

— Не надо. Пусть приходит к мосту. Время то же самое. Объяснишь, как добираться.

Бакиев понял: Тауб избавляется от него.

— Яков Данилович, в чем я виноват? Что находил для вас клиентов? А как нашел стоящего, так меня, значит, в сторону?

— Самат, ты умный парень. И дело знаешь. Я тебя никогда не обделял. Так?

— Так.

— В чем же тогда дело? Разве я тебя гоню? Вовсе нет. Зачем нам обоим тратить время на одного Жапарова? Его золота вряд ли хватит надолго. Поэтому не теряй времени, подыскивай других людей, а доля твоя всегда за тобой. Неужели тебе надо объяснять такие вещи, Самат?

— Яков Данилович, о чем вы мечтаете?

— С чего это ты?

— Мне кажется — не мечтаете. Чего еще желать, когда имеешь столько денег? Ведь сколько золота прошло через мои руки, а вы все берете и берете...

— Стоп, дорогой! Не так круто! Не суй нос не в свои дела! Ты что, следователь?

— Обижаете, Яков Даниилович! Я в жизни никого, кроме вас, на «вы» не называл. А почему? Уважаю — вот почему! Богатство ваше уважаю. Деньги — это главное. Есть деньги — все будет: и золото, и бабы... Все, что хочешь! Звенит в кармане монета — ты человек, а нет...

Тауб ухмыльнулся, перебил:

— Ладно, хватит. Пустые мечты в рай не приведут. Подумай-ка лучше, как завтра найти Жапарова.

Самат кивнул головой.

Расставшись с Таубом, Бакиев весь вечер бродил по улицам. Хотелось обдумать события сегодняшнего дня. Плохо, что Тауб отказывается от его помощи. Раньше такого не случалось. Тауб — денежный мешок, рядом с ним, как у бога за пазухой. Никогда не останешься на мели. Яков Даниилович всегда выручал: давал денег, пусть взаймы, но давал, не отказывал. Как дальше быть?

Самат все ходил и ходил по улицам, пока не заметил, что забрел в знакомый переулок. Он улыбнулся — как же, вон в том доме живет та молодуха, Пашахан. Все к лучшему! Гулять — так гулять! А завтра разберемся, что к чему. Черт с ним, с Таубом! Самат без дела не останется. Найдутся и другие. Все равно им без Самата не обойтись.

Бакиев осмотрелся по сторонам. На улице было пустынно. За ним никто не следил. Он юркнул в низенькую калитку. Калитка не заперта — Пашахан ждет его!

5

В последние дни Шайдос был перегружен работой — никак не удавалось выкроить время для встречи с лейтенантом Майлыбаевым из областного управления внутренних дел. Только вечером созвонился с ним. Лейтенант пообещал ждать сегодня вечером в уголовном розыске.

В условленный час Шайдос пришел в УВД, постучался в кабинет Талгата Майлыбаева и, не дождавшись ответа, вошел.

— Какие у тебя новости?

— Пока уточняют.— Талгат открыл сейф, достал из него толстую папку.— Вот все материалы о Жапарове. Раньше я знал его как мелкого дельца. Он крутился на Зеленом базаре. Действовал, как правило, через посредника, Самата Бакиева. Сам оставался в стороне, в прямой контакт со скупщиками не вступал. А в последнее время резко изменился...

Майлыбаев рассказал о событиях последних дней, вплоть до встречи Жапарова с Бакиевым.

— После этого я потерял его из виду.

Шайдос положил на стол фотографию:

— Узнаешь?

Талгат долго рассматривал снимок, потом изумленно присвистнул:

— Неужели Жапаров? Где снимали? Не узнать, если не приглядишься.

— В прошлое воскресенье он отправился в ресторан «Иссык». Заказал столик на двоих. Посидел с час, велел горячие блюда принести попозже, а сам со скучающим видом вышел на балкон. Там мы его и фиксировали. Он кого-то ждал — это точно. Но кого? С кем собирался встретиться? Это интересует сейчас больше всего. Ты связи Жапарова знаешь. Помоги уточнить.

— Самая заметная фигура на базаре — Турсун-ака, матерый спекулянт. Бакиев разговаривал с ним, я видел. Но утверждать безоговорочно, что Бакиев посредничает между Жапаровым и стариком, я не могу, хотя, конечно, Бакиев не зря крутится возле них.

— А где остановился этот Турсун-ака?

— У своего приятеля. Некий Агапов. Турсун-ака гостил у него в прошлом году. И в этом году тоже. Уже с неделю.

— Дело Жапарова мы, пожалуй, возьмем себе. К тебе просьба. Когда будешь направлять материалы, охарактеризуй поподробнее и Агапова, и всех, кто у тебя на примете.

— Будет сделано.

6

Шайдос доложил Кирсанову обо всем, что выяснил в уголовном розыске. Тот ничему не удивился, протянул небольшую папку:

— Можешь ознакомиться с краткой биографией Жапарова.

Шайдос пробежал глазами бумаги, лежавшие в папке. Жапаров был уроженцем Джаркента. Родился в 1904 году. Казах. Окончил семь классов. Перед тем как перебраться в Китай, с 1926 по 1931 год нигде не работал. В Китае служил в магазине купца Нань Цзи-ю в городе Кульдже. Позже сам стал владельцем магазина. Через четыре года магазин продал и опять стал работать. В последнее время был заведующим магазином. В 1955 году вернулся в Советский Союз. Здесь купил дом. По-прежнему нигде не работает.

Последнюю строку Шайдос повторил вслух:

— Нигде не работает. На что же он живет? Торгуя разной мелочью, особняк не купишь. Значит...

— Значит,— перебил Кирсанов,— у Жапарова иной источник дохода. Вероятнее всего, он ведет крупные дела. Не зря, направляясь в ресторан, он до неузнаваемости изменил свою внешность. Хотел с кем-то встретиться, а встреча не состоялась. Почему? Может, спугнул кто?

— В гостиницу заходил Бакиев. Покрутился в вестибюле минут пять и вышел. Уехал на «Победе» — ждала на улице.

— Номер машины?

— ШД 01-94, частная машина.

— Он на ней же приехал?

— Мы заметили Бакиева уже в самой гостинице.

— Жапарову остерегаться его ни к чему, они раз десять на дню встречаются. По-моему, Жапаров ждал кого-то другого. И не мелкую сошку — вон как тщательно обставил встречу! Кого именно — вот в чем вопрос!

Здешнего жителя или нет? Если дз, то где тот живет? Вместе с тем проверьте линию Жапаров — Турсун-ака. Вряд ли Жапаров обойдет такого туза. Видите, число ваших подопечных растет, дело усложняется. Что, если привлечь в помощь Бортника? Толковый работник. Думаю, во многом сможет помочь вам.

— Согласен. Бортника знаю хорошо. Вместе участвовали в ряде операций,— обрадовался Шайдос.

— Вот и прекрасно. Значит, решено.

7

В понедельник вечером «Победа» ШД 01-94 подъехала к Оперному театру. В кабине никого, кроме водителя, не было. Бритоголовый, грузный, он некоторое время сидел, откинувшись назад, потом открыл толстую книгу и уткнулся в нее, делая вид, что читает. К машине подбежала молодая женщина с ребенком на руках. Она уже несколько раз пыталась остановить проезжавшие мимо такси, видимо, куда-то спешила. Женщина что-то говорила водителю «Победы», но он молча поднял стекло и отвернулся. Она зло крикнула ему что-то, он завел мотор и отъехал на угол улиц Калинина и Панфилова.

Через полчаса со стороны театра показался высокий человек в белом чесучовом костюме и белой соломенной шляпе. Он прошел мимо «Победы», повернул назад и прошел еще раз и только после этого подошел к машине. Стекло опустилось, он просунул в кабину голову, что-то сказал. Изнутри сразу же открылась задняя дверца. Человек в белом попятился назад, вытаскивая голову, чуть не уронил шляпу и, придержав ее рукой, нырнул в машину. «Победа» рванулась с места.

Шайдос внимательно наблюдал за этой сценой.

— Знаешь, кто сел в машину? — спросил он у капитана Бортника и, не дождавшись, ответил: — Жапаров.

— А машина чья?

— Владелец некий Тауб

— Это он сидел за рулем?

— Да.

«Победа» увозила Жапарова в сторону Тастака. Домчавшись до улицы Баумана, она повернула вниз и остановилась возле ресторана. Из кабины выскочил Тауб и подошел к торговавшему шашлыком чернявому парню. Они поговорили минуты две, и Тауб заторопился назад. Жапаров отодвинулся подальше от окна. Видимо, и это показалось ему недостаточным. Он вытащил из кармана газету, развернул и закрылся ею. Тауб сел в машину, погнал ее назад, в центр. Они петляли по улицам с полчаса и, наконец, выехали на улицу Гайдара. Здесь остановились возле дома под зеленой крышей, утопавшего среди яблонь и груш. За зеленым забором хрипло заухала, будто в бочку, собака. Жапаров с Таубом вошли в калитку, навстречу бросился, громыхая цепью на длинной проволоке, огромный лохматый пес. Узнав хозяина, он запрыгал вокруг, припадая грудью к земле и виляя хвостом.

Примерно через час Жапаров вышел на улицу и засеменил к автобусной остановке. На первом же автобусе он доехал до улицы Пастера и зашагал к себе домой.

Так в этой истории появилось новое лицо — владелец «Победы» ШД 01-94 Тауб.

Бортнику поручили выяснить, что это за личность и что связывает его с Жапаровым. Никто не сомневался, что Тауб заслуживает самого присталь-

ного внимания. Вел он себя подозрительно. Каждый вечер, например, выходил из своего дома на улице Гайдара, доходил до улицы Болотникова и исчезал до утра в таком же особняке, утопавшем в огромном саду.

Узнав о встрече Жапарова с Таубом, подполковник Бессонов спросил:

— Какими данными о Таубе вы располагаете?

Данных было немало: Бортник поработал на славу. Кирсанов не стал докладывать все, сказал только основное. Тауб родился в Иране, в городе Шахпур. Нигде не работает. Имеет два дома — на улице Гайдара и на улице Болотникова. Второй, правда, записан на имя жены. Полуподвальные помещения в обоих домах сдаются квартирантам.

Бессонов неожиданно спросил Шайдоса:

— После той истории с рестораном Жапаров встречался с кем-нибудь?

— Нет.

— В таком случае, в ресторане он ждал Тауба.

— Да, сегодняшняя встреча подтверждает это. По всей вероятности, Жапаров при переезде из Китая сумел провезти немало ценностей и потихоньку сбывает их скупщикам. А Тауб один из них.

— Я думаю, Жапаров и сейчас связан со своими сообщниками за кордоном. Больше чем уверен, что старые кроватные спинки — одна из хитростей контрабандистов. Если мое предположение верно, Жапаров не ограничится Таубом, а будет искать других людей. Помнится, вы упоминали о Турсуне Абдуллаеве и Агапове. Что известно о них?

Кирсанов ответил:

— Агапов Михаил Федорович приехал из Китая в 1955 году. Ничем определенным там не занимался. В Алма-Ате жил некоторое время на квартире, но вскоре купил двухэтажный особняк. Нижний этаж сдает внаем, а наверху, в шести комнатах, живет сам, с женой и двумя детьми. Там же комнаты для гостей. Как выяснилось из разговоров с жильцами Агапова, никто, кроме квартирантки Строговой, с хозяевами близко не общается. А Строгова рассказала об одном интересном случае. Вот что мы записали с ее слов: «У хозяев часто бывают гости. Однажды приехал широкоплечий, коренастый человек лет тридцати пяти — сорока. Я поняла по разговорам, что это близкий родственник приятеля хозяев Турсуна-ака. Они называли его Мамаджаном. Когда он приехал, хозяева очень обрадовались, особенно Михаил Федорович. К ужину пригласили и меня. Я женщина одинокая, хочется иногда развеяться, и я согласилась. На кухне тихонько расспросила у Анны Максимовны — хозяйки, кто он такой. Анна Максимовна сказала, что это их старый приятель и что он сказочный принц, а не человек. На следующий день утром я заглянула к ним. Хозяева и гость сидели за столом и что-то рассматривали. Меня они не заметили, и я подошла поближе. На столе лежали какие-то блестящие куски, вроде медные. Я спросила, что это. Все вздрогнули и разом обернулись. Анна Максимовна даже побледнела. А Мамаджан спокойно завернул все, что было на столе, в белый платок и объяснил, что у Турсуна-ака прохудился старый самовар из редкой меди. По его просьбе Михаил Федорович с трудом достал медные брусочки такого же сплава, что и самовар. Как теперь обрадуется Турсун-ака!..»

Подполковник Бессонов перебил Кирсанова:

— Вот это уже кое-что! Не напоминают ли кусочки Мамаджана золото, которое получил Ляшкеров, а?

— Да, по описанию Строговой «медяшки» похожи на меченый слиток. Но у нас пока что мало доказательств, товарищ подполковник. Правда, появилась немаловажная деталь. Агапов в последнее время ездит на своей машине за город, на трассу, ровно в половине одиннадцатого утра. Сна-

чала мы думали, что он обкатывает свою иовую «Победу», но насторожило, что он выезжает ежедневно и в одно и то же время.

— Ждет кого-нибудь?

— Стараемся узиать.

— Допустим, что Агапов, как и Жапаров, торгует золотом. Но невозможно же провезти через границу столько золота! Они не перестают торговать, значит, пополняют запасы золота со стороны. Вероятнее всего, из-за границы. Надо выяснить, каким образом и от кого. Задача, прямо скажу, иелегкая. Сработать нужно точно и безошибочно. Сегодня буду докладывать генералу Арстанбекову направление наших поисков, Думаю, вы согласитесь со мной, что дело одним Жапаровым или тем же Таубом не ограиичивается. Корень лежит глубже. Как добраться до иего? Подумайте.

— Я предупредил товарищей из Панфиловского района, чтобы сообщали о любой машине или другом транспорте, иаправляющемся из-за границы.

— Очень своевременно,— одобрил подполковник.— В Кульдже работают советские специалисты. Люди оттуда периодически приезжают в Алма-Ату. При иеобходимости свяжитесь с геологоуправлением, которое ими ведает.

— Мы уже думали об этом.

— Очеиь хорошо. Желаю успеха.

8

Из Паифилова поступило сообщение: некий Маркелов, шофер геологической партии, работающей в Кульдже, едет в Алма-Ату для получеиия грузов. Через границу проехал только с личиыми вещами. Таможенники при проверке ничего непозволительиого в машине ие обнаружили.

Майор Кирсанов направил в село Басши, иавстречу Маркелову, капитана Бортинка.

— Если удастся, вступи с ним в контакт. Разузиай, кто работает с ним, часто ли ездят в Алма-Ату, приезжал ли сюда кто-иибудь три месяца назад.

Маркелов в пути не останавливался. В полдень в селе Басши зашел в чайную пообедать. За стол к нему подсел молодой разговорчивый пареиь. Познакомились. Оказались тезками.

— И куда же ты путь держишь? — спросил с улыбкой Маркелов.

— В Алма-Ату. Здесь был в командировке. Работаю в Министерстве геологии.

— Что ты говоришь? В одной системе, значит.

— Ты одии едешь?

— Один.

— Может, прихватишь с собой? Дорога дальняя, вместе веселей.

— Ладно. Уже немного осталось. Остановимся разок в Сарыозеке, отдохнем, а там рукой подать.

Когда немиого отъехали, попутчик, между всякими побасенками, иачал расспрашивать:

— Выехал-то откуда, из Панфилова?

— Не-ет, аж из самого Китая, из Кульджи. Там наши геологи. Помогаем китайцам.

— Как там жизнь?

— Да так себе. Богатый — богат, бедный — бедеи.

— А богачей ие конфисковали?

— Не заметил. Может, попозже начнут. Мы в это не суемся. Наше дело помогать китайцам открывать месторождения.

— А скот ихние богачи держат?

— Еще как! Есть там один, Гуреев. Вот это богач! Ничего не скажешь!

— Он что, тоже китаец?

— Да нет, вроде бы русский. Говорят даже, из Казахстана, жил будто в Акмолинске.

— Надо же. Как его в Китай занесло?

— Похоже, из бывших. Бежал.

— Кто же пасет его скот?

— Пастухов держит, из казахов. По старой памяти. Они зовут его Гыргур-бай.

— Деловой человек.

— Да-а, умеет жить. И с китайцами ладит.

На перевале Алтынэмель лопнул задний скат машины. Пока возились с ним, наступила ночь. Рассвет встретили в горах. Тронулись дальше, когда солнце уже поднялось над вершинами. К обеду доехали до Сарыозека. Зашли в столовую.

Допивая чай, Маркелов вдруг сказал:

— Слушай, тезка, отсюда в Алма-Ату ходят автобусы. Добирайся дальше сам. А то у меня машина ненадежная, мало ли что в дороге может случиться.

Бортник понял, что Маркелов хочет избавиться от него. Попробовал уговорить:

— Что ты, Ваня? Столько проехали, а теперь оставить тебя одного? На полдороге? Нет, не могу! Два-три часа туда-сюда роли не играют. Доедем.

— Нет, нет. Мне надо еще заехать в совхоз «Сарыбулак». Так что ты езжай,— последние слова его прозвучали решительно.

На следующий день Бортник узнал, почему Маркелов отказался ехать с ним дальше. На перевале Архарлы, на одном из поворотов, произошла встреча Маркелова с Агаповым. Их заметили, когда Маркелов поднимался в кабину своего грузовика, а Агапов быстро удалялся на «Победе» к Сарыозеку. Обменялись они чем-нибудь или нет — установить не удалось.

В Алма-Ате Маркелов побывал в доме на улице Вишневского, на окраине города. Это был новый для чекистов адрес. Жил здесь Борис Матвеевич Газарх. Какие отношения имеет с ним Маркелов? Вдруг через него осуществляется связь между ним и кем-то в Кульдже?

В тот же день в архиве были перевороше ны десятки томов, но среди них дело Гуреева, бежавшего в Китай из Акмолинска, обнаружить не удалось. Зато всплыло имя миллионера Григория Матвеевича Газарха. Это была находка. Заняться Газархом подполковник Бессонов поручил лично Кирсанову. Дело Григория Газарха состояло из пяти толстенных томов. Кирсанов потратил на их изучение несколько дней. Перед его глазами ожили события далеких двадцатых годов. В обвинительном заключении следователи Акмолинской уездной ЧК Рыбалко и Богданов дали обстоятельную характеристику преступлений, совершенных Газархом. Преступлений было много, и они свидетельствовали о непримиримой натуре ярого врага Советской власти. Кто мог поручиться, что Газарх и теперь не продолжает пакостить Советскому государству?

Кирсанов доложил обо всем на оперативном совещании у генерала Арстанбекова. Присутствующие живо заинтересовались делом:

— Возможно ли, что Газарх скрывается под чужим именем?

— Есть ли основания утверждать, что золото и драгоценности, доставляемые контрабандой через границу, принадлежат ему?

— Какие можно принять контрмеры?

Кирсанов располагал сведениями, которые позволяли ответить на эти вопросы.

В Китае Газарх занимался своей обычной деятельностью. Сколотил в короткий срок огромный капитал. Занимался контрабандой. Спекулировал золотом. В августе 1941 года был арестован властями Синьцзяна. С тех пор фамилия Газарха бесследно исчезла. Появился Гуреев.

— Сейчас,— продолжал Кирсанов,— Гуреев один из богатейших торговцев Кульджи. Кроме двух тысяч голов крупного скота и пяти тысяч овец владеет несколькими ювелирными магазинами, держит лавки, где скупают кожу. Естественно, возникает предположение: не Гуреев ли хозяин меченого слитка, попавшего к Ляшкерову?

Сообщение Кирсанова дополнил Бессонов:

— На вопрос, как пресечь действия валютчиков, отвечу: необходим подробный, рассчитанный на длительный срок оперативный план. Разработку его предлагаю поручить группе майора Кирсанова.

...Такой план был составлен. Генерал Арстанбеков одобрил его, и группа Кирсанова приступила к выполнению.

9

У Канысбаева появилась новость, имеющая отношение к заявлению Ляшкерова. Перед обеденным перерывом кто-то позвонил в цех, где работает Ляшкеров. Трубку подняла подсобная рабочая Галина Никитина, спросила: «Кого вам нужно?» Ответили, что звонят из областного энергоуправления. Говорил мужчина: «С кем я разговариваю?» — «Вас слушает здешняя рабочая. Кого позвать?» — «Как идет работа? План выполним?» — «Я позову сейчас начальника цеха. Он где-то здесь».— «Не беспокойтесь. Дело вот в чем: мы заполняем наградные листы. Вы не подскажете фамилию одного вашего рабочего, знаете, такой усатый казах? Живет он, сейчас скажу, так-так-так, а, вот, на улице Яблочкова. А то в личном деле так написано, что не разберешь никак».— «А-а, наверное, Канай Ляшкеров?» — «Да, да, совершенно верно. А я прочитал — Ложкарев, как же, думаю, так? Спасибо большое»,— и в трубке зазвучали гудки.

Канысбаев узнал о телефонном разговоре после обеда. Не мешкая, он отправился в облэнерго. Оказалось, что оттуда никто на станцию не звонил. В отделе кадров даже посмеялись:

— Было бы кого спрашивать, а то Ляшкерова! Да его биографию мы лучше его самого знаем! Он как от соски оторвался, так с тех пор у нас и работает!

Значит, звонил кто-то чужой. Майор Кирсанов как в воду глядел. Золото Ляшкерову принес посредник, он и сам не знал, к кому его посылают. Похоже, теперь он собирает сведения о Ляшкерове.

10

Маркелов не стал задерживаться в Алма-Ате. Быстро получил необходимый груз и выехал обратно в Кульджу. Но в день отъезда пришел рано утром на Зеленый базар и разыскал Жапарова. Они поговорили, потягивая в стороне прохладный кумыс.

Результаты их переговоров объявились через два дня. Шайдосу позвонил по телефону перепуганный Ляшкеров:

— Проклятое золото сведет меня в могилу. Мало жены, так теперь и жулики покоя не дают. Сегодня подошел какой-то бандюга и говорит: «Не вернешь золото — каюк тебе. Принеси все до единого грамма!»

— Кто ои? — спросил Шайдос.— Вы его знаете?

— Вы думаете, он мне представился? Говорю же, бандюга.

— Как он выглядит?

— Как самый что ни иа есть баидюга. На глазах кепка. Чуб торчит. Зуб золотой. Вылитый бандюга.

— Куда он велел вам прийти?

— В рощу Баума.

— Что вы ему ответили?

— Что я отвечу? Ой-бай, говорю, милый, я в жизни в руках золото не держал. Спутал ты меня с кем-то. А он ни в какую. «Ты, говорит, Канай Ляшкеров?» Я, говорю. «На электростанции работаешь?» Да, говорю. «Тогда брось, говорит, мозгн заливать. Сегодня же вечером, в десять, буду ждать, где сказал. Не придешь — пеняй на себя». И ухмыляется. Что мне теперь делать?

— Ничего. Идите, куда он велел. И не бойтесь. Вы будете в безопасности.

— Послушай, айналайн, может, кто из вас вместо меня пойдет, а?

— Так не годится. Он ведь знает вас в лицо. Сбежит.

— Ох, что же делать-то, что делать? Жена ведь со страху помрет.

— А вы ничего ей не говорите.

— Что с ней будет, если со мной что-нибудь случится?

— Ничего с вами не случится. Не волнуйтесь.

В десятом часу с автобуса соскочил Бакиев и быстро пошел в сторону рощи. Внимательно осмотрел каждый куст вокруг места предстоящей встречи. Парочки в укромных уголках Самату не помеха. Взять бы только золото, а дурню этому, Ляшкерову, нож в бок — и ходу отсюда. Свидетелей не будет, а без свидетелей кто найдет Самата в большом городе? По словам Маркелова, золото очень высокой пробы. Самат знает, сколько стоит грамм такого золота. Плевал он тогда и на Тауба и иа Жапарова. Сделает подарок Пашахан. Бабенка вовсе недурна. И копейке счет знает. Не взять ли ее в жены? Надо подумать. Вдвоем они заживут — о-го-го...

Бакиев трижды чиркнул спичкой, прикуривая папиросу и давая знак Ляшкерову, который вот-вот должен появиться. Через несколько минут послышались боязливые шаги и осторожное покашливание. Это Ляшкеров. Он увидел огонек папиросы и неожиданно громко спросил:

— Эй, это ты, что ли? Чего-то не узнаю. Ну-ка освети лицо. Я не собираюсь за здорово живешь золотить ручкн.

— Не дери глотку, старый черт, иди сюда! Поживее! — прошипел Самат.

Ляшкеров подошел. Самат протянул руку:

— Давай сюда!

— Эй, ты кто такой? Чего болтаешь!

— Ты что, облезлый шакал, вздумал смеяться иадо мной?..— правая рука Самата скользнула в карман.

Ои выхватил ее с иожом, но уже ие по своей воле. Будто клещи сжали его локти и резко вывернули иазад. Охиув, Самат ткиулся лицом в землю. Дальиейшее походило иа страшный бред. Ои плохо помнил, как очутился в машине, как ехал, сжатый с обеих сторои чьими-то сильными плечами, как машина прошла в распахнутые железиые ворота и остановилась. Самата ввели в комнату с низкими потолками и обыскали. Составили протокол личиого обыска, дали расписаться. Бакиев раньше попадал раза два в милицию.

Первый допрос вел старший лейтеиант Каиысбаев.

— Кто сообщил вам о золоте у Ляшкерова? Кто поручил встретиться с ним?

— Граждании следователь, я все скажу, все, иичего ие скрою...

Бакиев рассказал, как встретился с Маркеловым, как тот пообещал отдать половиину слитка, если удастся добыть его у Ляшкерова.

— А иож откуда?

— Не мой это иож. Маркелов дал.

— Зачем?

— Сказал: чем меньше будет свидетелей, тем лучше.

— Зиачит, вы собирались убить Ляшкерова?

— Нет! — взвизгнул дурным голосом Бакиев.— Нет, ие хотел убивать, думал только припугиуть, и больше иичего. Не тронул бы его, честиое слово.

— Откуда зиаете Жапарова?

— Помогал ему сбывать золото, камушки.

— Много он вам платил за это?

— Самую малость, почти гроши.

— А с Таубом знакомы?

— С Яковом Даииловичем? Вы и про него зиаете?

— Вопросы задаю я. Как вы с иим позиакомились?

— Тауб человек иепростой. Богат, как мало кто в этом городе,— Бакиев иачал рассказывать обо всем, что знал (а зиал ои иемало), подробио описал тех, с кем имел дело: кто, где, когда и сколько купил или продал золота.

После допроса ему дали расписаться под протоколом. Бакиев жалобио спросил:

— А со мной что будет?

— Это зависит от вас самого.

Бакиев посмотрел на следователя с недоумеиием и опустил голову.

11

Тауб, как было условлено, ждал Бакиева у моста. Деиь выдался зиойиый. Рядом пляж, иароду очеиь миого, и Тауб от скуки стал рассматривать загорающих. Когда появится этот Самат? Ои подогиал машину поближе к берегу и принялся расхаживать вокруг иее, чтобы как-то скоротать время. Вытер мокрой тряпкой нагревшийся кузов машиины, протер стекла. Пляж постепеиио пустел, а Бакиев так и ие появился. Не пришел ои и иа следующий день. И лишь еще через сутки Тауб иеожиданио столкиулся с ним иос к иосу иа базаре. Он уже узиал, что с Бакиевым встречался шофер, приезжавший из Кульджи. Человек оттуда не стаиет искать Самата просто так. Наверияка привез золото или камией, а этот прокопчеииый сатана продал их кому-то другому, чтобы досадить ему, Таубу, за случай с Жапаровым. Так по-своему объяснил Тауб исчезиовеиие Самата и зло сощурился:

— Куда же ты, братец мой, исчез? Обиделся, что ли, иа меня? Неголже так.

Бакиев уселся рядом в кабиие и устало буркнул:

— Езжайте по окраиие. Или поедем ко мне. Поговорим.

Тауба удивила разительиая перемена. Прежде Самат был угодливопочтительным. Тауб только и сказал:

— Я не знаю, где ты живешь Куда ехать?

Раньше ои встречался с Бакиевым иа улице. Дома у него ие бывал. И теперь обрадовался: Бакиев, видимо, хочет поговорить о вещах, привезеииых шофером из Кульджи.

— Езжайте вниз по Сибирской. Там скажу, где остановиться.

— Чем собираешься порадовать?

— Какая радость у человека, вышедшего из КПЗ?

Тауб чуть не выпустил из рук руль.

— Что-о? Что ты, дурак, болтаешь?

Бакиеву, несмотря на тяжесть преступлений, дали возможность исправить собственные ошибки. Его будущее впереди, он сможет и обязан стать полезным для общества человеком. И сейчас он должен помочь органам госбезопасности.

В ответ на вопрос Тауба Бакиев рассказал легенду, разработанную Каиысбаевым.

— Вы не слышали, на днях в совхозе «Алатау» грабанули средь бела дня магазин? — спросил Бакиев, не обращая внимания, как наливается кровью лицо Тауба.— Продавщица, дура, сама виновата. Разве можно оставлять магазин открытым?

— А ты тут при чем?

— Вот об этом я и спросил в милиции. Да не волнуйтесь вы, я в проклятом магазине ни сном, ни духом не был. Виновата во всем моя рожа. Какая-то старуха видела, как те паразиты грузили в машину вещи. Она и описала милиции шофера, он, как на грех, оказался похожим на меня. Когда меня привели на смотрины, старая карга так и затряслась: «Он это, он, тот самый разбойник!» Пока я доказывал, что я это не я и машина не моя, продержали трое суток. Трое суток — это законно, ну, а потом, граждане милиционеры, подавайте обвинение, иначе добрый дядя прокурор заступится. Правда, к тому времени они и сами разобрались, что я натуральный безлошадный пролетарий.

— Где допрашивали?

— В милиции, где же.

— Ты дурочку не валяй. Где именно?

— А! В областном. Допрашивал лейтенант Майлыбаев.

— Раз попал в милицию, там любят заодно поворошить все, что за тобой имеется. Ничем больше не интересовались?

Бакиев почувствовал, что Тауб не верит ему:

— Я не такой дурак, как вы думаете. Понимаю, что к чему и на чем прижучить могут.

— Ладно. Кончим этот разговор. Отпустили — значит, все в порядке. О чем ты говорил с шофером из Кульджи?

— А вы что, следователь?

— Ну, ну, Самат. Мы же друзья. А у друзей не должно быть секретов друг от друга.

— Вы дохлому гусю мозги засоряйте, а мне не надо. Знаю я вашу дружбу. Себе кусок, а Самату трешницу, так, что ли? Не выйдет больше, хватит. Теперь буду делать свое дело — большое или маленькое, но свое.

— Много привез он золотишка?

— Я в этом деле человек новый. На первый раз дал только кой-какие поручения. Когда выполню, пообещал присылать, что требуется. Те, с кем он работал, надували при расчете. А я не такой. Сами знаете. Договорились делить барыш пополам. Вот это будет дружба!

— Повезло тебе. Поздравляю! И когда он собирается прислать гостинцы?

— Не знаю. Наверное, сообщит.

...В это время группа майора Кирсанова была занята другой работой. К Кристе Газарх — она тоже жила на улице Вишневского — приехала гостья из Синьцзяна, супруга известного купца Гуреева — Жанна Михай-

ловна. Она приехала в Алма-Ату на лечение, с разрешения советского консула в Кульдже.

Свет в окнах дома Газархов горел до самого утра. А на следующий день к ним приходили разные люди. Какое имели они отношение к Гуреевой?

...Через неделю она уехала в горы, в санаторий «Турксиб» — укреплять свое здоровье. Кто-то заранее позаботился о путевке, потому что попасть туда трудно было не только летом, но и зимой.

Подлечившись, Жанна Михайловна возвратилась в город, но в Кульджу уезжать не спешила. Гостила поочередно у знакомых. И все дни ни на минуту не отпускала от себя Кристу. В их обществе видели и Жапарова с Агаповым. Ничего удивительного в этом как будто не было — они ведь и раньше общались в Кульдже с семьей Гуреевых.

За день до отъезда Жанны Михайловны все они побывали у Тауба. После их прихода туда потянулись люди в странных черных одеяниях...

12

Минул почти год. Из Синьцзяна переехал с семьей Гуреев. Поселился тоже на улице Вишневского, в высоком, просторном особняке с большим старым садом. Новый хозяин вставал рано утром и неспеша обходил сад. Крупнотелый, высоколобый, он подбирал сломанные ветром ветви, складывал в кучу, подметал двор, поливал деревья из длинного резинового шланга. Казалось, солидный возраст нисколько не тяготит его. Чуть позже Гуреев умывался и отдыхал в беседке, любуясь по привычке игрой бриллианта в перстне. Приходила Жанна Михайловна, приносила завтрак: холодную телятину и пахнущий жасмином китайский чай.

Этот распорядок не менялся. В доме всегда было тихо и благопристойно. Только однажды неожиданно нарушился установившийся уклад. Поздним воскресным вечером прибежала запыхавшаяся Криста в наскоро накинутом стареньком пальто. Собрались Борис и Аркадий Газархи. Все были озабочены, встревожены. В дом не заходили, стояли во дворе, горячо что-то обсуждали.

В это время пришел Григорий Матвеевич. Он припозднился в гостях у Жапарова. Криста выбежала ему навстречу.

— Григорий, вас ограбили,— всхлипнула она.

— Как ограбили?

Григорий Матвеевич схватил за руку стоявшую у порога Жанну Михайловну и вбежал в дом. Обошел все комнаты, таская за собой жену. Дверцы шкафов и гардеробов распахнуты настежь. Григорий Матвеевич начал что-то искать в них, в остервенении швырял под ноги какие-то тряпки. Выскочил во двор, обшарил кусты вдоль дорожки. Его била дрожь. За много лет совместной жизни он ни разу не повысил голоса на жену, а тут закричал:

— А ты? Где ты была? Где моя статуэтка? Черная статуэтка? — повторял он, словно глухой, и тряс ее за плечо.

Жанна Михайловна тихо ответила:

— Яков Данилович велел прийти помолиться... и я пошла...

— Тьфу ты, тоже мне святоша! — Григорий Матвеевич вышел в коридор.

Здесь, в углу у рукомойника, он увидел валявшуюся на полу статуэтку из черного камня. Гуреев облегченно вздохнул, поднял ее, прижал к груди и нежно, осторожно обтер рукавом. Обернулся к робко подошедшей жене, улыбнулся ей:

— Прости, дорогая. Ничего страшного не случилось. Бог с ним, с этим барахлом. Дело наживное. Да и много ли проку от него?

Жанна Михайловна заморгала глазами и ничего не ответила.

Аркадия удивила столь неожиданная перемена. Он посмотрел на Григория Матвеевича, на статуэтку, пожал плечами, буркнул:

— Чего мы стоим? Надо сообщить в милицию!

— Какой смысл? Возвратят украденное? А зачем нам опоганенные чьими-то грязными руками вещи? Было бы здоровье, а остальное приложится,— не давая никому возразить, он холодно закончил:— Идите спать, утром вам на работу, отдыхайте. И забудьте о том, что нас обокрали.— Статуэтку Григорий Матвеевич все так же нежно держал у груди.

Его спокойствие объяснялось просто. Еще в Кульдже Гуреев заказал известному мастеру статуэтку Будды. За большое вознаграждение деньгами и продуктами старый китаец отлил затейливую фигурку из чистого, червонного аолота, полученного от заказчика. И покрыл несмываемой черной растительной краской. Статуэтка, весившая три килограмма двести граммов, стала похожа на мраморную. Предосторожность оказалась не излишней. Воры приняли статуэтку за каменную и бросили за ненадобностью. Если бы они знали, что все украденное ими не стоит и малой доли «каменного» идола!..

От соседей скрыть ограбление не удалось. Наутро приковылял кривоносый Арипбай. Бесцеремонно ввалился в дом, прошелся по пустым комнатам.

— Здравствуй, друг-тамыр. Слышал, беда тебя постигла,— глазки его так и шныряли по голым стенам, на которых раньше висели дорогие персидские ковры.— Да будет милостив аллах всемогущий,— шумно потянул носом Арипбай.— Были бы сами здоровы. А потерянное не вернешь, сколько ни оплакивай. Крепись, будь тверд!

Слова Арипбая звучали соболезнованием по покойнику. Гурееву это не понравилось, но он, сохраняя спокойствие, невозмутимо ответил:

— Верно говоришь, Арипбай. Дай нам бог всем здоровья. Чего плакать по тряпкам? Все прах на этом свете, и сам я гость на земле!

— О, молодец! — крякнул Арипбай.— Крепишься, гривастый ты мой лев-арыстан! — и хлопнул по волосатой руке Гуреева.— А я, тамыр, по делу пришел, по тому самому, о котором ты недавно говорил. Прошлой ночью охотники завезли мне целый мешок. Просят по пять рублей.

У Гуреева поднялись бровн.

— Очищенные?

— Не знаю, не смотрел. Все равно не понимаю в них.

— Сейчас немного приберутся, и я зайду к тебе.

— Я велел приготовить манты. Пообедаешь у нас,— Арипбай заковылял к себе, довольный, что к нему прибудет сам Григорий Гуреев.

13

Теперь перенесемся в однн из московских аэропортов. В длинной очереди на регистрацию билетов терпеливо стоит человек, о котором мы уже вскользь упомянули. Человек держит в руках пестрый журнал и делает вид, что читает, но ему это плохо удается. Он то и дело посматривает вперед, на девушку, которая принимает багаж пассажиров. Человек этот — Заурум Шарф, тот, что предлагал Кристе Газарх уехать вместе. Ему разрешили выезд из страны. Когда-то он окончил школу в Алма-Ате, учился в вузе, стал инженером-строителем и работал научным сотрудником в одном из проектных институтов. Вскоре женился на девушке, работавшей

вместе с ним. После свадьбы молодожены получили прекрасную двухкомнатную квартиру в центре города. Через несколько лет купили «Москвич». Заурум Шарф зарабатывал хорошо, на работе его ценили как прекрасного специалиста, на собраниях он порой сидел в президиуме, его имя упоминали среди лучших. Казалось бы, жизнь иалажена. Но вернувшись с одной вечеринки, он разоткровенничался с женой:

— Лариса, на Западе с моими способностями мы были бы богаты и знамениты. Путешествовали бы, ездили по свету... Мне надоела, наскучила серая жизнь с вечными собраниями, планами, профсоюзами.

Жена непонимающе взглянула иа него:

— Ты о чем? Разве мы плохо живем? Все у нас есть: телевизор, холодильник, ковры, мебель. Машину купили. Чего тебе еще надо?

— Глупости! Ты не видишь дальше своего носа! Твое счастье умещается в четырех стенах. Вот лежал бы у тебя на счету в банке миллион долларов, так смеялась бы над своими словами.

— Кто даст тебе миллион?

— С моим талантом за границей запросто можно сколотить состояние.

...И вот Шарф уезжает за границу за долей западного счастья. Жена не поехала с ним. Осталась с сыном. Ее решение не огорчило Заурума, он опасался только, что его, «знающего, талантливого инженера», не отпустят. Опасения оказалнсь напрасными. Лишь жена умоляла: «Заурум, ты же собственными руками ломаешь наше счастье! Одумайся!» Муж не одумался.

Багаж Шарфа невелик: черный кожаный чемодан и блестящая красивая дорожная сумка с продуктами. К чему тащить с собой тряпки? На Западе все есть, всего вдоволь! Взял лишь пару приличных костюмов на первое время.

Очередь двигалась быстро. Девушка у весов не задерживала никого и быстро оформляла документы. Вот и Шарф положил вещи на весы. Девушка прнвязала бирку к чемодану, сняла с весов и, возвращая сумку, неожиданно спросила:

— Тяжелая у вас сумка. Что в ней?

— Можете взглянуть, только продукты. У меня больной желудок, и я взял с собой необходимые продукты.

— Пройдите, пожалуйста, в эту комнату,— вежливо попросила девушка.

В комнате за длинным полированным столом мужчина и девушка в в форме таможенников. Они встретили Заурума приветливо, будто своего доброго знакомого:

— Сядьте, пожалуйста, вот сюда. Наша процедура вас не задержит. Начнем с сумочки. Тяжеловата. Так и ручки оторваться могут. Вещи в ней ваши?

— Чьи же, по-вашему? Конечно, мои.

— Вы позволнте? — спросил мужчина извиняющимся тоном и начал выкладывать на стол содержимое сумки. Достал почерствевший батон, взвесил его на руках и вдруг разломал пополам. На стол посыпались со звоном тускло заблестевшие монеты. То же произошло и с кругом копченой колбасы. Таможенники аккуратно собрали золотые монеты и драгоценные камни, обнаруженные в продуктах «желудочнпка».

— Вы знаете, что нашими законамн карается незаконный вывоз за пределы страны драгоценных металлов и камней?

Шарфу объяснили, что его задерживают до выяснения обстоятельств, при которых он приобрел эти драгоценности. Шарф заплакал.

— Я не виноват, вещи не мои. Клянусь богом. Их передал Гуреев для

своего брата в Канаде. Он просил меня, обещал вознаграждение. И зачем я связался с ним?

— Гуреев, говорите?

— Да. Он недавно приехал из Китая. Это загадочный человек. Его настоящей фамилии не знает никто. Только я знаю, и то потому, что уезжаю за границу. Он мне сам сказал. Ради бога, отпустите меня. Я сам все расскажу...

Заурум Шарф рассказал в следственных органах все, что знал.

...Меньше чем через неделю сотрудники Комитета государственной безопасности Казахской ССР получили протоколы допросов Шарфа. Гуреев к этому времени так и не заявил в милицию об ограблении своего дома.

Генерал Арстанбеков собрал группу майора Кирсанова и сотрудников отдела подполковника Новягина. Он одобрительно отозвался о работе оперативников по выявлению крупных валютчиков и сказал:

— Мы включаем в это дело работников следственного отдела. Настало время работать вам вместе. Ясно, что в руках торговцев золотом сконцентрированы немалые запасы. Об этом свидетельствуют результаты оперативной группы. Еще яснее, что валютчики свое золото по доброй воле не выложат. Будут выкручиваться, скрывать тайники, а мы должны изъять все до единого грамма, до последнего камешка. Пора прикрыть эту лавочку. Что за люди эти валютчики? — генерал повернулся к Кирсанову.— Охарактеризуйте подробно каждого. Пусть новые товарищи получат о них полное представление.

Майор Кирсанов начал сообщение со случая, когда рабочий электростанции Ляшкеров принес слиток меченого золота. С того времени повели розыск подпольных торговцев золотом, другими благородными металлами, драгоценными камнями. Первыми были выявлены крупный торговец золотом Кожанияз Жапаров и скупщики Тауб и Агапов. Торговля между ними быстро оживлялась. В 1961 году, например, Тауб за четыре с половиной тысячи рублей купил у Жапарова довольно крупный золотой слиток и уже через неделю продал его в Ташкенте за полторы цены. В том же году купил, опять у Жапарова, семь золотых вещиц и перепродал с немалым для себя барышом. Узнать обо всех подробностях подпольной торговли помог их бывший сообщник Самат Бакиев. Пока не выявлена полностью линия Агапов — Турсун-ака. Можно надеяться, что она прояснится во время следствия.

— Мы долго терпели преступные действия Жапарова и Тауба, потому что хотели узнать, какими путями и от кого доставлялось из-за границы меченое золото. Интересовало и происхождение золота. Теперь можно ответить: золото привозили шоферы Анатолий Горошко и Иван Маркелов. Кто хозяин золота — оставалось тайной. После задержания Шарфа наши подозрения подтвердились. Хозяин, можно считать, стал известен. Но нельзя забывать о необходимости подкрепления наших предположений и умозаключений конкретными, вещественными доказательствами. Я надеюсь, что товарищ Новягин и его сотрудники помогут нам успешно продолжить дело,—закончил Кирсанов.

Генерал Арстанбеков поддержал его:

— Я не сомневаюсь, Николай Петрович, что ваши подчиненные успешно завершат долгий труд оперативников. Кому вы думаете поручить дело?

Новягин, чуть помедлив, ответил:

— Товарищ генерал, вы же знаете, мои следователи сейчас заняты той историей, о которой я вам докладывал. Только-только начали распутывать клубок...

— Не исключено, что новое дело поможет вам разобраться в прежнем. По-моему, между ними есть какая-то скрытая связь,— предположил генерал.

— Возможно. Все выяснится после допроса Гуреева,— согласился Новягин.— В таком случае следствие по делу сумеют провести лучше других Кадамшин, Нуканов и Григорьевский. Они имеют опыт подобных дел.

— Вы и подполковник Бессонов будете непосредственно руководить операцией. Докладывайте мне обо всех новых обстоятельствах. Когда узнаем первоначальное происхождение меченого золота, прояснится и многое другое. Желаю успеха! — генерал поднялся с места, давая понять, что совещание окончено.

14

Кто же все-таки Гуреев? Почему скрывает настоящую фамилию? Шарфу он назвался не Газархом, а совсем по-другому. И как тогда объяснить близкие отношения между Гуреевым и Газархами? Чтобы ответить на эти вопросы, было решено начать расследование с Жапарова и Тауба. С теми все более или менее ясно. Преступление налицо. Бакиев может подтвердить многие их сделки, вплоть до дня и часа. Жапаров и Агапов долгое время жили в Кульдже. Знакомы с Гуреевыми. Возможно, через них удастся раскрыть Гуреева.

Брать Жапарова и Тауба решили на месте преступления, с поличным. Они чаще всего встречались на берегу озера у моста, подальше от центра города. Вот и сегодня Тауб ждет здесь Жапарова.

В прошлый раз Жапаров обмолвился, что имеет особое золото, очень высокой пробы, меченое. Тауб вцепился в него, умолял: «Продай! Мы друзья! Не постою за ценой!» — и уломал-таки заартачившегося было приятеля, посулив переплатить в полтора раза. Сегодня Жапаров обещал принести золото, и Таубу не терпелось.

Жапаров пришел часам к трем. Присел у воды, завернул рукава, снял шляпу и сполоснул лицо. Отдышался немного, подошел к лежавшему в машине Таубу. Усмехнулся, сморщил нос:

— Заждался, бедняга?

Тауб вскочил, ничего не ответил, начал собираться. Натягивая рубашку, зло прошипел:

— Мы же договаривались в двенадцать! Не можешь прийти — предупредил бы. Целый день сижу, как на привязи.

— Э, дружище, надо думать и о завтрашнем дне. Барыш идет к барышу. Иначе деньги, что вода: пропустишь меж пальцев — и нет их. По пути к тебе увидел случайно машину возле дома Агапова. Турсун-ака приехал. Старый хрыч совсем рехнулся. Мало того, что унизал все пальцы молодой токал[1] золотыми кольцами, так теперь захотел сменить ей на золотые все зубы. За этим и приехал. И что мы с Агаповым проделали? Я купил у него золото хорошей пробы, а старику взамен продал свое, похуже. Ему все, что ни блестит,— золото.

— Двух зайцев одним выстрелом?

— Агапов начал вилять — неудобно, мол, надувать знакомого человека. А когда я ему денежки чистоганом выложил — заткнулся. И в самом деле, кто будет заглядывать в рот той бабенки, пробу искать? Мы золото не рожаем. Даем, что имеем.

— Ладно, хватит соловьем заливаться. Принес?

[1] Токал — вторая, более молодая жена.

— Деньги захватил?

— В машине. Отсчитаю до копейки.

Сели в машину, поехали в сторону Тастака. Их догнала светлая «Победа». Некоторое время следовала бок о бок, затем ушла вперед. На первом же перекрестке сотрудник ГАИ приказал остановиться. Мотоцикл его стоял в сторонке. Тауб чуть проехал и остановил машину у обочины. Выругался:

— И где только ни торчат эти сволочи! Угораздило же не вовремя.

Жапаров зашептал:

— Не связывайся с ним. Сунь в лапу. Можешь за мой счет.

— Сам знаю, что делать. А вдруг заупрямится?

— Договорись! Сделай что-нибудь! Сейчас нельзя попадаться, пропадем!

— Ладно ты, сиди тихо!

Милиционер внимательно рассмотрел водительское удостоверение Тауба, повертел в руках, положил в карман и строго сказал:

— Вы грубо нарушили правила эксплуатации машины. Пройдемте к моему мотоциклу, составим акт.

Возле мотоцикла два дружинника с повязками на рукавах вдруг крепко схватили Тауба за локти.

Он рванулся, но один из дружинников предупредил:

— Без фокусов! Вы арестованы.

В ту же секунду рядом с машиной Тауба остановилась недавняя «Победа». Из нее выскочили люди и с двух сторон быстро подошли к машине Тауба, где сидел бледный, перепуганный Жапаров...

Конвоир ввел Тауба в кабинет следователя. Тауб сразу же визгливо закричал:

— Я протестую! Вы ответите за произвол...

Григорьевский не дал ему высказаться.

— Сядьте! — сдержанно приказал он. Отпустил конвоира и поднял глаза на Тауба: — В вашей машине во время обыска обнаружен в баночке золотой слиток с меткой. Где вы его взяли? — он положил перед Таубом слиток.

— Не понимаю, о каком слитке идет речь. Золото не булыжник. Нормальный человек не станет хранить его в жестянке. Во всяком случае я так делать не стал бы. Возможно, кто-то подбросил его...

— Значит, признаваться не намерены?

— В чем?

Григорьевский взял бланк протокола.

— Итак, ваша фамилия, имя, отчество? На какие средства приобретены дома?

— Продал дом в Тбилиси на улице Энгельса — отсюда и деньги.

— Стоимость двух домов в Алма-Ате намного превышает то, что вы выручили в Тбилиси. Последние пятнадцать лет нигде не трудились. Откуда у вас такие сбережения?

— Господь не оставляет заботами преданного слугу своего.

— Можете не отвечать, это дело ваше. Давно вы знакомы с Жапаровым?

Тауб побледнел, откинулся назад и хрипло ответил:

— Знать такого не знаю. Если вы о том человеке, который сидел в моей машине, так он попросил подбросить его, я и согласился. Ничего больше.

Григорьевский открыл лежавшую перед ним папку и прочитал вслух:

— «Это было в 1961 году. Я пошел на Центральный колхозный рынок.

При себе имел слиток золота. Необычный. Толщиной со спичечную коробку, продолговатый и с меткой посередине. Когда я продал его, об этом узнал Тауб. Тауба я знал и раньше. Он попросил меня продать и ему такой же слиток. Я сказал, что больше нет, но он не поверил. Потом я как-то проболтался, что имею еще такой же слиток. Он уговорил продать его за четыре с половиной тысячи рублей». Это, гражданин Тауб, показания Кожанияза Жапарова.

— Не знаю никакого Кожанияза Жапарова. Первый раз слышу это имя.

— Вам лучше говорить правду. Вы же имели с ним не одну сделку, как можете не знать его?

Еще раз отвечаю, что не знаю никакого Жапарова. И не имел с ним никаких сделок.

— Жапаров в своих показаниях утверждает, что неоднократно продавал вам золото и золотые вещи. Хотите, прочитаю?

— Не трудитесь. Я снова утверждаю, что никакого Жапарова не знаю и никакими сделками не занимаюсь.

Григорьевский записал все в протокол и дал расписаться Таубу. Затем положил протокол в папку, отодвинул ее на край стола.

— На сегодня достаточно. Если вы собираетесь отрицать все и дальше, то допросов больше не будет. За вас скажут свидетели и факты. И тогда будет поздно. Подумайте об этом.

Конвоир увел Тауба. Григорьевский позвонил начальнику и попросил разрешения зайти.

— Заходи. Я как раз собирался вызвать тебя. Хорошо, что позвонил.

Новягин был чем-то доволен. Он весело спросил Григорьевского:

— Ты чего такой хмурый? Дело идет к концу, операция почти завершена. Что случилось?

— Тауб не признается.

— Ну и что? Наше оружие — материалы доказательства. Не будем спешить. Жапаров и Агапов тоже отрицали сначала связь с Гуреевым, а сегодня Жапаров признался, что меченый слиток получил именно у Гуреева.

— Значит, хозяин меченого золота все-таки Гуреев?

— Погоди, мы будем свидетелями еще многих интересных открытий. Пока что эти показания надо подтвердить фактами. Ты знаешь, как Кадамшин допросил Жапарова? Отослал домой! Да, да! Сказал без всяких обиняков, что тот обвиняется в подрыве экономики страны, и велел принести все спрятанное золото, если ему, конечно, хочется облегчить свою участь. Жапаров и принес. Почти два килограмма золота! Редкий случай в следственной практике. Ануар, конечно, рисковал неоправданно. Как понять, кто сидит перед тобой, какие у него мысли? Тут надо быть исключительным психологом. А вот Жапаров теперь не знает, кого клясть. Растерялся, говорит. Трудно было заставить его признаться, да теперь не отвертится. Показания Заурума Шарфа против Гуреева можно было оспаривать, но Жапаров и Агапов — свидетели солидные, да и факты у них неопровержимые. Теперь есть основания для ареста Гуреева. А перед этим я хочу еще раз допросить Жапарова. Будешь присутствовать. Сейчас придут Нуканов и Кадамшин,— он увидел входящих Калаубая и Ануара и кивнул в их сторону:— А вот и они, легки на помине. Начнем, пожалуй.

Поднял трубку внутреннего телефона и приказал:

— Введите арестованного из шестой камеры.

Ввели Жапарова. Сухощавый, остроглазый, он прямо-таки буравил взглядом сидящих. Новягин указал на стул.

— Предупреждаю: ваши показания будут записаны на магнитофон,— Новягин нажал на клавишу.

Вопрос:

— С какого времени вы знакомы с Гуреевым? Где и при каких обстоятельствах состоялось ваше знакомство?

Ответ:

— С Гуреевым я познакомился в 1943 году в Кульдже. Он был известен в Синьцзяне под именем «Гыргур-бай». Так казахи переделали имя «Григорий». Сам я молюсь одному богу — золоту. Богатый человек неподвластен мелочной суете жизни, он свободен. Как мы встретились? Я держал небольшой магазинчик. Торговля шла плохо, в убыток, и я чуть не разорился. Так бы, наверное, и пошел по миру, если бы не помощь Григория Матвеевича. С тех пор я почитаю и уважаю этого человека.

Вопрос: — Его настоящая фамилия — Гуреев?

Ответ: — В Кульдже его знают под этой фамилией.

Вопрос: — До сорок третьего года вы с ним встречались?

Ответ: — Нет.

Вопрос: — Значит, были до того незнакомы?

Ответ: — Да.

Вопрос: — Скажите, вы знаете его настоящую фамилию?

Ответ: — (Неуверенно). Не знаю.

— А вспомните, ведь Гуреев говорил вам: «Мы нужные друг другу люди. Давай договоримся держать язык за зубами!»,— и вы поклялись молчать, а за это получили ту самую помощь. Так?

Жапаров растерянно вытаращил глаза.

— Кто вам это рассказал?

Новягин заметил:

— Вопросы задаю я. Вы отвечаете.

Жапаров опустил голову.

— Не хотите отвечать? Не надо,— Новягин выключил микрофон. Жапарова увели. Новягин позвонил Кирсанову.

— Сергей Епифанович, это я, Новягин. Только что снова допросил Жапарова. Похоже, он боится Гуреева. А чем изволит заниматься «Гыргур-бай»?

— Час назад к нему пришла Криста Газарх. До сих пор не выходила.

— Она часто бывает у них?

— Да, она приятельница Жанны Михайловны. Гуреева, когда приезжала сюда, была все время с ней.

— Как там обстановка?

— Гуреев, чувствуется, растерян. Несколько раз выходил из дому, куда-то направлялся, а потом возвращался с полпути. Наверно, узнал об аресте Жапарова и Агапова.

— Когда приступим к завершению вашего «генерального» плана?

— Какой сегодня день?

— Двадцатое июня 1962 года.

— Если не возражаете, сегодня ночью все и закончим.

15

Гуреев в тот день был и в самом деле в полнейшем замешательстве. К еде не притронулся, не стал любоваться даже игрой камня в перстне. Все время размышлял о чем-то. Достал из кладовки две жестяные банки, сделанные по его заказу жестянщиками на Никольском базаре, и закрыл-

ся с ними в дальней комнате. Потом ходил по саду, по двору, заглядывал во все уголки, притопывал ногой, словно пробовал, удержит ли его земля.

Жанна Михайловна подошла к мужу:

— Отец, что с тобой сегодня? На тебе лица нет. Ты напуган чем-то?

Гуреев ворошил в это время ногой кучу прелых листьев и веток. Не поднимая головы, буркнул:

— Агапова и Жапарова арестовали.

Жанна Михайловна побледнела и прикрыла ладонью рот.

— Что ты говоришь? Когда?

— Недели две назад. Вместе с Таубом.

— И Тауба тоже? Его-то за что? Откуда ты узнал?

— Заходил Арипбай. Принес записку от Аркадия. Они встретились случайно на улице.

Жанна Михайловна тяжело вздохнула:

— Давай уедем отсюда. Аркадий нам поможет. Жапаров, может, натворил что-нибудь, он давно здесь, а мы приехали недавно, живем тихо-мирно...

— Так тебя и отпустили сразу! Вдруг начнут докапываться как мы оказались в Китае? Доберутся до моих грехов. Их на нескольких хватит.

— Отец, кто помнит о твоем прошлом?

— ЧК, милая, когда захочет, все найдет, что надо.

— Отец, зачем ты меня пугаешь? Десятки лет прошли. Кости недругов оих давно сгнили. Тебе бояться нечего! И некого!

— Не знаю, не знаю. Чувствую, что надвигается опасность. Сердцем чувствую. Не успокаивай меня, мать. Позови лучше Кристу. Позвони ей. Пусть придет вечерком, да на глаза пусть никому не попадается.

Кристу Газарх сотрудники КГБ заметили возле дома Гуреевых.

Когда Криста вошла в дом, Григорий Матвеевич поднялся ей навстречу.

— Никто не видел, как ты вошла?

— Что случилось?

— Арестовали Агапова и Жапарова.

Криста ойкнула и опустилась на стул. Немного погодя спросила:

— Они знают твою биографию, Григорий?

Гуреев вздохнул:

— Кульджа — городок небольшой. Трудно скрыть что-нибудь. Жапарова я не боюсь. Умеет молчать. А Агапов... двуличен и труслив. Он погубит меня. Ну, ладно, не будем терять времени. Мне нужно поговорить с тобой, Криста, наедине. Мать, поди-ка на кухню.

Жанна Михайловна вышла и прикрыла за собой дверь. Гуреев принес из ванной и сунул в руки Кристе две жестяные запаянные банки.

— Жить мне, сестрица, осталось недолго. Нет, я смерти не боюсь. Пожил неплохо, видел и зло, и добро. Спину ни перед кем не гнул, делал всегда так, как считал нужным Похоже, наступила пора рассчитаться за прошлое. Хотелось пожить еще на родной земле да повидать брата в Канаде. Не суждено, значит... В этих банках золото. Не пугайся. Отнеси их и спрячь. У тебя вряд ли станут искать. Я отдаю все это тебе и двум моим внукам. Держи язык за зубами, а я никогда не проговорюсь. Никто не заставит меня открыть эту тайну. Помни: пока в руках есть золото, человек не зависит ни от людей, ни от властей. Теперь иди. Даст бог, может встретимся еще.

Криста была уже у дверей, когда он окликнул ее:

— Погоди! Мать, где ты там? Иди сюда! Надень плащ и платок Кристы. Выйдем вместе, будто ты Криста, а я ее провожаю. А ты, Криста,

пройди на улицу через сад. Света там нет. Вряд ли следят с той стороны. Завтра в десять утра я позвоню тебе. Спрошу: «Как себя чувствуешь?» Если все нормально, ответишь, что хорошо. Ну, счастливого пути!

Однако в условленное время звонка не последовало. 20 июня 1962 года прокурор республики дал санкцию на арест Гуреева.

...Расположение комнат оказалось необычным. Первый этаж занимала столовая, на втором разместились спальни и гостиные. По длинному коридору тянулась широкая ковровая дорожка.

При появлении в столовой незнакомых людей все растерянно поднялись со своих мест. Арипбай быстро сунул что-то за пазуху и попытался выскользнуть на улицу. Его остановил Бортник:

— Прошу задержаться.

Арипбай отступил назад, опустился на стул.

Канысбаев предъявил Гурееву постановление на арест. Тот довольно спокойно сказал:

— А что я успел натворить? В чем меня обвиняют?

— Это вам лучше знать

Арипбай засопел:

— Ух, а я испугался, думал, опять грабить пришли. Оказывается, свои ребятки,— он повернулся к Гурееву: — Тамыр, ты не пугайся. Милиция у нас ии с того ни с сего никого не трогает. А ты ни в чем не виноват. Если надо, могу быть свидетелем.

Пригласили понятых, в их присутствии описали все вещи. На небольшом столике посередине комнаты стояла пепельница, по виду чугунная. Шайдос подбросил ее на ладони:

— Запишите и это,— и поставил пепельницу перед Кадамшиным.

Гуреев заерзал в углу, вытянул шею, нервно хохотнул:

— О господи, неужели для ЧК и пепельница в диковинку? Зачем она вам?

Кадамшин, не поднимая головы, ответил:

— Тяжеловата. А вы человек разборчивый. Не станете зря ташить из самой Кульджи.

Гурееву подали для подписи протокол обыска. Кадамшин спросил:

— Гражданин Гуреев, что можете добавить к этому?

— Чего вы еще хотите от одиноких стариков? Хватит, наверное.

— В Кульдже вас считали самым богатым человеком. А по нынешней обстановке этого не скажешь. Она не соответствует вашей громкой славе. Нет шифоньера с инкрустацией из слоновой кости...

— Завистливый люд всякое сбрехнуть может.

— Он был отмечен в таможенной книге. Здесь все описано в вашем присутствии.

— Сам вижу.

— Тогда собирайтесь.

...Подполковник Новягин срочно выехал в Москву. Он возвратился только через две недели. Сразу же по прибытии ознакомился с описью вещей Гуреева и протоколами допросов. Допросы вели поочередно Кадамшин и Нуканов. Новягин подытожил:

— Гуреев хитрит. Пытается сбить нас с толку. Если следствие и дальше пойдет так же, в этом году его не закончим. Во время обыска у него обнаружили три килограмма семьсот девяносто четыре грамма золота в слитках и изделиях и восемьдесят граммов бриллиантов. Откуда у него столько ценностей?

Нуканов четко ответил:

— Отлитые из золота пепельницу, подсвечник и фигурку архара он

приобрел в разное время у разных людей. Но отрицает, что сам торговал золотом. То же говорят обвиняемые Агапов и Жапаров.

— Калаубай Нуканович, давайте уточним, есть ли у Гуреева припрятанное золото. А торговал им или нет — дело уже другое.

Что-то черкая на листе бумаги, Ануар заметил:

— Люди Кирсанова предполагают, что запасы у Гуреева должны быть. Недавно я разговаривал с Канысбаевым, он сказал: «У Агапова и Жапарова и то по четыре килограмма изъяли, а они по сравнению с Гуреевым мелкие сошки».

— А как ты сам думаешь, Ануар?

— Я согласен с оперативниками. Не зря в последний вечер приходила к Гурееву Криста. И уйти постаралась незаметно, через сад. От Гуреева она пошла к брату, Борису. Думаю, что и Борис Газарх причастен к этой истории.

Подполковник подошел к окну. Отодвинул шторы, несколько секунд смотрел на улицу. Повернулся к Нуканову:

— Калаубай Нуканович, вызовите завтра Газархов в качестве свидетелей. Допрашивать Гуреева будем после них.

— Есть!

16

Подполковник Новягин вызвал Нуканова и попросил его присутствовать на допросе Гуреева.

Ввели Гуреева. Он долго усаживался, ерзал, чувствуя на затылке пристальный взгляд Нуканова.

Новягин чуть подался вперед, облокотился о край стола и сказал:

— Надеюсь, будете говорить правду?

Гуреев пожал плечами:

— А чего мне скрывать? Вам и без того все известно.

— Гражданин Гуреев, назовите свои настоящие фамилию, имя, отчество.

— Гуреев Григорий Матвеевич, место рождения — Акмолинск. Всякий раз начинаете допрос с моей фамилии. Не надоело?

— Вы обещали говорить правду. Как ваша прежняя фамилия?

— Не понимаю вас, гражданин начальник. Фамилия моя Гуреев. Вся наша семья Гуреевы, и дед, и прадед. В Акмолинске нас все знали.

— Вы знаете, что говорить. В Акмолинске, действительно, жил когда-то Гуреев, ваш приказчик. В 1922 году он бесследно исчез. Его никто не хватился, подумали, что он отправился на заработки. Но он был убит. Да, да, убит. Для того, чтобы вы всю жизнь могли скрываться под его фамилией.

— Не рассказывайте мне, ради бога, про такие ужасные вещи. Я не то что людей резать, я одного вида крови боюсь.

Стоявший сзади Гуреева Нуканов спросил:

— Куда же девался ваш приказчик?

— Не брал греха на душу. Господом богом клянусь. Он попросил расчет перед самым моим арестом. Я его рассчитал. Малый он был честный.

— Гуреев — его фамилия?

— Да. Я слышал, что он умер от тифа.

— Когда слышали?

— Когда сидел в тюрьме, по-моему.

— Кто сказал вам об этом?

— Сейчас не помню.

Новягин опять спросил:

— А все же, как ваша настоящая фамилия?

— Моя фамилия...— Гуреев криво усмехнулся.— Надо же! Даже выговорить трудно, непривычно как-то. Будто чужая.

— Отвечайте на вопрос!

— Газарх. Га-зарх, Григорий Матвеевич.

— Вот теперь, гражданин Газарх, продолжим наш разговор. И опять коснемся двадцать второго года. За что вы были арестованы органами ГПУ?

— Ну как вам сказать? За что? Время было такое — смутное, недоброе. Чуть что не так, кричали: «Буржуй, кулак, саботажник, контра!» В политике я разбирался слабовато, шумел тоже, по неразумию своему...

— Я вижу, вам никак не хочется говорить правду.

— С тех пор немало лет прошло. Человеку в моем возрасте немудрено запамятовать.

— Если хотите, могу напомнить: в 1918 году в Акмолинске был совершен белогвардейский переворот, и не без помощи местных купцов-воротил Моисеева, Газарха, Кривина и других.

— Не спорю. Может, и так. В то время мы и думать не думали, чем обернется для нас бескорыстная помощь бедствующим братьям своим.

Новягин по-прежнему спокойно продолжал:

— Как вы оказались в Китае? Кто помог вам?

— В те годы было проще. Никаких виз не требовалось. Кто хотел уехать, мог пробраться в Китай с любым попутным караваном.

— Гражданин Газарх, вы опять говорите неправду. Как же вы забыли про одного сотрудника китайского консула?

Газарх опустил глаза и сидел, поглаживая ладонью колено.

— Почему же, я не забыл про того сотрудника,— вздохнул он.— Жить тогда было трудно. Голод, холод, все стоило дорого. В Ташкент часто прибывали караваны из Кашгарии, Кульджи и других соседних областей. С их приездом разгоралась торговля на черном рынке. Спекулянтов больше интересовали не золото и побрякушки, а сукна да ситец: на них выгодно было менять продукты. Однажды им повезло с караваном из Кульджи: хозяин груза умер в дороге. Мы вскрыли мешки, а там оказались вещи. В укромном местечке мы поделили добро меж собой. Среди нас был и тот сотрудник. Так мы познакомились. Он знал наперед о караванах, вышедших из Китая, и заранее предупреждал об этом нужных людей.

— Внесем поправку. Хозяин груза не умер, а был убит вашими «нужными» людьми, и вы знали наперед, что в мешках.

— Я ничего заранее не знал! Говорю, как на духу.

— За что посадили вас в тюрьму китайские власти?

— Я поднакопил немного добра. А кое-кому это, видимо, пришлось не по нутру. Меня оговорили, будто я наживаюсь на спекуляции золотом.

— Вам не делали каких-нибудь предложений, перед тем как выпустить из тюрьмы?

— Не припомню.

— Как же так? Не вы ли согласились с утверждениями, что Советская Россия не устоит перед Гитлером, что, пока не поздно, надо оказывать посильную помощь гитлеровцам, настраивать людей в Синьцзяне против Советов, сеять смуту среди советских граждан, работавших там? Таким образом, вы и вдалеке от нас продолжали борьбу против Советского государства!

— Признаюсь, ошибался.

— Вы сказали, что искупили свои ошибки. Да, в свое время вам ока-

зали снисхождение и освободили от большой ответственности. Советская власть надеялась, что вы поймете гуманность и справедливость нашего строя. Вам заменили расстрел тюрьмой. Но вы не сделали выводов, вы продолжали свои преступления. В Ташкенте занялись контрабандой и связались с иностранной агентурой. Молодостью или незнанием вам уже было не отговориться. Вы должны были ответить за все сполна... А ваша антисоветская деятельность в тяжелые годы войны? И опять наше государство проявило гуманность, разрешило вам вернуться домой. Вернуться и собственными глазами убедиться, какова Советская власть! Можно было, наконец, понять свои ошибки, предубеждения! И утнхомириться, пора уже, ан нет, вы опять взялись за свое, за старое...— Новягин включил магнитофон.— Предупреждаю, ваши дальнейшие показания будут записаны на пленку. Повторяю вопрос: вы признаетесь в преступных дсйствиях, направленных против Советского государства?

— За прошлые грехи Советская власть простила, а нынче я перед ней чист. После возвращения из Китая мы с женой ведем самый скромный образ жнзни.

— Во время обыска у вас дома обнаружены золотые слитки и ценности. Где и когда вы их приобрели?

— Я купил их еще в Китае. В 1952 году я сдал частям кнтайской армии две тысячи голов овец и семьдесят коней, за что получил от представителя армии тридцать тысяч деньгами и два с половиной кнлограмма золота. В общей сложности я имел девять с половиной килограммов золота. Два с половиной я передал через шофера Маркелова брату своему Борису Газарху, рассчитывая, что они понадобятся здесь, если мне разрешат вернуться. А два килограмма двадцать граммов самолично сдал, уже приехав сюда, и получил денежную компенсацню.

— Откуда у вас драгоценные камни?

— В Кульдже у меня был знакомый ювелир, я покупал нх у него. Камушки в общей сложности весили девятьсот девяносто граммов и обошлнсь мне в кругленькую сумму.

— Куда вы девали эти камни?

— Нам со старухой надо было на что-то жить. Большую часть драгоценностей я продал проезжему торгашу. Это был первый и последний случай, когда я занимался незаконной торговлей.

— Кому именно вы продали камни?

— Я не страдаю любопытством. Мне незачем было знать, кто он такой.

— Вы знаете Жапарова?

— Кожанияза? А как же? В Кульдже мы жили с ним по-добрососедски. И сейчас дружны.

— Вы не передавали ему золото для реализации?

— Такого разговора на моей памяти не было. Я и предыдущему следователю не раз говорнл, что спекуляцией не занимаюсь. Во время обыска у меня изъяли все, что было в наличии. Советы отхватили неплохой куш.

— Советское государство не нуждается в вашем золоте. Вы нарушилн законы нашей страны о валютных операциях, что квалифицируется как преступление. За это вам и придется отвечать.

— Я еще раз говорю, что ни в чем новом перед Советской властью не провинился.

— Вы утверждаете, что больше не имеете скрытых запасов золота?

— Во время обыска вы забрали все. Другого золота у меня нет.

— Вы знакомы с Заурумом Шарфом?

— Впервые слышу это имя.

— У вас есть родственники в Канаде?

— После революции люди бросились бежать кто куда. Мой младший брат жил у тетушки, она увезла его с собой во Францию. Где он сейчас, я не знаю.

— Кому же вы передавали золото?

— Какое золото? Не понял.

— Ваш брат проживает в Канаде под девичьей фамилией вашей матери. Вы прекрасно знаете об этом. Правда, обещанного он так и не получил — Шарф не сумел провезти «продукты» для него. Сколько золота вы передали Шарфу?

— Я не знаю никакого Шарфа, и никакого золота, естественно, передавать ему не мог.

— Кем приходится вам Криста Газарх?

— Она моя родная сестра.

— Вы дружны?

— Я ни с кем никогда не ссорился. Ее я очень уважаю и люблю.

— Как она относится к вам?

— По-моему так же. А что?

— С какой целью приходила к вам Криста Газарх вечером двенадцатого июня?

— Криста — врач. Жанне Михайловне в тот вечер нездоровилось, и Криста, кажется, принесла ей какие-то лекарства. Я точно не знаю, что за дела были у женщин.

— Зачем вы заказывали жестянщику две банки? — вмешался Нуканов.

— Моя супруга большая любительница цветов. Они ей понадобились.

— А где сейчас эти банки?

— Я не занимаюсь домашними мелочами. Это можете узнать у моей жены.

— Хорошо вернемся к прежнему,— Новягин напомнил: — Почему Криста ушла от вас скрытно, через сад, если приходила, как вы утверждаете, с лекарствами?

— Этого я не знаю. В детстве она страдала тяжелым недугом, была лунатиком.

— Лунатики гуляют по ночам. Не надо так примитивно лгать.

— Мой возраст не позволяет мне лгать. Не хочу грешить перед господом богом.

— Получив разрешение на въезд в СССР,— уточнил Нуканов,— вы продали прежнюю прекрасную немецкую мебель и заказали новые шифоньеры из красного дерева. Где они?

— Я сжег их, надоели.

— Когда?

— Сейчас уже не помню.

— Может, вы сожгли их после того, как вас ограбили?

— Меня никто не грабил. Вы же сами видели, что в доме все на месте.

— Мы знаем, почему вы не заявили об ограблении. Об этом поговорим позже. А сейчас я скажу, почему вы сожгли прекрасные шкафы. У них были двойные стенки и дно. Вы заказали их, чтобы провезти через границу золото. После ограбления вы испугались, что в следующий раз грабители обнаружат ваши тайники, и перепрятали все в те жестяные банки.

— Я не склонен к фантазиям. Вышел из такого возраста.

— Чуть вопрос заденет вас,— вновь взял инициативу Новягин,— прикрываетесь преклонным возрастом. Раньше спасались тем, что ссылались на молодость. Теперь рассчитываете избежать наказания, прикрываясь старостью?..

— Я уже сказал, что не знаю новой вины перед Советской властью.

— Я прочитаю вам показания Кристы Газарх. Вот пожалуйста: «...вечером двадцатого июня, часов в семь, мне позвонила Жанна Михайловна и попросила прийти. Я спросила: «Что случилось?» Она ответила: «Это не телефонный разговор. Григорий хочет тебя видеть. Приходи быстрее». Когда я пришла, Григорий отослал жену и передал мне две банки, сказав, что в них семь килограммов золота...»

Газарх вскочил с места, выкрикнул:

— Это ложь! Она врет! Хочет утопить меня!

— Сядьте! — спокойно приказал Новягин.

— Простите,— Газарх тяжело опустился на стул.— Не могу поверить, что Криста могла сказать такое. Прошу очной ставки с ней.

— Вы признаетесь, что передали золото Кристе Газарх на сохранение?

— Я никому ничего не передавал.

— Через кого переправляете за границу сайгачьи рога?

— Какие еще рога? Что это такое?

— Ну, хорошо. На сегодня достаточно,— Новягин выключил магнитофон.— Гражданин Газарх, скоро месяц, как мы бьемся с вами. Вы увиливаете от правдивых объяснений. Неужели вам не приходит в голову, что вы только усугубляете свое и без того тяжелое положение? Ваши соучастники точно помнят, когда, в какое время суток, сколько золота получили они от вас. Я прочитал показания вашей сестры, а вы отрицаете их.

Газарх, чуть поколебавшись, спросил:

— Этот разговор не для протокола?

— Нет. Я говорю с вами просто как с человеком.

— Хорошо. Пусть Криста во всем призналась. Но почему в таком случае вы не разрешаете свидания с ней? Может, вы прочитали мне не ее показания?

— Отвечу: хочу оставить вам возможность признаться и тем самым облегчить вашу участь. Но если будете упорствовать, то и этой возможности лишитесь. Подумайте над этим!

— Нечего мне думать. Не ребенок. Уговорами меня не возьмете.

Новягин нажал кнопку вызова и приказал конвоиру:

— Уведите!

17

«... 20 июля 1962 года вечером пришла моя сестра Криста Газарх. Мы с семьей смотрели телевизор. Криста попросила меня выйти на минутку. Она была встревожена и растеряна. Мы вышли в соседнюю комнату. Криста держала в руках большую черную сумку, в ней лежали две жестяные банки. Одна побольше, другая поменьше. Я спросил, что это такое, она ответила: «Григорий передал, Просил спрятать. Тут полно золота». Я не помню, обрадовался или испугался в тот момент. Слово «золото» захватило меня. Мы с Кристой зарыли банки во дворе, в дальнем углу под мусором. После ее ухода мне пришла в голову мысль: а почему бы самому не воспользоваться этим золотом? Криста или Григорий вряд ли заявят в милицию. Зачем старому бродяге столько золота? Хватит, отгулял свое. А в случае чего, скажу, что банки исчезли, буду слезно уверять, что их, видно, кто-то украл. Может, поверят, оставят в покое? Зато потом жизнь станет сплошным раем! Эта мысль не давала мне покоя. На следующую ночь я откопал банки и перепрятал на улице, прямо возле арыка. Я рассчитывал, что в случае, если милиция обнаружит золото, я останусь не при чем — не в моем же дворе.

Но бог наказал меня. Когда я привел к этому месту следователей, банок на месте не оказалось. Ума не приложу, кто мог выкопать. Наверное, кто-то заметил, как я прятал их.

Пишу все как есть, ничего не скрывая. В чем и расписываюсь—

Б. М. Газарх».

Подполковник Новягин внимательно прочитал объяснительную Бориса Газарха и спросил:

— Как считаете, правду пишет Газарх?

— Мы перерыли почти весь переулок. Банок нет. Обнаружили несколько старых ям, но Газарх не знает точно, какая его. Неделю впустую провозились,— ответил Нуканов.

Кадамшин добавил:

— Газарх вроде бы ничего не скрывает, подробно описывает визит Кристы. Но не задумал ли он раскрыться в малом и утаить большое?

— Похоже, так,— Новягин хлопнул ладонью по столу.— Обратите внимание на слова: «...скажу, что банки исчезли, буду слезно уверять, что их кто-то украл. Может, поверят, оставят в покое...» Я думаю, Борис Газарх проделывает этот фокус и с нами. Верить ему нельзя. Он готов ради золота отречься от родных брата и сестры. Старший лейтенант Григорьевский собирается еще раз допросить Тауба и устроить ему очную ставку с Газархом-Гуреевым и его женой Я дал добро. А вы приступайте снова к поискам банок. Не забудьте и о доме Григория Гуреева. В его хозяйстве, по-моему, можно еще кое-что раскопать. Будут новости — сообщите немедленно.

Кадамшин и Нуканов ушли. Подполковник позвонил Григорьевскому:

— Новягин говорит. Какие новости? — немного послушав, перебил: — Хорошо, сейчас буду. Ты Жанну Михайловну Газарх пригласил? Ну, хорошо, иду.

В комнате для допросов Новягин кивнул поднявшемуся навстречу Григорьевскому:

— Продолжайте, пожалуйста.

Тауб еще больше съежился, втянул голову в плечи.

Григорьевский продолжал:

— В прошлом году вы купили у гражданина Жапарова шестьдесят граммов золота. В апреле того же года купили опять у Жапарова триста граммов золота в слитках и семь золотых монет: две достоинством в пятнадцать рублей, а пять — червонцы. Заплатили за них две с половиной тысячи рублей, а перепродали за полторы цены. Вы признаетесь в том, что занимались спекуляцией золотом?

— Эта сволочь Жапаров нарочно подсовывает меня под удар. Выходит, что я ненасытный скопидом! А на самом деле эти золотые вещички я коллекционирую. Да, да, не удивляйтесь. Собирают же люди значки, монеты, марки? Так и я. Не могу удержаться, как увижу красивую вещь. Надоест одна — покупаю другую. Вы же сами изъяли их у меня. Факт, так сказать, налицо. А Жапаров врет, все врет...

Григорьевский достал из ящика стола небольшую коробочку. В ней сверкал на шелку крупный перстень. Он положил коробочку перед Таубом.

— Узнаете перстень? Ваши ответы будут записаны на магнитофон — предупреждаю.

Ответ: — Я еще в прошлый раз сказал, что это перстень покойной жены, мой свадебный подарок ей.

Новягин подошел ближе и спросил, разглядывая перстень:

Вопрос: — Перстень с бриллиантом. Сколько каратов в нем?

Ответ: — Я купил подарок и понятия не имею, сколько там каратов.

Вопрос: — Может, это не ваш перстень?

Ответ: — Я еще не выжил из ума, слава богу. Свои вещи знаю. Перстень мой.

Вопрос: — За сколько вы его купили?

Ответ: — Покупал еще в Иране. Не помню.

Новягин сделал знак Григорьевскому, чтобы тот выключил магнитофон, и сказал:

— Разобраться с перстнем помогут свидетели. Вызовите Газарха-Гуреева.

Тауб замахал руками.

— Вы хотите что-то сказать?

— Н-нет.

Конвоир ввел Газарха-Гуреева.

Григорьевский подвинул перстень к нему:

— Вы узнаете этот перстень?

Газарх вскинул изумленно брови.

— Откуда он у вас? Это самый дорогой мой подарок Жанне Михайловне! Он лежал обычно в шкатулке и был украден вместе с другими вещами.

— А вот гражданин Тауб утверждает, что это его перстень, свадебный якобы подарок жене...

Тауб буркнул, не поднимая головы:

— Вот именно. Может, он и похож на чей-нибудь перстень. Спутать недолго: все они сделаны человеческими руками.

— Вот как! Чуяло мое сердце — кто-то из своих ограбил нас! Чуяло! В подвале, в сундуке, хранились два рулона китайского шелка. О них знали только близкие. Рулоны тоже исчезли. Значит, это ты, поганец?.. Я прошу, гражданин следователь, вызвать мою жену! — повернулся к Григорьевскому Газарх-Гуреев.— Она тоже признает свой перстень.

Григорьевский отправил Газарха и пригласил из соседней комнаты Жанну Михайловну. Она медленно подошла к столу, бросила испуганный взгляд на Тауба.

— Садитесь, Жанна Михайловна,— пригласил Григорьевский.— Скажите, вы хорошо знаете гражданина Тауба?

— Конечно. Он почтенный человек, почитающий бога.— Жанна Михайловна вынула из сумочки платок, вытерла выступившие на глазах слезы.— Неужели и до него добрались злые языки?

— Вы видели раньше эту вещь?

Она только теперь обратила внимание на перстень.

— О господи, где вы нашли? Его украли. Григорий Матвеевич жалел о нем больше всего. В бриллианте восемь каратов, а золото червонное. С внутренней стороны выгравированы мои инициалы. Их видно через увеличительное стекло. Григорий Матвеевич заказывал перстень в Синьцзяне очень искусному ювелиру, заплатил две коровы и мешок риса.

— Перстень нашли в доме гражданина Тауба во время обыска. Он утверждает, что это перстень его покойной жены...

Раздался хриплый голос Тауба:

— Ложь, я не говорил этого. Я впервые вижу перстень. Его не было в моем доме!

— Вы, оказывается, не только вор, но и лжец! — Григорьевский включил магнитофон, и раздался голос Тауба, записанный на пленку:

«...Я еще в прошлый раз сказал, что это перстень покойной жены, мой свадебный подарок ей...»

У потрясенной Жанны Михайловны вырвалось:

— Боже мой, что он говорит? Давно ли вы, Яков Данилович, шептали мне на молении, что камень в перстне чист, как живая вода! Оказывается, в руках у вас библия, а за пазухой камень!

Тауб сжал кулаки:

— Гражданин следователь, избавьте меня от этой истерички! — лицо его в ярости исказилось.— Не надо больше свидетелей. Я сам все расска-

жу. Да, я ограбил Газарха, я спекулировал золотом, да, я руководил сектой, да, я, я, я...

После допроса Новягин улыбнулся Григорьевскому:

— А ты говорил, что Тауб — кремень, никогда не раскроется. Он сам согласился давать показания. Когда следующий допрос?

— Пусть поразмышляет. Вызову к вечеру.

— Правильно,— одобрил Новягин.— Еще одну шараду разгадали.

Сосед Газарха-Гуреева Арипбай показал, что Григорий скупал через него сайгачьи рога. Но куда он их прятал или кому продал — никто не знал. Во время следствия Газарх-Гуреев отрицал все, а обыск в его доме не дал результатов. Переправить последнюю партию рогов через границу он не мог: все машины, проезжавшие на ту сторону, тщательно проверялись. Где же спрятаны рога?

В дальнем углу гуреевского сада стояла когда-то клетушка. От нее остались только фундамент да полуразрушенная стена. Стена обвалилась, обломки кирпича валялись в густой нетоптанной траве. Здесь давно уже никто не ходил. Шайдос осмотрелся по сторонам и направился к сидевшим под яблоней Ануару Кадамшину и Калаубаю Нуканову. Он услышал голос Ануара:

— Борис Матвеевич, вы же взрослый человек. Зачем играть в прятки? Совершенно ясно, что вы знаете, где спрятано золото. Знаете и молчите.

— Ну что вы меня мучаете? Сами видели, что банки кто-то украл? Откуда мне знать, кто это сделал? — запричитал стоявший тут же Борис Газарх.— Никакой вины за мной нет. Золотом я не торговал, у государства не крал.

— Не крали, так скрываете краденое.

— У меня нет ничего!

— Поймите, вы же никогда не сможете воспользоваться этим золотом! Будьте уверены!

Борис Матвеевич прищурился, помолчал и спросил осторожно:

— А верно, что человек, нашедший клад, получает призовые проценты?

— Хотите получить проценты с краденого?

— Нет, просто интересуюсь. Ведь это удивительно: когда кто-то находит клад, его не спрашивают, украден он был или нет.

Ануар не сомневался, что Борис перепрятал золото и теперь лихорадочно соображает, как выкрутиться.

— Процентов вам никаких не предвидится, а отвечать перед законом придется.

Солнце клонилось к западу. Косые закатные лучи осветили сад, и в ярко заблестевшей траве вдруг проявились темные полосы, тянувшиеся к старой клетушке. Они походили на заросшие тропинки. Шайдос схватил лом, чуть не бегом направился к развалинам. Остатки стены рухнули от первого же удара. Под кирпичами показалась деревянная крышка. Шайдос приподнял ее, заглянул в люк. В подвале было прибрано, к стене аккуратно прислонена лестница. Шайдос крикнул товарищам:

— Идите сюда!

Подбежали Ануар и Калаубай:

— Что случилось? Что такое?

Шайдос поднял голову:

— Тут подвал, ребята.

Он спустился вниз. Через несколько минут вытащил небольшой брезентовый мешок, передал товарищам.

— Там еще два таких же.

В мешках оказались сложенные один к другому сайгачьи рога. Шай-

дос и Калаубай ие полеиились пересчитать их. Две тысячи семьсот штук.

Значит, Газарх-Гуреев собирал эти рога, а потом переправлял готовыми партиями на ту сторону границы.

— Зачем вам столько рогов? — спросили Гуреева.

Он вздохиул:

— Это чистое золото. Сайгачьи рога ценятся в Синьцзяие не меньше золота. Китайцы почитают и уважают того, кто имеет их. Никакое обвинение не устоит перед парой отростков. Из рожек вырабатывают удивительное лекарство, омолаживающее человека. Я возлагал на них большие надежды. Думал восполнить позже все потерянное. Не суждено...

Нукаиов — допрашивал он — покачал головой:

— Живут ведь люди и без этих рогов. Неужели вам ие надоела такая жизнь? Неужели не хочется спокойствия?

— Трудно отвыкиуть. Я заиимаюсь торговлей с самого рождения.

— Кто вывозил их? Маркелов? В последний раз заезжал к вам он.

— Да.

— А почему таможенники их не обнаружили?

— Мало ли хитростей человеческих? Прятали в запасном бензобаке. Правда, Маркелов был напуган до смерти. Видно, почуял, что его зацепили.

— Дорога у него иеблизкая. Как же он поехал без запаса бензина?

— Его ждали сразу за границей.

— Кто?

— Не знаю.

— Какие у вас отиошения с братом, Борисом Матвеевичем?

— Я почти сорок лет не виделся с родными, поэтому мои чувства к ним понятны.

— А как он относится к вам?

— Думаю, он ие так двуличен, как Криста.

— Криста Газарх помогла вам сознаться в совершенном. Вы должны быть благодарны ей.

— Удивляюсь, как оиа додумалась сочинить такое. Откуда у меня могло взяться столько золота?

— Вы сможете узнать голос брата?

— Конечно.

— Тогда послушайте.— Нуканов включил магнитофон. Раздался торопливый, захлебывающийся голос Бориса Газарха:

«...Я спросил, что это такое, она ответила: «Григорий передал. Просил спрятать. Тут полно золота... Зачем старому бродяге столько золота?..»

Газарх-Гуреев побледиел, закрыл ладонями лицо и упал головой на стол.

— Вы узнали голос брата?

— Он мне не брат, ие брат! — простонал Газарх.— Хуже врага. Хотел родного брата, подлец, обмануть!

Нуканов спокойно сказал:

— Значит, правда, что вы передали Кристе Газарх две банки с золотом? Так я вас понял?

— Да. В одной банке было четыре, а в другой три килограмма. Золото такое же, как в слитках. Пусть подлец вернет все до единого грамма!

— В двух банках ровно семь килограммов? Ни больше, ни меньше?

— Когда имеешь дело с золотом, счет идет на граммы.

— Вы помните вес и пробу каждого из золотых слитков и предметов, найденных у вас?

— Да. Слитки в виде браслетов весят по 161,1 грамма, проба — 939,2. Пять слитков в форме пиалы, проба — 974,9. Слиток с меткой «1000» весит 311,9 грамма, проба — 990,2. И самородок весит 55,2 грамма.

Зазвенел звонок. Калаубай поднял трубку.

— Нуканов слушает.

— Калаубай, мы нашли банки! Веди быстрее Газарха-Гуреева. Пусть опознает. Сейчас придут эксперты. Да вот уже и идут,— ликовал Кадамшин.

18

У Новягина Тауб прикинулся глуповатым, запуганным человеком.

Подполковник пристально смотрел на него:

— С кем ограбили вы дом Гуреева?

— Сговорился с прихожанами. Как только привезли вещи, тут же поделили. Каждый забрал свою долю.

— Значит, у вас не молитвенный дом, а притон? Давно занимаетесь кражами?

— Впервые нечистый попутал.

— Как же он вас «попутал»?

— Жаден Гуреев. Ох, жаден. Даже Борис Матвеевич как-то сказал, что неплохо бы проучить его.

— Значит, вы последовали его словам?

— Они послужили толчком.

— Много вещей вывезли?

— Одних ковров семнадцать штук.

— Борис Газарх знал, что вы ограбили его брата?

— По-моему, догадывался.

— Вы знали Заурума Шарфа?

— Не очень близко.

— Неправду говорите, гражданин Тауб. Вот письмо Шарфа к жене. Она передала его нам. Послушайте: «...Идет уже третий месяц, как я здесь, а все еще хожу без работы. Боюсь умереть с голоду. Лариса, меня сбил с толку подлец Тауб. Ты знаешь его. Никак не могу понять, как окрутил он меня. Да что поделаешь?..» А вы говорите, что плохо знали Шарфа,— Новягин отложил письмо в сторону.

— Странные пошли люди. Этот Шарф — человек образованный, институт окончил, а как попал по глупости в беду, так сразу Тауб виноват.

— Вы ведете среди молодежи вредную пропаганду. Толкаете молодых людей на скользкий путь. Когда-то вы жили в Иране. Забыли, каким прибыли сюда? Забыли заботу Советского государства?

— Гражданин начальник, я никого не подстрекал. Кто просил совета, тому я говорил, что думаю. Но никаких своих мыслей не навязывал. Может, я ошибался, не знаю.

Тауба увели.

Подполковник Новягин вызвал Газарха-Гуреева, холодно сказал ему:

— Вы просили принять вас. Слушаю.

— Гражданин начальник, вы заставили меня вспомнить о всех моих преступлениях. Да, моя жизнь прошла в ненависти к Советской власти. И в страхе перед ней. В двадцатые годы я не жалел средств, лишь бы ее свергли. В Китае тоже не сидел сложа руки. Ну и все прочее. Я попросил принять меня, чтобы задать один вопрос. Меня расстреляют?

— Я ничего не могу сказать. Это решит суд.

Через два дня генерал Арстанбеков собрал в кабинете сотрудников отделов подполковника Бессонова и подполковника Новягина.

— Я пригласил вас,— начал он по обыкновению неторопливо,— затем, чтобы подвести итоги проделанной работы в ходе осуществления операции «Меченое золото», поделиться мыслями, вытекающими из накопленного опыта по пресечению контрабанды и нарушений советских законов о валютных операциях. Теперь очевидно, что затраченные нами усилия и средства не были напрасными, наоборот, разоблачение этой банды преступников и удар по ним были своевременными.

Контрабанда, малая она или крупная, касается ли она золота, серебра, драгоценных камней, весьма дефицитных товаров, лекарственного сырья — такого, например, как рога сайгака — всегда наносит прямой политический и экономический ущерб нашему государству. Она нарушает неприкосновенность государственной границы СССР и установленный Советским правительством порядок перемещения грузов через границу, то есть нарушает интересы политической охраны границы и вместе с тем посягает на интересы монопольной внешней торговли.

Генерал встал и, прохаживаясь от стола к окну, открывавшему вид на сосновый парк, продолжал:

— Нарушение правил о валютных операциях является не менее тяжким государственным преступлением. Только Госбанку СССР принадлежит исключительное право на совершение на территории СССР сделок с золотом и другими валютными ценностями. В данном конкретном случае мы имели дело с крупной шайкой контрабандистов, оперировавшей за границей и у нас в стране; осуществлявшей здесь, в Алма-Ате, незаконные сделки с золотом и другими валютными ценностями..

Изложив обстоятельно размеры ущерба, нанесенного преступниками государству, генерал затем тепло отозвался о работе каждого сотрудника Комитета госбезопасности республики из числа принимавших участие в данной операции. Объявив всем им благодарность по службе, он призвал строго охранять границу Советского государства, без промедлений пресекать подрывную деятельность контрабандистов и валютчиков, злостно нарушающих правила о валютных операциях...

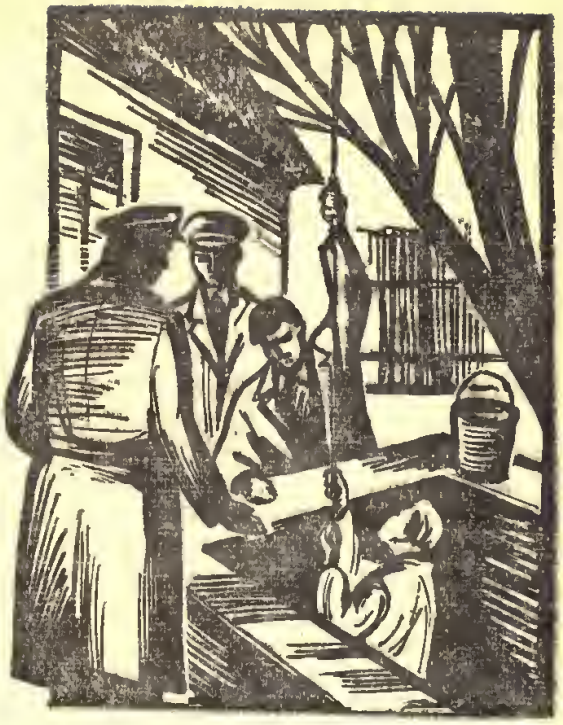
Уйдя с совещания, Шайдос и Ануар направились домой, оживленно комментируя отдельные места из речи генерала...

Перевод с казахского *Р. Петрова* и *Н. Аргимбекова.*

Н. НЕЛИДОВ

ПОКОНЧЕНО БЕСПОВОРОТНО

Благородные традиции



Шел 1943-й, военный год. В специальную войсковую часть органов госбезопасности прибыло новое пополнение из коммунистов и комсомольцев. Партийно-советские и инженерно-технические работники. Выздоравливающие фронтовые офицеры. Профессиональные рабочие и студенты казахстанских вузов. Тыловики и бывалые воины. Внешне не похожие друг на друга люди в возрасте от 19 до 35.

Разместились в двух небольших бараках. Вездесущий начхоз Давыдов хлопотал третьи сутки, объявлял построения, водил в столовую, в баню, выдавал курсантское обмундирование, определял в казармы. Одни из новичков тут же подходили друг к другу, охотно знакомились, шумно балагурили, рассказывали и расспрашивали. Другие отмалчивались, уединялись. Пережитое еще терзало их, вызывало зубовный скрежет, сбрасывало по ночам с кроватей. А по утрам и до них доносились обрывки бодрых разговоров.

— ...Скажи, пожалуйста,— никогда не думал, что окажусь на самом краю Казахстана! Красота здесь. Горы рядом. Зелень кругом. Тишина. И люди добрые.

— Слышь-ка, а кто вон тот, походка с подпрыгом?

— Мой друг Коля Разумов. Мы с ним в конниках по немецким тылам ходили...

— А тебе метку на челюсть не там поставили?

— Шутник ты, студент... Я из госпиталя дезертира тут одного с фальшивыми документами сдавал в военную комендатуру, так это он не проявил взаимной вежливости...

На первую беседу собрали всех в приземистый зал, он же клуб. Сидели повзводно, притихшие. Многие все еще надеялись, что вот сейчас все решится, их не оставят здесь, объявят об отправке в действующую армию.

Чего ждать? Враг уже бежит... Так можно и не успеть? И вот командир части встал из-за стола и направился к трибуне, но он не называет их фамилий. Он говорит о качественно новом жизненном этапе молодых — их вступлении в чекистскую семью. О традициях этой семьи коммунистов.

Многие его слова непривычно будоражат новизной цели, но еще не доходят до глубины сознания.

— Вас собрали сюда не на пироги горячие,— убеждал аудиторию полковник Каминский,— а учиться побеждать, учиться чекистскому мастерству. А это такое мастерство, что пригодится каждому из вас. И тем, кто окажется у линии фронта, и в освобожденных районах,и в глубоком тылу...

— Вы нас тоже поймите,— читал наши мысли оратор...— врага надо бить не только сегодня. Он уже бежит, вы правы. Но он еще зверствует на временно оккупированной советской земле. Создает вооруженные формирования. Засылает в наш тыл шпионов и диверсантов. Это тупая, одурманенная национализмом и тем опасная сила. Надо развенчать ее в глазах простых людей — тогда легче будет с ней покончить... А за нею стоит империализм со своей огромной разведывательно-подрывной машиной... Не считайте, что вас призвали на легкое дело...

Оглядевшись и настроившись, мы учились бдительности и конспирации, приобретали практические навыки чекистской профессии, изучали военное дело и политическую обстановку. Постепенно размягчались сердца фронтовых товарищей. Подобрев, то один, то другой вдруг начинал делиться, что с ним было в тяжелые первые дни войны... За рассказанным и лично пережитым вставали несгибаемые людские характеры, партизанские будни, картины боевых стычек с противником. Такие откровения в короткие ночные часы отдыха или при самоподготовке действовали нередко острее политинформаций и возбуждали у каждого желание скорее опробовать знания и нерастраченные силы в чекистской практике.

И вот дни и ночи напряженной учебы, тревог и подъемов в любое время, непослушные обмотки, броски в зимнюю ночь, разборы — все осталось позади. Летом 1944-го присвоены офицерские звания, получены долгожданные назначения. Всего одна ночь понадобилась, чтобы попрощаться с новыми друзьями и разъехаться, в том числе в только что освобожденные от гитлеровских оккупантов районы Украины.

Многонациональный народ Казахстана посылал очередной отряд патриотов-добровольцев в помощь братскому украинскому народу для достижения окончательной победы над ненавистным фашизмом.

Чекистам-казахстанцам уже осенью 1944 года довелось вступить в жестокую схватку с вооруженным врагом, его агентурой и националистическими формированиями противника на украинской земле.

Ряды наши редели, но страха не было. Страх жил в бандитских подземельях, в их «схронах», «крыивках» и бункерах, в заячьих душонках зарубежных эмиссаров и инспираторов националистического подполья.

Через огонь и годы пронесли участники событий тех лет непередаваемое чувство локтя и товарищескую спайку, курсантскую дружбу. И сейчас многие еще свой труд и жизненный опыт отдают нелегкому делу ежедневной, ежечасной защиты Советской Родины, воспитанию молодого пополнения чекистских рядов.

О вас мне хочется упомянуть здесь — И. В. Хамазюк, С. Ф. Сириченко, П. Е. Арнаутенко, Н. М. Буров, И. И. Котенко, Г. Я. Никитин, С. Белов, П. Уманец, Тарнавский, Кеда, Хворостян, Дикань, Борыскин, Двугрошев, Родионов, Александров, Курило, Ковальчук, Шеленин и многие другие соратники и друзья, руководители и участники чекистско-войсковых операций по поиску и ликвидации вооруженных националистических банд. Вме-

сте с отдельиыми из вас мы мужали в курсаитских погонах иа казахстанской земле. В офицерских — в разные годы решали неотложные оперативные задачи на землях западных областей Украиины.

В последующих коротких рассказах, в описаииях боевых событий и попутных эпизодов вы не найдете подлинных своих имен. Простите мне эту уловку. Время стерло в памяти место в них каждого из вас, индивидуальные штрихи ваших подвигов. Запечатлелись лишь основные, наиболее яркие моменты.

Спасибо вам за дружбу, за взаимовыручку и целеустремленность, благодаря которым все эти годы, день за днем, при решении оперативных задач совершенствовалась и проявляла себя в действии наука побеждать малыми силами, укреплялись нерушимые чекистские традиции, заложенные Ф. Э. Дзержинским. Теперь все это стало иеотъемлемой частью наших характеров...

По обстановке

Эту последнюю фразу руководителя чертковской оперативной группы НКГБ память выплеснула так ярко, что младший лейтенант оглянулся, будто услышал ее вновь.

— Действуйте по обстаиовке..,— переливалось и перекатывалось в глубине мозга. И настороженное сознание уже выхватывало еле уловимые признаки несчастья, какую-то, пока не осознанную им, тревожную суматоху в селе, к которому он приближался. Еще взгляд, еще — н все встало на свои места. Бесчиистнует банда!

Вот и заслон у дороги на краю леса, из которого они только что выехали. Во дворах и на улице вооруженные люди. Их много... За ближним плетием мелькнул ствол автомата. А вот показался и его владелец, волоча за собой чем-то набитый изрядиой величины мешок... Увидел. Мешок к плетню. Автомат навскидку...

— Хто такий? — крикнул по-украински бандит.

— Тутешний я,— скороговоркой выпалил возница,— Василь Назаркив... А этого...

Но не договорил. Ствол автомата переместился в направленин младшего лейтенанта. Надо было и ему что-то ответить. Обдумывая и в то же время принимая решение, готовый дорого заплатить за свою жизнь, он сказал наконец:

— Я ж тебя не пытаю, кто ты? — потом добавил: — Из трудармии я. За Збручом мой батька...

Конопатый, в веснушках нос, обветреиные губы. Купленное на восточной барахолке черного сукна полупальто с широким хлястиком. Шапка с козырьком иа польский манер. Запыленные выворотные ботинки. Ничто не выдавало в нем военного человека. А его сипловатый голос располагал, успокаивал.

Автоматчик распорядился:

— Теперь послужишь на нашей стороне... Мобилизацию здесь провели. Мы сейчас уходим... Некоторых на тот свет отправили... Оружие ты получишь...

— А где вас иайти?

— За Збручом «Тараса» знають, зустрінемось. А зараз вертайте на подвірря и щоб вас там не видно було... Чуешь, вуйко!? (Слышишь, дядя? — *Н. Н.*).

Назарко не заставил повторять себе дважды, хлестиул лошадь и направнл ее в открытые ворота.

Вот она — «нетипичная ситуация». Банда рядом, а ты один, безоружный (рекомендовали вооружиться по прибытии на место), и еще не ясно, как выйти из этой ситуации. Благо автоматчик документы не спросил, чемодан фанерный не открыл...

Еще не остановилась бричка у хаты, как Степан схватился за живот и, на ходу расстегиваясь, приседая, будто от невыносимой боли, побежал за клуню, а там, не теряя времени, дальше, через сад, к лесу. Черт с ним, с чемоданом, найдется. На лесной опушке присел за куст, огляделся. Увидел, как в только что оставленную им улицу быстрыми шагами втягивался бандитский дозор, виденный у дороги на въезде в село. Впереди картинно вышагивал «Тарас». Понял, что действительно уходит банда. Поэтому и дозор сняли. Значит путь к шоссе, где движение, где войска перебрасываются к фронту, свободен. Может быть, успеют их перехватить... Ишь ты, чем дальше фронт, тем все больше наглеют. Выползли из своих нор и «мобилизуют». На что надеются?

А сам бежал по осеннему лесу, придерживаясь проселочной дороги, и припоминалось ему все, что воочию успел увидеть и о чем от других услышал. Мысли и решения мелькали молниями. А ноги все тяжелели и тяжелели. Отвыкло расслабленное тело от таких нагрузок. Меньше надо было отлеживаться на вагонных полках за те несколько недель, что потребовались ему на путь от Тяньшаньских гор до Тернопольщины...

Но вот кончился лес. Метров восемьсот осталось до шоссе. И тут он увидел, как на проселок свернула машина. Грузовик с вооруженными солдатами! Наши это, наши... Радостно запела душа. Еще быстрее понесли ноги навстречу людям. Его заметили. Остановились и ждут. Добежал. Рывком выдернул из кармана и подал документы в кабину.

— Я оперативный уполномоченный младший лейтенант Степан Савченко. Там,— взмах рукой в сторону леса,— банда...

А горло перехватило — уже не разобрать слов. Одеревенели вдруг и стали непослушными ноги... В себя пришел в машине. Держали путь в село. Трое в кабине и двенадцать человек в кузове. Два офицера и тринадцать солдат. На кабине — ручной пулемет. Наготове три автомата и десять винтовок. Это было пополнение гарнизону того райцентра, куда добирался Степан.

Вот и знакомое село. Вымерло будто... Остановились у полураскрытых ворот первого двора, и волосы зашевелились у Степана. Перед ним лежал истерзанный труп Василия Назарко. Крест-накрест исполосовано батогом лицо, вилами пригвождено его могучее тело. Рядом — разбитый фанерный чемодан и втоптанная в навозную жижу фуражка василькового цвета с малиновым околышем. Значит, не поверили простому селянину...

Его позвали к колодцу, куда солдат-шофер пошел набрать воды, чтобы долить в радиатор. В колодце тоже были трупы... Без промедления рванулись преследовать бандитов.

Снова мчится грузовик, ощетинившись винтовочными стволами. В бинокле прыгают кусты и дальние перелески. Вдруг будто выплыла брошенная на краю леса одинокая бричка.

— Та зто бричка,— подтвердил Степан,— давай на нее.

Подъехав, остановились. Постромки обрезаны, значит торопятся... Стеной стоят молчаливые деревья, и нет пути, чтобы проскочить их на машине.

Рассыпались цепью. Перебежками пошли в темную глубь леса. Просвечиваемый лучами заходящего солнца, он колыхался, словно населенный причудливыми тенями. За стволами, казалось, прятался кто-то. То

и дело замирали, прислушиваясь, но двигались быстро. Вот и большая поляна...

И тут, не далее, чем метрах в двухстах, мелькнул в сумерках хвост уходящей банды. Застрекотал пулемет вслед. Залились горячим свинцовым посвистом скорострельные автоматы. И побежали зайцами под прикрытие бандиты, торопливо отстреливаясь. Несколько фигур переломились и остались лежать на той стороне поляны.

Но что это? Один бандит показался из леса и бежит обратно.

— Прекратить огонь! — звучит команда.

Никак «Тарас»? Будет сдаваться? Непохоже. Вот он наклоняется над тем местом, где упали его дружки... И вдруг леденящим душу эхом расплеснулся над лесом истошный вскрик раненого. Добивает, вражина...

Не нужна была бойцам команда. Дружно ударили по изогнутому силуэту бандита, зигзагами бросившегося к лесу. И настигла его чья-то пуля, когда он уже коснулся рукой первого дерева...

Звоном в ушах отдалась наступившая тишина. Опасаясь засады, бойцы и их командиры обогнули поляну. Почти на ощупь прошли еще несколько десятков метров в том направлении, куда бежала банда, и остановились. Кромешная тьма украинской ночи обволокла своим черным покрывалом все вокруг, и не было дальше пути...

Шел сентябрь 1944 года.

Бродячие

Разбита гитлеровская военная машина. Прикончен фашизм в его же логове. Люди снова увидели, как красочно цветут сады, каким бездонным кажется голубое небо и ярким — закатный горизонт. Их не затягивают дымные сполохи войны. Только слезы матерей горько-солеными росами оседают на могилах погибших сыновей и дочерей, да слышатся зовы их, чтобы вернула земля дорогих чадушек, которые и пожить-то не успели, а взяла бы их — старых, да немощных...

Да не всех радовала Победа и печалила утрата близких. Оголтелые враги Советской Украины — буржуазные националисты, вдохновляемые реакционными кругами Запада, снова затеяли бандитский шабаш, надеясь оторгнуть западные области от СССР под знамя буферной, так называемой «Свободной Украины».

Они убивали и вешали. Грабили и насиловали. За доллары и фунты империалистов добывали шпионскую информацию. Предавали и продавали интересы своего многострадального украинского народа.

Но не понять было битым фашистским прихвостням,— бывшим петлюровцам, тютюнниковцам, бандеровцам, мельниковцам и прочим «овцам», что дух советского человека непреклонен и неистребим. Раскаленной сковородой становилась для националистических банд украинская земля.

Уверенная работа чекистов, опора их на местный актив в конечном счете привели к закреплению Победы, а затем и к утверждению наших, социалистических порядков. И вы, друзья и соратники тревожных лет, даже в тех исключительных условиях, рискуя своей жизнью, стараясь брать их, стреляющих, живыми, чтобы попытаться перевоспитать, вернуть в человеческое общество, были бесстрашными проводниками советского гуманизма...

...Не хотят добровольно раскрыть свою тайну Вишневецкие леса. Не говорят на человеческом языке лесные ручьи, не расскажут они, куда двинулись «Зубатые». Под ногами чавкает очередное болотце,— мороз еще не сковал его ледяную купель. И кажется, что никогда не было здесь ни души... Но, ч-ш-ш...

Остановились оперативные работники, замерли бойцы. Бесшумно рассредоточились и залегли. Ночью, пешком добиралась поисковая группа из 15 человек к этому месту, помеченному на карте как «Сістуровецькі хутора». Вот и три отдельные развесистые сосны... От них надо было в какую-то сторону отойти 60—65 шагов, чтобы угодить к замаскированному здесь бандитскому схрону.

Но не торопятся чекисты. Утро только разгорается, и получены достоверные данные, что двух бандитов сейчас нет в схроне, их отправили добывать провиант, а, точнее, пограбить, чтобы потом попраздновать. Вот они и покажут, где находится лаз в схрон. А банду надо брать всю. В ее составе матерые националисты, перебазировавшиеся сюда из Польши. Нельзя допустить, чтобы они начали действовать...

Но вот появился человек, за ним в 10—15 метрах другой. Оба с мешками. Автоматы под мышкой. То и дело озираются. Сначала шли прямо на засаду, но в 70—80 метрах свернули на еле заметную тропинку. Еще раз осмотрелись. Затем подошли к небольшому дереву, и один трижды ударил прикладом по стволу. Наклонилось дерево, открывая черную пасть лаза, поглотило обоих и снова заняло свое первоначальное положение...

Вот теперь можно... Расставлены бойцы. Отобрана группа захвата. К лазу подошел начальник районного отделения государственной безопасности и трижды ударил по дереву. Никакой реакции. Снова три удара — и опять тишина. Попробовали поднять или наклонить дерево — не тут-то было. Прочно заделано оно в деревянную коробку лаза. Приняли решение подорвать вход гранатой.

— Вы окружены, сдавайтесь! Всем, кто добровольно покинет схрон, гарантируем жизнь,— крикнул в раскрытую взрывом черную дыру старший лейтенант. В ответ — автоматная очередь. Одна пуля срикошетила и расщепила приклад, задела плечо оперативного начальника. Тогда в провал выпустили две ракеты. И, когда повалил дым, снова призыв сдаваться. И опять бандитские пули в ответ...

А еще через несколько минут из глубины схрона, наполненного дымом, глухо донеслись пистолетные хлопки — их было семь,— и все смолкло...

...До утра горит керосиновый фонарь в штабе истребительного батальона. До утра уходят в ночь «ястребки» для охраны покоя в селе и порядка. В их числе коммунисты и бывшие партизаны, демобилизованные воины, не раз дававшие отпор непрошеным гостям.

Вчера весь день здесь находилась районная оперативная группа. Начальник райотдела МГБ долго беседовал с «ястребками», просил их еще немного потерпеть, бдительнее быть на обходах. Он говорил, что в бандитское подполье вкралась болезнь страха и недоверия, главари уничтожают в порядке «чистки» десятки ненадежных участников оуновских организаций — мол, не выдержат и выдадут. Под конец сообщил, что в ближайших окрестностях снова появился матерый бандит «Сокол». Да, тот, что владел у них мельницей до 1939 года, а при немцах руководил полицией. В свое село он опасается заходить, а вот на лесных дорогах уже оставил кровавый след. Недавно, не иначе как его бандой, убиты работник милиции и начальник штаба «ястребков», которые по поручению райкома партии направлялись в отдаленное село провести беседу о коллективизации...

...Шумит над крышами предутренний ветер. Несут свою нелегкую службу «ястребки». Только присели перекурить бойцы порядка, как услышали приглушенный расстоянием грохот одинокого выстрела. Это там, в Черном лесу, где дорога на райцентр.

Немедленно в штаб.

— В ружье!

...За что же вы ее вот так, по-зверски? Что сделала вам эта молодая женщина? Как попала она в ваши грязные руки?

Вся одежда изодрана. Коричневой лужицей запеклась кровь. Лицо изуродовано. Посреди лба стреляная рана. И прямо в рану кривым сучком приколота записка: «За зраду (за измену.—*Н .Н.*) нации»... С трудом опознали бойцы городского врача , что ие так давно навещала родственника в их селе.

Что теперь привело тебя сюда? К нему — односельчанину Яреме — пошли бойцы, неся на руках безжизненное тело. Но и Яремы дома не оказалось. Его жена молча показала на свою больную мечущуюся в горячем бреду малолетнюю дочь и только тогда, сквозь рыдания, выдавила из себя:

— Нема Яреми. За лекарем в район пошел...

Вот оно что. Значит и Ярема был в Черном лесу, когда банда истязала свою жертву. Но где он сам? Увели его бандиты? Может быть, он заметил их, вовремя скрылся? Или где-нибудь в чащобе н его труп вот такой же?

Но скрыл Черный лес следы банды, и нет пока ответов на эти вопросы.

А в райцентре работники МГБ в то же время завершали «рабочий день». Только что закончен допрос захваченного вблизи Черного леса районного «проводника» Джуры. Метался там бандит со своей личной охраной несколько дней. Давно бы его взяли чекисты, да неясно оставалось, чего он искал или кого ждал. Инструктора с Запада? Посланцев старших руководителей бандеровского подполья? Готовил акцию? Терпеливо ждали чекисты...

Сегодня поставлены все точки над и. Джура, понявший безвыходность своего положения, сообщил на допросе, что он был вызван на связь референтурой оуновской СБ (службы безопасности), но обеспокоен тем, что места встречи то и дело меняются. Уж не ликвидировать ли его хотят? Всего за час до захвата чекистами он — Джура на «мертвом пункте» связи нашел записку, в которой ему предписывалось прибыть для встречи в «пункт 7» через три дня (записка сохранилась и была изъята у Джуры).

Тут же матерый бандит предложил свои услуги по захвату тех, кто придет к иему на связь. Раскаялся или надеется снова уйти в лес? Риск или расчет на помилование, на снижение ему меры наказания?

Обсуждение этих «за» и «против», проходившее в кабинете начальника райотдела, внезапно было прервано появлением дежурного. Объявился крестьянин Ярема...

Взлохмаченный, закрывавший ладонью окровавленное лицо, он заговорил с порога. Его никто ни о чем не спрашивал и ни разу не перебил, пока Ярема вел свой рассказ.

...Когда на рассвете его родственница Иринка, только что пришедшая домой с суточного дежурства в больнице, шла рядом с ним к больной его дочурке, не страшась ни леса, ни возможиой встречи с бандитами, ни семикилометрового пути пешком,— на тебе!.. Все это и случилось. В одном из бандитов, остановивших их на повороте лесной дороги к селу, сразу узнал Ярема своего зажиточного односельчанина, «який був полицаем» при немцах. Вот он и разбил ему прикладом автомата все лицо, когда пытался Ярема вступиться за Иринку. «Так вдарил,— продолжал крестьянин свой рассказ,— что потерял сознание».

Когда очнулся на холодной лесной земле, как во сне услышал он одиночный выстрел и издевательские слова бандита: «Теперь дохторуй, советка!» Тут же банда скрылась в лесу, а он — добрался вот, сидит тут. Скорее...

Покинули Ярему силы. Подогнулись его ноги. Медленно стал он спол-

зать со стула. Подхватили его на руки чекисты — и при свете восходящего солнца увидели, как изуродовал его лицо «Сокол». Все сомнения теперь отпали. Это он — «Сокол», являясь референтом СБ, менял места встречи с Джурой.

— Ярему срочно к хирургу, а Джуру верните ко мне на допрос,— распорядился начальник райотдела,— поспим потом...

...Опустилась на землю третья ночь. Погас на хуторе свет в окне дома бандитского пособника. Заняли свои места чекисты. Четверо из них — в сарае, что у оуновцев значился под шифром «пункт 7». После полуночи зажегся и погас огонек в том же окне пособника. Это был условный знак для Джуры, который спустя еще час, сопровождаемый чекистами, соответственно экипированный и при оружии, подошел к месту встречи. В дом он вошел один. Обменялись паролями. Потом «Сокол» направил своего боевика проверить «пункт 7»...

И вот четверо бандитов, в их числе «Сокол» и Джура, как бы прикрывавший группу и поэтому шедший последним, идут к сараю.

Только что прошел небольшой дождь, и на тропе лужи, но бандиты идут прямиком. Их шлепанье заглушает невольные шорохи на чекистских постах, готовых к захвату банды в случае возможного ее ухода в лес. Но не понадобился этот вариант захвата. Бандиты у сарая. Вот и Джура шагнул в его темноту, плотно закрыв за собою дверь. Одновременная вспышка электрических фонарей ослепила вошедших, и тут же они были связаны и обезоружены.

Хвастливший своей мгновенной реакцией «Сокол» всегда державший автомат наготове, а пистолет под рукой — за поясом, теперь лежал неподвижный. Молчали его боевики. Им нечего было ждать, кроме справедливого приговора советского суда.

* * *

...Снимает осень зеленый наряд с земли. Только накоротке позволяет людям покрасоваться алой, желтой, коричневой и другими впечатляющими расцветками. Лишь сосны зябко стоят притихшие, в старом своем платье, пропыленном и прожаренном солнцем, насквозь продуваемом ветрами.

Ловят блага последних теплых дней «тройки» и «пятерки» бандитских боевиков, подолгу заснеживающиеся на солнечных полянах, готовые скрыться в свои кротовые норы, как только ляжет снег или покажется чекистская поисковая группа. Они уже не делают набеги на села. И мало их осталось для этого, да и советские люди дают отпор. Поэтому злобствуют «проводники» националистического подполья, заставляют подчиненных боевиков изубок знать «каноны», приказывают заранее запастись продуктами и одеждой, месяцами не казать носа из схронов.

Идет чекистский отряд по осеннему лесу, а впереди него, всего в километре, «смазывает пятки» оуновская «боевка», отсеченная от своего схрона. Бежит она, пугаясь каждого шороха, в сторону Станиславских лесов, что не раз укрывали ее в такие моменты. Но не спасло стремительное бегство. Соседи тоже проверяли свои леса и не упустили возможности очистить советскую землю еще от одного гнезда заразы... Сошлись отряды, обменялись информацией и разошлись по определенным им местам. Солдаты на машинах выехали в свою воинскую часть, дислоцированную в городе, а оперативные работники — пешим порядком в свой райцентр, проверяя на ходу, не задержался ли какой оуновец на только что прочесанной местности.

Идут три офицера, сторожко всматриваясь в притихший лес. Идут ря-

жело. Устали. Хочется пить и есть. Да и до места желательно дотянуть засветло.

— Давай, Семен, у тебя с западноукраинским наречием компромисса нема, сходи на этот хутор, а мы покараулим.

Так и сделали друзья. Но вот, когда шаги его затихли, в канаве, что тянулась от двора по направлению к лесу, зашуршала трава. Нет, никто из нее не вышел. Затаился и ждет. С оружием или без него? Надо предупредить Семена, не раскрывая себя...

Условленный боевой сигнал «невыясненная опасность» прозвучал, как только Семен закрыл за собой дверь дома хуторянина. 20—25 метров в наступивших сумерках отделяли его от того места, где раздался шорох. Семен развернутой пружиной метнулся за куст у другого края канавы. Тут же хлестко разорвал тишину выстрел, и от земли вскинулся сгорбленный человек. Пальцы наблюдавших уже готовы были нажать на спусковые крючки автоматов, как случилось что-то непонятное. Человек исчез, как под землю провалился. К тому месту осторожно, от куста к кусту, бежал Семен, взмахами руки приглашая своих товарищей. Послышался его хрипловатый смех.

Вскоре участникам событий предстала такая картина. За канавой зияла продолговатая темная дыра криницы, а в ней по горло в воде, барахтался покушавшийся на жизнь Семена, пытаясь выбраться наверх по ее осклизлым глинистым стенкам и то и дело срываясь во взбаламученную воду. В левой руке он держал одноствольное охотничье ружье, которое бросил в воду, как только увидел, что его обнаружили. Это ружье он нырком достал и подал наверх, как только ему приказали сдать оружие.

Еще около 15 минут заняла операция по спасению «утопающего» бандюги с помощью веревки и деревянной бадьи и по удержанию его в повиновении. Прыть его поубавилась только тогда, когда руки плотно стянула веревка, одновременно закрепившая на его голове деревянную бадью...

Заканчивался 1946 год.

Поросль

Собрались учителя района на свой районный совет. Волнуют их вопросы воспитания молодого поколения. Беспокоит, что некоторых «переростков» запугивают дома, а иногда встречают в лесу «подпольщики», проча им «угнетенное будущее и быструю смерть от науки», если они не пойдут об руку с ними.

— Недавно пропал ученик 8-го класса Ваня Борода. Мать его твердит, что не знает никакого Вани. Не было у нее сына. А ведь сама приводила его за руку в школу. Может быть, его дядя увел мальчика в банду? Он недавно появлялся в селе и хвастался, что, вот, мол, нападут американцы — и националисты возьмут свое... А одному ученику Ваня говорил, что уезжает в город. Не встречался ли кому здесь он?..

Плачет учительница, рассказывая об этом. Возмущает ее, как это родная мать может отказываться от своего собственного сына и утверждать, что его вообще у нее не было.

...Едут в село оперативные работники. Сигнал немедленно надо проверить, а «дядю» найти и обезвредить.

Беленькая хатка. Вишни у хатки. Огород. В конце усадьбы сарай для поросенка. Дальше вырубка и лес. Средних лет женщина встретила чекистов молчанием, даже не взглянув в сторону вошедших и не ответив на их приветствие.

— Так вы слышите, что нас интересует?

— Пытайте не пытайте — нема у мене сына...

Перекрестилась, утверждая это, отвернулась, загремела ведром и вышла из хаты.

Знали чекисты, что бандиты даже близких своих родичей не уводили сразу с собой — проверяли и подготавливали к возможным «лишениям». Нет ли на территории усадьбы схрона, промежуточной «крыивки», где скрывают мальчишку?

Приглашены понятые. Начат осмотр. Вот быстроглазая понятая Варя незаметно для соседки подала чекистам знак: мол, ищите не здесь, а подальше, за усадьбой...

Морозно на дворе. Снег только что стаял, но еще остались его следы в затененных местах. Присели на краю канавы. Закурили. Но что это? В стороне леса, там, где округлая полянка, среди вырубки поднимается еле заметный «парок». Он хорошо просматривается на фоне темнеющих деревьев, колеблет линию горизонта...

— Кончайте перекур, чекисты!

И вот лопаты вгрызаются в подмерзшую землю. Побледнела мать, когда обнаружились сколоченные треугольником доски. Это отдушина. Через два — два с половиной метра отдушина стала вертикальной.

— Вылазь, хлопче!

Молчание.

— Твоя мати тут...

Не выдержала испытания, бросилась к отдушине и запричитала мать:

— Вылазь, Иванко, родной мой сыночек, не губи себя и меня...

Ползает у чекистов в ногах, проклинает себя и своего непутевого брата, который «сбил хлопчика с панталыку»[1]. Кается за то, что она отказалась от сына. Клянется, что пошлет его учиться, а «бандюг» заставит забыть дорогу в ее хату...

Не разошлись ее слова с делом. Помогла она чекистам изловить «бандюг» и хорошим человеком воспитала своего сына.

* * *

Потеряли под ногами опору «самостийники». Провалились их планы вооруженного захвата власти в западных областях Украины. Не находят поддержки в народе их беспочвенные идеи. Подавляющее большинство людей разобралось, наконец, в том, что именно с приходом Советской власти устраивалась их жизнь так, как об этом мечтали отцы. Поняли на западноукраинских землях и старый и малый, что во вредное дело втягивали их бандеровцы... Не будет им теперь поддержки.

Но не унимаются закопавшиеся в лесные бункеры и бежавшие на Запад главари националистического подполья, чьи преступления закрыли им путь к честным людям. Не хотят они разоружиться, покаяться и жить, как все. Не хотят признать, что потеряли всякую перспективу в своей бесплодной, губительной для них же «борьбе».

Подогреваемые и подкармливаемые реакционерами Запада, они ищут «симпатиков» из молодых, захваливают и развращают их антисоветскими анекдотами, запугивают и обманывают, не останавливаясь перед убийством своих близких, порвавших с оуновским подпольем или явившихся с повинной в советские органы власти.

...В Косовском аппарате МГБ до утра не гаснет свет. Входят и уходят, уезжают и приезжают его работники. У руководства уже который час об-

[1] совратил с правильного пути — *Н. Н.*

суждаются и анализируются полученные данные о бандеровском референте по кличке Ветер и его двух боевиках. Эта банда кровью своей жертвы расписалась на клочке бумаги «за измену нации», который был обнаружен на истерзанном теле недавно демобилизовавшегося из Советской Армии Степана Шевчука. В аппарате помнили этого молчаливого стройного парня. В 1945 году он пришел сюда, чтобы навсегда расстаться со своим темным прошлым, с бандитской кличкой Байда, с оружием, выданным ему «братьями» для борьбы за «самостийную Украину»...

— И вы, Федоренко, виноваты в смерти Шевчука,— сказал начальник райотдела, когда собрались все вызванные им работники.— Не предостерегли его от возможной расправы. Докладывайте, что узнали...

— Да говорил я с ним, буквально накануне, товарищ майор. Просил даже, чтобы он ни на один вызов кого бы то ни было не ходил, не сообщив мне. Но он полюбил дивчину, а когда любят, разве есть время думать о себе... Вот и забыл мои наставления.

Далее оперативный уполномоченный подробно доложил об обстоятельствах вызова Шевчука на «любовную» встречу, в результате которой он оказался в руках Ветра. Из его доклада следовало, что о свидании, будто бы назначенном девушкой, Шевчуку сообщил какой-то инвалид, чуть ли него родственник, за час — полтора до обусловленного времени встречи Мальчик-пионер, оказавшийся случайным свидетелем их разговора, рассказал, что Степан после этого почти бежал в сторону городской окраины. Этот пионер заверил также, что он хорошо разглядел инвалида и сможет его опознать.

Итак, одна нить, лишь бы ее не оборвать, прямо вела к Ветру. Но кто он — Ветер? Из местных или «надрайона»? Или это опять очередная бандеровская уловка? Почуявшие неминуемую гибель старые бандиты, вроде Спивака, обычно меняют клички, пытаясь замести свои следы. Может быть, не случайно на той неделе Спивак, по словам жителей, бродил вокруг села Смодна, не был ли это отвлекающий маневр с его стороны? От Смодны до Косова не так уж далеко...

Все это предстояло выяснить, и как можно скорее. Тем более, что снова в районе кто-то будоражит молодежь. И не только в районе.

По цепочке оуновской связи пошли «грепси» — шифрованные письма оуновцев с указаниями организовывать молодежные националистические группы также среди украинских переселенцев в Казахстане. Отмечено появление неизвестных распространителей оуновских лозунгов. В них рекомендуется активно обрабатывать «хлопцив», что были в оккупации, имели родственников в оуновских формированиях или когда-то пособничали им и так далее. Следовательно, идет проверка и подборка исполнителей оуновских указаний.

— Итак, за работу, товарищи. Задания получите каждый завтра. О выполнении докладывать будете ежедневно,— этими словами закрыл совещание начальник райотдела. Попросил задержаться лишь одного лейтеианта Федоренко. Надо было и конкретные задания обдумать, и письмо подготовить в Казахстан, и информацию в высшие инстанции направить. И основательно проинструктировать горячившегося лейтенанта. При всей срочности мер нельзя было допустить, чтобы предпринятые действия по разоблачению Ветра и его группы стали известны врагам из-за одного нашего неосторожного шага.

...Темнота и поднятые воротники скрывали лица тех троих, что вышли из осеннего леса к шоссе и теперь, в безмолвии ночи, пробирались вдоль него по направлению к городку Косову. Их пугали и темная ночь, и шоссе, и это, казавшееся напряженным, безмолвие, поэтому они и сторонились

дороги. А ведь совсем недавно много было «своих» в этом районе Станиславщины, и хозяевами ходили они по этой земле. Во всяком случае так считал тот, что прокладывал путь первым. Отдаленный непонятный звук бросил группу за деревья, заставил затаиться. Передний, вслушиваясь, торопливо распахнул полушубок и судорожно ухватился за ствол крупнокалиберного автомата. Его не раз спасала эта «пистоль-машина» — карательное оружие офицеров СС.

— Померещилось,— облегченно прошептал почти одновременно и, зашуршав листьями, гуськом двинулись дальше. Сквозь поредевшие деревья затемнел избами городок. У окраинного переулка залегли надолго, таясь и вслушиваясь в ночные шорохи. Время приближалось к двум часам ночи. На поданный сигнал стоявший на отшибе дом ответил скрипнувшей калиткой. Встречавший и бандиты вошли во двор.

Так в этом доме, за наглухо закрытыми ставнями, встретились оуновский нелегал Ветер и его боевики с известным в Косове инвалидом, а в действительности соглядатаем и «станичным» бандеровцем Вербой, которому отдельные жители пригорода под страхом немедленной расправы вот уже несколько месяцев натурой и деньгами платили «налоги».

Оказавшись в теплой хате, Ветер позволил себе расслабиться. Оружие прислонил к стене, снял пояс с тяжелым «вальтером», скинул чоботы и теперь медленными движениями растирал свою раненую ногу, которую так и не долечил с 1945 года. Да, сейчас он особенно ясно понял, что именно с того года ему и перестало везти. Тогда он ходил по этим местам под кличкой Спивак. Готовил «акцию» над председателем сельсовета. Вроде и хлопцев надежных подобрал, а что получилось... Мало того, что подстрелили, так еще и к чекистам в руки попал. Выручила случайная ошибка врача, давшего заключение о необходимости немедленной ампутации раненой ноги.

Когда Спивака от следователя отвезли в районную больницу, он показной беспомощностью усыпил бдительность часового и ночью бежал через окно. Укрыл его и поставил на ноги Верба. Сейчас Вегер с благодарностью посмотрел в его сторону, а вслух сказал, что им отдохнуть надо хотя бы пару дней,— «опасные сюда дороги».

Верба и хозяин дома промолчали. Лишь после второй чарки хозяин сказал будто вскользь:

— Нет у меня укрытня. А ежедневно к сапожнику, как известно, ходит много разных людей...

Ветер покосился в его сторону, а поняв смысл сказанного, перестал жевать и зябко передернул плечами. Ему воочию представился пропахший земляной сыростью схрон в лесу и многокилометровая обратная дорога к нему. Нетрудно было подсчитать, что всего около часа остается «безопасного» времени до отправления в путь. Вовсе пропала охота есть. Откуда-то снизу в голову вступила тупая боль, а с нею злость на всех и вся. Вот такое же состоянне он испытал, когда его племянник Степан Шевчук спокойно стоял перед ннм, убеждая его — кадрового оуновца в бесцельности дальнейшей борьбы с Советами, а затем категорически отказался уйти с ним в лес. Ветер ничего не смог противопоставнть его доводам, кроме бессмысленной ярости. Сбил его с ног ударом приклада, а потом в исступлении долго топтал уже бесчувственное тело.

Не сразу возвратилось чувство уверенности и в себе и в своих боевиках. А когда он снова обрел это ощущение, то перекрестился и заговорил, но уже приказным тоном.

Ссылаясь на «указівки зверху»[1] он говорил, доводил, обязывал и приказывал Вербе и хозяину дома самим и через надежных людей работать с молодежью, отрывать их от «соблазнов», которые появились с приходом Советов, вовлекать незрелых, политически неустойчивых в свои ряды, убеждать их, что «борцы за самостоятельную Украину» широко поддерживаются американским и другими правительствами, укреплять уверенность в возникновении третьей мировой войны, и тогда их участие в дезорганизации советского тыла даст возможность ускорить создание «самостийной Украины»... Особо многословно коснулся работы в семьях погибших и арестованных бандеровцев, заранее считая их кровно связанными с оуновским подпольем.

Выговорившись, несколько успокоился. Одного боевика направил во двор проверить обстановку, второго отослал с хозяином уложить в мешки «припасы». Главное сказал Вербе, оставшись наедине. Лично ему поручил послать «преданного борца» в Казахстан, в город Караганду, где живет сейчас много переселенцев из Станиславщины и других западных областей Украины. Там и его — Ветра племянник Василь, которому он уже подготовил письмо, послав его через четвертый пункт связи. Только упаси бог узнать Василю обстоятельства смерти своего двоюродного брата Степана. Пусть передадут, что Байда погиб как «герой» от рук чекистов. «Молодое сердце легко ранить, да нелегко вылечить, а верится, знаю по себе, первой информации».

Рассуждения кровопийцы прервал быстро вернувшийся боевик.

— Надо уходить. Не нравится мне дом напротив, что глядит в нашу сторону раскрытыми окнами. Вроде там не спят.

Уходили торопливо, как напуганные зайцы, через лаз в пригоне, не подозревая, что с этого дня все их действия надежно контролируются органами госбезопасности.

...Информация с Украины не была неожиданной для карагандинских чекистов. Советские люди не прошли мимо некоторых «странностей» в поведении молодых переселенцев и сигнализировали о них. Дополнительные данные об оуновцах помогли теперь уточнить многое. Тепрь другое отношение и к письму, перехваченному на одном раскрытом канале связи у оуновцев. В письме кто-то из карагандинцев по имени Василь писал: «Клянемся, что будем бороться до конца своей жизни, без страха, нам лишь страшно, что враг мучит родной единокровный народ. Но ничего, за работу, будет расплата...»

К проверке подключились наиболее опытные руководящие и оперативные работники Карагандинского облуправления госбезопасности П. И. Ломакин, И. Е. Липовский, И. Ф. Титов, а позже и следователи — Т. Жалмагамбетов, Ю. В. Зверинцев, И. Ж. Ахмедин и некоторые другие. Их усилиями до конца распутывался оуновский преступный клубок. На них лег груз ответственности за то, чтобы не ошибиться, не нанести непоправимой душевной раны невинному и, карая, принять то единственно правильное решение, которое должно быть определено в зависимости от степени виновности каждого участника.

И вот продвигаются по неустойчивой оуновской цепочке связи записки и письма с посулами и призывами полуграмотных «активистов». Но где-то прервана эта цепочка, умелыми руками чекистов вырвано из нее «надежное» звено.

...Грызет огрызок синего ученического карандаша референт Ветер, обдумывая очередную проповедь националистических идей своему племянни-

[1] — распоряжения сверху — *Н. Н.*

ку, оказавшемуся в «заброшенной» Караганде. В определенном месте и с большой оглядкой вынужден он встречаться с городским «подпольщиком» и передавать письмо, а тот, в свою очередь, пересылает его через другого надежного человека для вручения в собственные руки...

И читает Василь: «Ты мне нужен... будете заслуженными офицерами и героями, что пережили эту проклятую фуфайку... Носи шапочку с гордостью, храни ее и пусть тебе кажется, что ты среди нас — украинских партизан...»

Видятся Василю, который и грамоты еще не осилил, эти призрачные офицерские погоны (если удастся перебороть Советскую власть, конечно), и он читает посулы своего дяди таким же, как сам, юнцам, срываясь фальцетом на призыве «...возвратиться, устроить своих стариков и сказать им: теперь я пошел расплачиваться, а вы смотрите, что я делаю».

И матери тоже было о чем прочитать в этих письмах.— «Ты мне пишешь, что ты маму оберегаешь. Это для меня гордость среди моих людей...»

Знали бы вы, опутанные и обманутые бандитской лестью, что совсем недавно тою же рукой, написавшей эти строки, был убит ваш близкий родич, что ни кровные узы, ни человеческая мораль не свойственны бандитам. И только кровь на руках заставляет их держаться друг друга. Но неведома правда вам, семья Бевзюков, и делаете вы не то, что следовало бы. А подсказать истину — рано. Просто не поверите. Вот и требуется прежде уяснить, как глубоко проникла бандеровская идеология в ваши неокрепшие умы, толкая на антинародные действия; кто стоит за спиной «доброжелателей», мешая полезно работать и строить новую жизнь.

...Шахтерская Караганда. Вся войну ты дублировала временно утраченный Донбасс, героическим трудом восполняя утрату. Работала за двоих. Тот же неукротимый жизненный ритм остается пульсом города. Растут твои новостройки. Хорошеет Новый город. Благоустраивается и очищается Караганда — угольная. Многоэтажье домов теснит саманную Большую Михайловку. Радуя глаз, поднялись в рост человека деревца Зеленстроя. Заботливые руки взрастили лес там, где ничего не росло. Этот будущий лес соединит Новый город и степную Михайловку.

За городской гостиницей начинается поле — будущий центр будущей Большой Караганды. Строительство его ведется индустриальными темпами.

Для хороших дел нужен хороший отдых... Умеют здесь и отдыхать. Театр и четыре кинотеатра не бывают пустыми. В клубах и Дворцах культуры то танцы, то концерты, то торжества. Шахтеры коллективно выезжают на реку Нуру. Небольшая речка, и далековато ехать, а зарядку дает на неделю.

Захватила поначалу эта открытая, видная всем жизнь молодых украинских переселенцев. После работы шли они к людям. Широко общались с местной молодежью. Появлялись личные привязанности. Отдельные успели влюбиться, поговаривали уже об осенних свадьбах. Но вдруг надломилась эта радость...

Под пиликанье гармошки топчут украинские девчата чоботами земляной пол в тесной хатке в Большой Михайловке. Притулились к ее углам хлопцы. Кидают косые взгляды. Курят. Пересмеиваются, подзадоривают друг друга. Парубкуют, одним словом. Неожиданно круг танцующих с девчоночьим визгом рассыпается. Это кто-то из парубков, шутя, кинул им под ноги ящерицу...

В соседней комнатке за кроватную ширму уединилась небольшая группка молодых людей, их демонстративно не интересуют «танцульки». Здесь

завладел внимаиием один из старших, ударившись в воспоминания о своей борьбе с «истребительиыми отрядами НКГБ».

Очередиая вечериика в поселке Федоровка. И опять уединилась группа. Великовозрастиый детина бахвалился — «ох и погуляли», упорно иаправляя разговор на тему борьбы с Советской властью «героев» — своих убитых братьев. А отсюда уже и до нацноиалистических призывов иедалеко. Вот ои уже говорит о иеобходимости вести себя так, чтобы «и вдали от иеиьки-Украины[1] иаши люди ие забывали, что оии украинцы». И тут же следует предостережеиие «друг друга ие продавать». Петушистый пареиь цыгаиского вида его предупреждеиие принял как призыв выявлять «чижиков», тут же возложив иа себя обязаиности проследить за «иеиадежиыми».

На следующей вечериике в Михайловке взахлеб обсуждается слух... На диях гордой Марийке кто-то завязал юбки иа голову и жестоко избил. А ведь ходили разговоры о скорой свадьбе ее с местиым парием. Теперь ей судьба переломана и другим иеповадно будет...

Выявились горластые «лидеры». Оспаривая малейшие возражеиия, они действуют по давио известному прииципу — в жизии не может быть двух истин. Если один говорит иначе, зиачит кто-то из рассказчиков врет?!

На первых вечерииках звучали раздольиые иародиые украиискне песни. Сейчас иа иих вполголоса шепчут заиово разучеиные «подпольиые».

Подтягивают подголоски, прорезываются неустойчивые басы. Потусторониией затхлостью веет от таких песеи.

— Вот в этом и суть всех сборищ, товарищ полковник,— доложил иачальиику УМГБ иа очередном оперативном совещаиии начальиик подразделеиия Липовский.— Даиные об организаторах, с учетом их прошлой деятельности в оуиовских формированиях, разрешите доложить кратко.

Бевзюк Василий, 18 лет, с иизшим образованием. Осиовное связующее звеио с остатками оуиовского подполья иа территории Станиславской области. Недавио доложил туда о создаиии иацноналистической группы.

Хворостяи Василий, 25 лет, с образоваиием 5 классов. В 1944—1945 годах вместе с братом иаходился в баидеровской банде «Черемшины» под кличкой Косач, был ранеи. После этого явился с повинной и был освобожден от уголовной ответствеииости. В иазваниой карагандинской группе выступает в роли «ветерана-советчика». Активно участвует в обсуждении вопроса о приобретении оружия.

Бровко Дмитрий, 27 лет, с иизшим образованием. Два его брата иаходились в банде, сам он пособничал им. По даниому делу — «режиссер» сборищ.

Коренчук Романи, 19 лет, образоваиие 7 классов, из семьи бывших западиоукраинских землевладельцев, брат оуиовского бандита. Инициатор исполиеиия «подпольиых» песеи. Выступал за продолжеиие нацноиалистической «борьбы».

Федько Игиат, 29 лет, с низшим образованием. Все годы войиы работал в фашистской Германии, имел иемецкий паспорт. После иаходился во фраицузской оккупациониой зоие и в лагере для перемещеииых лиц в Австрии, откуда передаи представителям СССР. На Украине пособничал баидитам. В Караганде активно поддерживает иацноналистическую направлеииость разговоров, которые ведутся перечислениыми лицами иа вечерииках, устраиваемых украиископ молодежью.

— Разрешите,— попросил слова капитаи Жалмагамбетов.— Я осиовательио озиакомился с материалами и обратил внимаиие иа факты, свидетельствующие о иежелаиии большиистваукраинской молодежи города

[1] матери-Украины — *Н. Н.*

вступать в контакты с названными активистами сборищ. Видимо, это понял и курьер. Возможно, что это и ускорило его отъезд... Молодые под разными предлогами уклонялись от участия в массовках за городом и религиозных обрядах, от обсуждения националистических «уток» и антисоветских анекдотов. Но... в тоже время молчат. Это не может не настораживать.

Наше мнение,— в воспитательно-профилактических целях надо организовать открытый судебный процесс над этой группой. Просим санкционировать.

— Хорошо. Подготовьте документы для прокурора. О внезапном отъезде оуновского курьера сообщите украинским товарищам.

...Мыльным пузырем лопнула романтика преступных тайных сборищ. В ней затхлость «крыивок», лесное эхо ружейной трескотни, тревожные тени жертв кочевавших по Украине банд. В числе тех жертв и твой брат, Василь!

Волнуются обвиняемые. Нет, не саманные стены у светлого здания будущего. А новая жизнь — вот эиа — рядом...

Встать! Суд идет!

Именем Казахской Советской Социалистической Республики...

Разоблачается оголтелый буржуазный национализм, сеющий звериную вражду среди народов.

Осуждается украинский национализм с его тенденцией к национальной ограничеиности и исключительности.

Обвиняются слепые исполнители антинародной воли.

Советский суд учел чистосердечные признания обвиняемых и их раскаяния, назначив им минимальный срок наказания. С последствиями темного невежества, бесправия и страха перед будущим, порожденными действиями продажных проповедников буржуазного национализма, покончено бесповоротно!

К. БАЙМУКАНОВ

НЕНАДЕЖНЫЕ «ГОСТИ»

Вечером, накаиуие Дня Победы, Кали Клышбаев зашел к своему фроитовому другу Амиржаиу. Одетый в парадную форму, при всех боевых ордеиах и медалях, Амиржаи, только что возвратившийся с торжествениого собрания, прохаживался по просторной гостиной и, увидев гостя, иаправился ему навстречу. Друзья обнялись...

Услышав возбуждеииый говор мужчин, из кухии вышла Макура, жена Амиржана. Приветливо улыбаясь, она не спеша подошла к Калеке́ (так звали Кали родные и друзья), поздравила с праздиником и тепло пожала его руку. Прошла в соседнюю комиату, вериулась с двумя подушками и, бросая их иа пол, устланный ковром, сказала:

— В иароде говорят, что к накрытому столу гость приходит всегда с благими иамереииями. Я готовлю праздничиый ужин, и ты, Калеке, пришел вовремя. А где же Камаш?

— Оиа вся в хлопотах о завтрашием дне. Мы вместе просим вас прийти к иам на праздничиый обед. С этим я и пришел.

— Утром я помогу ей,— ответила участливо Макура,— а сейчас вам обоим боевое задаиие — сходить за Камаш.

...Стол был уставлен яствами и иапитками. Один за другим предлагались тосты — «За праздник Победы», «За здоровье фроитовиков», «За мир и счастье детей»... Много пели, шутили, смеялись...

Но временами шум веселья затихал. Его сменяли тихие разговоры о боевых подвигах, о жизии людей в тылу и о тех, кто ие вернулся с полей сражеиий. Оживали эпизоды фронтовой жизни, в гориие которой ковалась и закалялась дружба людей и целых иародов. Особенио много вспоминали последние месяцы и дни войиы, встречи иа Эльбе, радостиые толпы

людей, наводнявших улицы городов и сел Польши, Чехословакии, Югославии; букеты цветов, другие знаки дружбы и любви, которые видели и пережили Калеке и Амиржан всюду, где им довелось воевать.

Не упустила ни одного слова из рассказов старших Сауле, дочь Амиржана, хотя она, казалось, целиком была поглощена хозяйскими обязанностями.

— Дядя,— обратилась она к Калеке в момент наступившей паузы,— сегодня вы и папа много говорили о дружбе людей и народов. Нелегкой ценой это было достигнуто. Знаем и понимаем это и мы, увидевшие свет уже после этих страшных испытаний. Чем же объяснить недружелюбное поведение и отношение к нам, советским людям, к нашей стране некоторых зарубежных туристов?

Сауле вскинула взгляд своих черных ласковых глаз на Калеке.

— В двух словах на этот вопрос не ответишь,— сказал Калеке и притих, очевидно, не сразу сообразив, как и что ответить. Сауле же, обождав минуту, продолжала:

— Часто, по поведению и действиям, такие «гости» не похожи на бесхитростных в своих расспросах туристов.

— Интересный разговор затевается. Ну-ка, ну-ка, расскажи, дочка, что тебя смущает в их поведении,— отозвался отец Сауле. Он встал, прошел к журнальному столику, взял сигарету и закурил.

— Таких примеров, папа, много,— ответила Сауле и, посмотрев на дядю Калеке, стеснительно улыбнулась. Она преклонялась перед эрудицией друга отца, которого с детства звала дядей. Считала, что знания, полученные ею в институте, уступали его обширным познаниям в вопросах истории, социологии и юриспруденции. И еще уважала его как смелого разведчика — отец много раз рассказывал ей о рейдах своего друга по тылам врага.

— Давай, давай, не стесняйся, дочка,— подбадривая Сауле, проговорил еще раз Амиржан. Немного подумал и сказал: — Ты там, в «Интуристе», новый человек, и тебе некоторые детали виднее.

— В общем-то у нас все проходит нормально и интересно. Ведь большинство туристов приезжает к нам с добрыми намерениями. Но нет-нет, да и вывернется какой-нибудь «выдихнутый». Такой, скажем для примера, как турист из США Майкл. Он с первых часов обратил внимание на себя не только работников гостиницы, но и нас, гидов «Интуриста». Отказался от программы, предложенной мною. Собственно, готовой программы еще не было, я только предложила ему составить ее. Но он сказал, что хочет посмотреть на жизнь в городе сам и в сопровождающих пока что не нуждается. Тогда я позвонила управляющему. Жапар Сауранбаевич посоветовал повторить наше предложение. Но и это не дало результатов. Недоумевая, я спросила его, зачем же он приехал в Казахстан, если его не интересуют жизнь и быт народа, наши достижения в области экономики и культуры. Он просто не ответил на этот вопрос. Я почувствовала себя оскорбленной, но сдержалась, сказала, что при необходимости он сможет найти меня через администрацию гостиницы. Пробыл он три дня и только один раз попросил мня проехать с ним на Медео. При этом сказал, что смог бы и сам это сделать, но нет времени уже, через три часа он уезжает из Алма-Аты.

— А как звали его? — спросил Калеке.— Я, возможно, тоже знаю его.

— Кажется, Ваном.

— А-а. Ясно. Это был Ван Ремортел Майкл. Ты права, он действительно необычный турист. Важная персона. Окончил факультет международных отношений Чикагского университета. Зная русский, он, конечно, мог

бы сказать прямо, что в гиде ие нуждается, но предпочел скрыть это от нас с вами. Зачем и почему, иепоиятио. Техничка Валя говорила, что Майкл беседовал с ней на русском языке, расспрашивал, сколько получает, какая у нее семья и хватает ли им денег, которые зарабатывают она и муж. Хвалился, что до этого побывал во многих странах мира...

Сауле и ее дядюшка Калеке немало удивились бы, если увидели бы, как в первое же утро Майкл, захваченный собственной программой, заранее разработанной для него усердными сотрудниками американской разведывательной службы, поднялся еще до восхода солнца, быстро оделся в простенький поношеииый костюм, наскоро позавтракал бутербродами, запил их водой и, ие сказав ни слова никому, быстрыми шагами вышел на улицу, сел в первое свободное такси и через 20 минут вышел у железнодорожного вокзала. Поднялся на виадук и, теперь уже не спеша, прошел по нему к северной стороне станции. Так он «прогулялся» несколько раз. Каждый раз время от времени приостанавливался и, рассматривая то восточную, то западную стороны станции, манипулировал при этом руками в карманах пиджака. Не трудно было догадаться, что Майкл фотографировал станцию, локомотивное и вагонное депо, склады и другие станционные сооружения. Затем вернулся к южной части виадука, сошел на перрои и, не задерживаясь, перешел несколько свободных путей, дошел до первого товарного поезда, пролез под вагоном на северную сторону этого поезда. Осмотрелся, расстегнул все пуговицы пиджака и тут же направился вдоль поезда, останавливаясь почти у каждого крытого вагона, посматривая одновременно на висевший у него на груди какой-то аппарат. Пройдя до конца состава, повернул обратно и стал делать остановки у крытых вагонов соседнего товарного поезда. В этот момент его заметили рабочие.

Один из них — это был смазчик Дулат Куанов — подошел к Майклу. Позже он рассказал сотруднику КГБ, что незнакомец выдал себя за «недавно приехавшего на жительство в Алма-Ату» и свое нахождение на путях станции объяснил поиском вагона с домашними вещами. А когда Куанов указал ему на нарушение правил, запрещающих посторонним хождение по станционным путям, Майкл безоговорочно ушел на перрои. Потом вошел в здание вокзала и долго стоял у доски с расписанием движения пассажирских поездов, записывая что-то в блокнот. Остаток дня провел на перроне и в привокзальном сквере. Как только прибывал пассажирский поезд, Майкл проходил на перрон, усаживался на одну из скамеек, что стоят на центральной дорожке, и при появлении на перроне военнослужащего — рядовой ли это был или офицер — поворачивался лицом к нему и всовывал руки в карманы пиджака. А когда тот проходил мимо, Майкл усаживался обратно на скамейку.

Так он поступал много раз, а к вечеру направился в вокзальный ресторан. Задержавшись на короткое время у входа в зал, внимательно осмотрел его, как бы отыскивая знакомое лицо, заметил двух парней, оживленно разговаривавших, прошел к занятому ими столу и, не спрашивая разрешения, уселся на свободный стул. Тут же заговорил с ними и подошедшим к нему официантом. Заказал обед. Пока официант накрывал стол для него, он беззаботно болтал о том, что приехал в Алма-Ату в отпуск к родным и что проживает в Прибалтике. За обедом настойчиво угощал новых знакомых коньяком. В завязавшемся разговоре Майкл узнал, что его собеседники родом из пограничного района и сейчас проживают там, работают в колхозе. Это, видимо, оказалось как раз тем, что ему нужно было, и Майкл, что называется, уцепился за парней, стал навязываться к ним в гости. Потом Майкл, как бы отказываясь от поездки с ними, хотя они и не приглашали его, заметил, что-де это, наверное, далеко и он все равно не

смог бы поехать. Но на этот раз уловка его не увенчалась успехом. Парии ие назвали расстояиия до их села от Алма-Аты. Но Майкл не унимался. Он налил еще коньяку и тут же завел разговор о спутниках, космических кораблях и полетах иа Луиу, Веиеру, Марс. Красочно расписывая каждый полет людей, автоматических станций, он не раз заговаривал о пунктах их запуска иа Земле: в США, в Советском Союзе,— пытаясь этим путем узнать, где иаходятся и как иазываются соответствующие районы Советского Союза. Его же собеседники были не сведущими в этих вопросах и только удивлялись его позианиям. Потратив на разговор об этом более часу, Майкл иичего ие узнал. Однако его необычиая заинтересованность насторожила парней. Он же поначалу ие заметил этого изменения в их отиошеиии к себе и продолжал «наступательную» тактику. В частности, пытался узнать, миого ли в Алма-Ате и области проживает казахов, людей других иациональиостей. Но парни, рассчитавшись с официантом, простились с Майклом холодно и ушли; не задерживаясь, прошли к троллейбусу и через час зашли в приемную Комитета государственной безопасности...

...Амиржан, давно прекративший бренчать иа домбре, встал, повесил ииструмент иа место, озабочеино проговорил:

— И что им тут иадо, что выиюхивают?

— Дорогой мой друг,— заговорил Калеке,— такие люди ие ради смены впечатлеиий приезжают к нам из-за океана. Каждый шаг по советской земле, встречу с советским человеком эти господа используют в своих грязных целях. Приходилось мне, и не раз, видеть в Алма-Ате людей, подобных Майклу. А недавио в нашей гостинице остаиавливались на несколько дней «святые» отцы, обрядившиеся в туристские шубы. Тут, как говорится, остается только руками развести. Один из них, по имеии Кран, назвался жителем США, а второй, Лореиц — Канады. Было видио, что оба они люди одиой веры и не рядовые, а крупиые деятели своего религиозиого течеиия. О совместиой поездке к иам, они, как видно, договорились еще у себя дома, подтверждением этого вывода было их поведеиие — поведение старых друзей. Известиые верующим христиаиам меиионитского толка...

— А что это такое «меиионитский толк»? — спросила Макура. Калеке собрался было объяснить значеиие этих слов, но его прервали возгласы Сауле.

— Мы сейчас посмотрим, что это такое! — проговорила она и быстро вышла в другую комиату. Тут же вернулась с киигой «Спутиик атеиста». Нашла иужиый раздел и стала читать про себя.

— Иными словами,— начала оиа задумчиво спустя две — три минуты,— чтобы не отиимать у вас время, скажу в общем, что меннониты — это одио из течений христианства, общины которого в свое время существовали среди немцев-колонистов на Украиие и Поволжье. Далее здесь сказано, что большая часть руководителей этой секты враждебио встретила Октябрьскую революцию, открыто встала на сторою контрреволюции и интервенции.

— Ясно, ясио,— заговорили все, и Сауле закрыла киигу.

— Удивительно, как ловко такие волки в овечьей шкуре «перестраиваются», приспосабливаются к иовой обстаиовке,— продолжал между тем Калеке, отпивая из пиалы иебольшими глотками горячий чай с каймаком.—И у этих «божьих угодиików» тоже имелись фотоаппараты и все другое сиаряжение, которое они, иадо думать, использовали отиюдь не для того, чтобы запечатлеть иаши достижения, а выискивали, так сказать, «темные кадры». Однажды, производя уборку в одном из номеров, где жил уехавший утром иностранец, горничиая подняла валявшийся в ванной

комнате кусок фотопленки, которую она передала в «Интурист». Потом Жапар Сауранбаевич рассказывал, что просмотрел эту пленку на свет и на одном из кадров увидел угол многоэтажного здания, а рядом четко виден еще не снесенный ветхий домишко. И он, этот старый дом, смотрится как центральная часть снимка, а рядом с ним видна громадная куча строительного мусора...

Допив остаток чая, Калеке подал кесешку Сауле и попросил ее налить еще...

Чем же занимались в Алма-Ате Лоренц и Кран? Зачем им нужны были многочисленные фото- и киноаппараты, сзади и спереди висевшие на их солидных фигурах?

...Не теряя времени, спустя несколько минут после того как зашли в гостиницу, они вышли из нее. Воровато оглядевшись, Кран и Лоренц прошли к стоянке такси, быстро уселись в свободную машину, оба на заднее сиденье, и шофер запустил мотор. Сначала покатили в Октябрьский район города, к молитвенному дому баптистов. Зашли и уселись на свободную скамейку. Терпеливо ожидая конца моления, визуально изучали верующих. Проповедник оказался сообразительным, заметив в прибывших не «своих братьев», свернул проповедь и обратился к ним с вопросом, кто они и откуда? А когда узнал, то пригласил в отдельную комнату для разговора. «А то тут, в зале, много зевак». Вскоре выяснилось, что гостей интересует пока что только один вопрос: есть ли в Алма-Ате община меннонитов? А когда проповедник объяснил им, что знает только несколько человек этой секты, которые бывают на моленьях в их баптистском доме, Кран и Лоренц пытались выяснить их фамилии и адреса, но не добились желаемого. Тогда Лоренц предложил Крану вернуться в гостиницу. Утром, отказавшись от переводчика «Интуриста», они выехали в другую молельню баптистов. Там повторили свои домогательства по части выявления меннонитов, потом стали предлагать верующим привезенную литературу, представляющую собой смесь откровенной антисоветчины с религиозным дурманом. В последующие дни своего пребывания в Алма-Ате они также использовали в своих целях малейший повод, будь то посещение ими молитвенных домов, прогулка по городу, отдых в холле или во дворе гостиницы. «Лжетуристы» жадно искали отрицательные факты во взаимоотношениях между русскими и казахами, людьми других национальностей, населяющих Казахстан; в поведении молодежи; искали, наконец, фактов, которые можно было бы истолковать как ущемление свободного отправления верующими религиозных обрядов.

Лоренц и Кран пытались осуществить заранее разработанную идею создания на территории нашей страны меннонитского «центра», хотя это являлось попыткой грубого вмешательства во внутренние дела Советского государства.

....После чая гости оставили семью ветерана войны Амиржана. В дом пришел покой. Легла спать и Сауле. А на рассвете...

За громадной стеклянной стеной, слегка помутневшей от частых весенних дождей, расстилалось пустынное в час раннего розового рассвета поле алма-атинского аэропорта. Сауле Баймуратова только что проехавшая по ночному городу, который так любила, сидела в низком дерматиновом кресле и напряженно смотрела на серые бетонные квадраты взлетного поля, на светлевшее небо.

Сауле вспоминала, как быстро неслась автомашина по ночным улицам, замирая перед красными, грозно горящими огнями светофоров, хотя кругом не было ни одной машины,

Свою работу в «Интуристе» она любила. И любила общаться ие столько с «толпами» туристов, сколько с так называемыми туристами-индивидуалистами: ее больше привлекали своеобразиые личности. И Сауле поиимала, что если она сама покажется им бесцветной, то оставит впечатлеиие, которое многло бы быть лучшим.

И она старалась...

Стекла стены аэровокзала стали совсем розовыми, окрасившись холодиоватым светом восходящего солнца. Легкий шелестящий щелчок внезапио прозвучал в воздухе, четкий мелодичиый голос сообщил по-казахски и по-русски о прибытии самолета из Москвы. Казахский текст Сауле прослушала, поскольку размышляла о своем, но пока все повторялось на русском языке, оиа встала и, стараясь ие торопиться, направилась вииз по широкой лестиице, которая теперь была заполнеиа миогочислеииым людом: начинался обычный рабочий день большого аэропорта.

Через полчаса рядом с Сауле твердым, грузным шагом шествовал высокий человек с мощным, тяжелым подбородком, в больших солнцезащитиых очках с квадратными темно-зелеными стеклами, в тесноватом, впрочем, изящно сшитом серо-жемчужном костюме. Уже позади были первые слова, которыми Сауле встретила путешественника:

— Уважаемый мистер Кóзел! «Интурист» рад приветствовать вас в столице Советского Казахстаиа. Пусть ваше путешествие, ваше знакомство с иашей республикой, с ее людьми будет приятным и запоминающимся!

Она теперь еле поспевала за быстрой и тяжеловесиой поступью мистера Джекоба Козела.

Из мимолетиого необязательиого разговора стало ясно, что пребывание мистера Джекоба рассчитано всего-иавсего иа иесколько дней. Сауле заметила уже в машине, что зарубежный путешественник рассматривает ее с какой-то профессиональиой пристальиостью, и его взгляды, слишком частые и долгие даже для странствующего иностраица, показались бы окоичательно бесцеремонными, если бы не темно-зеленые солнцезащитные стекла, скрадывавшие упорное изучеиие мистером Джекобом своей спутницы.

Впрочем, с не меньшей пристальностью мистер Джекоб вглядывался в то, что появлялось и исчезало за стеклами машины.

У дверей гостиницы Сауле сказала:

— Нам надо обговорить программу вашего пребывания в Алма-Ате. Прошу вас — как только сможете, спускайтесь вниз, я буду ждать вас в ресторанном зале.

— Конечно, конечно,— с внезапной предупредительностью проговорил мистер Козел, показавшийся виачале Сауле человеком далеко не разговорчивым.— Позавтракаем вместе.

Действительио, не прошло и двадцати минут, как в дверях ресторанного зала возникла могучая фигура мистера Козела. И сиова Сауле поразилась двойственному впечатлению: бравая подтянутость, энергичиая жесткость походки, четкая размеренность жестов почему-то все сильиее и сильиее вызывали чувство неприязненности.

За завтраком мистер Козел любезно сообщил Сауле, что он совершенио не владеет русским языком, что, впрочем, иикак не мешает ему ценить, как он выразился, «свободное, незапрограммированное общеиие со страиой».

— Вот вы говорите — «свободиое общение»,— задумчиво заметила Сауле, отчасти поставлеииая в тупик страиным заявлением иностранного путешествеииика.— А каковы результаты этого общеиия?

— Результаты? О каких результатах может идти речь? Я приезжаю

в малознакомую страну вовсе не с целью что-либо изучать, исследовать. На склоне лет мне бы просто хотелось познакомиться воочию с тем, что раньше мне не доводилось видеть и наблюдать. Хочется почувствовать жизнь совершенно незнакомую, неиспытанную, почувствовать что-то такое, о чем никогда не догадывался. Это чувство неизвестности — не знаю, знакомо ли оно вам, чувство неизведанности, к которой необходимо прикоснуться... Тем более — очень хочется прикоснуться к тому, чего не коснулась цивилизация...

— В вашем высказывании есть определенная недоговоренность, уважаемый мистер Джскоб,— сказала Сауле, все еще скованная тяжестью пристального взгляда туриста, но чувствующая и необходимость высказаться.— Короче говоря, вы прибыли в Советскую Азию, в Казахстан, как на землю, еще не цивилизованную. Мне не впервые приходится сталкиваться с подобной точкой зрения, как не впервые приходится сожалеть о том, что ваша пропаганда, ваши институты, неоднократно сами обещавшие честно и толково знакомить со всем тем, что есть и существует в Советском Союзе, по непонятным причинам не замечают...

— Позвольте прервать вас, очаровательная мисс Сауле,— хладнокровно возразил мистер Козел.— Ваши многочисленные подозрения вовсе не столь сильно усугубляют вину западной цивилизации, как вам кажется. Но как избавиться от непонимания, как преодолеть его — вот в чем вопрос! Именно непонимание одного человека другим, одного государства — другим, одной цивилизации — другой кажется мне страшным грехом. Достоинства вашей цивилизации... Впрочем, я не совсем убежден, что она вполне может сравняться с западной.

— Ах, вот как!— рассердилась Сауле.— Вы все время подходите к советской культуре, как к чему-то несовершенному, несвершившемуся, более того, иной раз, как к ребенку, которого непозволительные шалости завели чересчур далеко, но которого еще можно исправить поучениями.

— Вы не совсем правы,— еле-еле успел вставить мистер Козел,— кому же не известно, что в прошлом...

— Вот-вот. Вы отчасти готовы признать в советской культуре определенную преемственность от великой русской культуры... Но опять-таки предпочитаете создавать миф об отклонениях. О нежелательных отклонениях.

Мистер Козел сделал протестующее движение, но ничего не сказал. Сауле продолжала:

— К тому, что создано Советской страной, необходимо подходить с той же степенью осторожности, почтительной внимательности и терпеливо-решительного созерцания, с которыми мы обращаемся, например, с самыми древними культурами... Современная культура, творимая в нашей стране, не менее возвышенна и велика, имеет не меньшее значение для будущих судеб человечества, чем в свое время культура и духовная интенсивность античного Египта или Древней Греции...

— Вы прекрасный и очаровательный пропагандист, дорогая мисс Сауле,— сказал мистер Козел, еле заметным кивком головы благодаря за неожиданную лекцию при утренней трапезе.

Но Сауле не собиралась успокаиваться:

— Новая ошибка, по своему статусу ничуть не отличающаяся от прежней! Мы объясняем, а вам кажется, что мы пытаемся вас переубедить, мы сообщаем, а вам кажется, что мы нарочно подбираем информацию.

— Русская культура, может быть, и имеет некие точки соприкосновения с тем, что вы говорите, но, скажем, казахская культура совершенно неизвестна на Западе.

— Вот результат неосведомленности. Казахская культура прекрасна. И миру рано или поздно станет ясно, как она прекрасна, самобытна. У русской культуры есть замечательная черта: полное отсутствие региональной замкнутости, полная открытость и стремление вобрать в себя и подарить миру многое, что оставалось неизвестным долгие годы. Есть у меня подруга — русская поэтесса. Она, например, заинтересовалась судьбой и стихами Махамбета...

— Одну минуточку, одну минуточку, дорогая мисс Сауле,— спохватился мистер Козел и достал из внутреннего кармана пиджака небольшую записную книжку в красно-коричневом переплете с тисненой головой совы — символом мудрости. Незнакомое имя было аккуратно вписано в записную книжку, на отдельной чистой странице.

— Итак, Махамбет... Представьте себе серебристую степь с весенними алыми брызгами тюльпанов, с белыми войлочными шлемообразными буграми казахских юрт, представьте себе бесчисленные конские табуны, жизнь под солнцем и звездами... И восстание, потому что жил в казахской степи человек, чья свободолюбивая душа сопротивлялась средневековым заветам. Судьба Махамбета Утемисова не менее поразительна, чем судьба Франсуа Вийона. Бунтарь, человек необычайно острого зрения, духовной несгибаемости, героического склада души!..

— Вы напоминаете мне, мисс Сауле,— с нескрываемым скептицизмом заметил мистер Козел,— некоторых наших поклонников Востока. Они призывают заменить европоцентризм поклонением всему азиатскому. Это стало чрезвычайно модно, и вороватые бронзовые истуканы, изображающие Будду, тайком вывезенные из Лаоса, Камбоджи, Непала, переполняют домашние хранилища наших миллионеров и миллиардеров.

Сауле расценила это замечание, как нежелание дальше разговаривать, и сухо произнесла:

— Впрочем, нам пора обговорить программу вашего пребывания в Алма-Ате...

Но здесь в голосе мистера Джекоба появились также и сухость, и торжественность:

— Очаровательная мисс Сауле! Только моя любознательность, которую, к сожалению, ограничивает и сдерживает мое пошатнувшееся здоровье, заставила меня предпринять путешествие, путешествие в страну, столь отдаленную от Америки. Однако далекое странствование не прошло для меня бесследно: мои силы нуждаются в восстановлении. Полагаю необходимым на некоторое время отложить наше дальнейшее общение, пока вы свободны. Кроме того, я предпочитаю — по крайней мере вначале — самостоятельное знакомство с новым городом. Я могу обойти несколько близлежащих улиц, не рискуя попасть в затруднительное положение. Позвольте мне откланяться, позвольте мне также дать вам знать, когда мне понадобится ваша помощь...

Когда Сауле осталась одна, она слегка растерялась. Не часто ей приходилось попадать в такое положение, когда отказывались от ее помощи в познании Алма-Аты, Казахстана. Наоборот, в большинстве своем туристы отличались особой страстью к разговорам, досконально выпытывали разнообразные мелочи и были рады любой возможности расширить круг сведений о стране, куда занесла их беспокойная судьба.

Сауле раздумывала.

Время близилось к двенадцати часам, когда она решила рассказать о странном путешественнике управляющему «Интуристом».

— Жапар Сауранбаевич, не понравился мне этот самый господин Козел.

Жапар Сауранбаевич Тналин слушал ее, приглаживая волосы смуглой рукой, на которой замерцал циферблат часов «Командирские» с монументальной фигурой воина-освободителя, навечно опустившего меч и поднявшего спасенного ребенка.

— Не нравится,— с еле приметной лукавинкой переспросил он,— говоришь? А если разобраться?

— Да не в чем разбираться!— с отчаянием выпалила Сауле.— Отказался от гида, так я его сначала пожалела,— и неожиданно для себя Сауле продолжила:— Мне кажется, что он скрывает знание русского языка!

— Вот как!— только и сказал Жапар Сауранбаевич.

— Вы мне не верите,— смутилась Сауле,— но знания языка не скроешь, разумеется, если к тебе внимательно присматриваются. Например, я заметила, что господин Козел слышит не только то, что я ему говорю по-английски, но и то, что говорят по-русски окружающие... Это как-то так передалось, потому что он пристально меня разглядывал, а я решила разглядывать его. Потом: туристы, когда с ними разговариваешь по-английски, никогда не могут забыть, что с ними разговаривает гид, переводчик, и внутренне они напряжены, потому что считают, что для переводчика — это не родной язык. И насколько спокойнее те, кто владеет и русским языком: они убеждены, что если не поймут на английском или, скажем, на французском, всегда могут спросить по-русски... Так что же делать?—спросила Сауле.— Он необычен, этот странный путешественник. Может быть, снова предложить ему свою помощь, я не успела даже рассказать о программе, которую приготовила для него.

— А ведь твоего..,— Тналин на мгновенье замолк, подыскивая слова,— ...«подопечного», твоего нового знакомого нет в гостинице!

Сауле в изумлении поднялась с кресла.

— Представь себе! После того, как вы расстались в зале ресторана и ты раздумывала, что же тебе не понравилось в новом путешественнике, господин Козел мгновенно переоделся и незаметно выскользнул из гостиницы. Кстати, он прошел как раз мимо тебя, когда ты сидела на скамейке в сквере перед гостиницей, но ты его, разумеется, не узнала.

— Куда же он направился? Что он собирается делать в Алма-Ате?

— Это все станет известно. Придется подождать, пока мистер турист даст знать, что ему понадобилась твоя помощь...

Как ни была готова Сауле к любому поведению господина Джекоба Кóзела, но то, чем занялся этот «любитель одиночества», выглядевший в гостинице подчеркнуто утомленным и обретший внезапную бодрость после того, как он переоделся в заранее заготовленную будничную одежду, благодаря чему неразличимо слился с толпой, оживленно кипевшей на центральных улицах города,— изумило бы ее чрезвычайно.

К концу шел апрель, настоящий месяц чистой весны, когда от позднего снега затяжной зимы не осталось и следа, но далеко до жаркого, знойно-стеклянного воздуха июня. То на одном, то на другом здании начинали празднично сиять лозунги. И никому, казалось, не было дела до рослого человека с твердой походкой, цепкими, настороженными глазами, все выискивавшими что-то, все высматривавшими. А человек этот с уверенностью старожила сновал по улицам, быстро переходя мостовую, стремясь оглядеть в попутном стекле витрины все пространство за собой, и удовлетворенно хмыкал, не замечая наблюдения.

Он побывал и на базаре, где внимательно рассматривал тех, кто мог бы разговориться и многое рассказать как бы против своей воли; он долго расхаживал по виадуку над железнодорожными путями, и в его мозгу с

фотографической точностью и стереоскопической четкостью отпечатался рельеф местности, поблескивающие нитки стальных рельсов с поперечными черточками шпал, зернистое мерцание еще не везде высохшей песчаной насыпи, подступающие к ней пока еще обнаженные, по-весеннему резко черневшие деревья.

А вечером мистер Джекоб направился к молитвенному дому баптистов-раскольников, направился, никого не расспрашивая о дороге, так, будто бы он шел путем, известным ему много лет.

Подойдя на окраине Алма-Аты к массивному двухэтажному кирпичному дому, который был наглухо отгорожен от мира высоким, в два человеческих роста, деревянным забором, мистер Джекоб нащупал в углублении косяка калитки еле приметную кнопку электрического звонка.

Прошло несколько минут.

Над темным пространством за забором всплеснулся световой отблеск, послышались неторопливые, грузные шаги. Тяжелая калитка из сплошных досок медленно отошла назад, и свет залил стоявшего за ней приземистого пожилого крепыша с чуть вздернутым красноватым носом, белесыми бровями, с густыми, намасленными волосами, разделенными прямой полоской пробора. На плечи был наброшен короткий черный овчинный полушубок. Ни о чем не спрашивая, открывший калитку молча смотрел на пришельца.

— Я приехал из Америки,— на чистом русском языке требовательно и чуть надменно сказал мистер Джекоб,— просил бы вашего разрешения присутствовать на молитве, которая возносится господу в вашем благословенном храме.

Мужчина посторонился, мистер Джекоб решительно шагнул на кирпичную дорожку, ведущую к дому. Через несколько мгновений руководитель общины представлял заокеанского гостя. В большой комнате, почти не освещенной, было сумрачно и невесело. Некоторые лица поражали своей озлобленностью, отрешенностью от всего земного, телесного, радостного. Но были и иные лица, охваченные тоской и надеждой избыть свое горе в молитвенном обращении к богу.

— Братья! — начал свою проповедь приезжий.— Путь мой в вашу страну, в сей дом, где день за днем возносятся жаркие молитвы богу, был нелегким и неблизким. Но нет расстояния, которое могло бы действительно разделить истинных братьев, а таковыми являются все, кто признает над собой власть духа и слова господня...

Речь Джекоба была именно речью, а не проповедью пастыря. В ней не было ничего истинно религиозного, зато она имела ярко выраженную антисоветскую направленность и вышла далеко за пределы дел церкви. Джекоб сеял мысли о том, что верующие, слушающие его «проповедь», якобы вынашивают «помыслы о спасении от насилия», выступающего перед ними под разного рода личинами, что они, верующие, «потрясены многими несправедливостями, зависимы от властей и не свободны в изъявлении своих религиозных чувств». Затем последовали призывы к действиям, пересыпанные такими изречениями, как «вера без дел мертва», «пора расстаться с мыслью, что служить господу можно только на коленях», «какими делами доказываете свою причастность к божественному учению» и т. д. и т. п.

А когда после «проповеди» несколько человек подошли к мистеру Джекобу за разъяснениями, отвечать конкретно зарубежный проповедник отказался, сославшись на то, что только обстановка может подсказать, какие необходимы дела, чтобы угодить господу богу. Прощаясь, мистер Джекоб сказал:

— Я принес с собой книги, потому что там, в Америке, известно, что ваши религиозные общины испытывают большие затруднения не только с приобретением непосредственно слова божьего, но и слова, разъясняющего заповеди господни, толкующего священное писание.

Пока посетители молитвенного дома рассматривали и разбирали привезенную литературу, мистер Джекоб расспрашивал руководителя общины, того самого пожилого крепыша с белесыми бровями и маленькими голубовато-выцветшими глазками, о настроении верующих, о том, какие меры принимаются для того, чтобы приобщить к служению богу новых прихожан, какие «притеснения» терпят верующие от местных властей.

Возвращаясь в гостиницу, мистер Джекоб настороженно прислушивался, не обнаружит ли себя нечаянно кто-нибудь следящий за ним; но только тишина весеннего вечера окружала его, пока он не выбрался на оживленную автостраду. Его подхватило одинокое такси, дружелюбно мигавшее зеленым огоньком и сердито засветившее красную лампочку, когда глухо застучал включенный счетчик. «Не все прихожане,— подумал про себя мистер Джекоб,— горячо заинтересовались заграничной литературой... Но ничего!.. Я оставил все, что привез: постепенно разберут — помогут у иных — неприязнь к советскому строю, у иных любопытство!» И вспоминал наставления, выслушанные за несколько недель до этого от редактора религиозного журнала, а затем сотрудника специальной службы, справедливо рассчитывавших на то, что он только называется «воином божественного промысла», а на самом деле будет действовать в качестве заправского идеологического диверсанта: «Раздавайте побольше литературы. Вы покинете страну, а то, что раздали — останется, это — мина замедленного действия, эти книги составляются большими мастерами пропаганды. И чем больше книг вы раздадите, тем меньше сторонников и помощников будет у Советской власти. Туристическая поездка—легальный канал для нелегальной обработки советского населения в необходимом нам направлении. Стремитесь своей деятельностью оборвать все связи с действительностью у тех, к кому вы обращаетесь; стремитесь к тому, чтобы человек общался с миром только через религиозные каналы. Пользуясь именем и авторитетом господа, можно принудить ко всему фанатически настроеиных людей. Этот фанатизм необходимо всемерно усиливать, тогда мы своевременно получим политическую информацию, получим точные сведения о том, о чем не любят сообщать во всеуслышанье советские власти. Эти «сопротивленцы» — потенциальный арсенал информаторов, а, может быть, они впоследствии смогут пригодиться для чего-то большего. Мы верим в ваши способности, верим в ваше знание характера человека, надеемся, что наше задание вы выполните образцово!»

Но вскоре по прибытии мистера Джекоба в Алма-Ату стало совершенно ясно, что надежды, возлагавшиеся специальными службами на религиозно настроенных «сопротивленцев», как и вера мистера Кóзела в то, что все, что он делал, неизвестно компетентным советским органам, оказались несостоятельными.

...В кабинете Жапара Сауранбаевича сидел молодой мужчина с изможденным лицом, покрытым немногочисленными, но резкими, глубокими морщинами. С усилием подыскивая слова, он объяснял, изредка разглаживая на коленях тонкую брошюру, и тогда осторожно, вкрадчиво похрустывала глянцевая бумага.

— Он пришел к нам... Так сказали — из Америки он. Только зачем же в нашу-то жизнь вмешиваться? Конечно, скажем, мне вот тяжело стало, сочувствия человеческого искал, чтобы как раз к работе возвратиться, а то после смерти жены и пить стал, и ребенка забросил, думал, может, к на-

стоящему-то делу через молитву, через заступничество бога возвращусь. А этот — вон как поворачивает... Жизни-то, мол, здесь на земле нет... Есть только загробная жизнь... Нет, эта книга мне не нужна, я возвращаю ее, пусть забирает. И поговорить с ним хочу, там, в общине не дали поговорить, оттеснили, да и торопился он, а мне трудиться честно хочется и жить честно и счастливо. Пакостник он лицемерный, вот кто такой! — с жаром закончил посетитель.

Жапар Сауранбаевич серьезно, не обращая внимания на оглушительно-звонкую россыпь телефонного аппарата, вслушивался в каждое слово посетителя, приглаживая рукой волосы над крупным литым лбом.

После ухода посетителя, оставившего на столе глянцевую брошюру, он медленно, но решительно набрал номер телефона:

— Как поступим с «проповедником»?

— О нем мы знаем все,— донеслось из телефонной трубки,— энергичный оказался этот, с позволения сказать, турист. Учитывая то, что его действия, согласно нашим законам, уголовно наказуемы, мы не можем допустить его дальнейшей поездки по стране — посещения Ташкента, Тбилиси, Москвы и Ленинграда. Целесообразно выдворить его и немедленно.

— О, мисс Сауле! — восторженно воскликнул мистер Джекоб, дружелюбно снимая очки и отводя руку с ними чуть назад.— Я как раз намеревался разыскивать вас: возможно, завтра мы с вами сумеем осуществить часть программы, которую вы столь любезно пытались обрисовать мне вчера. А вы — позвольте спросить — куда направляетесь?

— Я разыскиваю вас,— смотря прямо в незащищенные темно-зелеными стеклами глаза мистера Ко́зела, ответила Сауле.— Вам звонили в номер, но вас там не оказалось, поэтому я пришла в ресторанный зал.

— А что случилось? — спросил мистер Джекоб, вновь возвращая на место темные очки.

— Вас хочет видеть управляющий «Интуристом».

Жапар Сауранбаевич подождал, пока вошедший с ним поздоровался, затем сухо ответил и встал, чтобы не приглашать мистера Джекоба садиться:

— Господин Джекоб Ко́зел, подданный Соединенных Штатов Америки, вы — в нарушение обязательств, подписанных вами при въезде в нашу страну, занимались противозаконной деятельностью. Вы, кстати, в таможенной декларации указали, что вы не ввозите в СССР запрещенную литературу, но все это оказалось обманом.

— Я заявляю протест,— быстро и зло сказал мистер Джекоб, сильно покраснев.

— Нет, это не вы заявляете протест,— а советские граждане, возмущенные вашим недружелюбным отношением к стране, отнесшейся к вам, как к гостю, протестуют против вашего дальнейшего пребывания на советской земле,— четко возразил Жапар Сауранбаевич.— Мы прерываем ваше путешествие и предлагаем вам покинуть Советский Союз в течение 48 часов.

На рассвете следующего дня машина, в которой на переднем сиденье всматривалась в пустынные улицы родного города Сауле Баймуратова, а на заднем — молча застыл изгоняемый из нашей страны мистер Джекоб, быстро неслась по направлению к аэродрому.

Летное поле было накрыто легким, начинающим рассеиваться туманом, из которого доносилась сложная смесь звуков, по которым можно было догадаться, что к полету готовят большой самолет. И эти сочно вплывавшие в сознание звуки вызывали наслаждение, готови-

ли к тому, чтобы новый трудовой день Сауле прошел весело, спокойно и хорошо.

Объявили посадку. Мистер Ко́зел, не прощаясь, двинулся к трапу. Сауле окликнула отбывающего путешественника.

Она произнесла по-русски, негромко, но внятно:

— Одну минуточку, мистер Джекоб,— тот остановился, пристально и недобро уставившись на нее.

— Меня попросили возвратить вам ваш тайный подарок!

Мистер Ко́зел судорожно стиснул в руке глянцевую брошюру, поискал глазами урну, но не было на летнем поле урны, и он, отвернувшись от Сауле, твердо зашагал к трапу с белым глянцевым комком в кулаке.

Сауле больше не стала смотреть ни на мистера, размеренно поднимавшегося по слегка раскачивающемуся трапу, ни на самолет, весело засиявший от взошедшего солнца.

Последние волокна апрельского тумана растаяли в уже нагревшемся воздухе. Мир загорелся всеми красками, и столько было в нем праздничности, драгоценного, ненарочитого сверкания, что теперь каждое новое цветовое впечатление вызывало столь же сильное волнение, как совсем недавно доносившиеся с летнего поля звуки. И Сауле казалось, что вместе с ней на все это: на серые шершавые плиты бетонного поля, на розовые вершины отдаленных гор, на белый блеск яблоневых деревьев, на голубое пространство неба — смотрит некий замечательный художник, и вскоре она обязательно снова увидит эту картину, в которой нет и не может быть места насилию, злу и обману.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3

А. ТЛЕУЛИЕВ
Ответный удар 4

С. ШАКИБАЕВ
Чрезвычайная комиссия 35

В. ГРИГОРЬЕВ
Трудный узел 60

Н. ЕГОРОВ
Фальшивый бриллиант 88

Р. НУРАЛИЕВ
Возмездие 119

Б. БАЙЖИГИТОВ, Б. ШТОПОРЕНКО
Отпрыск философа 131

Г. РАБОТНЕВ
Девятнадцать лет и две жизни 142

Н. МИЛОВАНОВ
У бирюзового озера 153

К. ТОКАЕВ
Меченое золото 195

Н. НЕЛИДОВ
Покончено бесповоротно 238

К. БАЙМУКАНОВ
Ненадежные «гости» 254

НЕ ЖАЛЕЯ ЖИЗНИ

(составитель Н. И. Милованов)

Редактор *К Н Максимович.* Художник *Р А. Юлдашев.*
Худож. редактор *Д. А. Безруков.* Техн. редактор *Л. И. Шашкова.*
Корректоры *В. Д. Федорова, Т. В. Сергеенко.*

ИБ № 610

Сдано в набор 30/VI 1977 г. Подписано к печати 15/IX 1977 г. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. п. л. 16,75. Уч.-изд. л. 22,2. Бумага № 2. УГ13820. Тираж 200 000 экз. (4-й завод 150 001—200 000 экз.). Цена 75 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан», г. Алма-Ата, ул. Советская, 50.

Заказ № 1536. Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Совета Министров Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КАЗАХСТАН»